Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Плотников Илья Михайлович

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8 – «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)»

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Кошкарева Н. Б.

Новосибирск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ, СЕМАНТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМАТИКИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ17

1.1. Структурно-семантические единицы синтаксиса 17

1.1.1. Основные подходы к моделированию предложения в рамках структурной лингвистики 17

1.1.1.1. Психологическая трактовка предложения в трудах младограмматиков 18

1.1.1.2. Понятие синтагмы в концепции Ф. де Соссюра 19

1.1.1.3. Актуализация языковых единиц в трудах представителей Женевской лингвистической школы 21

1.1.1.4. Предложение как реализация языкового шаблона и его парадигматика в концепции Пражского лингвистического кружка 23

1.1.1.5. Представление о вариантах и инвариантах в глоссематике 25

1.1.1.6. Дистрибутивные и трансформационные подходы к предложению в американском дескриптивизме 26

1.1.1.7. Репрезентация многоаспектного устройства предложения в структурном синтаксисе Л. Теньера 31

1.1.2. Метод моделирования структуры и семантики синтаксических структур в отечественном языкознании 34

1.1.2.1. Основы метода моделирования синтаксических структур 34

1.1.2.2. Понятие пропозиции 37

1.1.2.3. Понятие типовой синтаксической структуры 39

1.2. Моделирование коммуникативной вариативности структурно-семантических единиц синтаксиса 42

1.2.1. Основные подходы к описанию коммуникативного устройства синтаксических единиц 43

1.2.1.1. Формирование теории актуального членения 43

1.2.1.2. Теория актуального членения в отечественном языкознании 45

1.2.1.3. Теория информационной структуры 49

1.2.2. Единицы коммуникативного синтаксиса и их отношение к структурно-семантическим единицам 54

1.2.2.1. Речевые и языковые единицы коммуникативного синтаксиса 54

1.2.2.2. План содержания коммуникативных единиц 56

1.2.3. Моделирование плана содержания коммуникативной структуры 58

1.2.4. Моделирование плана выражения коммуникативной структуры 60

Выводы 63

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА 64

2.1. Материалы исследования 64

2.1.1. Состав анализируемого корпуса 65

2.1.2. Принципы формирования выборки 67

2.1.3. Обработка и форма представления материалов 68

2.2. Структура и типы пространственных ситуаций 69

2.2.1. Общее устройство пространственной ситуации 71

2.2.2. Динамика пространственной ситуации 74

2.2.3. Статические и динамические пространственные ситуации с точки зрения пропозиционального анализа 78

2.2.4. Каузация пространственной ситуации 85
2.2.5. Существование как компонент пространственной ситуации 87
2.2.6. Количественность в контексте пространственной ситуации 91
2.3. Типовые синтаксические структуры сургутского диалекта хантыйского языка с прототипической пространственной семантикой 95
2.3.1. Бытийно-пространственные предложения 99
2.3.2. Бытийно-пространственные ТСС 106
2.3.3. Конструктивные варианты бытийно-пространственных ТСС 110
2.3.3.1. Варианты, обусловленные стратегией маркирования объекта и локализатора 110
2.3.3.2. Залоговые варианты 115
2.3.3.2.1. Залоговые варианты бытийной ТСС 118
2.3.3.2.2. Залоговые варианты ТСС движения 120
2.3.3.2.3. Залоговые варианты ТСС перемещения 125
2.3.3.2.4. Другие случаи маркирования субъекта местным падежом 127
2.3.3.3. Варианты, обусловленные отсутствием эксплицитно выраженного предиката 128
2.3.4. Другие способы выражения пространственных значений 131
2.4. Локализатор как компонент бытийно-пространственных ТСС 134
2.4.1. Именные группы 136
2.4.1.1. Падежные именные группы 137
2.4.1.2. Послеложные именные группы 141
2.4.1.3. Именные группы с местоимением-существительным 147
2.4.2. Наречные группы 149
2.4.2.1. Статус превербов 149

2.4.2.2. Наречия 153

2.4.2.3. Местоимения-наречия 158

2.4.3. Совмещение именных и наречных групп 165

2.4.4. Расщепление локализатора 166

2.5. Предикат как компонент бытийно-пространственных ТСС 169

2.5.1. Предикаты бытийной ТСС 170

2.5.2. Предикаты ТСС движения 171

2.5.3. Предикаты ТСС перемещения 175

2.5.4. Эллипсис предиката 179

2.6. Непространственные значения, выражаемые средствами бытийно-пространственных ТСС 182

2.7. Типологическая характеристика структурно-семантических свойств бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка .. 192

Выводы 197

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРУКТУР СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА 199

3.1. Принципы анализа плана содержания коммуникативной структуры 199

3.1.1. Категории, задействованные при коммуникативном анализе 201

3.1.1.1. Известность 202

3.1.1.2. Активированность 205

3.1.2. Основные типы высказываний с точки зрения коммуникативного устройства 206

3.1.2.1. Общеинформативные высказывания 209

3.1.2.1.1. Высказывания с темой-локализатором 212

3.1.2.1.2. Высказывания с темой-субъектом 220

3.1.2.1.3. Высказывания с темой-объектом 223

3.1.2.1.4. Высказывания с многокомпонентной темой 223

3.1.2.1.5. Высказывания с нулевой темой 224

3.1.2.2. Частноинформативные высказывания 229

3.1.2.3. Общеверификативные высказывания 232

3.1.2.4. Частноверификативные высказывания 235

3.1.3. Экзистенциальный статус субъекта при коммуникативном варьировании бытийной ТСС 236

3.2. Порядок составляющих 242

3.2.1. Принципы анализа порядка составляющих 243

3.2.2. Порядок составляющих бытийно-пространственных ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка 245

3.2.2.1. Распределение порядка составляющих в трёхкомпонентных ТСС246

3.2.2.2. Распределение порядка составляющих в четырёхкомпонентных ТСС 249

3.2.2.3. Порядок составляющих с точки зрения коммуникативной парадигматики 251

3.2.3. Порядок составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка в генетической, ареальной и типологической перспективе 259

3.3. Фразовая интонация 261

3.3.1. Принципы анализа фразовой интонации 262

3.3.1.1. Устройство суперсегментного уровня языка 262

3.3.1.2. Понятие фразовой интонации 264

3.3.2. Фразовая интонация сургутского диалекта хантыйского языка 266

3.3.2.1. Основные интонационные конструкции сургутского диалекта хантыйского языка 267

3.3.2.2. Отношение между интонационной и коммуникативной структурами высказывания 270

3.3.2.3. Интонация отдельных типов высказываний 274

3.3.3. Фразовая интонация сургутского диалекта хантыйского языка в генетической, ареальной и типологической перспективе 276

3.4. Конструктивная вариативность синтаксической структуры 278

3.4.1. Варианты, обусловленные типом спряжения 279

3.4.2. Варианты, обусловленные стратегией маркирования локализатора и объекта 284

3.4.3. Варианты, обусловленные залогом 288

3.4.3.1. Стандартный пассив как вариант ТСС движения 289

3.4.3.2. Стандартный пассив как вариант ТСС перемещения 292

3.5. Способы выражения компонентов ТСС 300

3.5.1. Нулевая анафора как способ выражения компонентов ТСС 300

3.5.2. Способы выражения локализатора 301

3.5.3. Определители и служебные слова 305

3.5.4. Способы выражения негации 307

3.6. Система коммуникативных вариантов бытийно-пространственных ТСС 308

3.6.1. Бытийная ТСС 310

3.6.2. ТСС движения 314

3.6.3. ТСС перемещения 316

3.7. Типологическая характеристика коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка в свете коммуникативной парадигматики бытийно-пространственных ТСС 319

Выводы 326

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 327

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 331

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 335

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 358

ПРИЛОЖЕНИЯ 360

Приложение А. Метаданные анализируемых текстов 360

Приложение Б. Словоизменительные категории сургутского диалекта и принципы их отражения при глоссировании примеров и построении моделей 364

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена коммуникативному варьированию бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка. Этот идиом традиционно рассматривается как диалект, входящий в восточную группу диалектов хантыйского языка, который относится к финно-угорской ветви уральской языковой семьи. В последние годы получила распространение альтернативная точка зрения, согласно которой рассматриваемый идиом является языком, называемым *сургутско-хантыйским* или *сургутским* [Коряков, Давидюк, Харитонов, Евстигнеева, Сюрюн 2022: 74–75], что отражает его существенное отличие от других хантыйских идиомов, подтверждаемое, среди прочего, данными лексикостатистики [Федотова 2022]. В рамках настоящей работы употребляется, в соответствии с устоявшейся традицией, термин *сургутский диалект* (сокращенно – СДХЯ).

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. [1], 41663 человека, проживающих на территории Российской Федерации, считают себя представителями народа ханты, из которых 8664 (около 21 %) указали, что владеют хантыйским языком. О владении хантыйским языком заявил также ряд представителей народов, проживающих на смежных с хантами территориях (русские, коми, манси, ненцы). Суммарно на территории Российской Федерации по данным переписи насчитывается 9230 носителей хантыйского языка.

Сургутский диалект распространён среди ханты, проживающих на территории восточных районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского), а также смежных с ними рай-

[1] Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 08.09.2025).

онов Тюменской области и Ямало-Ненецкого автономного округа [Чепреги 2017: 16]. Определение количества носителей сургутского диалекта затруднено, так как в переписи не отражено распределение носителей хантыйского языка по диалектам. На основании данных, собранных в экспедициях А. С. Песиковой, количество носителей сургутского диалекта оценивается в 3000 человек [Чепреги 2017: 18], в то время как в базе данных проекта «Языки России» приводится оценка в 2000 человек [Коряков, Давидюк, Харитонов, Евстигнеева, Сюрюн 2022: 75]. Статус витальности сургутского диалекта оценивается как «локализованный», т. е. с сохранением межпоколенческой передачи в относительно небольшом ареале расселения носителей языка и наблюдаемой тенденцией к сокращению числа носителей [Там же].

Объектом исследования являются типовые синтаксические структуры (ТСС) сургутского диалекта хантыйского языка, относящиеся к бытийно-пространственному блоку (ТСС бытия, движения и перемещения).

Предметом исследования является коммуникативная вариативность рассматриваемых ТСС, т. е. принципы варьирования, обусловленные их функционированием в речи.

Актуальность работы обусловлена рассмотрением парадигматики синтаксических структур через призму коммуникативного синтаксиса – направления, сформировавшегося под влиянием функционального структурализма и получившего в последнее время широкое распространение в работах, касающихся множества аспектов языковых систем, ранее не становившихся объектом специального изучения (порядка составляющих, интонации, коммуникативных функций грамматических категорий и специальных частей речи). В этом контексте актуальной является разработка подходов, формирующих представление о коммуникативной парадигматике как единой комплексной системе, образуемой множеством взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов. Актуальность исследования также определяется статусом витальности рассматриваемого идиома, который обусловливает необходимость сбора и систематизации материалов, отражающих языковое и культурное богатство сургутских ханты.

Цель настоящего исследования заключается в системном представлении коммуникативного варьирования как одного из аспектов парадигматики бытийно-пространственных ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

1) охарактеризовать структурно-семантические свойства, определяющие место бытийно-пространственных ТСС в системе синтаксических единиц сургутского диалекта хантыйского языка;

2) рассмотреть специфику устройства бытийно-пространственных ТСС как способа выражения бытийно-пространственых значений в типологической перспективе;

3) определить набор формальных средств, задействованных в коммуникативном варьировании рассматриваемых ТСС, и характер их функционирования в отдельных типах их реализаций;

4) выделить коммуникативные варианты каждой ТСС и сопоставить устройство образуемых ими парадигм;

5) установить типологически значимые признаки коммуникативной парадигматики бытийно-пространственных ТСС как компонента коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка с учётом ареального и генетического контекста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Типовые синтаксические структуры бытия, движения и перемещения сургутского диалекта хантыйского языка образуют единый блок бытийно-пространственных типовых синтаксических структур, что обусловлено общностью их прототипической семантики (пространственная ситуация) и путей ее развития, а также наличием общего структурного компонента (локализатора) с рядом однотипных способов выражения. Различие между этим ТСС обеспечивается тремя компонентами: объектом, наличие которого является спецификой ТСС перемещения, локализатором, структурное и семантическое устройство которого обеспечивает противопоставление между реализациями ТСС со статической и ди-

намической семантикой, и предикатом, который выражается глаголами, в семантику которых включено представление о статичности / динамичности ситуации и о наличии / отсутствии внешнего воздействия на пространственную ситуацию (каузации).

2. Типологическая специфика устройства бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка с точки зрения выражения ими пространственной ситуации определяется рядом комплексных способов выражения локализатора, обеспечивающих его преимущественный вклад в представление о пространственной ситуации с точки зрения ее геометрической и динамической организации, что позволяет рассматривать хантыйский как язык сателлитного типа в классификации Л. Талми.

3. Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных ТСС обеспечивается использованием совокупности формальных средств, среди которых ключевая роль отводится варьированию порядка составляющих и фразовой интонации. Кроме того, в их варьировании неравномерно задействованы три типа конструктивных оппозиций (обусловленные залогом, типом спряжения и стратегией маркирования объекта и локализатора), наличие и конкретные механизмы реализации которых составляют характерную черту каждой ТСС или отдельных вариантов их реализации.

4. Типовые синтаксические структуры бытия, движения и перемещения характеризуются общей моделью коммуникативной вариативности, обусловленной как сходством их структуры и семантики, так и функционированием в них принципов варьирования, общих для всей коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Ядро коммуникативной парадигмы этих ТСС составляет ряд базовых коммуникативных вариантов с устойчивой линейно-интонационной структурой, обусловленной выбором одного из структурно-семантических компонентов ТСС в качестве ядерного компонента ремы. Для каждого базового варианта наблюдается ряд вторичных оппозиций, обусловленных варьированием порядка составляющих и употреблением конструктивных вариан-

тов, которые характеризуются факультативностью и структурно-семантической ограниченностью.

5. Выделены два типологически значимых признака, характеризующих коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка. Во-первых, потенциальная область ремы в высказывании может рассматриваться как ограниченная предикатом и предшествующим ему компонентом, между которыми допустимо появление одного компонента ограниченного типа (локализатора, выраженного наречной группой или личным местоимением). Допустимость помещения таких компонентов в позицию между рематическим компонентом и предикатом составляет специфику сургутского диалекта хантыйского языка на фоне других языков с ограниченной потенциальной областью ремы. Во-вторых, порядок составляющих сургутского диалекта хантыйского языка характеризуется ограниченной вариативностью, которая обеспечивает возможность применения стратегии передвижения рематических компонентов в предпредикатную позицию как основного средства выражения базовых коммуникативных оппозиций, но ограничивает размещение компонентов в позиции после предиката. Наличие этого ограничения отличает рассматриваемый диалект от языков со сходными стратегиями варьирования порядка составляющих, но большей его вариативностью. Рассмотрение коммуникативных систем других языков с учетом выделенных признаков показывает, что в сургутском диалекте хантыйского языка представлен устойчивый тип коммуникативной системы, широко распространенный среди типологически и генетически разнородных языков западносибирского ареала.

Новизна исследования заключается в том, что на материале рассматриваемого идиома впервые проводится анализ коммуникативного функционирования ТСС бытийно-пространственного блока, учитывающий широкую совокупность факторов, как общих для всей коммуникативной системы языка, так и отражающих коммуникативную специфику рассматриваемых ТСС. Проведен анализ структуры и семантики ТСС бытия, движения и перемещения, позволивший обосновать их выделение в единый блок бытийно-пространственных ТСС и определить границы реализации этих единиц. Установлена специфика употребления

рассматриваемых ТСС как средств выражения пространственных значений в типологической перспективе, обусловленная распределением компонентов пространственной семантики между локализатором и предикатом и способами кодирования этих компонентов, представленных в комплексной структуре локализатора. Выявлен круг формальных средств, задействованных в коммуникативном варьировании бытийно-пространственных ТСС, рассмотрены возможности варьирования этих средств, специфика их проявления в парадигме каждой ТСС и объем их коммуникативных функций. В результате этого анализа предложено описание коммуникативной вариативности каждой ТСС в виде коммуникативной парадигмы, рассмотрены наборы оппозиций, представленных в этих парадигмах, что позволило выявить общую модель линейно-интонационной вариативности рассматриваемых ТСС, и выделить частные черты каждой из парадигм. Проведен типологически ориентированный анализ коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка, который позволяет рассматривать её как репрезентирующую устойчивый тип коммуникативных систем, в разной степени представленный и в других языках Западной Сибири.

Теоретическая значимость работы заключается в формировании подхода, комбинирующего компоненты структурно-семантического и коммуникативного анализа, который позволяет описывать явления, находящиеся на стыке разных аспектов функционирования синтаксических единиц.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды исследователей, заложивших основы анализа предложения как единицы языка в рамках лингвистического структурализма (Ф. де Соссюр, А. Сеше, Ш. Балли, С. И. Карцевский, В. Скаличка, В. Матезиус, Л. Ельмслев, Л. Блумфилд, Л. Теньер) и развивавших заложенные ими подходы в рамках традиций структурного-семантического (Т. П. Ломтев, Н. Ю. Шведова, В. А. Белошапкова, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Шмелёва) и функционального синтаксиса (П. Адамец, И. И. Ковтунова, В. Г. Гак, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Т. Е. Янко, Я. Фирбас, Ф. Данеш, Т. Гивон, К. Ламбрехт, Р. Ван Валин). Кроме того, в качестве теоретической базы привлекаются работы исследователей, разраба-

тывающих различные аспекты морфологии и синтаксиса хантыйского языка (М. И. Черемисина, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар, И. А. Николаева, М. Чепреги, С. Соса) и способов выражения бытийно-пространственных значений (Л. Талми, И. А. Невская, В. В. Шилова, С. С. Буторин, А. Н. Чугунекова).

Материалом для исследования послужил корпус, состоящий преимущественно из фольклорных и художественных текстов на сургутском языке хантыйского языка, общий объем основных подкорпусов которого составляет 11646 высказываний. Основные выводы работы основаны на анализе выборки, содержащей 1640 реализаций бытийно-пространственных ТСС. Подробнее о составе корпуса и принципах формирования выборки см. раздел 2.1.

В работе используются общелингвистические **методы**, такие как наблюдение, систематизация и классификация, а также специфические методы, обусловленные поставленными задачами: метод моделирования, применяемый при выделении ТСС и анализе их коммуникативной вариативности, и метод выявления оппозиций, используемый для характеристики места определенных средств выражения коммуникативной вариативности в системе. Использованные в работе материалы обработаны с применением методов глоссирования и сегментации. При работе с носителями идиома использовались экспериментальные методы полевого исследования: анкетирование, элицитация, конструирование коммуникативной ситуации.

Апробация и публикация результатов. По результатам исследования опубликованы пять статей: три в изданиях, входящих в перечень ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, две – в изданиях, индексируемых международной базой данных Scopus, а также семь публикаций в материалах конференций. В ходе работы была также подготовлена и зарегистрирована база данных, приравниваемая к публикации ВАК.

Результаты исследования изложены в виде девяти докладов на международных и всероссийских конференциях: на Международной научной студенческой конференции (г. Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2021–2023 гг.), на международной конференции «Дульзоновские чтения»

(г. Томск, Томский государственный педагогический институт, 2023 г.), на Всероссийской конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2021–2023 гг.), на Конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2024 г.) и на Первом Евразийском конгрессе лингвистов (г. Москва, Институт языкознания, 2024 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка условных сокращений, литературы и источников, и двух приложений. В первой главе характеризуется типовая синтаксическая структура и её коммуникативная вариативность как объект и предмет исследования. Во второй главе рассматриваются структурное и семантическое устройство бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка: определяются их признаки и границы, анализируются способы выражения их компонентов и основные направления их семантического варьирования, дается общая типологическая характеристика способов выражения пространственных значений в рассматриваемом диалекте. В третей главе описывается коммуникативная вариативность выделенных ТСС: рассматриваются механизмы варьирования с точки зрения порядка составляющих, интонации и конструктивного устройства, на основе этого анализа конструируется система их коммуникативных вариантов, которая затем рассматривается в типологической перспективе.

Список литературы включает 257 единиц, в том числе 73 наименования на иностранных языках. В работе имеется 64 таблицы, 1 схема и 6 рисунков.

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ, СЕМАНТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМАТИКИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В данной главе рассматриваются подходы, лежащие в основе различных описаний синтаксических единиц. В первой части главы рассматриваются принципы моделирования предложения и ТСС как структурно-семантических единиц синтаксиса. Во второй части главы характеризуются методы описания их коммуникативной парадигматики.

1.1. Структурно-семантические единицы синтаксиса

В настоящем разделе рассматривается история формирования подходов к моделированию предложения как единицы синтаксиса в мировой структурной лингвистике (1.1.1) и основные принципы метода структурно-семантического анализа синтаксических единиц, сформировавшегося в отечественной лингвистике (1.1.2).

1.1.1. Основные подходы к моделированию предложения в рамках структурной лингвистики

Одним из основных понятий синтаксиса является предложение. Термин *предложение*, как и многие другие лингвистические термины, представляется интуитивно понятным и не требующим дальнейшего раскрытия. В результате он употребляется для обозначения ряда разнотипных и разноуровневых синтаксических единиц. Так как исчисление и описание этих единиц, а также анализ отношений между ними составляют главный предмет синтаксиса, то одной из первичных задач любой синтаксической теории является преодоление омонимичности этого термина.

Основные подходы к понятию предложения, на которые опирается данная работа, сформировались в рамках лингвистического структурализма, методологические установки которого сыграли существенную роль в разрешении центральных проблем синтаксиса и выработке новой терминологической системы, позволяющей описать многообразие синтаксических построений в виде закрытого списка языковых единиц. Такой подход обусловливает формирование целого ряда новых направлений исследования. Так, по мере приближения к адекватному описанию набора принадлежащих языку синтаксических структур возникла потребность в раскрытии механизмов, способствующих их варьированию, вследствие чего одной из ключевых задач синтаксиса стал анализ синтаксической парадигматики. Таким образом формируется синтаксическая парадигматика – раздел синтаксиса, описывающий образование и функционирование форм, принимаемых в речи синтаксическими структурами. Синтаксическая парадигматика неразрывно связана с самими варьирующими синтаксическими структурами, так как является способом их существования.

1.1.1.1. Психологическая трактовка предложения в трудах младограмматиков

Непосредственным предшественником структурной лингвистики, обусловившим круг решаемых ею задач, был младограмматизм.

В основе младограмматизма лежит представление о языке как об индивидуально-психологическом явлении. Объектом исследования объявляется «совокупность проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в их взаимодействии» [Пауль 1960: 46]. Несмотря на то, что основной целью младограмматиков является описание истории языка, практическое изучение языка сводится к изучению индивидуальных речевых процессов и индивидов, являющихся подлинными носителями исторического процесса [Там же: 49].

Фундаментальные взгляды младограмматиков на природу речи и предложения наиболее явно отражены в «Принципах истории языка» Г. Пауля. Г. Пауль видит в речи сочетание двух видов деятельности: мнемоническую репродукцию того, что было воспринято раньше, и комбинаторную деятельность, которая проявляется в формировании новых форм и сочетаний по аналогии с воспринятыми [Там же: 132]. Основой аналогии являются пропорции, которые формируются как следствие, с одной стороны, совпадения форм и, с другой стороны, сходства значений или близости функций [Там же: 129–131]. Для результатов комбинаторной деятельности не имеет значения, соответствуют ли они уже существующим или принятым в языке формам, правилам или конкретным образцам, так как речевая деятельность полностью зависит от ощущений индивида и происходит бессознательно [Там же: 131–132].

Соответственно, предложение определяется как символ «того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений», и средство «возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений» [Там же: 143]. Минимальное предложение есть соединение двух представлений – психологического подлежащего и психологического сказуемого, не совпадающих с их грамматическими аналогами – совокупности представлений, имеющихся в сознании говорящего, и совокупности присоединяющихся к ним представлений [Там же: 146–147].

Таким образом, в младограмматическом направлении преобладает представление о предложении как о единице, обусловленной конкретными психологическими явлениями.

1.1.1.2. Понятие синтагмы в концепции Ф. де Соссюра

Одной из черт, объединяющих различные направления структурализма, является обращение к принципам, заложенным в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра [Бенвенист 1974: 47]. Представители структурализма используют заданные Ф. де Соссюром теоретические и терминологические установки (в част-

ности, концепцию знаковой природы языка и дихотомию языка и речи). Рассматривая себя как прямых продолжателей идей Ф. де Соссюра, исследователи, тем не менее, переосмысляют эти идеи в рамках собственных концепций или вступают с ними в открытую полемику.

Ф. де Соссюр сформулировал несколько фундаментальных положений, которые в разных формах высказывались его предшественниками и, по выражению Л. Блумфилда, «витали в воздухе» [Bloomfield 1923: 318], но именно в его формулировке стали основой формирования современной лингвистики. Одним из таких положений была необходимость строгого разграничения языка (фр. *langue*) и речи (фр. *parole*). Язык понимается как совокупность «необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» [Соссюр 1977: 47]. Речь же является индивидуальным актом воли и разума, в котором говорящий использует комбинации кода языка для выражения своих мыслей. Именно язык является, по Ф. де Соссюру, объектом лингвистики [Там же: 58].

Вторым фундаментальным положением Ф. де Соссюра является понимание языка как знаковой системы. Языковые знаки образуются соединением смысла и акустического образа в психическом понимании, т. е. в той форме, в которой они представлены в сознании говорящего [Там же: 53]. Так как в качестве эталона описания языкового знака взяты слова, соединение смысла и акустического образа является только частным примером языкового знака. В более общем виде стороны языкового знака названы Ф. де Соссюром означаемым (фр. *signifié*) и означающим (фр. *signifiant*) [Там же: 100].

Синтаксический уровень представлен в концепции Ф. де Соссюра в виде последовательностей, образуемых в речи языковыми знаками, называемых *синтагмами*. Ф. де Соссюр предлагает две интерпретации статуса синтагм. С одной стороны, синтагмы рассматриваются как результат свободной комбинации языковых знаков, что является признаком речи. С другой стороны, Ф. де Соссюр выдвигает ряд аргументов в пользу признания их языковой природы. Во-первых, существуют несвободные синтагмы, которые представляют собой «готовые рече-

ния» и несомненно относятся к языку. Во-вторых, многие свободные синтагмы строятся по определённым правилам. В языке существуют шаблоны словосочетаний и предложений, причём эти шаблоны основаны на существовании ряда образцов [Там же: 157]. Эта мысль является логическим развитием концепции Г. Пауля, однако у Ф. де Соссюра шаблонам придаётся не психологически-индивидуальное, а общеязыковое значение.

Наметив такое решение проблемы, Ф. де Соссюр оставляет вопрос о языковом статусе синтагм открытым: «…в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы» [Там же: 157]. Эта открытость стала основанием для дальнейших дискуссий о статусе предложения, определивших ход развития структурного синтаксиса.

1.1.1.3. Актуализация языковых единиц в трудах представителей Женевской лингвистической школы

Ближайшими последователями Ф. де Соссюра являются исследователи, связанные с Женевской лингвистической школой, в частности Ш. Балли, А. Сеше и С. И. Карцевский.

В деятельности Женевской лингвистической школы наметились отклонения от направления развития лингвистики, заданного Ф. де Соссюром. Пересматривая позицию Ф. де Соссюра по отношению к дихотомии языка и речи, А. Сеше обосновывает введение нового раздела лингвистики (функционально замещающего предложенный Ф. де Соссюром раздел лингвистики речи) – лингвистики организованной речи. Предметом лингвистики организованной речи является не речь в прямом соссюровском ее понимании, а «функционирование языка в жизни человеческого общества» [Сеше 2003а: 216]. К области лингвистики организованной речи относятся механизмы, обеспечивающие вариативность языковых единиц, например в области артикуляции фонем или значений лексических единиц [Там же: 220–221]. Одно из самых ранних исследований такого типа в области синтак-

сиса, по-видимому, принадлежит самому А. Сеше [2003б]. В нем два типа предложения – предложение-мысль (фр. *l'oiseau chante* 'птица поет') и предложение-понятие (фр. *l'oiseau chantant* 'поющая птица') – рассматриваются как семантически эквивалентные, но значительно различающиеся с точки зрения употребления в речи, в том числе в распределении того, что А. Сеше вслед за младограмматиками называет психологическим субъектом и предикатом.

В центре интересов Ш. Балли также находится отношение между языком и речью. Ключевым для его концепции является понятие *актуализации*, обозначающее переход от виртуальных единиц к реальным, который происходит за счет соотнесения их с объективной или мыслимой действительностью, т. е. с реальным представлением говорящего [Балли 1955: 87–89]. Именно посредством актуализации группа слов становится предложением, которое Ш. Балли считает актом речи [Там же: 93]. Несмотря на то, что речь представляет собой результат соотнесения виртуальных единиц языка с актуальными, именно язык является «поставщиком актуализаторов», т. е. средств, обеспечивающих актуализацию [Там же: 94].

С. И. Карцевский добавляет к описанным Ш. Балли средствам актуализации интонацию [Карцевский 2004: 249], постулируя её ведущую роль в переходе от виртуальных единиц к актуальным. С. И. Карцевский одним из первых предпринимает попытку разделения языковых и речевых единиц синтаксиса, разграничивая предложение, понимаемое как грамматическая единица (предикативная синтагма), приспособленная для того, чтобы быть средством коммуникации, и фразу – реальную единицу коммуникации, единственной структурой которой является интонационная [Там же: 248]. В концепции С. И. Карцевского единицы интонации, в свою очередь, также являются знаками [Там же: 287].

Таким образом, в области синтаксиса представители Женевской лингвистической школы стоят на пути формирования лингвистики организованной речи, рассматривая проблему функционирования языковых единиц в речи. Процесс перехода языковых структур в структуры речи описывается ими в виде перехода от единиц виртуальных к единицам актуальным. В этом плане в синтаксисе намеча-

ется граница между явлениями языка и речи, точное положение и терминологическое обозначение которой, тем не менее, остаются неясными.

1.1.1.4. Предложение как реализация языкового шаблона и его парадигматика в концепции Пражского лингвистического кружка

Одним из ранних направлений структурной лингвистики стал функционализм, сложившийся в рамках Пражского лингвистического кружка (ПЛК). Кроме несомненного обращения к Ф. де Соссюру, на теоретические позиции ПЛК оказали влияние и традиции русского структурализма, восходящие к И. А. Бодуэну де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатову; видными деятелями ПЛК были, в частности, Р. Я. Якобсон и Н. С. Трубецкой. Значимым фактором для формирования ПЛК является обращение преимущественно к материалам славянских языков, в противовес английскому и французскому, преобладающим в работах исследователей других направлений.

Принципиальной установкой ПЛК является функционализм, обозначенный программных «Тезисах Пражского лингвистического кружка», где язык рассматривается не просто как система, а как система функциональная, т. е. служащая для какой-то определенной цели [Тезисы… 1967: 17].

Синтаксис представлен в «Тезисах» в виде теории синтагматических способов. Предложения образуются из сочетаний слов в результате синтагматической деятельности. Основным синтагматическим действием, создающим предложение, является предикация, что обусловливает центральную роль сказуемого в изучении предложения. Важным свойством предложения объявляется сосуществование в нем формального и актуального (функционального) членения [Там же: 23]. Морфология, находящаяся на пересечении номинативной (основной единицей которого является слово) и синтагматической деятельности, имеет дело с балансом трёх сторон: формы, значения и функции [Там же: 24].

Внесение в систему формы и значения нового компонента – функции – напрямую связано с интересом к тому, что А. Сеше назвал лингвистикой речи.

В этом плане наибольший интерес представляет возникшая в ПЛК дискуссия о природе предложения.

В. Скаличка считает предложение «самой минимальной языковой единицей, содержащей какую-либо модальную точку зрения (реакцию) на что-либо». Предложение обычно выражено предложением-клише, которое соответствует характерным для данного языка типам построения предложения. Здесь возникает новая синтаксическая терминология: предложение как смысл, который выражается предложением как формой. В отношениях между смыслом и формой предложения В. Скаличка видит асимметричный дуализм, характерный для всех единиц языка: предложение (смысл) обычно выражается клише (форма), но может быть выражено и другим образом (чеш. *Oheň!* ‘Пожар!’ при клише *Tam je oheň* ‘Там [есть] пожар’). Асимметричный дуализм предложения и его клише описывается как способ выражения эмоционального стиля через нарушение клише [Скаличка 1967а: 126–127]. Из понятия «нарушения клише» и рассмотрения только примеров периферийных единиц со спорным статусом [Там же: 119] в качестве таких нарушений следует довольно узкое понимание парадигматики предложения, в которой есть базовые формы (клише) и случайные речевые отклонения, что принципиально отличается от изложенной там же омосемии флексий [Там же: 121]. Показательным является утверждение о том, что только в случае нарушения клише функция характеристики предложения выполняется интонацией [Там же: 127].

В другой работе В. Скаличка более явно выражает свое мнение о языковом статусе выделяемых им единиц: клише-предложения являются «интегрирующим элементом языка» и появляются только в стилистически отшлифованной речи, что позволяет отнести противопоставление между клише и его нарушением к области стилистики [Скаличка 1967б: 160]

В. Матезиус соглашается с тем, что формы предложения, описанные В. Скаличкой, принадлежат языку [1967а: 236; Матезиус 1967в]. Отвергая стилистическое основание классификации форм предложений, В. Матезиус делит их на основные, которые необходимы в системе языка, и случайные, значение которых всегда можно передать основной формой. Однако по мнению В. Матезиуса слу-

чайные формы также должны принадлежать языку, так как могут различаться в разных языках и быть основанием сопоставления их синтаксических систем [Матезиус 1967в: 207]. Определяя предложение как средство коммуникации [Mathesius 1975: 79], т. е. через его функцию в речи, В. Матезиус настаивает на том, что предложение конвенционально, т. е. строится на основании присущих данному языку шаблонов [Там же: 80].

Таким образом, в рамках Пражского лингвистического кружка развивается намеченный Ф. де Соссюром подход к описанию синтаксических единиц как языковых шаблонов и намечаются разные взгляды на синтаксическую парадигматику, которую В. Скаличка интерпретирует как явление речи, у В. Матезиуса – как элемент языковой системы.

1.1.1.5. Представление о вариантах и инвариантах в глоссематике

Глоссематика – направление, разработанное в рамках Копенгагенской школы Л. Ельмслевом и его учениками, – наиболее последовательно развивало положение Ф. де Соссюра об исследовании языка как независимой системы. Язык в одном из значений, которые вкладывал в это понятие Ф. де Соссюр, трактуется как схема – чистая форма, независимая от социального осуществления и материальной манифестации [Ельмслев 1960: 59]. Знак определяется через существование знаковой функции между выражением и содержанием [Ельмслев 2006: 71], причем и то, и другое является формами, независимыми и произвольными по отношению к их материалу и субстанции [Там же: 75].

Глоссематика отказывается от традиционного разделения уровней языка, задавая единую процедуру дедукции, основанной на том факте, что единственным исходным пунктом исследования является целостный текст [Там же: 38]. Из этого следует, что синтаксические единицы определяются, наравне со всеми другими, как результат деления текста на части, основанного на существовании зависимостей между этими частями [Там же: 53]. Выделяемые таким образом сущности до определенного этапа членения являются носителями значения [Там же: 67], т. е.

соотносятся со знаками. На каждом этапе определяется инвентарь сущностей, который должен быть исчерпывающим и простым, что достигается использованием метода сведения двух сущностей к одной [Там же: 83–84]. Сущность, к которой сводятся элементы текста, называется *инвариантом*, а её конкретные образцы – *вариантами* [Там же: 85].

Понятия инварианта и варианта являются ключевыми для структурного синтаксиса, поскольку именно процедура определения инвариантов позволяет описать многообразие реальных предложений в терминах ограниченного количества «шаблонов» (в терминологии Ф. де Соссюра и В. Матезиуса). В рамках отвлеченной от субстанции выражения концепции Л. Ельмслева система вариантов и инвариантов составляет объект синтаксиса, не сводимый к речевому функционированию синтаксических структур.

1.1.1.6. Дистрибутивные и трансформационные подходы к предложению в американском дескриптивизме

Американский дескриптивизм представляет собой направление структурализма, развивавшееся наиболее изолированно от европейских направлений. Его основатель Л. Блумфилд, несмотря на восторженный отзыв на публикацию «Курса общей лингвистики», в котором он признает заслугу Ф. де Соссюра в формировании теоретических оснований науки о языке [Bloomfield 1923], в своих работах редко ориентируется на ставшие традиционными для европейского структурализма положения Ф. де Соссюра.

В этом отзыве отмечается расхождение во взглядах Ф. де Соссюра и Л. Блумфилда на методы анализа языкового материала: анализ Ф. де Соссюра строится на уровне слова, в то время как Л. Блумфилд объявляет главной единицей анализа предложение [Bloomfield 1923: 318]. Особый интерес к предложению как таковому является отличительной чертой концепции Л. Блумфилда и его последователей. Разделяя установку, близкую к взглядам Л. Ельмслева, они рассматривают предложение как единственную сущность, непосредственно данную

для анализа, следствием которого является выделение всех остальных элементов языка.

В ориентации на предложение (по сути – речевой акт) как основную форму существования языка проявляется влияние бихевиоризма, которое испытывал в этот период Л. Блумфилд [Seuren 2015: 140]. Речь рассматривается им как замещение неречевых стимулов [Блумфилд 1968: 40]. Соответственно, значение языковых единиц определяется исключительно через структуру речевого акта: ситуацию, в которой говорящий произносит речевую форму, и реакцию, которую она вызывает у слушателя [Там же: 142].

Значения в языке выражаются определенными аранжировками (расположением) его морфем. Именно значимые аранжировки морфем составляют грамматику языка [Там же: 170]. Минимальный грамматический признак аранжировки называется *таксемой* и не обладает значением [Там же: 174]. К таксемам относятся порядок следования, модуляция (интонация), фонетические модификации и селекция (выбор определенных форм, которые в свою очередь определяются контекстуально) [Там же: 170–173]. Крупные синтаксические единицы, такие как предложение, формируются средствами аранжировки из элементов, называемых непосредственными составляющими. Повторяющиеся в них наборы таксем, обладающие значением, образуют синтаксические конструкции [Там же: 195–196]. Таким образом, синтаксическое описание строится на формальных основаниях, без использования «философских определений», которые, по мнению Л. Блумфилда, затемняют сущность синтаксиса [Там же: 215].

Несмотря на то, что Л. Блумфилд редко обращается напрямую к категориям языка и речи, его построения развиваются в направлении, согласующемся с общими задачами структурного синтаксиса. Выделение таксем, роль которых Л. Блумфилд сравнивает с ролью фонем как единиц языковой формы [Там же: 174], позволяет описывать предложения вне зависимости от их конкретного лексического наполнения и выделять синтаксические типы (конструкции) как языковые единицы синтаксиса, обладающие определенным значением. Включение в

ряд таксем интонационных признаков также является несомненным новаторством представленной концепции.

Американский дескриптивизм отличается многообразием синтаксических теорий и наибольшей активностью в их разработке, что связано с представлением о предложении как о центральной единице языковой системы [Seuren 2015: 140]. Последователями Л. Блумфилда были основаны два направления дескриптивной лингвистики – Энн-Арборская и Йельская школы, в рамках которых эволюция заложенных им концепций пошла по направлениям, развивающим разные её положения [Основные направления структурализма 1964: 189].

В рамках Энн-Арборской школы сформировался уникальный взгляд на природу языка, обусловленный влиянием на неё, помимо Л. Блумфилда, представителей антропологического направления американского структурализма, в частности Э. Сепира. Этим влиянием объясняется возвращение некоторых отвергнутых Л. Блумфилдом концепций, в частности концепции значения, и описание языка в его социальном и культурном контексте [Основные направления структурализма 1964: 188]. Основным достижением Энн-Арборской школы является тагмемика, созданная К. Пайком, которая опирается на разработанную Л. Блумфилдом концепцию значения [Pike 1967]. Термин *тагмема* заимствован из работ Л. Блумфилда, который определял тагмему как единство грамматической формы и её значения [Блумфилд 1968: 175]. Тагмемика представляет собой одну из наиболее разработанных моделей описания языка, основанных на дистрибуции. Каждый элемент языка получает определение на основе его синтагматических (окружение и состав – дистрибуция) и парадигматических (оппозиция к другим элементам, которые могут занимать тот же слот, – контраст) параметров. С другой стороны, представлен механизм выявления инвариантов (вариация), благодаря которому построение тагматического описания для языка приводит к выявлению языковых моделей разных уровней языка. Особенно значимой чертой метода представляется включение порядка слов в систему синтаксической парадигматики через механизм слотов.

В рамках Йельской школы ключевое место заняла продвигаемая Л. Блумфилдом идея грамматики составляющих, оформившаяся в полноценную концепцию описания синтаксического уровня языка в работах З. Харриса и Р. Уэллса, на которые также оказало значительное влияние критическое отношение Л. Блумфилда к концепции значения [Основные направления структурализма 1964: 188]. Результатом эволюции Йельской школы стало формирование генеративной лингвистики – направления, традиционно противопоставляемому структурализму, несмотря на близость к глоссематике, в которой идея описания языка как структуры, отделённой от его реального функционирования и материального содержания, рассматривается как прямое следствие знаковой теории языка Ф. де Соссюра.

Н. Хомский, последователь З. Харриса и основатель генеративной лингвистики, критически относился к фундаментальным положениям структурализма и, соответственно, ко всем современным ему моделям структурного синтаксиса. Трактуя рассмотренные нами ранее рассуждения Ф. де Соссюра о природе синтагм как признание невозможности анализа предложения как единицы языка, Н. Хомский приходит к выводу, что сегментация и последующий синтагматический и парадигматический анализ недостаточны для полного описания синтаксической системы [Хомский 1972: 31–34]. В то время как изложенные нами ранее подходы к анализу предложения сводились к выявлению в языковом материале общих синтаксических схем (шаблонов, инвариантов и т. д.), в генеративной лингвистике выдвигается обратный метод построения синтаксической теории путём механизма, порождающего все предложения данного языка [Хомский 1962: 415]. В связи с этим актуализируется проблема грамматической правильности предложений, которая используется как критерий оценки эффективности такого механизма [Там же: 416]. Грамматическая правильность не подразумевает осмысленности [Там же: 418–419]. Постулируемая таким образом автономность грамматики от семантики противопоставлена заложенной Ф. де Соссюром концепции знаковой природы языковых единиц. Понятие языка как знаковой системы замещается понятием языковой компетенции – системы правил, взаимодействие которых

используется для образования формы и внутреннего значения бесконечного множества предложений [Хомский 1972: 89].

В основе механизма этого порождения лежат трансформации, которые преобразуют цепочку с заданной структурой составляющих в цепочку с другой производной структурой [Хомский 1962: 450]. Трансформационная модель обладает объяснительной силой в области синтаксической парадигматики, так как члены одной парадигмы представимы в виде общей терминальной цепочки и различных последовательностей трансформаций, которые образуют конечные парадигматические варианты [Там же: 502–503]. Общая составляющая парадигмы в более поздних работах получила название глубинной структуры. Несмотря на принципиальные различия в понимании семантики, противопоставление глубинной и поверхностной структур (внутренней и внешней форм предложения) является точкой соприкосновения трансформационной лингвистики и теории структурного синтаксиса Л. Теньера.

Отказ от описания семантики как элемента грамматики не означает полного отсутствия внимания к содержательной стороне знака. Процесс «понимания» предложения подразумевает восстановление исходных составляющих предложения и трансформаций, при помощи которых оно получено [Там же: 504]. Таким образом, методы трансформационной теории могут использоваться для описания связи между формальной и семантической стороной предложения. При этом построение грамматики состоит в описании непосредственно составляющих и трансформаций как присущих языку структур вне зависимости от их функционирования как механизмов организации и выражения содержания предложений [Там же: 514–515].

Подходы к анализу предложения, сложившиеся в рамках американского дескриптивизма, характеризуются ориентированностью на решение практических задач структурного синтаксиса. В основе двух рассмотренных подходов лежат различные методы (дистрибутивный и трансформационный), однако оба метода обеспечивают подхода разрешают проблему описания бесконечного множества

встречающихся в речи синтаксических единиц путем выделения общих базовых моделей.

1.1.1.7. Репрезентация многоаспектного устройства предложения в структурном синтаксисе Л. Теньера

Одной из наиболее значимых синтаксических теорий, разработанных в рамках европейского структурализма, считается структурный синтаксис Л. Теньера [Seuren 2015: 138], который, не примыкая ни к одному из основных направлений структурализма, сформулировал оригинальную концепцию синтаксиса, оказавшую заметное влияние на развитие поздних синтаксических описаний.

Ключевым для его концепции является представление о предложении как об организованном целом, образованном словами и их связями [Теньер 1988: 22]. Именно синтаксические связи, по Л. Теньеру, являются тем, что формирует предложение как таковое из совокупности слов (близкую функцию отводили Ш. Балли и С. И. Карцевский способам актуализации). Синтаксическая связь формирует иерархию элементов предложения на основании их зависимостей – *структурную схему* предложения, которую Л. Теньер визуализирует при помощи графического представления – *стемм* [Там же: 24–27]. Умение говорить на языке основано на способности переводить структурный порядок, отражаемый стеммой, в линейный. Этот перевод часто сопровождается грамматическим согласованием, обозначающим синтаксические связи между словами [Там же: 31]. Линейная структура, будучи озвученной, образует внешнюю форму предложения, а структурная схема является внутренней формой предложения, изучение которой, по Л. Теньеру, является объектом синтаксиса [Там же: 45].

Структурный план предложения Л. Теньер дополняет семантическим. В то время как они объявляются теоретически независимыми [Там же: 52], на практике единственным назначением структурного плана является выражение семантического, а структурные связи являются выражением семантических [Там же: 53]. Семантические и структурные планы объединяются понятием ядра – со-

вокупности связанных между собой элементов, выполняющих общую семантическую функцию [Там же: 56]. Репрезентация в стемме ядра позволяет отразить в ней семантическую функцию полнозначных слов [Там же: 64]. Заменив в стемме я́дра, соответствующие классам полнозначных слов, символическими буквенными представлениями, Л. Теньер получает виртуальные стеммы, которые соответствуют различным по значению реальным стеммам [Там же: 77]. Этот метод позволяет «увидеть за множеством второстепенных внешних черт реального предложения его виртуальную структурную основу» и благодаря этому отделить «глубинную сущность языка» от речи [Там же: 78].

Таким образом, Л. Теньер систематически разделяет предложение в традиционном понимании на несколько сущностей:

(1) виртуальная структурная схема, отражающая структурные типы предложений данного языка;

(2) реальная структурная схема, отражающая внутреннюю форму конкретных предложений;

(3) линейная структура предложения;

(4) озвученная линейная структура предложения, являющаяся его внешней формой.

Это разделение решает терминологическую проблему, намеченную в теоретических построениях других структуралистов, так как определяет границы функционирования и статус разных аспектов предложения:

(1) является фундаментальным языковым содержанием синтаксического уровня;

(2) применима для обсуждения содержания конкретных предложений вне зависимости от формального выражения этого содержания в данном языке;

(3) является репрезентацией предложения, учитывающей его морфосинтаксическую структуру;

(4) является реализацией индивидуальной способности речевой деятельности, т. е. речью в её самом конкретном значении.

Не менее значимым достижением Л. Теньера является описание конкретного способа выделения структурных типов предложений, основанного на определении центральных узлов в схеме [Там же: 115]. В большинстве европейских языков центром предложения является глагол, обозначающий процесс. Все другие элементы схемы обозначают участников процесса (*актанты*) и обстоятельства, в которых он развертывается (*сирконстанты*) [Там же: 117]. Эти элементы напрямую подчинены глаголу, а набор возможных актантов определяется свойством глагола, называемым его валентностью [Там же: 250]. Структура и семантика предложения, таким образом, определяется валентностью глагола, универсальными видами актантов, связанными с их функциями по отношению к глаголу [Там же: 123–124], и связанными с ними видами залога (*диатезами*), такими как страдательный залог [Там же: 254]. Понятие актантной структуры предложения позволило Л. Теньеру естественным образом объединить в своем описании синтаксический и семантический планы предложения.

Таким образом, теория Л. Теньера представляет собой полное решение основных задач синтаксиса. Интерпретация синтаксических зависимостей, лежащих в основе каждого предложения, как отражения семантических зависимостей, определенных характером обозначенных предложением процессов, позволила Л. Теньеру выделить внутреннюю форму предложения как фундаментальное языковое содержание, объединяющее множество внешне различных предложений, и предложить модель описания внутренней и внешней формы предложения.

* * *

Таким образом, образование предложения как единицы речи в рамках структурализма представляется как основанное на использовании шаблонов, принадлежащих системе данного языка. Если Ф. де Соссюром эти шаблоны рассматриваются как умозрительные, то в работах других представителей структурализма предлагаются методы выявления и способы репрезентации предложения как единицы языка (инварианты Л. Ельмслева, синтаксические конструкции

Л. Блумфилда, структурные схемы и стеммы Л. Теньера). Параллельно в работах ранних структуралистов закладывается представление о характере отношений между языковыми знаками и их речевыми реализациями: в области выражения отношений между предложением и его реальным или мыслимыми содержанием (актуализация по Ш. Балли), между предложением и его озвученной версией – фразой (актуализация по С. И. Карцевскому), между формально различными вариантами выражения одного значения (А. Сеше, В. Матезиус и В. Скаличка). Эти направления составили основу дальнейшего развития семантического и коммуникативного синтаксиса.

1.1.2. Метод моделирования структуры и семантики синтаксических структур в отечественном языкознании

В отечественном языкознании сформировался подход к моделированию структуры и семантики предложения, продолжающий традиции, заложенные Ф. де Соссюром, и находящийся под влиянием функционального подхода к синтаксису, сложившегося в рамках Пражского лингвистического кружка, а также структурного синтаксиса Л. Теньера.

1.1.2.1. Основы метода моделирования синтаксических структур

Начиная с конца 1960-х гг. построение единой синтаксической теории, описывающей синтаксис в рамках теории языковых знаков, стало одной из наиболее актуальных задач советского языкознания [Белошапкова 1978: 55]. Раннее теоретическое обоснование концепции моделирования предложения содержится в работах Т. П. Ломтева, в которых формируется представление о модели, лежащей в основе воспроизведения синтаксических единиц речи [Ломтев 1976: 54–60]. На основе грамматических категорий предложения формируются варианты, которые выражаются в тех или иных изменениях модели, а единство моделей обеспечивается единством содержащейся в них информации [Ломтев 1972: 60–61].

Одним из наиболее полных воплощений этой концепции на раннем этапе её развития стала «Грамматика современного русского литературного языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Предложение в ней понимается как синтаксическая конструкция, в основе которой лежит отвлечённая структурная схема, предназначенная для того, чтобы, будучи наполненной конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-то действительности. В то же время существуют высказывания (т. е. конструкции, выполняющие функцию сообщения о какой-то действительности), схемы которых в системе языка не предназначены для этой функции и наделяются ею в определённой ситуации или языковом контексте [Грамматика… 1970: 541]. В этом разделении можно увидеть отражение позиции, выраженной В. Скаличкой в дискуссии с В. Матезиусом. Задачей синтаксиса, таким образом, является перечисление и описание структурных схем языка. Структурная схема – это отвлечённый образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение [Там же: 546]. Она состоит из словоформ, которые называются главными членами предложения. Категории объективной модальности и синтаксического времени образуют в своем единстве категорию предикативности, являющуюся грамматическим значением предложения [Там же: 542].

В концепции Н. Ю. Шведовой реализовано представление о минимальной структурной схеме предложения, основанной на формальной структуре предложения как предикативной единицы. В. А. Белошапкова предлагает иной подход к объему структурной схемы, которые ориентирован на отражение семантической структуру предложения и потому предполагает включение в состав схемы предложения компонентов, необходимых для его номинативной достаточности [Белошапкова 1978: 55]. По мнению В. А. Белошапковой, эти позиции не противоречат друг другу, так как минимальная структурная схема, определённая Н. Ю. Шведовой, может включаться в контекст расширенных структурных схем.

Новый этап развития этой теории был обусловлен становлением в 1970-х гг. семантического синтаксиса [Кошкарева 2006: 65]. Для описания семантики струк-

турных схем, раньше сводившейся к их грамматическому значению, используется понятие *пропозиции* (см. 1.1.2.2).

Этот этап развития теории моделирования предложения репрезентирован работами новосибирской синтаксической школы, основателем которой является М. И. Черемисина. Главной единицей синтаксиса считается *элементарное простое предложение* (ЭПП), понимаемое как единство плана выражения (структурная схема) и плана содержания (пропозиция). Все неэлементарные предложения получаются путём преобразования и соединения ЭПП [Черемисина 2003: 5; Кошкарева 2006: 65]. Совокупность видоизменений предложения образует его парадигму, в которую входит, в том числе, и коммуникативная парадигма [Кошкарева 2006: 67].

Предложения, содержащие более одной пропозиции, называются *полипредикативными* (в эту группу входят как сложные, так и осложнённые предложения). Они состоят из нескольких частей, называемых *предикативными единицами* (ПЕ) [Черемисина 2004: 740–741].

В значении, близком к термину *предложение*, употребляется термин *модель*. Модель представляет собой искусственный конструкт, предназначенный для схематического изображения единиц языка, которое отражает соответствие между их планом содержания и планом выражения [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 5–7]. В работах представителей Новосибирской синтаксической школы сложилась практика употребления этого термина как заместителя термина *предложение* («…в дальнейшем мы будем пользоваться термином “модель”, имея в виду предложение как единицу языка» [Там же]) и других терминов этого ряда, которая, на наш взгляд, не является удачной, поскольку моделированию, т. е. представлению в виде модели, могут подвергаться синтаксические единицы разных уровней: элементарные и неэлементарные простые предложения, их структурно-семантические и парадигматические варианты, полипредикативные конструкции. Использование термина *модель* для описания единиц этих уровней на практике препятствует их различению: моделями называют как базовые синтаксические единицы, такие как ЭПП, так и множество единиц, устройство кото-

рых может быть более адекватно описано как результат их варьирования или совмещения.

В данной работе термин *модель* употребляется для обозначения схематической репрезентации синтаксического построения любого уровня, отражающей соотношение между его планом выражения и планом содержания, а термин *предложение* используется для обозначения собственно синтаксических единиц.

1.1.2.2. Понятие пропозиции

Термин *пропозиция* (англ. *proposition*) сформировался на стыке интересов лингвистики и логики и имеет множество значений, определяющихся разными точками зрения на природу отношений между высказыванием и его содержанием [Арутюнова 1976: 21–56].

В отечественной синтаксической традиции утвердилось понимание пропозиции как единицы, отражающей отношения между набором семантических компонентов (предикатов, актантов и сирконстантов), которое соответствует понятию виртуальной схемы у Л. Теньера. Одна и та же пропозиция является планом содержания бесконечного множества конкретных высказываний, в которых семантические компоненты пропозиции соотносятся с конкретными реалиями. Эффективность такого описания семантики определяется тем, что, вследствие ограниченности набора семантических компонентов и их комбинаций, количество возможных пропозиций конечно и сводится к ограниченному списку.

В большинстве синтаксических работ, в которых используется понятие пропозиции, приводятся ссылки на определение Н. Д. Арутюновой: «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [ЛЭС 1990: 401]. Это определение даёт представление о пропозиции как типе сущности и о независимости от парадигматики предложения как одном из её ключевых свойств. Однако оно не является достаточным для определения границ рассматриваемого понятия, так как отталкивается от столь же неоднозначного по-

нятия предложения, в частности, предполагает опору на представление о том, как устроена и чем ограничена его парадигма. В то же время в основе понимания предложения как единицы языка и границ его варьирования в рассматриваемой традиции лежит представление о неизменности его плана содержания, т. е. состава обозначаемых им пропозиций. Таким образом, понятия пропозиции и предложения образуют круг, в контексте которого рассмотрение конкретного значения как образующего пропозицию ведёт к выделению соответствующего ему предложения, и наоборот. В результате набор пропозиций и предложений на практике определяется догматически, с опорой на уже существующие списки, в качестве одного из которых традиционно используется, с некоторыми уточнениями, список пропозиций, предложенный Т. В. Шмелёвой [1988].

В классификации Т. В. Шмелёвой выделяются два типа пропозиций: событийные, которые «портретируют» происходящие в действительности события, и логические, представляющие собой результат осмысления определённых аспектов действительности, выраженных в виде свойств и отношений. К событийным пропозициям Т. В. Шмелёва относит существование, состояние, движение, восприятие и действие, к логическим – характеризацию и идентификацию. В работах последующих исследователей набор событийных пропозиций модифицируется. Так, Н. Б. Кошкарева выделяет четыре событийные пропозиции: две бытийно-пространственные (существования и движения), статальную и акциональную [2016: 137].

Представление о пропозициях дополняется другой содержательной единицей – *припропозитивными смыслами*, к которым Т. В. Шмелёва относит интенсивность, фазисность, количественность и негацию [1988: 10–11]. Несмотря на то, что припропозитивные смыслы расширяют представление о сообщаемой в предложении ситуации, они обычно рассматриваются как компонент парадигматики предложения, что в первую очередь определено служебным характером средств их выражения [Там же].

В работах некоторых исследователей представлены альтернативные концепции описания плана содержания синтаксических единиц, близкие к теории

пропозиции, в частности в работах представителей Воронежской лингвистической школы вводится понятие *синтаксический концепт* [Волохина, Попова 1999]; ср. также *семантическая структура* в теории функционального синтаксиса А. Мустайоки [Мустайоки 2006].

1.1.2.3. Понятие типовой синтаксической структуры

Понятие типовой синтаксической структуры (ТСС) введено Н. Б. Кошкаревой как дополняющее сложившуюся традицию моделирования структуры и семантики ЭПП и служащее инструментом сопоставительного анализа синтаксиса типологически и генетически разнородных языков. Согласно определению, данному Н. Б. Кошкаревой, ТСС представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями [Кошкарева 2007б: 5; Кошкарева 2015: 15].

В описании Н. Б. Кошкаревой ядро системы составляют ТСС, соотносимые с пропозициями (бытия, движения, акциональной, статальной и т. д.) и с соответствующими им ЭПП. Объём понятия ТСС шире, чем ЭПП, и позволяет рассматривать как направления реализации одной ТСС формально сходные с ЭПП предложения, являющиеся результатом их структурно-семантической трансформации: неэлементарные или неизосемические простые предложения, а также возникающие на основе ЭПП полипредикативные конструкции (ППК). Преимуществом использования термина ТСС при описании таких предложений является возможность рассмотрения широкого круга предложений, обладающих общими структурно-семантическими и парадигматическими свойствами, без нарушения границ, определяемых их семантикой, в отличие от более традиционных подходов, в которых семантика предложения представляется как изменяющаяся при их реализации в разных сферах (см., например, [Арутюнова 1976; Шмелёва 1988]).

Другим отличием уровня ТСС от ЭПП является то, что выделяются ТСС, не соответствующие ЭПП (например, ТСС перемещения). Такие ТСС могут рассматриваться как устойчивые построения, предназначенные для выражения ком-

бинаций смыслов, репрезентируемых на семантическом уровне несколькими пропозициями или сочетанием пропозиций с припропозитивными смыслами. Таким образом, понятие ТСС способствует систематизации структуры и семантики предложений, лежащих за рамками традиционного описания, ориентированного на ЭПП.

ТСС в системе противопоставлений «язык – речь». Н. Б. Кошкарева не даёт однозначной характеристики места ТСС в системе дихотомий, введённых Ф. де Соссюром. ЭПП характеризуется ей как репрезентация единиц языка, а результат его трансформации в рамках ТСС – как речевые построения [Кошкарева 2015: 23]. Мы считаем, что предложения, отражающие определённое развитие семантики ТСС, следует рассматривать как единицы языка, так как они последовательно воспроизводятся в речи и обладают устойчивой структурой и семантикой. Тот факт, что они рассматриваются как результат трансформации ЭПП, может быть значимым с точки зрения закономерностей и истории формирования таких предложений в разных языках, описания их порождения и восприятия, однако не может рассматриваться как однозначное основание для придания им исключительно речевого статуса. Соответственно, и ТСС как устойчивое построение является принадлежностью языка как системы, даже в тех случаях, когда оно охватывает группу предложений, производных от одного ЭПП.

ТСС в системе противопоставлений «план выражения – план содержания». Н. Б. Кошкарева рассматривает ТСС как понятие, которое «характеризует план выражения предложения» [Кошкарева 2015: 15], что указывает на его отнесение к единицам плана выражения. Тем не менее мы считаем закономерным рассматривать ТСС как знак, планом выражения которого является, как и в случае ЭПП, структурная схема, а планом содержания – отношение, устанавливаемое между набором смысловых компонентов, задаваемых структурой ТСС. Таким образом, по нашему мнению, ТСС представляет собой понятие того же уровня, что и ЭПП, т. е. является инвариантом и знаком языка, проявляющим все характерные для них свойства.

В качестве иллюстрации к нашему взгляду на отношения между ЭПП и ТСС мы предлагаем сопоставить их с отношениями, складывающимися на уровне описания словарного состава языка. Основной единицей такого описания является лексема, единство которой обусловливается, с одной стороны, общностью её структуры и парадигматики, и, с другой, наличием общего категориального значения и семантических связей между её лексико-семантическими вариантами [ЛЭС 1990: 257]. Таким же образом предложения, рассматриваемые в рамках одной ТСС, объединяются структурой, парадигматикой, общим грамматическим значением и возможностью проследить связи и пути развития семантики отдельных предложений. ЭПП в таком случае выполняет роль, аналогичную главному лексико-семантическому варианту лексемы.

Репрезентация ТСС. Н. Б. Кошкарева использует в качестве репрезентации ТСС модель соответствующего ей ЭПП. Например, статическая локативная ТСС в хантыйском языке репрезентируется следующей моделью:

$$N^{Ex}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ V_f^{Ex}$$ [Кошкарева 2015: 16] [2].

Такая репрезентация отражает отношения между семантическими компонентами пропозиции (экзисциенсом, локализатором и экзистенциональным предикатом) и формальной структурой предложения в его стандартной реализации. В связи с тем, что в рамках одной ТСС объединяются предложения с разными планами содержания и планами выражения, которые должны описываться единообразно, мы условно обозначаем компоненты ТСС в соответствии с семантическими ролями, выполняемыми компонентами ЭПП. Так, при описании реализаций ТСС, которую Н. Б. Кошкарева называет статической локативной, мы называем её ком-

[2] В этой записи и комментарии к ней сохранены термины и обозначения, используемые Н. Б. Кошкаревой. Они не совпадают с используемыми в данной работе, которые будут введены позже (см. разделы 2.2 и 2.3).

поненты субъектом (S), локализатором (LOC) и предикатом (PR). Эти термины охватывают несколько аспектов существования компонента ТСС и, таким образом, многозначны. Например, «локализатор» употребляется в данной работе в трёх значениях:

1) одна из составляющих статической локативной ТСС, соответствующая локализатору в статической локативной ЭПП;

2) соответствующая ей часть конкретной реализации ТСС;

3) представление о референте части конкретной реализации ТСС.

* * *

Таким образом, в рамках структурного синтаксиса сформировалось представление о предложении как об общем шаблоне, лежащем в основе формирования речевых синтаксических построений. В рамках данной работы в качестве базовой единицы структурно-семантического анализа мы рассматриваем ТСС – устойчивое синтаксическое построение с общим прототипическим смыслом. Одной ТСС соответствует множество элементарных и неэлементарных предложений, планом содержания которых являются пропозиции или их комбинации.

1.2. Моделирование коммуникативной вариативности структурно-семантических единиц синтаксиса

Одним из направлений варьирования предложения как единицы языка является варьирование, обусловленное потребностями коммуникации. Это варьирование является предметом коммуникативного синтаксиса – раздела, выделяемого наравне с формальным и семантическим синтаксисом [Daneš 1964]. Рассматриваемые на коммуникативном уровне возможности варьирования синтаксических структур определяются их формальными и семантическими характеристиками. Соответственно, анализ единиц коммуникативного синтаксиса невозможен без

опоры на представление об их отношении к единицам формального и семантического уровня.

1.2.1. Основные подходы к описанию коммуникативного устройства синтаксических единиц

Коммуникативная вариативность предложения является многоаспектным явлением, отражающим многогранность процесса коммуникации. В основе традиционного подхода к коммуникативному синтаксису лежит представление о существовании единого базового механизма коммуникативной организации предложения, называемого в отечественной лингвистике актуальным членением (АЧ).

1.2.1.1. Формирование теории актуального членения

Несмотря на существование ещё в XVIII в. коммуникативно-ориентированных подходов к интерпретации порядка слов [Даниленко 1990], возникновение концепции актуального членения традиционно связывают с именем французского лингвиста А. Вейля. А. Вейль ввёл понятия *point de depart* ‘исходная точка’ и *but de discours* ‘цель речи’, характеризующие положение предмета в общем ходе мысли, с целью описания отношения между ходом мысли (фр. *succession* / *marche des idées*) и порядком слов в разных языках [Weil 1844: 26].

Концепция А. Вейля привела к формированию психологического этапа в развитии учения об актуальном членении. В рамках этого периода сложились понятия *психологический субъект* и *психологический предикат*, которые считались элементами психологического суждения и таким образом выводились из рассмотрения грамматикой. Это направление представлено в работах младограмматиков (Г. Пауля, Х. Г. К. фон Габеленца) и представителей Московской лингвистической школы (Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова) [Пауль 1960: 146–147; Шахматов 1925: 3–11; Крылова 1992: 63–64].

Термин *актуальное членение* (чеш. *aktuální členění*) в понимании, близком к современному, сложился в работах членов Пражского лингвистического кружка (ПЛК), в частности В. Матезиуса [Тезисы… 1967: 23; Матезиус 1967б]. Разработанная им теория актуального членения является переосмыслением учения о психологическом устройстве предложения в рамках традиций функционального структурализма. В. Матезиус предлагает рассматривать актуальное членение как выражение способа включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Актуальное членение заключается в выделении в высказывании двух частей – *исходной точки*, или *основы*, т. е. того, что является в данной ситуации известным или может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и *ядра* высказывания – того, что сообщается об исходной точке. В. Матезиус отказывается от психологической трактовки этого явления, которая приводила к исключению связанных с ними вопросов из зоны интересов лингвистики, и рассматривает актуальное членение как один из аспектов функционирования предложения как единицы языка, находящийся во взаимодействии с его формальной организацией: «…отношение между актуальным и формальным членением предложения – одно из самых характернейших явлений в каждом языке» [Матезиус 1967б; Современный русский язык 1989: 706–707].

Идеи В. Матезиуса развивались другими представителями Пражского лингвистического кружка в рамках направления, которое получило название *функциональная перспектива предложения* (англ. *functional sentence perspective*). Одним из результатов их деятельности является теория устройства синтаксиса, которую сформулировал Ф. Данеш. В ней синтаксис состоит из трёх взаимосвязанных уровней: (1) уровень грамматической структуры предложения, (2) уровень семантической структуры и (3) уровень организации высказывания. Последний характеризует соотношение линейного устройства высказывания с экстралингвистической ситуацией и оформление высказывания как единицы коммуникации [Daneš 1964]. Предложенная Ф. Данешем организация синтаксиса как уровня языка является не только обобщением достижений ПЛК в области синтаксиса, но и логиче-

ским продолжением идей представителей Женевской лингвистической школы и Л. Теньера.

В работах поздних представителей ПЛК концепция актуального членения была подвергнута значительному пересмотру. В частности, Я. Фирбас выдвинул концепцию коммуникативного динамизма (англ. *communicative dynamism*), в соответствии с которой каждый лингвистический элемент рассматривается в зависимости от относительной степени его вклада в выполнение задач коммуникации [Firbas 1992: 7–8], и, таким образом, основным предметом изучения становятся законы распределения степени коммуникативного динамизма между лингвистическими элементами [Firbas 1971: 135]. В высказывании выделяются тема и рема как элементы с минимальным и максимальным коммуникативным динамизмом и переход (англ. *transition*) – часть высказывания, занимающая промежуточное положение между ними [Там же: 141].

Группа последователей Я. Фирбаса, возглавленная П. Сгаллом, разработала теорию функционального генеративного описания (англ. *functional generative description*), призванную объединить функциональный подход ПЛК с методологией генеративной лингвистики. Полемизируя с мнением Н. Хомского об отнесении явлений, связанных с коммуникативным варьированием, к поверхностному уровню синтаксиса, они подчёркивают необходимость описания явлений коммуникативного динамизма на уровне семантики [Sgall, Nebeský, Goralčíková, Hajičová 1969: 67].

Таким образом, теория актуального членения стала закономерным элементом структуралистского подхода к анализу синтаксических единиц, дополняющим структурную и семантическую перспективу.

1.2.1.2. Теория актуального членения в отечественном языкознании

Традиции Пражского лингвистического кружка продолжались в трудах отечественных исследователей, таких как И. П. Распопов [1961], К. Г. Крушельницкая [1956], И. И. Ковтунова [1974, 2002], Е. В. Падучева [1985],

Г. А. Золотова [1973; 1982; 2004], Т. Е. Янко [1999; 2001; 2008] и др. В отечественной лингвистике для обозначения компонентов АЧ используются преимущественно термины *тема* и *рема*, которые впервые появились в работах К. Бооста. Кроме них встречается ряд терминов, которые отражают разные подходы авторов к актуальному членению, но могут рассматриваться как синонимичные теме и реме, – *основа* и *предицируемая часть* (И. П. Распопов), *данное* и *новое* (К. Г. Крушельницкая), *логический субъект* и *логический предикат* (В. Г. Адмони) и др. [Крушельницкая 1956: 57–58; Адамец 1966: 20–22].

Так же, как и в случае ПЛК, интерес отечественных синтаксистов к актуальному членению обусловлен его значимостью для описания системы порядка слов русского языка. Одно из ранних исследований порядка слов в русском языке, выполненных в традициях функциональной лингвистики, принадлежит чешскому лингвисту П. Адамецу [1966]. Его описание строится по принципу «от формы к функции». Для этого выделяется набор линейно-динамических структур – обобщения целого ряда конкретных предложений с одинаковым составом синтаксических членов, порядком слов и местом фразового ударения, которые затем сопоставляются с кругом актуально-синтаксических типов предложений, которые характеризуются распределением темы и ремы между их компонентами и общей коммуникативной функцией [Там же: 48–49]. Другое исследование порядка слов русского языка, выполненное И. И. Ковтуновой, основано на принципах, приближенных к отечественной традиции моделирования структуры предложения: рассматривается группа синтаксических структур, которые определяются набором их формальных элементов, и коммуникативные парадигмы этих структур, т. е. возможности варьирования их порядка слов [Ковтунова 2002: 146–194].

Общим элементом этих исследований является то, что члены парадигм характеризуются через принадлежность к *типам высказываний*. Тип высказывания представляет собой обобщение ряда высказываний, объединённых общими свойствами коммуникативного характера. П. Адамец разработал классификацию типов высказываний, основанную на типе содержащейся в высказывании информации [Адамец 1966: 26–28]. И. И. Ковтунова в дополнение к ней использует две

классификации, основанные на наличии в высказывании темы [Ковтунова 2002: 47–48] и на порядке следования темы и ремы [Там же: 98–104]. Описание типов высказываний и формальных способов их организации (порядка слов и места логического ударения) является значимым шагом по направлению к формированию описания высказывания как знаковой сущности и, таким образом, к вопросу о месте АЧ в общей системе языка как системы, в частности о его отношении к дихотомии языка и речи, описанной Ф. де Соссюром.

В отечественной литературе принято разграничение между *предложением* как языковой единицей и *высказыванием*, которое определяется как предложение, рассматриваемое с его коммуникативной стороны [Ковтунова 2002: 30]. При этом высказывания, несмотря на их отнесение к речи, анализируются как строящиеся по стандартным воспроизводимым моделям [Ковтунова 2002: 30–32; Золотова 1982: 283]. И. И. Ковтунова критикует общепринятое понимание высказывания, так как предложение при разных коммуникативных условиях принимает разные формы, т. е. предложению соответствует не одно высказывание, а их совокупность – *коммуникативная парадигма предложения*. В речи выбор конкретного высказывания осуществляется в соответствии с условиями и коммуникативными намерениями говорящего. С этой точки зрения каждое высказывание является результатом индивидуального речемыслительного процесса. Однако для того, чтобы значения, заложенные в высказывание, были понятны адресату, необходимо, чтобы существовала общая для всех носителей данного языка система коммуникативных значений и средств их выражения. Её существование проявляется в том, что высказывания одного языка, построенные при сходных коммуникативных условиях, обычно характеризуются общими формальными признаками. Такая точка зрения обусловливает возможность рассмотрения системных средств формирования высказывания.

Для систематического описания этих средств Т. Е. Янко вводит понятие *коммуникативной структуры предложения* – двусторонней единицы, планом выражения которой является цепочка словоформ с заданной на ней системой тональных коммуникативно релевантных акцентов, а планом содержания – фраг-

менты семантического представления ситуации, где каждый фрагмент предназначен для функционирования в определённой коммуникативной роли [Янко 2001: 34]. Введение этого понятия формирует базис для описания коммуникативной парадигматики с опорой на принятую в отечественной синтаксической традиции методологию описания других языковых единиц.

Одним из ключевых направлений развития теории актуального членения является уточнение понимания его компонентов – темы и ремы, потребность в котором обусловлена неоднозначностью изначального определения, предложенного В. Матезиусом. В работах разных исследователей встречаются следующие пары параметров, используемых для противопоставления темы и ремы:

(1) исходный пункт высказывания – то, что о нём сообщается;

(2) минимальная актуальная значимость – большая актуальная значимость;

(3) данность, предопределённость контекстом – новизна [Современный русский язык 1989: 706–707];

(4) конституирующий элемент акта сообщения – парный ему неконституирующий элемент [Янко 2001: 23].

Расхождения в понимании темы и ремы возникли в рамках ПЛК: (1) и (3) происходят непосредственно из определения В. Матезиуса, (2) – из концепции коммуникативного динамизма Я. Фирбаса. В то время как некоторые из этих параметров продолжают использоваться разными исследователями, распространено мнение, что критерий (3) не соответствует общепринятому распределению темы и ремы и потому его следует рассматривать как самостоятельную категорию и отдельный параметр противопоставления высказываний [Ковтунова 2002: 42–45]. Необходимость рассмотрения отдельных аспектов, традиционно связываемых с понятиями ремы и темы, как разных категорий, отмечается и другими исследователями [Kiefer 2005; Lapolla 2019].

Т. Е. Янко анализирует систему коммуникативных явлений, сопутствующих теме и реме, которые она называет *модифицирующими коммуникативными значениями*: контраст, верификацию (частный случай контраста) и эмфазу. Эти зна-

чения могут сочетаться и с темой, и с ремой и в этом случае влияют на формальное устройство высказывания [Янко 2001: 45–67].

Таким образом, в рамках отечественного языкознания сложилась традиция описания синтаксической парадигматики, основанная на применении знакового анализа теории к единицам уровня высказывания. Для этого элементы формального устройства высказывания, такие как порядок слов и интонация, соотносятся с содержательной стороной коммуникативного уровня языка, представленной типами высказываний, определяемыми их актуальным членением и дополнительными явлениями. Такой анализ потребовал критического переосмысления концепции актуального членения, связанного с уточнением понятий темы и ремы.

1.2.1.3. Теория информационной структуры

В англоязычной литературе концепция актуального членения получила распространение в виде теории информационной структуры предложения (англ. *information structure*), занимающей центральное место в современных функционально-ориентированных синтаксических исследованиях. В ней для обозначения компонентов, аналогичных теме и реме, используются пары терминов *topic* / *comment* и *topic* / *focus*.

Термин «информационная структура» введен в 1967 г. М. Халлидеем – представителем Лондонской лингвистической школы и учеником её основателя Дж. Фёрса. Предложение описывается М. Халлидеем в терминах парадигматики, через ряд выборов, совершаемых говорящим при его образовании. Область выборов, называемая М. Халлидеем темой, которая составляет вместе с переходностью и наклонением центральную часть системы предложения, формирует информационную структуру предложения, в которой его компоненты представляются как элементы сообщения [Halliday 1967: 199]. Эта система включает несколько функций: данное и новое [Там же: 206], тему и рему, соотносящиеся как исходный пункт сообщения и то, что о нём сообщается [Там же: 211–212], а также в некоторых случаях идентифицируемое и идентифицирующее [Там же: 224]. Используе-

мая терминология, а также обращение к работам Ф. Данеша и Я. Фирбаса являются свидетельством того, что на раннем этапе формирования эта концепция развивается под непосредственным влиянием ПЛК. Значимым для дальнейшего развития теории информационной структуры является тот факт, что в этой концепции обосновывается рассмотрение данного и нового как отдельной пары ролей.

Одним из наиболее значимых направлений современного функционализма является североамериканский функционализм, который сформировался как прямая реакция на генеративную лингвистику. Несмотря на долгую историю развития функционально ориентированных подходов к отдельным аспектам языковой системы, репрезентированную типологией порядка слов Дж. Гринберга [Greenberg 1963] и работами Д. Болинджера, посвящёнными интонации [Bolinger 1989], начальной фазой развития большинства течений североамериканского функционализма является сформировавшееся в генеративной лингвистике в 1970-е гг. движение, возглавленное У. Чейфом и С. Куно [Newmeyer 2001: 107–108].

У. Чейфу принадлежит теоретическое обобщение терминологических проблем, возникших в теории информационной структуры, связанных с использованием множества взаимозаменяемых терминов с неопределённым содержанием. Он предлагает следующий ряд терминов: данное (то, что находится в сознании слушающего в момент речи) и новое (то, что говорящий вносит в его сознание) [Чейф 1982: 281], контрастивность (предполагает фоновые знания о ситуации и выбор из ряда кандидатов, которые могут в ней участвовать) [Там же: 286], определённость (возможность отождествления с конкретным референтом) [Там же: 293], подлежащее (то, о чём в предложении сообщается информация) [Там же: 299], топик (пространственные, временные или личностные рамки, в которых описывается ситуация) [Там же: 309], точка зрения (участник, со стороны которого описывается событие) [Там же: 313]. В этом списке сохраняется противопоставление данного и нового, а традиционное понятие темы соединено с понятием подлежащего. Выделение компонентов контрастивности и определённости обусловлено тем, что предложение анализируется в контексте обмена информацией со слушателем. С этой точки зрения вся совокупность описанных явлений рас-

сматривается как «упаковка» (*packaging*) сообщения, подразумевающая приспособление сообщения к состоянию слушающего [Там же: 278].

Необходимость дальнейшего совершенствования терминологии показала Э. Принс. Проанализировав использование термина *givenness* ‘данность’, она приходит к выводу, что он употребляется в трёх значениях: (1) предсказуемость, (2) выделенность, нахождение «на поверхности» сознания слушателя, (3) отнесенность к общему знанию говорящего и слушателя [Prince 1981].

Наиболее полной и общепризнанной является теория информационной структуры, разработанная К. Ламбрехтом, который интегрировал в нее ряд достижений своих предшественников. В основе этой теории лежит понимание предложения как языкового способа выражения пропозиции; составляющие её референты обладают определёнными свойствами с точки зрения их ментального представления в сознании говорящего и слушающего. Эти свойства описываются тремя парами категорий: (1) пресуппозиция и ассерция, (2) идентифицируемость и активированность, (3) топик и фокус [Lambrecht 1994: 6]. Первая пара терминов заимствована из лингвистической прагматики и замещает понятия данного и нового. Пресуппозиция понимается К. Ламбрехтом как набор связанных с предложением пропозиций, которые, как считает говорящий, слушатель уже знает или готов принять за данность в момент произнесения предложения. Ассерция представляют собой выраженную в предложении пропозицию, которую, как ожидается, слушатель будет считать известной или истинной после произнесения предложения [Там же: 52]. Вторая пара соответствует определённости и данности в понимании У. Чейфа, т. е. характеризует способность слушающего соотнести компонент пропозиции с конкретным референтом и нахождение этого референта «на поверхности» сознания слушателя.

Понятия топика и фокуса, соответствующие понятиям темы и ремы в отечественной традиции, являются центральными понятиями теории информационной структуры. К. Ламбрехт определяет фокус как часть пропозиции, которая непредсказуема и прагматически невосстанавливаема и таким образом делает произнесение предложения, выражающего эту пропозицию, информативным [Там же:

217–218]. Топик определяется как референт, о котором в пропозиции сообщается релевантная информация, увеличивающая знание слушателя о нём [Там же: 127]. Таким образом, К. Ламбрехт рассматривает топик и фокус как отношения между референтами и выраженной предложением пропозицией: отношение конституирования в случае фокуса и отношение того, о чём говорится в пропозиции (англ. *aboutness*). Именно сами отношения между элементами пропозиции, а не соответствующие им лексические единицы и синтаксические составляющие, являются носителями новой информации. Соответственно, маркирование составляющей предложения, которое описывается как соответствующее топику или фокусу, сигнализирует об отношении к пропозиции референта этой составляющей, а не о данности или новизне самой составляющей или её референта [Там же: 209–210]. Таким образом, информационная структура понимается К. Ламбрехтом как компонент грамматики предложения, в котором пропозиция сопоставляется с лексико-грамматической структурой в соответствии с ментальным состоянием говорящих, воспринимающих эти структуры как единицы информации [Там же: 5].

Основной задачей ряда наиболее значимых направлений функционализма на настоящем этапе является разработка методологии описания грамматики языка, которая включает в себя как достижения методов, представленных в предыдущей главе, так и новые компоненты, необходимые для описания функционального аспекта языковой деятельности, среди которых значимое место занимает информационная структура. Наиболее известные примеры таких теорий включают *Systemic functional linguistics* М. Халлидея [Halliday, Matthiessen 2014], *Functional* (*discourse*) *grammar* С. Дика [Dik 1997a, 1997б], *West-coast functionalism* Т. Гивона [Givón 1983, 1984, 2001], *Role and reference grammar* Р. Ван Валина и У. Фоли [Van Valin 1993; Van Valin, Lapolla 1997], *Radical construction grammar* У. Крофта [Croft 2001].

Развитие теории информационной структуры является результатом эволюции функциональных идей в условиях преобладания генеративной лингвистики. Несмотря на критику формалистических подходов к языку Н. Хомского и его сто-

ронников, последователи функционализма переняли их методологию и терминологию. Ключевое влияние на формирование теории информационной структуры оказало её плодотворное взаимодействие с областями лингвистической семантики, теории дискурса и текстологии, которое вписывается в контекст общего антропоцентрического и междисциплинарного поворота, характерного для формирующейся когнитивной лингвистической парадигмы.

* * *

Таким образом, сформировавшаяся в рамках ПЛК теория актуального членения стала одним из самых значимых достижений структурного синтаксиса. Дальнейшее развитие этой теории осуществлялось за счёт формирования новых школ, исходящих из разных теоретических установок и привлекающих материал разных языков. Направление предыдущих этапов развития структурного синтаксиса оказало существенное влияние на итог этого процесса: в ПЛК развитие теории актуального членения было обусловлено учением В. Матезиуса, которое легло в основу теории трёх синтаксисов, в американской лингвистике – диалогом с генеративной лингвистикой, в отечественной – связями с ПЛК и влиянием теории моделирования структуры и семантики предложения.

В развитии теории актуального членения наблюдаются две тенденции: во-первых, уточнение самого понятия актуального членения за счет выявления его связей с явлениями прагматики и теории референции, во-вторых, систематизация моделей выражения коммуникативных значений. Первое диктуется общим поворотом лингвистики к изучению связи языка и мышления, второе – сближением коммуникативного синтаксиса с структурно-семантическим. Парадоксальным образом функциональная лингвистика приходит к заключению, что та часть синтаксических явлений, которая на этапе выявления синтаксических инвариантов отбрасывалась как случайная, несущественная и неязыковая составляющая, является частью другой языковой синтаксической системы, также нуждающейся в систематическом описании. Это направление развития функциональной лингвисти-

ки, предвосхищённое В. Матезиусом, обусловило формирование нового вида описания языковой системы – функциональной грамматики, становление которой может считаться определяющим фактором современного этапа развития идей структурализма.

1.2.2. Единицы коммуникативного синтаксиса и их отношение к структурно-семантическим единицам

В рамках данной работы интерпретация коммуникативных явлений обусловлена представлением о предложении как структурно-семантической единице синтаксиса. Коммуникативный анализ имеет дело с единицами собственного уровня, рассматриваемыми как отражение структурно-семантических единиц.

1.2.2.1. Речевые и языковые единицы коммуникативного синтаксиса

В современной лингвистике термины *предложение* и *высказывание* употребляются непоследовательно и часто взаимозаменяемо [Падучева 1985: 29–30; Гак 1998: 243]. В рамках структурно-семантического подхода предложение рассматривается как единица языка, инвариант, обобщающий множество конкретных и потенциальных речевых явлений на основании общих структурно-семантических признаков. Следуя этой традиции, мы сохраняем термин *предложение* за инвариантом и употребляем термин *высказывание* для обозначения фрагмента речи, рассматриваемого как выражение законченной мысли. В исследованиях, посвящённых интонации, единица анализа, соответствующая высказыванию, иногда обозначается термином *фраза*, который мы в рамках данной работы будем считать синонимичным термину *высказывание*.

Высказывание является единственной доступной непосредственному наблюдению исследователя синтаксической единицей и, соответственно, лежит в основе любых методов моделирования речевой деятельности. С структурно-семантической перспективы высказывание анализируется как речевая репрезен-

тация предложения – единицы языка, устанавливающей соответствие между формальной и семантической структурами. Это определяет рассмотрение высказывания как единицы, сочетающей в себе два аспекта: первым аспектом является его отношение к предложению, в то время как второй связан с механизмами, задействованными при формировании высказывания на основе предложения, отражающими способ его существования в контексте коммуникации.

Каждое предложение может быть репрезентировано потенциально бесконечным множеством высказываний. Каждое конкретное высказывание является результатом индивидуального речемыслительного процесса и, в соответствии с пониманием Ф. де Соссюра, является единицей речи. Однако характеристики, отличающие каждое конкретное высказывание, не являются произвольными, а отражают систему свойств, отличающих высказывание от предложения, которые могут быть систематизированы.

Системная вариативность единиц языка описывается в рамках их парадигматики. Под *парадигмой* синтаксической единицы (ТСС, ЭПП или предложения) мы понимаем систему её вариантов, сохраняющих конституирующие признаки исходной единицы, но находящихся в оппозиции по отношению друг к другу по некоторым признакам. В роли таких признаков рассматриваются, например, утвердительность / отрицательность, темпоральность, персональность, модальность, фазисность [Кошкарева 2006: 67]. Частным случаем парадигматики синтаксической единицы является её *коммуникативная парадигма*, отражающая основные возможности её варьирования, обусловленные коммуникативными факторами.

Коммуникативная парадигма состоит из *коммуникативных вариантов* (КВ). КВ представляет собой промежуточное звено в системе синтаксических единиц, необходимое для формализации отношений между двумя другими (предложение – коммуникативный вариант – высказывание). В этой же функции употребляется термин *аллопредложение* (англ. *allosentence*), введённый Ф. Данешем [Lambrecht 1994: 6]. В рамках используемой нами системы терминов можно дать следующее определение аллопредложения: два высказывания называются аллопредложениями, если репрезентируют одно и то же предложение и их денотативное содержа-

ние совпадает. Сходную функцию может выполнять термин *тип высказывания*, обозначающий единицу, отражающую сходство между высказываниями, репрезентирующими разные синтаксические структуры.

Понятие **коммуникативной структуры** (КС), введённое Т. Е. Янко, позволяет рассматривать значимые свойства высказывания отстранённо от свойств конкретного предложения. Коммуникативная структура определяется как двусторонняя единица, планом выражения которой является цепочка словоформ с заданной на ней системой тональных коммуникативно релевантных акцентов, а планом содержания – фрагменты семантического представления ситуации, где каждый фрагмент предназначен для функционирования в определённой коммуникативной роли [Янко 2001: 34].

В рамках данной работы мы употребляем термин *коммуникативный вариант* для обозначения языковой единицы, репрезентирующей возможности модификации структуры ТСС, отражающие её приспособление в процессе коммуникации, а термин *коммуникативная структура* – для обозначения внутреннего устройства КВ, отличающего его от исходной ТСС.

1.2.2.2. План содержания коммуникативных единиц

Так как высказывание является речевым отражением предложения как знака языка, то само высказывание представляет собой знак речи.

Исторически термин *пропозиция* мог употребляться как обозначение плана содержания высказывания. Два употребления этого термина представляют собой закономерное отражение соответствия между семантикой высказывания и предложения. Так, М. И. Черемисина, А. А. Озонова и А. Р. Тазранова рассматривают пропозицию предложения как результат обобщения пропозиций множества конкретных высказываний [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 43–44]. З. Д. Попова также предлагает различать два вида пропозиций: пропозиция высказывания, которая конкретно денотативна и отражает речевую ситуацию, и пропозиция структурной схемы простого предложения [Попова 2001: 221–226].

Сходное различие проводит К. Ламбрехт, который употребляет термин «пропозиция» как в абстрактном, так и в денотативном значении [Lambrecht 1994: 53].

В. Г. Гак вводит для обозначения плана содержания высказывания понятие *ситуации*, определяемое как «совокупность элементов в сознании говорящего в объективной действительности». Денотат высказывания, т. е. координация материальных объектов и их состояний, составляет ядро ситуации. Кроме него в состав ситуации входят явления коммуникативно-модального характера, такие как информированность собеседников и позиция говорящего [Гак 1998: 251–252].

План содержания коммуникативного варианта отражает его промежуточное положение между предложением и высказыванием: означаемое единиц уровня КВ, в отличие от высказывания, не денотативно, но и не совпадает с означаемым предложения. Новым элементом этого значения является коммуникативность, связанная с тем, что КВ предназначен для использования в определённых типовых коммуникативных ситуациях. Приспособленность КВ к ним выражается в том, что в нём наравне с семантическими и грамматическими появляется представление о коммуникативных ролях, в которых реализуется, по выражению Г. А. Золотовой, «иной аспект отношений между теми же компонентами» [Золотова 1973: 332].

В рамках данной работы мы используем термин *ситуация* для обозначения совокупности аспектов, характеризующих план содержания коммуникативных единиц и включающей как структуру предметной ситуации, описываемую в терминах семантического синтаксиса, так и перспективу, с которой эта ситуация рассматривается, обусловленную коммуникативными факторами и составляющую план содержания коммуникативной структуры.

* * *

Таким образом, основной единицей коммуникативного уровня синтаксиса является *коммуникативный вариант* – устойчивая разновидность структурно-семантической единицы (предложения или ТСС), в которой отражаются как спо-

собы формального варьирования исходной единицы, так и представление о предназначенности компонентов плана содержания этой единицы для выполнения коммуникативных функций.

1.2.3. Моделирование плана содержания коммуникативной структуры

План содержания коммуникативной структуры представляет собой совокупность коммуникативно релевантных значений, приписываемых структурно-семантическим компонентам исходного предложения.

Особенностью плана содержания коммуникативных структур является сложность определения границы между собственно планом содержания структуры и характеристиками контекста, определяющими её выбор.

Рассмотрим диалог, в котором участвуют адресат и адресант, частью которого является высказывание U, на денотативном уровне рассматриваемое как обозначающее предмет или ситуацию X, причём в коммуникативном плане высказывание U рассматривается как приписывающее X свойство ATTR. Коммуникативная вариативность предполагает возможность противопоставления двух способов выразить одно и то же денотативное содержание (высказывания U_1 и U_2), таких, что X в них получает разную коммуникативную характеристику (например, как характеризующееся или не характеризующееся свойством ATTR или обладающее его разновидностями $ATTR_1$ и $ATTR_2$).

Свойства, которые рассматриваются как релевантные для коммуникативного анализа, различаются с точки зрения того, какие функции они выполняют в коммуникации и, соответственно, какое место они занимают в системе коммуникативных вариантов. В этом отношении можно выделить два типа ситуаций, репрезентирующие разные типы коммуникативных свойств.

Ситуация 1. Противопоставление между U_1 и U_2 отражает намеренный или непроизвольный выбор адресанта изобразить X как обладающее ATTR. Для этого необходимо, чтобы адресат не считал известным, что X обладает ATTR, или как минимум не предполагал, что в намерения адресанта входит это сообщить, в ре-

зультате чего U_1 и U_2 являются равноценными вариантами развития коммуникации. В таком случае можно утверждать, что «U_1 выражает свойство ATTR предмета X».

Ситуация 2. Из общих фоновых знаний участников коммуникации следует, что X характеризуется ATTR, следовательно, в существующем контексте U_1 является единственным уместным способом выражения рассматриваемой ситуации. Использование U_1, таким образом, отражает приспособление структуры предложения к условиям коммуникации и не обладает непосредственной значимостью с точки зрения её участников.

Ситуации второго типа подчёркивают различие отношения адресата и адресанта к сообщаемой информации. Адресант, как правило, располагает полным представлением о предметном устройстве ситуации, в то время как адресат формирует это представление в результате восприятия высказывания, что требует соотнесения компонентов высказывания с существующим представлением адресата о предметном мире. С этой точки зрения указание на определённое место ситуации или её компонентов в общих фоновых знаниях собеседников является необходимым элементом успешной коммуникации.

По нашему мнению, большинство коммуникативных характеристик, выделяемых как компоненты темы и ремы или самостоятельные значения коммуникативного уровня, соответствуют типу ситуации 2, т. е. представляют собой не напрямую контролируемые адресатом компоненты значения высказывания, а факторы, учитываемые говорящим при выборе оптимального для удачного акта коммуникации в данных коммуникативных условиях способа организации высказывания.

Ключевой характеристикой коммуникативной структуры является её актуальное членение, т. е. разделение на тему и рему. Под ремой мы, вслед за Т. Е. Янко, понимаем совокупность компонентов структуры предложения, выступающих в рамках данного контекста как конституирующий элемент коммуникативного акта сообщения, а под темой – совокупность не-

конституирующих компонентов, которые выполняют функцию связи высказывания с контекстом и экстралингвистической реальностью [Янко 1999: 30].

Разделение на эти компоненты не во всех случаях может описываться как бинарное, обоснование чего можно найти у В. Матезиуса: при наличии в ядре или исходном пункте высказывания нескольких элементов центральным является только один, а остальные – сопутствующими [Матезиус 1967: 243]. Если в составе ремы или темы оказывается несколько компонентов, то среди них могут быть выделены компоненты с большей или меньшей значимостью, которая определяется совокупностью их коммуникативно релевантных свойств (таких как их идентифицируемость, активированность и предсказуемость). При описании иерархических отношений между компонентами темы используются термины *первичная* и *вторичная тема* (англ. *primary topic, secondary topic*), применение которых подробно рассмотрено И. А. Николаевой на материале хантыйского языка [Nikolaeva 2001]. При описании ремы принято рассматривать её как целостный комплекс, но выделять в её составе главный компонент, называемый её ядром или центром.

Спецификой нашего подхода является моделирование плана выражения коммуникативной структуры на основе функций высказывания в дискурсе и отношений высказывания и его содержательных компонентов, обусловленных контекстом его употребления. Принципы такого анализа подробно рассмотрены в разделе 3.1.

1.2.4. Моделирование плана выражения коммуникативной структуры

План выражения коммуникативной структуры варьируется от языка к языку, так как в конкретных языках при выражении одних и те же коммуникативных значений могут быть задействованы разные формальные средства. Тем не менее набор средств, потенциально участвующих в формировании коммуникативных значений, ограничен.

Каждый компонент плана выражения коммуникативной структуры представляет собой отвлечённую репрезентацию одного из свойств, демонстрирую-

щих отличие высказывания от лежащих в их основе структурно-семантических единиц синтаксиса. Такие свойства определяются базовыми свойствами высказывания, такими как его лексическая наполненность, линейность и материальная воплощённость, а также допущениями, принятыми при конструировании структурно-семантических единиц синтаксиса, связанными с возможностью варьирования морфосинтаксических средств формирования ы и способов выражения отдельных компонентов синтаксической структур без нарушения ее единства.

Рассмотрение конкретного свойства как компонента коммуникативной структуры определяется способностью этого свойства быть задействованным при формировании коммуникативно релевантных оппозиций. Так, свойство ATTR является компонентом коммуникативной структуры, если существует ряд высказываний, рассматриваемых как реализации одной и той же синтаксической структуры, эквивалентных с точки зрения всех семантических признаков и формальных свойств, кроме ATTR, между которыми наблюдаются различия коммуникативного характера.

Общий состав признаков, относимых нами к плану выражения коммуникативной структуры, сформулированных в терминах, которые используются в данной работе, приведён в Таблице 1.

Таблица 1

Компоненты плана выражения коммуникативной структуры

Компонент плана выражения коммуникативной структуры		**Пояснение**
Линейно-интонационная структура	Порядок составляющих	Линейное расположение компонентов синтаксической структуры
	Фразовая интонация	Просодическое оформление компонентов синтаксической структуры
Конструктивная вариативность синтаксической структуры		Противопоставление разных способов формальной организации высказываний, рассматриваемых как реализации одной ТСС (обусловленных залогом, спряжением, способом маркирования и согласования отдельных компонентов)
Способы выражения компонентов синтаксической структуры	Собственно способ выражения компонента	Выбор лексемы определённой части речи при выражении компонента структуры, а также его имплицитное выражение

	Вторичные аспекты способа выражения компонента	Включение в состав реализации компонента вторичных свойств: факультативных по отношению к синтаксической структуре определителей, служебных слов (частиц, междометий, артиклей), морфологических маркеров (посессивность)

Набор компонентов, выделяемых разными исследователями, варьируется в зависимости от конкретного языкового материала и теоретических установок, но в целом сводим к предложенным здесь. Так, Н. Б. Кошкарева при описании способов выражения актуального членения в СДХЯ выделяет синтаксические (порядок составляющих и некоторые конструктивные средства), морфологические, лексические и интонационные средства [Кошкарева 2007: 34]. Мы считаем термин *синтаксические средства* неудачным, поскольку относим все рассматриваемые явления к сфере синтаксиса. Большинство средств, традиционно называемых *морфологическими* (также *морфосинтаксическими*), мы рассматриваем как разновидность конструктивных, поскольку участие большинства морфологических категорий (как, например, категории залога) при выражении коммуникативных значений не может быть оторвано от того факта, что они являются средством формирования синтаксической конструкции как способа выражения отношений между ее компонентами, а образуемые ими оппозиции часто характеризуются варьированием не одной морфологической категории, а совокупности факторов, связанных с изменением принципов организации структуры (в случае залога – выбором других способов падежного маркирования компонентов).

Таким образом, план выражения коммуникативной структуры образуется комплексом средств, в традиционном языкознании относимых к разным уровням языка, что обусловливает необходимость совмещения при описании коммуникативной вариативности методов анализа, разработанных в рамках разных направлений лингвистики. Методы такого анализа, релевантные для настоящего исследования, будут рассмотрены в соответствующих разделах главы 3.

Выводы

В рамках данной работы в качестве базовой единицы структурно-семантического анализа рассматривается ТСС – устойчивое синтаксическое построение с общим прототипическим смыслом. Одной ТСС соответствует множество предложений, план содержания которых описывается в терминах семантического синтаксиса. Коммуникативная парадигматика ТСС репрезентируется через совокупность её коммуникативных вариантов, которые отражают как комплексную систему способов формального варьирования ТСС, так и представление о предназначенности семантических компонентов соответствующих ТСС предложений для выполнения определённых коммуникативных функций. В основе коммуникативного анализа лежит представление об актуальном членении – разделении коммуникативной единицы на две части, предназначенные для выполнения разных функций в речевом акте сообщения.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной главе рассматриваются ТСС сургутского диалекта хантыйского языка, используемые при выражении бытийно-пространственных и смежных с ними значений, и аспекты вариативности, которые учитываются при проведении границ между реализациями этих и других ТСС.

Так как любое описание морфологической и синтаксической системы языка неизбежно затрагивает аспекты языковой системы, связанные с формированием и функционированием бытийно-пространственных ТСС, то рассматриваемые в этом разделе вопросы частично освящены в существующей литературе, в частности в грамматике СДХЯ, составленной М. Чепреги [2017]. Работа также опирается на основы структурно-семантического анализа бытийно-пространственных предложений, заложенные в работах М. И. Черемисиной [2004], Н. Б. Кошкаревой [1996, 2002, 2004б, 2007б, 2015, 2018], В. Н. Соловар [1991, 2002, 2010а, 2010в, 2011а, 2011б, 2015, 2016] и исследователей других языков Сибири [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Шилова 2002, 2003аб; Невская 1997, 2005; Чугунекова 2013, 2016, 2020а, 2020б; и др.].

2.1. Материалы исследования

Настоящее исследование основано на анализе разнородного круга материалов, репрезентирующих разные формы функционирования СДХЯ. В данном разделе охарактеризован состав рассматриваемого корпуса, принципы формирования выборки и первичного анализа примеров реализации бытийно-пространственных ТСС.

2.1.1. Состав анализируемого корпуса

Рассматриваемый корпус включает тексты разных жанров, созданные носителями разных говоров СДХЯ и зафиксированные как в устной, так и в письменной форме бытования.

Наибольшую долю корпуса составляют произведения сказочной и несказочной прозы, опубликованные в сборниках фольклорных текстов [Детские сказки варьёганских ханты 2006; Сказки, рассказы с реки Лямы 2013; Чепреги 2015; Три мудрых совета 2020; Голоса Югана 2021] и базах данных [ОУИПИиР; Ob-Ugric database], а также извлечённые из архива, предоставленного Н. Б. Кошкаревой. При работе с двумя рассматриваемыми сборниками [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013; Голоса Югана 2021] в анализ были включены образцы песенного фольклора, однако, вследствие специфики этого жанра, отбор таких высказываний был ограничен. В ряде сборников [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013; Чепреги 2015] и архивных материалах также представлены тексты на бытовые темы и образцы разговорной речи. Существенную часть корпуса составляют два художественных произведения Е. Д. Айпина: «В тени старого кедра» [Айпин 2003а] и «Я слушаю землю» [Айпин 2003б]. В Таблице 2 приведены сведения об объёме основных подкорпусов рассматриваемого корпуса.

Таблица 2

Объём основных рассматриваемых подкорпусов [3]

Подкорпус	**Объём**	
	высказываний	**словоупотреблений**
Художественные произведения Е. Д. Айпина	4068	26455
Детские сказки варьёганских ханты	1411	7427

[3] Приводимая оценка объёма корпуса определяется структурой базы данных FieldWorks Language Explorer и разбиением текста в источнике: высказыванием считается сегмент текста, оформленный как отдельная единица структуры текста, которая в источниках со сплошной нумерацией может не совпадать с высказыванием в коммуникативном смысле, словоупотреблением – вхождение группы слов, рассматриваемых как комплексное слово с точки зрения структуры базы данных.

Сказки, рассказы с реки Лямы	2056	13382
Сказки и рассказы сургутских ханты	2475	18799
Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной	372	2162
Голоса Югана	1264	8058
Всего	11646	76283

Большинство использованных источников представляют собой публикации текстов, созданных в период 1990–2020 гг., и, таким образом, могут рассматриваться как отражающие современное состояние СДХЯ. Исключение составляют материалы, собранные Х. Паасоненом во время экспедиции 1901 г. и подготовленные к публикации Э. Вертеш [Paasonen, Vértes 2001], которые входят в состав Обско-угорской базы данных [Ob-Ugric database].

Более подробная информация об источниках приведена в Приложении А.

Использование источников, представляющих собой связные тексты, обусловлено тем, что представленный в них контекст позволяет определить коммуникативные статусы компонентов ТСС и проследить роль каждой конкретной реализации в общей стратегии построения текста. При характеристике структурно-семантической вариативности рассматриваемых ТСС в качестве дополнительного материала привлекались примеры из нетекстовых источников [Терешкин 1981; РХР 2006; КРХС 2016; ХРТС 2018]. В качестве примера публицистических текстов также рассмотрены четыре статьи на сургутском диалекте, опубликованные в газете «Хӑнты ясӑӈ».

Результаты исследования были дополнительно верифицированы в ходе полевой работы с носителями сургутского диалекта хантыйского языка, проведённой в январе 2025 г. в г. Лянтор Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Опрос носителей был ориентирован на сбор реализаций рассматриваемых ТСС в коммуникативных условиях, сформированных при помощи стимулов, описывающих коммуникативную ситуацию, а также сбор образцов свободной диалогической речи носителей на заданную тему.

2.1.2. Принципы формирования выборки

Частотность реализаций бытийно-пространственных ТСС затрудняет формирование их сплошной выборки из большого массива текстов. При отборе примеров, используемых в данной работе, учитывалась их способность репрезентировать явления, значимые на уровне коммуникативной организации высказывания, поэтому в основную часть выборки не были включены частотные реализации рассматриваемых ТСС с эллипсисом нескольких компонентов, делающих их малоинформативными с точки зрения описания порядка составляющих, за исключением случаев, в которых такие реализации могут иллюстрировать употребление морфосинтаксических или лексических средств формирования коммуникативной структуры. Кроме того, в выборку не включались реализации, отражающие осложнение структуры исходной ТСС, например реализации ТСС движения со значением цели (*кӯл-войәӽ кәнӌӌахә мән* ‘пошёл охотиться’) и бытийной ТСС со значением пребывания в состоянии (*ӆӑӈкӆәӽ оӄәсӆ* ‘сидит молча’).

Количество реализаций рассматриваемых ТСС в каждой группе источников представлено в Таблице 3.

Таблица 3

Распределение выборки по анализируемым источникам

Источник	**Количество примеров**		
	бытийной ТСС	**ТСС движения**	**ТСС перемещения**
Художественные произведения Е. Д. Айпина	121	179	97
Детские сказки варьёганских ханты	9	48	16
Сказки, рассказы с реки Лямы	77	105	70
Сказки и рассказы сургутских ханты	65	121	69
Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной	32	62	67
Голоса Югана	29	120	57
OUDB Paasonen Yugan Khanty corpus	46	58	27
Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой	60	47	10
Прочие источники	11	25	12
Всего	450	765	425
	1640		

Для контрастного анализа также используется ограниченная выборка, включающая 237 реализаций акциональной ТСС, отобранных из тех же источников.

2.1.3. Обработка и форма представления материалов

Рассматриваемые тексты предварительно размечены с использованием программного обеспечения Fieldworks Language Explorer (FLEx), разработанного SIL International [FieldWorks language explorer]. В ходе работы сформированы принципы глоссирования, основанные на Лейпцигских правилах глоссирования [The Leipzig Glossing Rules] и скорректированные с учётом особенностей используемого программного обеспечения и морфологической системы рассматриваемого языка.

При анализе части источников (сборников [Чепреги 2015; Три мудрых совета 2020] и архивных материалов) привлекаются аудиоданные, обработанные с использованием программы Praat [Boersma, Weenink 2024].

Материалы, собранные от носителей СДХЯ в ходе полевой работы, были сегментированы и транскрибированы при помощи ELAN [4].

Приводимые в тексте работы примеры сопровождаются несколькими уровнями описания. В начале примера в некоторых случаях дается краткое описание контекста, необходимого для понимания коммуникативной ситуации, в которой употреблено высказывание. Затем приводится текст примера в том виде, в котором он представлен в первоисточнике, причём часть текста, не подвергаемая анализу, помещена в квадратные скобки. В следующем за этим глоссировании используется унифицированное графическое представление, соответствующее вари-

[4] ELAN (Version 7.0). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive. URL: https://archive.mpi.nl/tla/elan (дата обращения: 20.01.2025)

анту современной орфографической нормы СДХЯ, принятому при формировании базы данных FLEx. В конце примера даётся его перевод на русский язык. Первым приводится при наличии перевод, данный в первоисточнике, с указанием на источник и номер страницы, на которой расположен перевод, если они отличаются от источника и номера страницы, на которых расположен исходный текст. Затем при необходимости приводится предлагаемый нами перевод, наиболее последовательно отражающий структуру, семантику и коммуникативную организацию исходного хантыйского высказывания средствами русского языка (помечен *перевод ИМП*). В качестве иллюстрации к используемой модели представления примеров см. (1):

(1) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукәт ӆўваты суцәт, [*пыриӆәӆ, ӈўты йәӌ*] [Айпин 2003а: 53].
пастук=әт=∅ ӆўв=ат=ы сөч=әт
пастух=PL=NOM он=OBL=DAT шагать=SUBJ.3PL
‘Подошли пастухи [узнать, что случилось]’ [Айпин 1986: 170].
‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось]’ (перевод ИМП).

2.2. Структура и типы пространственных ситуаций

Выделение блока бытийно-пространственных ТСС основывается на представлении о наличии у этих структур общей ядерной семантики, связанной с выражением отношений между предметами в пространстве. Анализ состава, устройства и вариативности этих ТСС требует системного представления об их прототипической семантике.

Пространственные отношения и способы их выражения в разных языках являются объектом множества специальных исследований [Кибрик 1970; Talmy 1972, 1975, 1985, 2000; Всеволодова, Владимирский 1982; Арутюнова, Ширяев 1983; Svorou 1994; Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Levinson 1996; Мельчук 1998; ТФГ; с 2002; Шилова 2002; Slobin 2004; Майсак 2005; Невская 1997, 2005; Буторин 2008а, 2008б, 2012, 2015, 2017; Горбунова 2016; Дурова 2016; Чугунекова 2013, 2016, 2020а, 2020б; Тестелец и др.]. Существенные различия меж-

ду разными подходами обусловлены выбором перспективы. Наиболее общую перспективу отражают работы когнитивного направления, ориентированные на анализ проблемы концептуализации пространства в языке [Talmy 1972, 1975, 1985, 2000; Levinson 1996]. Работы, выполненные в рамках отечественной синтаксической традиции, ориентированы на описание пространственных отношений через призму конкретных синтаксических единиц, в которых они воплощаются – бытийно-пространственных предложений, ЭПП или ТСС [Всеволодова, Владимирский 1982; Арутюнова, Ширяев 1983; Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Шилова 2002; Невская 2005; Горбунова 2016; Дурова 2016]. Другие подходы ориентированы на анализ пространственных значений как элементов именной [Кибрик 1970; Тестелец] или глагольной [Плунгян 2002] семантики и морфологии, а также путей формирования вторичных функций средств выражения пространственных значений [Майсак 2005].

Перспектива, выбранная в данном исследовании, определяет рассмотрение пространственных отношений как компонента плана содержания синтаксических структур. В рамках структурно-семантического синтаксиса семантика таких структур описывается в терминах пропозиций, однако конкретный набор пропозиций, связанных с категорией пространства, является предметом споров, а их структура недостаточно детальна, чтобы раскрыть на пропозициональном уровне некоторые аспекты представления пространственных категорий в языке. По этой причине в данном разделе мы используем термин *ситуация*, введённый В. Г. Гаком, имея в виду то, что пропозиция является инструментом обобщения бесконечного множества однотипных ситуаций. Наш анализ касается наиболее устойчивых типов пространственных ситуаций, находящих системное отражение в соответствующих синтаксических единицах, и потому не претендует на полный охват разнообразных пространственных отношений, которые могут быть выражены средствами разных языков.

Рассмотрим некоторое высказывание, обозначающее пространственную ситуацию. Термин *пространственная ситуация* может пониматься двояко. В широком понимании он охватывает существующее в реальности положение дел, вклю-

чающее широкий комплекс предметов, их свойств и отношений между ними. Высказывания естественного языка обозначают не всю ситуацию в целом, а некоторую её интерпретацию, отвечающую конкретным задачам коммуникации. *Пространственная ситуация* в узком понимании, которое мы будем использовать далее, обозначает совокупность аспектов этого положения дел, которые рассматриваются как непосредственно обозначенные высказыванием. Следует учитывать, что общие принципы коммуникации обеспечивают возможность достраивания адресатом коммуникации более полного образа пространственной ситуации, что относится к уровню прагматики и выходит за рамки пространственной ситуации в предлагаемом понимании. Анализ пространственных ситуаций, обозначаемых высказываниями данного языка, позволяет выделить группу аспектов, которые могут служить основанием для построения и анализа единиц более высокого уровня. Мы разделили эти аспекты на три категории: ключевые, являющиеся необходимым компонентом любой пространственной ситуации (2.2.1), и связанные с двумя комплексными явлениями – динамикой (2.2.2) и каузацией (2.2.4).

2.2.1. Общее устройство пространственной ситуации

Общепринятым является представление о том, что любая пространственная ситуация включает два предметных участника, в разных традициях имеющих разные обозначения: бытующий предмет и локализатор [Арутюнова, Ширяев 1986: 14], субъект и локатив [Шмелёва 1988: 17], локализуемый объект и локализатор [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 12–13; ТФГ: 8], фигура (англ. *figure*) и фон (англ. *ground, reference object*) [Talmy 1975: 181; 2000: 184], объект и ориентир [Плунгян 2002], локализуемый объект и опорный локум [Невская 2005: 10], агенс или нейтрал и место [Мустайоки 2006: 208], субъект (экзисциенс или агенс) и локализатор [Кошкарева 2016: 131–134].

Эти участники традиционно рассматриваются как заведомо неэквивалентные. Так, в трактовке Л. Талми пространственное положение фигуры определяется на основании предварительно известных положения в пространстве и геомет-

рической организации фона. В качестве потенциальных оснований для противопоставления фона и фигуры рассматривается серия их свойств, таких как размер, изменчивость их положения в пространстве, контекстуальная значимость и т. п. [Talmy 2000: 182–183]. Такое противопоставление не присуще предметам действительности и возникает на уровне интерпретации предметов как участников пространственной ситуации. На семантическом уровне это противопоставление имеет отчасти условный характер, так как в определённых контекстах выбор фигуры и фона может рассматриваться как в определённой степени случайный и потенциально реверсируемый. Однако этот выбор является ключевым для соотнесения семантического устройства высказывания с формальным, на котором противопоставление ролей предметных участников соотносится с выбором способов их кодирования.

В дальнейшем для обозначения этих компонентов мы будем использовать следующие термины:

– **субъект локализации** – предметный участник ситуации, пространственные отношения которого раскрываются в высказывании;

– **опора локализации** – предметный участник ситуации, по отношению к которому раскрываются пространственные отношения субъекта локализации;

– **отношение локализации** – пространственное отношение, устанавливаемое между субъектом и опорой. Разнообразие потенциальных отношений локализации велико, поскольку они могут учитывать сложное геометрическое устройство субъекта и опоры, их динамику, а также отражать специфику концептуализации пространственных отношений, обусловленную культурными факторами, являющимися предметом исследований С. К. Левинсона [Levinson 1996]. Однако в большинстве случаев отношение локализации может быть сведено к относительно ограниченному набору типов локализации;

– **тип локализации** – характеристика пространственного отношения между субъектом и опорой локализации. Основные типы локализации, частотно находящие отражение на языковом уровне, исчислены И. А. Мельчуком в виде граммем локализации [1988: 53–54]:

Таблица 4

Основные типы локализации по И. А. Мельчуку

Формулировка	Обозначение префиксом
в	ИН-
на	СУПЕР-
под	СУБ-
перед	АНТЕ-
сзади	ПОСТ-
на боковой стороне	АД-
у / около	АПУД-
вокруг	ЦИРКУМ-
между	ИНТЕР-

– **область локализации** – целостный семантический комплекс, обозначающий фрагмент пространства, определяемый совокупностью опоры и типа локализации. Для иллюстрации функций этого термина рассмотрим пример (2):

(2) *Кэр ӧвтынэ пӧльтьи путэли омэсӆ* [Чепреги 2015: 6].
кэр ӧвты=нэ пӧльчи пут=эли=∅ омэс=ӆ=∅
печь верх=LOC жир горшок=DIM=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘В печке – горшок с жиром вытопленным’ [Чепреги 2015: 59].
‘На печке стоит горшок с жиром’ (перевод ИМП).

В нём область локализации, обозначенная сочетанием *кэр ӧвтынэ* ‘на печи’ представляет собой срез пространства на поверхности печи. Субъект локализации *горшок* расположен в пределах этой области, однако она может быть шире, чем та часть поверхности печи, на которой действительно расположен субъект. Необходимость определения области локализации как элемента пространственной ситуации определяется тем, что в процессе коммуникации определённым статусом может наделяться как опора, так и вся область локализации. Например, область локализации может быть обозначена местоимениями типа *тӧт* ‘там’.

Сочетание трёх компонентов (субъекта, опоры и отношения с определённым типом локализации) составляет базис любой пространственной ситуации.

2.2.2. Динамика пространственной ситуации

Динамика как аспект пространственной ситуации, как правило, выражается путём противопоставления двух типов пространственных ситуаций: статических и динамических. Так, Л. Талми выделяет в структуре пространственной ситуации компонент *движение* (англ. *motion*), который принимает одно из двух состояний – движения (англ. *motion*) или местонахождения (англ. *location*). Несмотря на то, что это противопоставление занимает центральное место в организации системы пространственных ситуаций, границы между соответствующими типами остаются нечёткими.

Статические пространственные ситуации являются более простыми и могут рассматриваться как базовые при описании динамических. Прототипическая статическая пространственная ситуация характеризуется двумя факторами:

– субъект локализации пребывает в покое или совершаемые ими движения в данном контексте считаются пренебрежимыми;

– рассматриваемое пространственное отношение имеет неизменный характер или характер его изменений в данном контексте пренебрежим.

Соответственно, отличие динамических пространственных ситуаций от статических обусловлено двумя факторами:

– субъект локализации пребывает в состоянии движения, т. е. не находится в состоянии покоя;

– пространственные отношения между субъектом и опорой локализации изменчивы.

Эти факторы не обязательно взаимосвязаны. Так, высказывания типа (3), репрезентирующие тип предложений со значением движения в замкнутом локусе [Кошкарева 2018: 57], обычно описывается как обозначающие движение субъекта, но не характеризуют его изменчивость по отношению к опоре локализации:

(3) *…тэми тьӧ̆хал тӧйнə њӧхəс йӑӈӄилəл* [Голоса Югана 2021: 80].
тэми чӧ̆хал тӧй=нə њӧ̆хəс=∅ йӑӈӄ=илʲ=əлʲ=∅
EVID чувал верх=LOC соболь=NOM ходить=MULT=NPST=SUBJ.3SG
‘…на верхушке чувала [5] соболь ходит.’

По этой причине мы считаем возможным разграничение двух аспектов пространственной ситуации:

– характеристика субъекта или опоры локализации как движущихся или пребывающих в покое;

– характеристика пространственного отношения как изменчивого или неизменчивого.

Первый аспект может быть обозначен термином *движение*. Ситуации, которые включают движущийся предмет, предполагают деятельность или состояние, которые приводят к изменчивости его пространственных отношений с бесконечным количеством точек пространства. В любой предметной ситуации движения сочетается потенциальное множество разнотипных пространственных явлений, поскольку пространство наполнено бесконечным количеством предметов, которые могут рассматриваться как опора локализации, однако языковое мышление выхватывает один из аспектов пространственной ситуации, релевантный в рамках конкретного акта коммуникации.

Таким образом, можно считать, что высказывание обозначает ситуацию движения, если в нём актуализируется представление о комплексном характере изменения положения предмета в пространстве, обусловленном набором совершаемых им действий (*ходить*, *бегать*, *прыгать*, *ползти*) или его состоянием, являющимся следствием физических процессов (*катиться*, *лететь*, *падать*). Однако такие высказывания могут обозначать динамическую пространственную ситуацию только в самом общем виде, если в них нет указания на конкретную опо-

[5] *Чувал* (сург. хант. *тьӧ̆хал, чӧ̆хал*) – открытый очаг из жердей, обмазанных глиной, с прямым дымоходом [Голоса Югана 2021: 38].

ру, отношение к которой изменяется. Термин «движение» может использоваться как обобщающий по отношению к разнородным динамическим пространственным ситуациям, поскольку он фиксирует определённые особенности восприятия этих ситуаций. Однако движение как процесс не эквивалентно динамизму отношений, но составляет базис для разнотипных динамических пространственных отношений, которые возникают в ходе движения.

В динамических пространственных ситуациях отношение между субъектом и опорой локализации осложнено дополнительным признаком, обусловленным его потенциальной изменчивостью. Этот параметр отношения мы будем называть *типом динамики отношения*:

– **тип динамики отношения** – характеристика изменчивости отношения субъекта локализации к опоре локализации.

При характеристике типа динамики отношения значимым являются два фактора: (1) является ли отношение изменчивым; (2) как изменение отношения соотносится с рассматриваемым промежутком времени.

И. А. Мельчук рассматривает семь типов динамики под видом граммем ориентации II [1988: 58–59].

Таблица 5

Основные типы динамики отношений, выделяемые И. А. Мельчуком

Предлог русского языка	**Обозначение типа**
в (покой)	эссив
в (движение)	латив
к	аппроксиматив
до	терминатив
через	пролатив
из	элатив
от	рецессив

И. А. Невская [2005] использует три термина, характеризующих тип динамики в ситуации движения: делокация, адлокация и транслокация. При описании

динамики движения мы будем применять эти термины в следующих формулировках:

– **делокация** – тип динамики отношения, характеризующийся разрывом предшествующих движению пространственных отношений между субъектом и опорой локализации;

– **адлокация** – тип динамики отношения, характеризующийся возникновением в результате движения новых пространственных отношений между субъектом и опорой локализации;

– **транслокация** – тип динамики отношения, характеризующийся поддерживанием, возникновением или разрывом пространственных отношений между субъектом и опорой локализации в ходе движения.

Транслокация в этом понимании включает в себя круг ситуаций, которые частотно разделяются и могут быть обозначены терминами *движение по трассе*, *ориентированное движение* и *движение в замкнутом пространстве* [Кошкарева 2018]. Объединение их в одну группу обусловлено тем, что все эти ситуации характеризуют локализацию субъекта непосредственно в период движения, однако набор ситуаций, которые обозначаются этим термином, менее однороден, чем в случае делокации и адлокации:

– **движение по трассе** предполагает наличие специализированной опоры (дорога, река), пространственное отношение с которой поддерживается в течение всего движения;

– **ориентированное движение** предполагает ограниченное по времени пространственное отношение, которое формируется и утрачивается в ходе действия;

– **движение в замкнутом пространстве** предполагает неизменность пространственных отношений.

Все три типа отношений могут иметь собственные средства выражения, ср. например в русском языке: *идти коридором* (трасса), *проходить через коридор* (ориентир), *ходить по коридору* (замкнутое пространство).

Более сложным типом динамической пространственной ситуации является **координированное движение**, при котором как подвижный характеризуется не только субъект локализации, но и опора (например, *следовать за, догонять*).

В конкретной пространственной ситуации могут потенциально выделяться любые типы пространственных отношений, как изменчивые, так и неизменчивые, однако при анализе конкретных единиц языка и речи значимым является то, какие аспекты в них актуализированы при помощи лексических и морфологических средств.

Таким образом, динамический аспект пространственной ситуации может быть учтён путём введения двух уровней описания. **Динамика отношения** характеризует изменчивость отношения между опорой и локализации, а **подвижность** – изменчивость отношений субъекта или опоры локализации к другим предметам с связанные с этим состояния или действия субъекта или опоры.

Далее мы называем **динамическими** пространственные ситуации, в которых наблюдается динамика отношения или подвижность одного из предметных компонентов отношения, а прочие – **статическими**.

2.2.3. Статические и динамические пространственные ситуации с точки зрения пропозиционального анализа

Традиционным подходом к репрезентации на пропозициональном уровне пространственных ситуаций является выделение двух пропозиций – **бытия** и **движения** [Шмелёва 1988: 15–17], состоящих из трёх компонентов (субъекта, локализатора и предиката), которые могут быть сопоставлены с компонентами пространственных ситуаций (субъектом, опорой и отношением локализации соответственно). Выделение этих пропозиций сопряжено с рядом взаимосвязанных терминологических вопросов, которые можно разделить на три области.

В области внутренней организации движения:

Как соотносятся между собой пропозициональные репрезентации предложений типа *КТО движется КУДА*, *КТО движется ОТКУДА*, *КТО движется через ЧТО*?

В области границы между бытием и движением:

Имеют ли предложения типа *КТО движется КУДА* и *КТО находится ГДЕ* разный пропозициональный статус?

Каков пропозициональный статус предложений типа *КТО движется ГДЕ*?

В области границы между пространственными и статальной пропозицией:

Каков пропозициональный статус предложений типа *КТО стоит* и *КТО движется*?

Существует ли различие между пропозициональным содержанием предложений *КТО лежит ГДЕ* и *КТО спит ГДЕ*?

Неоднозначность разрешения этих вопросов в существенной степени ограничивает возможности последовательного применения пропозиционной терминологии при анализе бытийно-пространственной семантики.

1. Внутренняя организация движения

Многообразие динамических пространственных отношений обусловливает традицию обособления некоторых типов отношений. Такое обособление часто подразумевается и не сформулировано эксплицитно, в связи с чем его статус остаётся неопределённым. Могут быть выделены три подхода к статусу таких типов:

1) в составе пропозиции движения выделяется несколько самостоятельных компонентов, которые могут быть обозначены термином «локализатор»;

2) выделяются варианты пропозиции движения с разными семантическими оттенками;

3) выделяется несколько пропозиций движения с разной семантикой и структурой.

Различие между этими подходами представлено схематически в Таблице 6.

Таблица 6

Сопоставление подходов к описанию разнотипных динамических пространственных ситуаций на примере делокации и адлокации

<table>
<tr><th>Подход 1</th><th colspan="2">Подход 2</th><th>Подход 3</th></tr>
<tr><td rowspan="2">единая пропозиция:
КТО движется ОТКУДА КУДА</td><td rowspan="2">единая пропозиция:
КТО движется по отношению к ЧЕМУ</td><td>делокативный вариант:
по отношению к ЧЕМУ → ОТКУДА</td><td>делокативная пропозиция:
КТО движется ОТКУДА</td></tr>
<tr><td>адлокативный вариант:
по отношению к ЧЕМУ → КУДА</td><td>адлокативная пропозиция:
КТО движется КУДА</td></tr>
</table>

При использовании подхода 1 частотным является различение в составе пропозиции движения трёх типов локализаторов: исходный пункт (директив-старт), конечный пункт (директив-финиш) и трасса [Волохина, Попова 1999: 69; Кошкарева 2018: 58]. Первой проблемой этого подхода является то, что констатация ограниченного набора компонентов пропозиции не совместима с неоднородностью ситуаций движения с точки зрения набора характерных для них предметных компонентов. Например, Н. Б. Кошкарева наравне с направленным движением, содержащим три локализатора (директив-старт, директив-финиш и трасса) [Кошкарева 2018: 58], рассматривает ориентированное движение, содержащее только один локализатор – ориентир, относительно которого совершается движение [Там же: 63]. Так как набор компонентов является определяющим свойством пропозиции, то ориентированное движение должно либо трактоваться как включающее тот же набор компонентов, либо анализироваться как составляющее отдельную пропозицию с другим набором компонентов.

Второй проблемой этого подхода является то, что рассмотрение пропозиции движения как включающей определённый набор обязательных локализаторов опирается на идею о том, что часть компонентов пропозиции могут не иметь

формального выражения. Этот принцип мы считаем проблематичным, так как он основан на смешении непосредственной семантики синтаксической конструкции и аспектов, обусловленных прагматикой, и применяется избирательно и непоследовательно. Если рассматривать этот принцип как основание для выделения компонентов пропозиции, то он может быть использован для выводов, противоречащих существующей традиции. Например, можно показать, что любое движение реализуется в рамках какого-то замкнутого пространства, т. е. имеет обязательный статический локализатор, и требует преодоления каких-то границ, т. е. имеет обязательный ориентир. Аналогично любое состояние субъекта или совершаемое им действие не может быть оторвано от пространственной локализации субъекта (а в случае действия – и объекта, на который оно направлено), поскольку с точки зрения базовых принципов коммуникации уместно ожидать, что любые предметы, о которых идёт речь, имеют какую-то локализацию, которая часто извлекается из контекста и потому не выражается эксплицитно. Это рассуждение приводит нас к выводу о необходимости включения локализатора в состав обязательных компонентов всех событийных пропозиций.

На практике при использовании метода моделирования семантики предложения исследователи избегают таких ситуаций, поскольку исходят из того, что пропозиция представляет собой минимальную единицу содержания, и потому рассматривают семантику некоторых типов высказываний как результат комбинации более простых семантических единиц. Например, высказывания, содержащие глаголы с акциональной семантикой и именные группы с семантикой локализатора, традиционно анализируется как способ выражения двух пропозиций (акциональной и пространственной), одна из которых представлена в свёрнутом виде:

Бабушка готовит суп на кухне =

Бабушка готовит суп + Бабушка находится на кухне

Мы считаем предпочтительным принять второй подход, при котором разные варианты пространственных отношений рассматриваются как результат структурно-семантического варьирования предложения. Этот подход позволяет рассматривать семантику языковых единиц, используемых для обозначения динамических пространственных ситуации, через призму непосредственно задействованных в них языковых средств, что позволяет сохранить границу между семантикой как тем, для выражения чего предназначена синтаксическая единица, и прагматикой как тем, что может быть достроено при её употреблении.

Соответственно, мы рассматриваем пропозицию движения как инвариант семантики предложений типа *КТО движется КУДА*, *КТО движется ОТКУДА*, *КТО движется через ЧТО* и т. п., который может быть условно сформулирован как *КТО движется по отношению к ЧЕМУ*. В составе пропозиции выделяется один локализатор, а введение в ситуацию нескольких компонентов, выполняющих роль локализатора, является способом его осложнения.

2. Граница между бытием и движением

Близость пропозиций бытия и движения с точки зрения состава и их общего соотношения с категорией пространства позволяет поднять вопрос о том, в какой степени оправдано их разделение и насколько оно отвечает принципам выделения пропозиций.

Как мы показали ранее, различие между статическими и динамическими ситуациями не совсем однозначно. В типичных динамических ситуациях могут быть выделены два аспекта: движение (субъект или опора движется) и динамика отношения (отношение субъекта к опоре локализации изменяется). Так как эти аспекты разделимы (Таблица 7), граница между двумя бытийно-пространственными пропозициями может быть проведена двояко: на основании наличия движения и изменчивости отношения.

Таблица 7

Соотношение движения и динамики

Изменчивость отношения	**Наличие движения**	
	Есть	**Нет**
Статическое	*КТО движется ГДЕ*	*КТО находится ГДЕ*
Динамическое	*КТО движется КУДА*	–

Если в основу классификации положить признак изменчивости пространственного отношения, то эта оппозиция будет иметь следующий вид:

КТО находится в неизменчивом пространственном отношении к ЧЕМУ.
КТО находится в изменчивом пространственном отношении к ЧЕМУ.

В таком случае это противопоставление соответствует припропозитивному смыслу фазисности, в связи с чем возможно выделить их инвариант:

КТО находится в пространственном отношении к ЧЕМУ.

В такой формулировке семантика бытия и движения может быть сведена к единой пропозиции, которая может быть названа пропозицией пространственного отношения или локализации.

Если в основу классификации будет положен признак **подвижности субъекта**, то эта оппозиция будет иметь следующий вид:

КТО покоится в пространственном отношении к ЧЕМУ.
КТО движется в пространственном отношении к ЧЕМУ.

Сформулированная в таком виде семантика бытия и движения распадается на два компонента:

КТО движется / покоится.
КТО находится в пространственном отношении к ЧЕМУ.

Эти компоненты не связаны, поскольку, говоря о нахождении субъекта в движении или покое, мы характеризуем его пространственные отношения с некоторыми точками пространства, обусловленными позицией наблюдателя или определёнными устойчивыми ориентирами, которые могут как включать, так и не включать в себя рассматриваемую опору.

При любой интерпретации отношения между пропозиций бытия и движения их ядро совпадает: это пространственные отношения между двумя предметами. Эти отношения могут быть статическими или динамическими, что обусловлено категорией фазисности, а также обусловлены движением этих предметов.

3. Граница между пространственными и статальной пропозицией

Статальная пропозиция состоит из двух компонентов: субъекта и предиката, характеризующего его состояние [Кошкарева 2021]. Т. В. Шмелёва характеризует состояние как «некий эпизод из жизни субъекта, из репертуара естественных для него в разной степени событий» [1988: 16]. Мы считаем, что «нахождение в покое» и «нахождение в движении» соответствуют этому определению, так как входят в репертуар типичных для большинства физических объектов событий. Внутренняя природа состояний «нахождение в покое» и «нахождение в движении», которая связана с потенциальной изменчивостью отношений предмета с некоторыми точками пространства, не противоречит их трактовке как состоянию, так как и многие другие состояния (например, состояния природы, выраженные высказываниями типа *Идёт дождь*) при детальном рассмотрении могут быть репрезентированы как пространственные отношения.

То же может быть сказано и про аспекты статических пространственных ситуаций, которые характеризуют стандартные типы статического расположения субъекта в пространстве и выражаются глаголами типа *стоять* и *лежать* (4).

(4) [*Мәнҳән, мәнҳән,*] *әй ими ӆоӆ, әй пуҳәӈнә, ӈопас аӈөхтинә…* [Голоса Югана 2021: 86].
әй ими=∅ ӆоӆ=∅ әй пуҳәӈ=нә ӈопас аӈ өҳты=нә
один женщина=NOM стоять=SUBJ.3SG один селение=LOC лабаз ? верх=LOC
‘Ехали-ехали, в деревне одна женщина стоит на одном месте у лопаса.’

В таком случае предложения типа *КТО стоит* и *КТО движется*, в которых не обозначены и не реконструируются из контекста конкретные локализаторы, по отношению к которым расположен или движется субъект, могут рассматриваться как репрезентирующие статальную пропозицию. Аналогичные предложения, в которых присутствует указание на локализатор, являются семантически неэлементарными, так как сочетают в себе пропозиции состояния и пространственного отношения.

* * *

Таким образом, в данной работе мы рассматриваем пропозицию пространственного отношения как ядро пропозициональной репрезентации пространственных ситуаций, разновидности ситуации, обусловленные динамикой отношения – как варьирование этой пропозиции по категории фазисности, а аспекты, обусловленные движением и видом расположения субъекта в пространстве, внешним по отношению к его отношению с локализатором, – как осложнение семантики, вызванные совмещением пропозиций.

2.2.4. Каузация пространственной ситуации

Каузация наблюдается в группе бытийно-пространственных ситуаций, которые традиционно обозначаются терминами «каузированное местонахождение», «каузированное движение», «перемещение» [6], «помещение» и т. п. Мы обознача-

[6] *Перемещение* может также в некоторых контекстах рассматриваться как синоним или квазисиноним термина *движения,* см. например, [Плунгян 2002].

ем такие ситуации обобщённо термином *каузируемая пространственная ситуация*.

Каузация является универсальным явлением, описывающимся как на уровне семантики, так и на материале конкретных конструктивных и морфологических средств его выражения [Холодович 1969]. В области структурно-семантического синтаксиса существенное внимание этому явлению уделяет Л. Теньер, который рассматривает каузацию (каузативную диатезу) как одну из операций, приводящих к варьированию числа актантов [Теньер 1988]. Различие между каузируемой и некаузируемой пространственной ситуацией состоит в введении в ситуацию участника, деятельность которого каузирует пространственную ситуацию.

Статус каузируемых пространственных ситуаций с точки зрения их пропозициональной репрезентации не определён. Так, Т. В. Шмелёва [1988] не предлагает анализа подобных ситуаций. Представители Воронежской лингвистической школы (Г. А. Волохина, З. Д. Попова, М. М. Булынина) рассматривают перемещение через призму акциональной пропозиции как разновидность синтаксического концепта «агенс воздействует на объект» [Волохина, Попова 1999; Булынина 2004]. Н. Б. Кошкарева использует термин *пропозиция перемещения* и рассматривает эту пропозицию как результат наслоения дополнительного смысла каузации на пропозицию движения, в результате которого к пропозиции движения добавляется роль субъекта каузации, а субъект движения выступает одновременно в качестве объекта каузации [2004б].

Наш анализ основан на предложенной Н. Б. Кошаревой интерпретации семантики перемещения, однако в ней остался не разрешенным вопрос о статусе таких семантических комплексов. Мы считаем термин *пропозиция* не подходящим для обозначения значения перемещения, поскольку это противоречит представлению о минимальности пропозиции. По этой причине мы считаем закономерным рассматривать перемещение не как пропозицию, а как семантический комплекс, образуемый бытийно-пространственными пропозициями дополнительной по отношению к ним семантической единицей, ответственной за значение каузации. Так как структура каузации предполагает наличие ролей субъекта (каузатора),

объекта и предиката, обозначающего процесс каузации, то каузация является разновидностью акциональной пропозиции. Таким образом, каузируемые пространственные ситуации в нашей интерпретации представляют собой полипропозитивный комплекс, совмещающий акциональную пропозицию с бытийно-пространственными:

[S воздействует на OB] в результате чего
[OB находится в пространственной ситуации REL по отношению к LOC]

Следствием такого анализа является то, что предложения с семантикой каузируемой пространственной ситуации, несмотря на формальную монопредикативность, не могут считаться простыми. Этим наш подход отличается от подхода, отраженного в работах Н. Б. Кошкаревой, которая рассматривает предложения перемещения как неэлементарные простые [2018: 55].

Так как в результате каузации могут потенциально возникать любые виды пространственных ситуаций, то каузируемые пространственные ситуации могут быть классифицированы на основании тех же параметров, что и некаузируемые, в частности, делятся на статические и динамические. Собственной характеристикой каузативного пространственного отношения является способ каузации – характеристика воздействия, оказываемого субъектом на объект, ср. *нести* и *толкать* – разные формы физического воздействия, и *звать* – социальное.

Таким образом, каузируемые пространственные ситуации, в отличие от некаузируемых, включают дополнительного предметного участника (субъект каузации).

2.2.5. Существование как компонент пространственной ситуации

В контексте пространственной семантики традиционно рассматривается ряд других семантических значений (например, темпоральных и обладания), которые сближаются с ней на основании сходства набора компонентов или общности пла-

на выражения в отдельных языках. Особое место среди таких значений занимает значение существования, составляющее, на наш взгляд, существенную терминологическую проблему при анализе предложений бытийно-пространственного блока.

Существенный вклад в формирование представления о существовании в отечественной лингвистике сделан Н. Д. Арутюновой [1976]. Она выделяет в русском языке ряд высказываний, называемых *бытийными*, которые являются способом выражения отношения экзистенции. В понимании Н. Д. Арутюновой такие высказывания являются разнородной группой, к которой могут быть отнесены, например, следующие:

(1) *Единороги существуют.*
(2) *Гомер существовал.*
(3) *Я существую.*
(4) *Существует два вида пропозиций.*
(5) *Существуют кошки с голубыми глазами.*
(6) *В шкафу есть книга.*
(7) *У меня есть книга.*
(8) *У меня есть брат.*
(9) *У меня есть идея.*

В структуре этих примеров однозначно вычленяются два компонента, имеющие отношение к существованию: субъект (экзисциенс) – предмет, существование которого утверждается (часть высказывания, в которой обозначен этот компонент, выделена подчёркиванием), и экзистенциональный предикат, отражающий существование как одно из свойств субъекта.

Н. Д. Арутюнова сближает отношение экзистенции с пространственными, выделяя третий компонент существования – локализатор, описывающий фрагмент мира, к которому относится существование [Арутюнова 1976: 210]. Эксплицитный локализатор в том виде, в котором интерпретируем этот термин мы, представлен только в примере (6), поскольку именную группу *у меня* в (7)–(9) мы рас-

сматриваем как способ обозначения участника описываемых высказыванием социальных, а не пространственных отношений. Н. Д. Арутюнова, напротив, анализирует эту группу как способ выражения области бытия, отражающей человека как психическую личность или его внешний микромир [Там же: 234–257].

Высказывания типа (1)–(5) Н. Д. Арутюнова относит к типу бытийных предложений, в которых в качестве области бытия выступает весь мир [Там же: 264]. Необходимость выделения в них локализатора возникает, во-первых, как следствие исходного выбора модели описания, в которой любое существование должно соотноситься с областью бытия, и, во-вторых, мотивирована возможностью восстановления в таких высказываниях компонентов типа *в мире*, *на свете*. Несмотря на формальное сходство с локализаторами, такие компоненты являются способом выражения отношения предмета к реальности, которое в данном случае концептуализируется посредством пространственных отношений. Таким образом, по нашему мнению, допустима интерпретация высказываний (1)–(5) как существования, для которого категория пространственности не актуальна.

Таким образом, локализатор как компонент существования может однозначно быть выделен только в высказывании (6). Однако, если отказаться от принципа обязательного выделения локализатора при описании существования, такие высказывания могут быть проанализированы как сочетающие два вида значений – существования и пространственной локализации – точно так же, как высказывания (7)–(9) сочетают значения существования с разными видами отношений, в которых находится существующий предмет. В таком случае эти высказывания могут быть представлены в развёрнутом виде следующим образом:

(6) *В шкафу есть книга = Существует книга, она находится в шкафу*.

(7) *У меня есть книга = Существует книга, она принадлежит мне*.

Проявляющаяся в этих высказываниях потребность сочетания существования с другими видами значений является результатом его коммуникативной недостаточности. Для бытовой речи не характерно подвергать сомнению существо-

вание конкретного класса распространённых в рассматриваемой реальности предметов (например, книг) и, соответственно, единичных объектов, репрезентирующих этот класс, вследствие чего высказывания типа *Существует книга* не несут новой информации и коммуникативно нецелесообразны. Для того чтобы высказывание было информативным, необходимо указание на характерные свойства рассматриваемого предмета, позволяющие выделить его на фоне класса однородных предметов и делающих нетривиальным утверждение о существовании предмета, обладающего такими свойствами. В качестве таких свойств могут потенциально выступать любые формы характеризации предмета или события и отношения, в которых задействован предмет, некоторые из которых и представлены в примерах (4)–(9). Отсутствие конкретизаторов существующего предмета уместно тогда, когда известно, что существование класса предметов подвергается сомнению (1), или используется имя собственное, за которым стоит комплексное представление о том, какими свойствами обладает данный объект (2).

Между существованием и пространством наблюдается более тесная связь, чем с другими формами конкретизаторов. Эта связь обусловлена возможностью рассматривать следующее утверждение как общее правило организации физического мира: если конкретный физический предмет существует, то из этого, как правило, следует, что в каждый момент времени предмет находится в какой-то области пространства. В связи с этим пространственные отношения являются наиболее естественным способом конкретизации существования физических предметов. Однако это не исключает возможности ситуаций, в которых пространственные отношения не рассматриваются как релевантные для формирования представления о предмете, как, например, в (7) и (8).

Концепция существования в том виде, в котором она сформулирована Н. В. Арутюновой, нашла отражение в работах других отечественных исследователей. Так, Т. В. Шмелёва выделяет существование как разновидность бытийно-пространственной пропозиции [Шмелёва 1988: 15–16].

Мы считаем, что существование может рассматриваться как самостоятельный содержательный компонент, находящийся в сложной взаимосвязи

с пространственными отношениями, но отделимый от них и свободно сочетающийся с другими типами значений (4)–(9).

Более того, так как высказывания типа (1)–(3) показывают, что значение существования может быть основным компонентом плана содержания законченного высказывания, это значение должно иметь собственную пропозициональную трактовку. Мы считаем закономерным рассматривать существование как одну из разновидностей статальной пропозиции, в которой в роли предиката выступает существование как первичное состояние, отражающее функционирование субъекта как целостного предмета действительности, который может в ней каким-то образом проявляться и быть доступен для восприятия. В таком случае эта разновидность статальной пропозиции может быть использована при анализе плана содержания других предложений, связанных с существованием, в частности предложений, обозначающих фазы существования предмета (*появиться*, *родиться*, *исчезнуть*, *умереть*), и акциональных предложений со значением каузации существования и несуществования (*создать*, *уничтожить*).

Это положение имеет существенно значение для данной работы, так как отделение существования от статических пространственных отношений способствует более последовательному анализу явлений, лежащих на стыке семантики и прагматики не только статических, но и других пространственных конструкций. Понятие существования и его отношение к конкретным типам реализации предложений будет рассмотрено далее в контексте коммуникативной организации предложения.

2.2.6. Количественность в контексте пространственной ситуации

Место количественности как аспекта бытийно-пространственной семантики является предметом споров. Т. В. Шмелёва относит количественность (квантитативность) к припропозитивным смыслам, имея при этом в виду, судя по приводимым примерам, оппозиции между высказываниями типа *Он построил дом – Он понастроил домов* [Шмелёва 1981: 10–11]. Такие пары высказываний в русском

языке рассматриваются как репрезентирующие системную вариативность акциональных предложений по категории аспектуальности [Сорокина 2009]. В этом плане количественность выступает как значение, дополняющее основное пропозитивное содержание предложения, что обусловлено служебным характером средств его выражения (в данном случае – конструктивный вариант исходного предложения).

В ряде работ, посвященных моделированию структуры и семантики бытийно-пространственных предложений, прослеживается традиция рассмотрения значения количественности как элемента бытийно-пространственной семантики [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Шилова 2002; Чепрасова 2024; Журавлев 2024]. Мы считаем необходимым провести границу между пространственным отношением, которое является основным содержанием рассматриваемых в работе синтаксических единиц и количественностью как отдельной семантической категорией. Количественность в нашей интерпретации является свойством группы предметов, которое может быть выражено множеством разнообразных способов (ср. *На столе лежат* ***три книги*** *– У меня есть* ***три книги*** *– Эта стопка состоит из* ***трёх книг*** *– Эти* ***три книги*** *интересные – В каждой из* ***трёх книг*** *лежит закладка – Я купил* ***три книги***). Интерпретация таких примеров как включающих бытийно-пространственную семантику неэффективна. При анализе бытийно-пространственных предложений с количественным модификатором (типа *На столе лежат* ***три книги***) появление этого модификатора интерпретируемо как форма осложнения именной группы, эквивалентная введению в неё определения (ср. *На столе лежат* ***толстые книги***). Соответственно, нам представляется уместным интерпретировать количественность как самостоятельный смысл пропозитивного уровня, близкий по природе к характеризации и обладающий семантической структурой типа *ЧЕГО* (S) *СКОЛЬКО* (PR), осложняющий исходное высказывание.

При этом, однако, следует отметить, что собственные средства выражения количественности во многих языках ограничены, вследствие чего она частотно выражается путём введения количественного модификатора в состав структур с

другой базовой семантикой, среди которых наиболее частотными являются бытийно-пространственные. В этом плане обнаруживается сходство между статусом существования и количественности.

В данной работе количественность рассматривается как семантический компонент, появление которого закономерно приводит к осложнению семантики предложения.

* * *

Таким образом, базисом любой пространственной ситуации является пространственное отношение между двумя предметами. Это отношение может быть осложнено представлением о его изменчивости, состояниях, в которых находятся предметы, обусловленности отношения воздействием внешнего участника ситуации и наличием пространственных отношений с другими предметами.

Типы пространственных ситуаций, формируемых этими оппозициями, многообразны, поэтому мы не ставим задачу их исчисления. В Таблице 8 приведена классификация некоторых устойчивых типов движения.

Таблица 8

Устойчивые типы двухпредметных некаузируемых пространственных ситуаций

REL статично			REL динамично			изменчивость REL не определена	REL статично
S находится в состоянии покоя	S находится в состоянии движения						состояние S амбивалентно
LOC находится в состоянии покоя						LOC находится в состоянии движения	
местоположение	движение в замкнутом пространстве	движение по трассе	адлокация	делокация	ориентированное движение	координированное движение	движение в транспорте
S находится в LOC	*S движется в LOC*	*S движется по LOC*	*S движется в LOC*	*S движется от LOC*	*S движется через LOC*	*S движется совместно с LOC*	*S движется при помощи LOC*

2.3. Типовые синтаксические структуры сургутского диалекта хантыйского языка с прототипической пространственной семантикой

Синтаксические построения, используемые в сургутском диалекте хантыйского языка для выражения пространственных отношений, многообразны. Наиболее частотные из них могут быть репрезентированы следующей серией структурных схем:

$N_{NOM}\ N_{LOC}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{LAT\text{-}DAT}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{APPRX} V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ABL}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N\ POSTP\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ ADV\ V_{FIN.ACT}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ V_{FIN.PASS}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N_{LOC}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N_{LAT\text{-}DAT}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N_{APPRX}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N_{ABL}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N\ POSTP\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ ADV\ V_{FIN.ACT}$

$N_{NOM}\ N_{ACC}\ N_{INSTR}\ V_{FIN.ACT}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ N_{LAT\text{-}DAT}\ V_{FIN.PASS}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ N_{APPRX}\ V_{FIN.PASS}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ N_{ABL}\ V_{FIN.PASS}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ N\ POSTP\ V_{FIN.PASS}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ ADV\ V_{FIN.PASS}$

$N_{LOC}\ N_{NOM}\ N_{INSTR}\ V_{FIN.PASS}$

Эта серия может быть расширена за счёт не отражённых в ней возможностей эллипсиса или дублирования некоторых структурных компонентов, а также семантического разнообразия высказываний, построенных по этим схемам, которое обусловлено выбором их лексического наполнения.

Упорядочивание совокупности этих типов синтаксических построений происходит по двум направлениям:

1) противопоставление синтаксических построений на основании базовых признаков пространственных ситуаций, которые ими обозначаются (статические / динамические, некаузируемые / каузируемые):

а) построения, предназначенные для обозначения каузируемых ситуаций, отличаются от других противопоставлением в них двух компонентов: субъекта, каузирующего пространственную ситуацию, и объекта, который выступает в качестве субъекта пространственной ситуации;

б) противопоставление рассматриваемых построений на основании динамики ситуации осложнено тем, что в существенном количестве случаев динамика ситуации определяется выбором лексических средств выражения определённых компонентов, и потому выделяются построения, которые на поверхностном уровне по этому признаку не дифференцированы или омонимичны;

2) обособление группы конструктивных вариантов, которые представляют собой альтернативный способ организации синтаксической структуры высказывания по отношению к основным вариантам при сохранении их семантической эквивалентности. В данном случае представлены два типа конструктивных вариантов: первый обусловлен стратегией маркирования двух компонентов и в первую очередь прослеживается в употреблении именной группы в творительном падеже (N_{INSTR}); второй обусловлен употреблением страдательного залога глагольного сказуемого ($V_{FIN.PASS}$) и связанными с этим изменениями в маркировании отдельных компонентов.

Примерная группировка приведённых синтаксических построений на основании этих критериев представлена в Таблице 9.

Таблица 9

Классификация синтаксических построений с пространственной семантикой

Тип пространственной ситуации		Основные варианты	Конструктивные варианты	
На основании каузации	**На основании динамических аспектов ситуации**		**Обусловленные залогом**	**Обусловленный стратегией маркирования Ob и Loc**
некаузируемая	недифференцированный	N_{NOM} N POSTP $V_{FIN.ACT}$ N_{NOM} ADV $V_{FIN.ACT}$	–	–
	статическая, включая некоторые случаи движения со статическим отношением к локализатору	N_{NOM} N_{LOC} $V_{FIN.ACT}$	–	–
	омонимия статической и динамической	N_{NOM} $N_{APPRX}V_{FIN.ACT}$	–	–
	динамическая, включая некоторые случаи движения со статическим отношением к локализатору	N_{NOM} $N_{LAT\text{-}DAT}$ $V_{FIN.ACT}$ N_{NOM} $N_{APPRX}V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} $V_{FIN.PASS}$	–
		N_{NOM} N_{ABL} $V_{FIN.ACT}$	–	–
		N_{NOM} N_{ACC} ADV $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} ADV $V_{FIN.PASS}$	–
каузируемая	недифференцированный	N_{NOM} N_{ACC} N POSTP $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} N POSTP $V_{FIN.PASS}$	–
		N_{NOM} N_{ACC} ADV $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} ADV $V_{FIN.PASS}$	–
	статическая, включая движение со статическим отношением к локализатору	N_{NOM} N_{ACC} N_{LOC} $V_{FIN.ACT}$	–	–
	динамическая	N_{NOM} N_{ACC} $N_{LAT\text{-}DAT}$ $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} $N_{LAT\text{-}DAT}$ $V_{FIN.PASS}$	N_{NOM} N_{ACC} N_{INSTR} $V_{FIN.ACT}$
			N_{LOC} N_{NOM} N_{INSTR} $V_{FIN.PASS}$	
		N_{NOM} N_{ACC} N_{APPRX} $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} N_{APPRX} $V_{FIN.PASS}$	
		N_{NOM} N_{ACC} N_{ABL} $V_{FIN.ACT}$	N_{LOC} N_{NOM} N_{ABL} $V_{FIN.PASS}$	–

Синтаксические построения, обладающие общими свойствами, в используемом нами подходе к анализу структуры и семантики синтаксических единиц типично рассматриваются как направления реализации синтаксических единиц более высокого уровня обобщения. Выбор этих единиц имеет условный характер, поскольку при решении разных задач актуальны обобщения разных уровней.

Традиционно выделяются три синтаксические единицы с бытийно-пространственной семантикой, для обозначения которых применяются термины *бытие* (ср. также *существование*, *экзистенция*), *движение* и *перемещение*. Мы используем эти термины в данной работе, имея при этом в виду, что они носят условный характер, не всегда чётко противопоставлены между собой и не во всех случаях однозначно соотносятся с семантикой синтаксических единиц. В частности, отметим, что термин *бытие* в данном случае не указывает на связь обозначаемых им единиц с идеей существования и может быть замещён на термины типа *местонахождение* или *статическая локализация*. По этой причине мы предлагаем рассматривать эти термины как более ёмкие эквиваленты следующих формулировок:

– *бытие – некаузируемая статическая локализация*;

– *движение – некаузируемая динамическая локализация*;

– *перемещение – каузируемая статическая или динамическая локализация*.

Синтаксические единицы, относящиеся к рассматриваемому уровню обобщения, мы будем называть термином *предложение*. Соответственно, базовыми единицами анализа являются предложения бытия, движения и перемещения. На основании общности семантики эти предложения рассматриваются как образующие единую семантическую группу [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 3].

2.3.1. Бытийно-пространственные предложения

1) Предложение бытия, которое, вследствие соответствия между его структурой и семантикой, называют также *бытийным ЭПП*, репрезентируется следующей моделью [7]:

$$N^{S}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT},$$

где N^{S}_{NOM} – субъект, выраженный существительным в форме именительного падежа [8], LEX^{Loc} – локализатор, который может быть выражен лексемами разных частей речи, на что указывает обозначение LEX, $V^{Pr}_{FIN.ACT}$ – предикат, выраженный глаголом со значением статической пространственной ситуации (например, *вӑӆта* // *вӗӆта* ‘быть, находиться, жить’). Типичным примером реализации этого предложения в речи является следующее высказывание:

(5) *Киври ҫотнә ҫуминт тӳнтәх, юх вӑйәп, кевәл вӳӆ* [Айпин 2003б: 48].
киври ҫот=нә чуминт тӗнтәх йуҳ вӑй=әп кэвәл=∅ вӗӆ=∅
колодец дом=LOC такой береста дерево ручка=ADJ ковш=NOM быть=SUBJ.3SG
‘В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой’ [Айпин 1986: 214].
‘В домике над колодцем был такой берестяной ковш с деревянной ручкой’ (перевод ИМП).

[7] Так как синтаксические единицы могут характеризоваться существенной внутренней вариативностью, то модель является записью одного из вариантов её реализации, выбор которого в определённой степени условен. В частности, синтаксические единицы с глагольным предикатом могут реализовываться в вариантах с финитной или нефинитной формой глагола. Необходимость выбора одного из этих вариантов при записи модели обусловлена тем, что в таких вариантах могут реализовываться разные стратегии маркирования актантов. Таким образом, данная запись не означает, что мы трактуем финитность глагола, его употребление в форме действительного залога, падежное маркирование актантов или порядок компонентов как факторы, определяющие границы бытийного предложения.

[8] Говоря о том, что компонент предложения может быть выражен существительным, мы имеем в виду, что он может быть выражен любым типом именной группы с существительными или местоимением-существительным в вершине.

Локализатор в рамках данного предложения может быть выражен рядом разных способов, например существительным, как в (5), наречием (6) и наречием-местоимением (7):

(6) *Аӌем илән вӯл* [Айпин 2003а: 41].
ач=эм=∅ илән вӧл=∅
отец=POSSR.1SG=NOM далеко быть=SUBJ.3SG
‘Отца дома не было’ [Айпин 1986: 162].
‘Отец был далеко [от дома]’ (перевод ИМП).

(7) *Тут пурәльвайҳәли тыҳәл вӯл* [Айпин 2003б: 21].
тӧт пурәль_вайҳәли тыҳәл=∅ вӧл=∅
там трясогузка гнездо=NOM быть=SUBJ.3SG
‘Там было гнездо трясогузки’ [Айпин 1986: 198].

Рассмотрение в рамках одного предложения ряда способов выражения локализатора, которые формируют на уровне схемы разные синтаксические построения, мотивировано наличием у них общей пространственной семантики, в случае наречий обусловленной семантикой лексемы, а в случае существительного – семантикой его синтетических (падеж) или аналитических (послелог) показателей.

Структура бытийного предложения не находится в одно-однозначном соответствии с семантической организации статического пространственного отношения. Компонент предложения, обозначенный термином «субъект», рассматривается как способ обозначения субъекта локализации. В типичных реализациях бытийного предложения в сургутском диалекте хантыйского языка локализатор является средством обозначения как опоры, так и типа локализации, т. е. совмещает обозначение одного из предметных участников ситуации и самого отношения. Предикат во всех случаях выполняет функцию носителя модусных значений (темпоральных, модальных и аспектуальных), а с точки зрения диктумного содержания может в зависимости от способа выражения быть семантически пустым или обозначать вторичные аспекты пространственной ситуации.

2) Предложение движения является основным способом выражения некаузируемых динамических пространственных ситуаций. Оно репрезентируется следующей моделью:

$$N^{S}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT},$$

где N^{S}_{NOM} – субъект, осуществляющий движение, выраженный существительным в именительном падеже, LEX^{Loc} – локализатор, который может быть выражен лексемами разных частей речи, $V^{Pr}_{FIN.ACT}$ – предикат, выраженный глаголом со значением динамической пространственной ситуации (например, *мәнта* ‘идти’). Типичным примером реализации этого предложения в речи является следующее высказывание:

(8) *Панә чи кэњар ӷө њөрәма йӑњӷиӀәӽ* [Три мудрых совета 2020: 4].
панә чи кэњар ӷө=∅ њөрәм=а йӑњӷ=иӀ=әӽ
CONJ этот бедный мужчина=NOM болото=LAT ходить=MOM=PST.3SG
‘Тогда бедняк на болото сходил’ [Там же: 8].

Синтаксические построения, используемые для выражения различных динамических пространственных ситуаций, традиционно рассматриваются как составляющие единое ЭПП движения. Вследствие семантической комплексности динамических пространственных ситуаций можно предположить, что такие построения не являются в строгом смысле элементарными и потому не могут считаться ЭПП.

Так же как и в случае бытийного ЭПП, возможно выражение всех видов локализаторов не только существительными, но и лексемами других частей речи, например наречиями:

(9) [*Йӗвинҳə йəҳ, панə карəс-ики тӗвə ымəлӈ, панə*] *мыш тӗвə ӷуӈəт* [Чепреги 2015: 50].
мыш=∅ тӗвə ӷуӈəт=∅
мышь=NOM туда залезть=SUBJ.3SG
‘[Наступила ночь, и Карəс ики [9] сел туда, и] мышь туда залезла’ [Там же: 105].

Определяемое таким образом предложение движения обобщает способы выражения разных типов динамических ситуаций: адлокативных (8), делокативных (10) и транслокативных (11).

(10) [*Нӳӈ и тӑвин онтəпнə умсəн, мəта ӈатнə*] *Вурӈи морты мəҳи йӳҳəт* [Айпин 2003б: 31].
вурӈи=∅ морты мəҳ=и йӗвəт=∅
ворона=NOM южный земля=ABL прийти=SUBJ.3SG
‘[Ты сидел в люльке и весной, когда] Ворона вернулась из теплых краев’ [Айпин 1986: 203].
‘[Ты и весной сидел в дневной люльке, когда] Ворона прилетала из южной земли’ (перевод ИМП).

(11) *Микуль йəмат сӳйӈəҳ-кəйӈəҳ пӗй өҳтыйи мəн* [Айпин 2003б: 31].
Микуль=∅ йəмат сӳй=ӈəҳ-кəй=ӈəҳ пӗй өҳтый=и мəн=∅
PN=NOM очень шум=ABESS-шум=ABESS наст верх=ABL идти=SUBJ.3SG
‘Микуль бесшумно мчался по насту’ [Айпин 1986: 155].
‘Микуль (пёс) очень бесшумно шёл по насту’ (перевод ИМП).

Каждый из этих типов ситуаций соотносится с несколькими вариантами предложения движения, обусловленными способом выражения локализатора: использованием именных или наречных групп, а в случае именных групп – разных падежей или послелогов.

Отношение структуры предложения движения к семантической организации динамического пространственного отношения также неоднозначно. Локализатор обозначает опору локализации, тип локализации и динамики отношения. Например, в (11) *пӗй өҳтыйи* ‘по насту’ указывает на наст как опору локализации,

[9] *Карс-ики, Карəс ики* (сург. хант. *Карəс-ики*, *Карəс ики*) – персонаж хантыйского фольклора, птица, похожая на орла.

апудэссивный тип локализации («находиться на») и транслокативность отношения («в течение всего процесса движения»). Предикат также отражает динамический характер ситуации, но может, в зависимости от семантики глагола, охватывать и другие её аспекты.

Так как разные типы динамических ситуаций находятся в разном отношении к пространственной ситуации и выражаются, как правило, разными средствами, то их объединение в рамках одного предложения обусловливается не столько структурно-семантическими критериями, сколько представлением о взаимосвязанности пространственных ориентиров, входящих в структуру пространственной ситуации движения. При решении определённых задач может считаться уместным и другой анализ, при котором структуры с разными способами выражения локализатора рассматриваются как отдельные предложения, предназначенные для обозначения разных типов динамических отношений между субъектом и локализатором (предложения делокации, адлокации и транслокации).

В одном высказывании могут совмещаться несколько типов локализаторов и, соответственно, динамических пространственных отношений:

(12) *Лӳв лӗӆьчи яӽ ӓлэпты аԉкила йӳӽэттэ* [*ԉӳл энтэ вуӆ*] [Айпин 2003б: 67].
ӆӳв=∅ ԉоԉ=чэ йаӽ ӑлэпты аԉки=ӆ=а йӗӽэт=тэ
он=NOM стоять=NPP люди сквозь мать=POSSR.3SG=LAT прийти=NPP
‘Он [не мог] пробиться через людскую стенку к своей матери’ [Айпин 1986: 227].
‘Он [не мог (букв.: не знал способности)] пройти через стоящих людей к своей матери’ (перевод ИМП).

Такие высказывания мы рассматриваем как совмещение реализаций разных структурно-семантических вариантов предложения движения.

Противопоставление между предложениями бытия и движения во многих случаях имеет условный характер вследствие наличия существенного количества пересечений между ними:

– общность моделей их вариантов с некоторыми способами выражения локализатора (N^{S}_{NOM} N^{Loc} POSTP $V^{Pr}_{FIN.ACT}$, N^{S}_{NOM} ADV^{Loc} $V^{Pr}_{FIN.ACT}$), реализации ко-

торых противопоставляются друг другу только на основании статической или динамической семантики используемых лексических единиц (POSTP, ADV и V);

– совпадение моделей бытийного предложения и варианта предложения движения, обозначающего движение в замкнутом пространстве (N^{S}_{NOM} N^{Loc}_{LOC} $V^{Pr}_{FIN.ACT}$), реализации которых противопоставляются исключительно за счёт семантики глагола;

– существование варианта предложения движения, репрезентируемого моделью N^{S}_{NOM} N^{Loc}_{APPRX} $V^{Pr}_{FIN.ACT}$, семантика которой совпадает с типичной для бытийного предложения (см. пункт «Глаголы местонахождения» в разделе 2.5.3).

В качестве иллюстрации приведем анализ рассмотренного ранее высказывания, которые Н. Б. Кошкарева относит к отдельному типу бытийно-пространственных предложений со значением статического движения в замкнутом локусе [Кошкарева 2018: 57]:

(13) *…тэми тьӗхал тӧйнэ ньӧхэс йӑӈӄилэл* [Голоса Югана 2021: 80].
тэми чӧхал тӧй=нэ ньӗхэс=∅ йӑӈӄ=илӈ=эл=∅
EVID чувал верх=LOC соболь=NOM ходить=MULT=NPST=SUBJ.3SG
‘…на верхушке чувала соболь ходит.’

С точки зрения плана выражения это высказывание совмещает признаки разных предложений: с одной стороны, используется глагол со значением движения, что характерно для предложения движения, с другой стороны, в роли локализатора используется существительное в местном падеже, что характерно для бытийного предложения. С точки зрения семантики это высказывание также сочетает признаки бытия и движения: с одной стороны, соболь находится в статических пространственных отношениях с верхушкой чувала (*соболь находится на верхушке чувала*), с другой стороны, им совершается движение, конкретные пространственные характеристики которого лежат в пределах чувала, но не выражены эксплицитно (*соболь ходит* [*с одной стороны чувала на другую*]). Этому примеру могут быть противопоставлены примеры статического движения, в которых про-

странственные характеристики движения выражены локализатором со значением возвратного движения типа *тəхə-төхə* и *тəхənам-төхənам* ‘туда-сюда’:

(14) [*Йəӈк ənəɻ ɻatnə чу мөӈət Ухət төй ɻornam mənɻət,*] *тəхənам-тохənам йăӈҕилɻət* [Три мудрых совета 2020: 22].
тəхə=нам-төхə=нам йăӈҕ=илɻ=ɻ=ət
сюда=APPRX-туда=APPRX ходить=MULT=NPST=SUBJ.3PL
‘А по большой воде эти дети плывут в Угутское озеро, туда-сюда плавают’ [Там же: 23].

В этом случае эксплицитно выраженный локализатор характеризует динамический аспект ситуации, в то время как её статический аспект выражен имплицитно и может быть реконструирован на основании контекста (*Ухət төй ɻornə* ‘по Угутскому озеру’). При формировании выборки мы условно относим такие высказывания к реализациям бытийного предложения, так как это позволяет группировать их с другими предложениями с тем же способом выражения локализатора.

3) Предложение перемещения обозначает каузируемые пространственные ситуации. Оно структурно близко к предложениям бытия и движения и обобщенно репрезентируется следующей моделью:

$$N^{S}_{NOM}\ N^{Ob}_{ACC}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT},$$

где N^{S}_{NOM} – субъект, оказывающий воздействие, N^{Ob}_{ACC} – объект, подвергаемый воздействию, и одновременно субъект локализации, LEX^{Loc} – статический или динамический локализатор, $V^{Pr}_{FIN.ACT}$ – предикат, выраженный глаголом со значением каузации местонахождения (например, *катəɻта* ‘держать’) или движения (например, *тута* ‘нести’, *пăнта* ‘класть’), а также глагольной группой, включающей глагол бытия или движения в сочетании с вспомогательными глаголами. Основными признаками, отличающими это предложение от предложений бытия и движения, является наличие в его структуре компонента N^{Ob}_{ACC} и употребление в роли предиката глаголов со значением каузируемого пространственного отношения. В зависимости от типа пространственного отношения выделяются структур-

но-семантические варианты этого предложения со статической (15), разнотипной динамической (16)–(17) и смешанной (18) семантикой:

(15) [*Ачи äӈӆəӈкə мантэма əнтə урəмтəх, төппə па ӆатнə*] *ӆўв ҷăнҷхəӆнə омəстаχə äсӆилəх* [ВАН].
ӆўв ҷанҷ=χəӆ=нə оməс=таχə äсӆ=илӆ=əχ
он колено=POSSM.DU=LOC сидеть=INF разрешать=MULT=PST.3SG
‘Отец семейства особого интереса ко мне не проявлял, только иногда на своих коленях разрешал посидеть.’

(16) [*Əй, аӈкэнөшлиӈки,*] *ма нӯӈат сар кэра лӯкəмтəӆəм* [Чепреги 2015: 6].
ма=∅ нӯӈ=ат сар кэр=а лӯк=əмтə=ӆ=əм
я=NOM ты=ACC INTERJ печь=LAT броситься=ASP=NPST=SUBJ.1SG
‘[Ах ты, сучий сын,] мигом в печку тебя брошу’ [Там же: 60].

(17) [*Нӯӈ йəӈк кəнҷҷа њөрəма йăӈҡила,*] *төӆ соχит йəӈк тува* [Три мудрых совета 2020: 4].
төӆ соχит йəӈк=∅ тув=а
оттуда ABL вода=NOM нести=IMP.SUBJ.2SG
‘[Ты за водой на болото сходи,] оттуда воду принеси’ [Там же: 7].

(18) [*Айχə вөлмамнə, нөмӆэм, əйпа амп илə ыӈат панə мäрə*] *мəӈат, веӆит, ҡайəмнə нёχəӆтəӆəχ* [Айпин 2003б: 63].
мəӈ=ат вэӆи=т=∅ ҡăйəм=нə њөχəӆтə=ӆ=əχ
мы.PL=OBL олень=PL=NOM пастбище=LOC гонять=NPST=PST.3SG
‘[Когда я маленькой была, однажды, помню, собака отвязалась и долго] гоняла нас, оленей, по пастбищу’ [Айпин 1986: 225].

По аналогии с другими бытийно-пространственными предложениями возможно более дробное описание, в котором разделяются предложения каузируемого бытия и движения, однако в данном случае мы приняли решение не выделять предложение каузируемого бытия в отдельную единицу анализа по причине их редкости в рассматриваемой выборке.

2.3.2. Бытийно-пространственные ТСС

Бытийно-пространственными мы называем ТСС, на основе которых строятся предложения с бытийно-пространственной семантикой.

Бытийно-пространственный блок как особая группа ТСС была охарактеризована Н. Б. Кошкаревой на материале хантыйского и ненецкого языков в сопоставлении с тунгусо-маньчжурскими [2007: 18–27; 2015]. Её описание включает пять бытийно-пространственных ТСС, которые могут быть репрезентированы следующим образом (в скобках указано прототипическое значение):

N^{S}_{NOM} LEX^{Loc} V^{Pr}_{FIN} (бытие / местонахождение субъекта в пределах определенного локума);

N^{S}_{NOM} LEX^{DF} V^{Pr}_{FIN} (движение по направлению к конечной точке);

N^{S}_{NOM} LEX^{DS} V^{Pr}_{FIN} (движение из начальной точки);

N^{S}_{NOM} N^{Ob}_{ACC} LEX^{DF} V^{Pr}_{FIN} (перемещение по направлению к конечной точке);

N^{S}_{NOM} N^{Ob}_{ACC} LEX^{DS} V^{Pr}_{FIN} (перемещение из начальной точки).

Выделение такого набора ТСС представляется нам неудачным, так как не учитывает некоторых типов пространственных отношений, которые могут выражаться при помощи синтаксических построений, не во всех случаях сводимых к выделенным ТСС: движение или перемещение по трассе, ориентированное движение, координированное движение, движение в транспорте, а также перемещение, при котором происходит каузация статических пространственных отношений. Н. Б. Кошкарева упоминает некоторые из таких компонентов как потенциально включаемые в состав этих ТСС («могут включать указание на трассу и средство перемещения» [2007: 22]), однако не придаёт им статуса отдельного компонента ТСС, что, по нашему мнению, не согласуется с принятым подходом к выделению ТСС.

Другой подход к выделению бытийно-пространственных ТСС представлен в работе В. А. Горбуновой [2016], где в качестве ТСС рассматривается целый ряд синтаксических структур, характеризующихся употреблением конкретных адлогов и падежных форм локализатора. Результатом этого подхода является выделение серий ТСС, прототипическое значение каждой из которых характеризуется конкретным типом локализации (инэссивных, суперэссивных и т. д.).

Так как набор ТСС рассматривается как совпадающий с набором базовых бытийно-пространственных предложений, то в данной работе мы рассматриваем три ТСС, ядро которых составляют описанные ранее предложения: ТСС бытия (бТСС), движения (дТСС) и перемещения (пТСС). Использование выбранного нами уровня обобщения позволяет сводить набор ТСС рассматриваемого блока к ограниченному списку при сохранении противопоставления ТСС, соответствующего противопоставлению пространственных ситуаций по базовым семантическим признакам (некаузируемые / каузируемые, статические / динамические). Определённый таким образом набор ТСС не зависит от конкретных способов выражения пространственных отношений и потому подходит для сопоставительного исследования языков на основе типологически значимых признаков.

Состав компонентов и основных способов их выражения в каждом ТСС формально совпадает с составом и способами их выражения в соответствующем предложении, по этой причине мы условно репрезентируем их теми же моделями:

$$N^{S}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT}\ \text{(ТСС бытия и движения);}$$
$$N^{S}_{NOM}\ N^{Ob}_{ACC}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT}\ \text{(ТСС перемещения).}$$

Для рассмотрения речевой единицы как репрезентации одной из ТСС необходимо продемонстрировать её формальное сходство с этой ТСС. Для бытийной ТСС это означает необходимость показать, что она состоит из тех же компонентов (субъекта, локализатора и предиката), выраженных способом, сходным с аналогичными компонентами бытийной ЭПП, что в первую очередь выражается в лексическом и морфологическом устройстве локализатора. Например, высказывание (19) мы рассматриваем как реализацию бытийной ТСС с непрототипической семантикой, так как в нём представлены три компонента (S – *һаҳәл* ‘его улыбка’, LOC – *мантэмнә* ‘во мне’ и PR – *ҟыч* ‘осталась’), выраженные средствами, характерными для типичных реализаций бытийного ЭПП (S – существительным в форме именительного падежа, LOC – местоимением-существительным в форме местного падежа).

(19) [*А вот*] *ньӑхəлӈ мантэмнə ӷыч…* [Айпин 2003б: 104].
ньӑӽ=əлӈ=∅ ман=т=эм=нə ӷыч=∅
улыбка=POSSR.3SG=NOM я=OBL=DAT=LOC остаться=SUBJ.3SG
‘Но улыбка его осталась во мне…’ [Айпин 1986: 248].

Разграничение бТСС и дТСС дополнительно осложнено. Противопоставление между предложениями бытия и движения обусловлено тем, что они употребляются для обозначения типов ситуаций, различающихся характером отношений между субъектом и локализатором. На формальном уровне это выражается в выборе лексем со статической или динамической семантикой для выражения предиката и разных лексических и морфологических средств выражения локализатора. Соответствующие им ТСС близки как с семантической, так и со структурной точки зрения, при этом тип обозначаемых реализациями ТСС предметных ситуаций утрачивает значение определяющего фактора. В результате граница между рассматриваемыми ТСС оказывается размытой в большей степени, чем между соответствующими им предложениями.

В дальнейшем мы рассматриваем ТСС бытия и ТСС движения взаимосвязано, однако в случаях, когда необходимо их разграничение, ориентируемся на способ выражения локализатора, т. е. рассматриваем использование падежей, послелогов и знаменательных частей речи со статической или динамической семантикой как основание для отнесения реализации к соответствующей ТСС. В результате в большинстве случаев наблюдается противопоставление в области семантики: бытийная ТСС описывает разнотипные отношения, обладающие статическим характером, а ТСС движения – динамическим. Это противопоставление прослеживается, в частности, при сопоставлении непространственных реализаций рассматриваемых ТСС (см. раздел 2.6).

2.3.3. Конструктивные варианты бытийно-пространственных ТСС

Рассмотренные к настоящему моменту построения характеризуются структурой, которая может считаться прототипической для предложений бытия, движения и перемещения. В состав рассматриваемых предложений и ТСС могут быть включены синонимичные построения с другой синтаксической структурой, которые мы называем *конструктивными вариантами*. Решение о включении конструктивных вариантов в объём ТСС отчасти произвольно и обусловлено в первую очередь удобством описания таких конструкций на уровне варьирования ТСС как синтаксической единицы. Альтернативой было бы рассмотрение таких построений как репрезентирующих отдельные ТСС с пересекающимися зонами употребления, в которых они находятся в конкуренции между собой.

Мы выделяем четыре типа конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС, обусловленные (I) стратегией маркирования объекта и локализатора, (II) залогом, (III) типом спряжения и (IV) отсутствием эксплицитно выраженного предиката. Так как (III) выражается исключительно в изменении глагольного согласования, не затрагивает план выражения других компонентов предложения, и потому его включение в состав парадигмы ТСС не может вызывать возражений, мы рассмотрим его подробно при анализе коммуникативной структуры.

Введение в состав описываемых ТСС двух других конструктивных вариантов требует разъяснения. Покажем, что они употребляются параллельно с основным вариантом ТСС для обозначения сходных типов ситуаций, а также рассмотрим формальные и семантические условия, при которых наблюдается конкуренция между этими двумя вариантами.

2.3.3.1. Варианты, обусловленные стратегией маркирования объекта и локализатора

Рассмотрим пару высказываний (20) и (21):

(20) *…ма нӱӈаты өпэм мәӆәм* [Чепреги 2015: 6].
ма=∅ нӱӈ=ат=ы өп=эм=∅ мә=ӆ=әм
я=NOM ты=OBL=DAT старшая_сестра=POSSR.1SG=NOM давать=NPST=SUBJ.3SG
‘…отдам я тебе свою сестрицу’ [Там же: 60].

(21) *Ма нӱӈат ԛырәхат мәӆәм* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 195].
ма=∅ нӱӈ=ат ԛырәӽ=ат мә=ӆ=әм
я=NOM ты=OBL мешок=INSTR давать=NPST=SUBJ.3SG
‘Я тебе мешок дам.’

Эти высказывания однородны с точки зрения структуры обозначаемых им предметных ситуаций, но репрезентируют разные стратегии маркирования её компонентов. Обозначив каждый компонент в соответствии с его ролью в прототипическом предложении перемещения, представим синтаксические структуры этих высказываний в обобщённом виде:

$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LAT\text{-}DAT}\ N^{Ob}_{ACC}\ V^{PR}$$
$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{ACC}\ N^{Ob}_{INSTR}\ V^{PR}$$

Первое высказывание репрезентирует вариант ТСС перемещения с локализатором, выраженным существительным в форме дательного (для личных местоимений) или направительного (для существительных) падежа. Второе высказывание по формальным признакам сближается с реализациями акциональной ТСС, в которых существительное в форме творительного падежа обозначает орудие, при помощи которого совершается действие, например *кӧӌәӽ ӑвӌий=ат* ‘ножнами сабли’ [Чепреги 2015: 42], *йәм вӑӽ кевият (кэвий=ат)* ‘серебряным молотом’ [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 149].

Основываясь на общности семантики пар высказываний типа (20) и (21), мы рассматриваем высказывания типа (21) как один из способов реализации ТСС перемещения, т. е. его вариант, обусловленный стратегией маркирования объекта и локализатора. Этот вариант имеет ограниченный характер, так как встречается исключительно в высказываниях с адлокативной семантикой.

Включение этого варианта в состав парадигматики адлокативного варианта ТСС перемещения позволяет рассматривать оппозицию между разными стратегиями маркирования этих компонентов как один из способов коммуникативного варьирования этой ТСС. Соответственно, реализации адлокативного варианта ТСС перемещения могут быть охарактеризованы как реализующие одну из двух стратегий маркирования локализатора и объекта, которые мы в соответствии с падежным маркированием этих компонентов называем *лативно-аккузативной* («LAT-DAT / ACC») и аккузативно-инструментальной («ACC / INSTR»). Стратегия маркирования компонентов при предикате, выраженным глаголом в форме страдательного залога (см. 2.3.3.2), отличается, но может быть сведена к рассматриваемой оппозиции.

Так как объект и локализатор могут быть представлены имплицитно, то для применения этой классификации требуется учитывать комплексный набор критериев. Пример алгоритма, который может использоваться для определения типа реализации, приведён в Таблице 10.

Таблица 10

Алгоритм определения стратегии маркирования объекта и локализатора

Способ выражения компонентов			**Стратегия**
Локализатор		**Объект**	
именная группа	с послелогом	любой	LAT-DAT / ACC
	LAT, APPRX или DAT		
	ACC или NOM		ACC / INSTR
наречная группа		любой	LAT-DAT / ACC
имплицитно		именная группа в NOM или ACC	LAT-DAT / ACC
		именная группа в INSTR	ACC / INSTR
		имплицитно	может быть определена на основании формы сказуемого, иначе не дифференцирована

Так как стратегии «LAT-DAT / ACC» и «ACC / INSTR» являются взаимоисключающими (т. е., например, локализатор в дательно-направительном падеже не может сочетаться с объектом в творительном падеже), то эксплицитное выражение одного из компонентов может рассматриваться как достаточное для определения стратегия маркирования другого. Если имплицитно выражены оба компонента, то в некоторых случаях способ выражения одного из компонентов может быть реконструирован на основании формы сказуемого. Например, в (22) форма глаголов (*иӆмәχтәӆө*, *туӆө*) указывает на то, что объект должен быть выражен формой именительного падежа:

(22) [*Тӑм чэт вот ӽӑтәӆ вӓртә ӆатнә,*] *вотнә иӆмәχтәӆө, туӆө – әй мәтӆи-пә әнтэм!* [Чепреги 2015: 7].
вот=нә иӆ=мәχтә=ӆ=ө=∅ ту=ӆ=ө=∅
ветер=LOC нести=MOM=NPST=PASS=2SG нести=NPST=PASS=2SG
‘[Если будет ветренный день,] ветер унесёт тебя [– как бы никого не бывало]!’ [Там же: 61].

Если реконструкция формы одного из компонентов на основании формы сказуемого невозможна, высказывание следует рассматривать как не дифференцированное с точки зрения стратегии маркирования компонентов:

(23) [Контекст: царь обнаруживает на столе тридцать соболей и пытается выяснить, кто их туда положил.]
Ма понмам [Голоса Югана 2021: 83].
ма=∅ пӗн=м=ам
я=NOM класть=PP=1SG
‘Я положил.’

Распределение вариантов ТСС перемещения в рассматриваемой выборке представлено в Таблице 11.

Таблица 11

Количество реализаций ТСС перемещения в зависимости от стратегии маркирования его компонентов

Стратегия маркирования компонентов ТСС	Количество примеров	Доля, %
LAT-DAT / ACC	225	62
ACC / INSTR	40	9
не дифференцировано	105	29

Стратегия «ACC / INSTR» мало представлена в выборке, так как возможность её реализации связана дополнительными ограничениями синтаксической структуры и её семантики. Во-первых, для реализации этой стратегии необходимо, чтобы локализатор был выражен именной группой, в то время как стратегия «LAT-DAT / ACC» применима в высказываниях с любыми типами локализаторов. Во-вторых, стратегия «ACC / INSTR» по нашим наблюдениям преимущественно реализуется в высказываниях с одушевлённым локализатором, в первую очередь в высказываниях, обозначающих передачу объекта с глаголами типа *мәта* ‘давать’ и *тута, алта* ‘приносить’ (о типах глаголов см. 2.5.3). Однако встречаются и единичные примеры высказываний с неодушевлёнными локализаторами:

(24) *Имиԯ тӳвәт юҳат пӗн* [*панә оутәӽсәта раԉипәӯ*] [Айпин 2003а: 27].
ими=ԯ=∅ тӳв=әт йуӽ=ат пӗн=∅
женщина=POSSR.3SG=NOM огонь=PL дерево=INSTR положить=SUBJ.3SG
‘Жена подложила дров в огонь [и принялась за шитье]’ [Айпин 1986: 151]..

(25) *Тю имиҳән-икиҳәннә вӓт ԯӑв ӑвәԯ тӓлԯа йәм вӑҳат, сорни вӑҳат пӑны…*
[Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 294].
чу ими=ӽән-ики=ӽән=нә вӓт ԯӑв ӑвәԯ=∅ тӓлԯа
тот женщина=DU-мужчина=DU=LOC пять конь нарты=NOM полностью
йәм вӑӽ=ат сорӈи вӑӽ=ат пӑн=ы=∅
хороший железо=INSTR золото железо=INSTR положить=PASS=3SG
‘Эти жена с мужем пять саней, запряжённых лошадьми, полностью серебром, золотым грузили…’

Таким образом, выбор стратегии маркирования компонентов ТСС перемещения является одним из способов варьирования, специфичных для этой синтак-

сической структуры, хотя и имеет ограниченный характер. Соотношение этого варьирования с коммуникативными категориями рассмотрено позже.

2.3.3.2. Залоговые варианты

Широкое употребление глаголов, в том числе непереходных, в форме страдательного залога является одной из характерных особенностей обско-угорских языков [Чепреги 2017: 153]. В рассматриваемой выборке страдательный залог в высказываниях, которые могут быть отнесены к реализациям разных ТСС, представлен неравномерно (Таблица 12).

Таблица 12

Количество реализаций с предикатом, выраженным глаголом в форме изъявительного наклонения, в зависимости от его залога

Синтаксическая структура	**Залог**		**Доля, %**
	действительный	**страдательный**	
бытийная ТСС	241	17	6
ТСС движения	482	88	15
ТСС перемещения	148	114	44
акциональная ТСС	40	14	26

Конструкции, в которых употребляется глагол в форме страдательного залога, мы будем называть *пассивными*. Разнообразие структурных типов и функций пассивных конструкций в обско-угорских языках описано У.-М. Кулонен [Kulonen 1989]. Основы анализа страдательных конструкций хантыйского языка в рамках структурно-семантического синтаксиса заложены В. Н. Соловар [Соловар 2010б; 2015]. В последние годы активно развивается проблематика залоговых конструктивных вариантов в обско-угорских языках как компонента их коммуникативной структуры [Sosa 2017; Жорник 2021, 2024; Муравьев 2022а, 2022б; Муравьев, Жорник 2023].

Задачей настоящего раздела является анализ пассивных конструкций как конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС, в частности выявление вариантов таких конструкций, характерных для парадигмы каждой ТСС, и сопоставление их устройства. Употребление глагола в страдательном залоге не предопределяет способы выражения других компонентов высказывания, которые могут как совпадать со способами выражения этих компонентов в основном варианте соответствующих ТСС, так и отличаться от них. В связи с этим выделяются несколько типов пассивных конструкций, которые мы охарактеризуем здесь в общем виде.

При анализе пассивной конструкции значимыми являются три формальные характеристики:

– наличие эксплицитно выраженного субъекта (или возможность его восстановления);

– (при наличии эксплицитно выраженного субъекта) маркирование субъекта формой именительного или местного падежей;

– (при отсутствии эксплицитно выраженного субъекта или его маркировании формой местного падежа) наличие несубъектного компонента, маркированного формой именительного падежа, с которым сказуемое согласуется по лицу и числу.

Для наиболее распространённого типа пассивных конструкций, который мы назовём *стандартным пассивом*, характерно наличие двух предметных компонентов: субъекта, маркированного местным падежом (N^{S}_{LOC}), и второго компонента, семантическая роль которого может варьироваться, маркированного именительным падежом (N^{X}_{NOM}). Второй компонент по формальным признакам является подлежащим, так как глагол согласуется по лицу и числу. Общая схема такой конструкции имеет вид:

$$N^{S}_{LOC}\ N^{X}_{NOM}\ V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}X},$$

где REL-X обозначает согласование с компонентом X.

Второй тип конструкций со страдательным залогом традиционно называется *безличным пассивом* (англ. *impersonal passive*). Спецификой этой конструкции является отсутствие эксплицитно выраженного субъекта. Причины его отсутствия могут быть разнообразными, так как безличная пассивная конструкция употребляется в определённо-личных, обобщённо-личных и безличных высказываниях. В таких высказываниях не обязательно присутствуют другие предметные компоненты, но если они есть, то не являются формальным подлежащим, а оформляются так же, как аналогичные именные группы в активной конструкции. Так как формальное подлежащее отсутствует, сказуемое в таких высказываниях имеет неизменную форму 3SG. Общая схема таких высказываний имеет следующий вид:

$$[N^{X}_{ACC/LOC/LAT/\ldots}]\ V^{Pr}_{PASS.3SG}.$$

Третьим случаем употребления страдательного залога является *лексический пассив*, обусловленный существованием в хантыйском языке глаголов, употребляющихся исключительно или преимущественно в формах страдательного залога. Предложения такого типа со статальной семантикой описаны В. Н. Соловар [2010б]. Такие глаголы также не приводят к изменению формы несубъектных компонентов конструкции, но согласуются с субъектом, выраженным существительным в форме именительного падежа:

$$N^{S}_{NOM}\ [N^{X}_{ACC/LOC/LAT/\ldots}]\ V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}S}.$$

Сопоставление типов пассива в СДХЯ с точки зрения их формальных свойств приведено в Таблице 13.

Таблица 13

Сопоставление типов пассива

Вид пассива	Субъект	Несубъектный компонент	Согласование глагола
Безличный пассив	не выражен эксплицитно	необязателен, маркирован аналогично активной конструкции	нет, употребляется форма 3SG
Лексический пассив	маркирован именительным падежом		с субъектом
Стандартный пассив		обязателен, маркирован именительным падежом	с несубъектным компонентом

Рассмотрим функционирование пассивных конструкций в отдельных бытийно-пространственных ТСС.

2.3.3.2.1. Залоговые варианты бытийной ТСС

Употребление страдательного залога выявлено в двух типах высказываний, имеющих формальные и семантические свойства, сближающие их с бытийной ТСС.

1) Безличный пассив. К этому типу мы относим ряд высказываний с семантикой статической локализации, в которых субъект имеет обобщённый характер (26)–(28) или соотносим с множеством лиц, в которое входит говорящий (29):

(26) *Нөмән пә ӷӗӆнә вӑӆӆи?* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 213].
нөмән пә ӷӗӆнә вӑӆ=ӆ=и=∅
наверху PRTCL как жить=NPST=PASS=3SG
‘Наверху (на небе) как (можно) жить?’

(27) [*Вӓртә ӗт вуйи ӷунтә, ӗт ӷоӆәмты*,] *йәмат ти ӆатнә атәмӽә вӗӆи* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 41].
йәмат чи ӆат=нә атәм=ӽә вӗӆ=и=∅
очень этот время=LOC плохой=TRANSL жить=PASS=3SG
‘[Если было из чего (шить) вещи, то вещи имели,] очень плохо в то время жили.’

(28) [*Өс Лӯв сӑӈаҳтəли ӈунтə панə Лӯв панам йəл –*] *ӌу ӆатнə мӯв таҳинə вөлӆи?!* [Айпин 2003б: 110].
чу ӆат=нə мӯв таҳи=нə вӧӆ=ӆ=и=∅
тот время=LOC какой место=LOC жить=NPST=PASS=3SG
‘[А если поранишь Ее и Она обидится насовсем –] тогда где жить?’ [Айпин 1986: 252].

(29) *Тӑм тӯӆҳин ӈӧӆнə вӑӆӆи* [Три мудрых совета 2020: 18].
тӯӆҳ=ин ӈӧӆнə вӑӆ=ӆ=и=∅
зима=ADV как жить=NPST=PASS=3SG
‘Как мы эту зиму переживем?’ [Там же: 20].

2) Обороты, выполняющие функцию маркера течения времени. Формы страдательного залога глагола *вӑӆта* // *вӧӆта* ‘быть’ в единственном числе последовательно употребляются при указании на промежуток времени, прошедший после предыдущего описываемого в тексте события. Этот промежуток может быть обозначен наречием *ӌымəӆ* ‘немного’ (30) и лексемами, обозначающими периоды времени (31):

(30) *Ӌымəӆ вӑӆӆи панə йастəӆ…* [Три мудрых совета 2020: 4].
ӌымəӆ вӑӆ=ӆ=и=∅
немного быть=NPST=PASS=3SG
‘Через некоторое время говорит…’ [Там же: 7].

(31) *Тӯӆəҳ вӧӆи,* [*ӆөӈа питəм ӆатнə, кирип ылта йӯӆ, ыл Ас ӌөпи*] [Голоса Югана 2021: 42].
тӯӆəҳ вӧӆ=и=∅
зима быть=PASS=3SG
‘Зима прошла, [когда лето наступило, с нижней Оби пароход пришёл].’

Такие реализации представляют собой устойчивые построения, по функциям приближающиеся к зависимым предикативным единицам с нефинитными глагольными формами, и не предполагают возможности восстановления стандартных компонентов бытийной ТСС, поэтому мы не будем в дальнейшем рассматривать их как реализации бытийной ТСС.

Таким образом, употребление пассивных вариантов бытийной ТСС зафиксировано нами исключительно в виде безличного пассива.

2.3.3.2.2. Залоговые варианты ТСС движения

Для ТСС движения, в отличие от бытийной ТСС, характерно большее разнообразие типов пассива.

1) Стандартный пассив. В стандартных пассивных конструктивных вариантах ТСС движения в качестве несубъектного компонента, принимающего на себя функцию формального подлежащего, выступает локализатор, выраженный именной группой в форме именительного падежа. Схема такого варианта имеет следующий вид:

$$N^{S}_{LOC}\ N^{Loc}_{NOM}\ V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}Loc}.$$

Такая конструкция частотно употребляется при описании динамической пространственной ситуации, в которой локализатор выступает как конечная точка движения:

(32) [*Чути йа*] *йӗӽтө* [Голоса Югана 2021: 53].
йӗӽт=ө=∅
прийти=PASS=2SG
‘Прибыли уже [к тебе].’

(33) *…тьи имиӽән-икиӽән моӌ ӷөнә йӧвтиӽән.* [Голоса Югана 2021: 87].
чи ими=ӽән-ики=ӽән=∅ мӗӌ ӷө=нә йӗвт=ы=ӽән
этот женщина=DU-мужчина=DU=NOM проезжий мужчина=LOC прийти=PASS=3DU
‘…к жене с мужем гости приехали.’

(34) [*Тьу вӗнта мәнмаӆнә, тьу вӗӆтаӆнә,*] *әй мәта иттәннә пупинә йӗвты* [Голоса Югана 2021: 53].
әй мәта иттән=нә пупи=нә йӗвт=ы=∅
один какой вечер=LOC медведь=LOC прийти=PASS=3SG
‘[Жил он так в лесу,] как-то вечером медведь пришёл.’

(35) [*Тьэт тьи*] *ӆаӆнә йӗвти* [Голоса Югана 2021: 57].
ӆаӆ=нә йӗвт=ы=∅
война=LOC прийти=PASS=3SG
‘[И вот к нему (Тонйе)] с войной пришли.’

Таким примерам противопоставляется употребление действительного залога при описании ситуаций со сходной структурой, например:

(36) [Контекст: один мужчина живёт в доме, к нему приезжает неназванный гость.]
Ӆўваты мӑӵ ӄө, мойәӆтә ӄө йӧвәт [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 179].
ӆўв=ат=ы мӑӵ ӄө=∅ мойәӆ=тә ӄө=∅ йӧвәт=∅
он=OBL=DAT проезжий мужчина=NOM гостить=NPP мужчина=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘К нему проезжий человек, гостевой человек приехал.’

(37) [*Панә*] *чу кэњар ӄө ӆўваты мән,* [*йастәӽ*]… [Три мудрых совета 2020: XX].
чу кэњар ӄө=∅ ӆўв=ат=ы мән=∅
тот бедный мужчина=NOM он=OBL=DAT идти=SUBJ.3SG
‘Тут бедняк к нему подошел и сказал…’

2) Безличный пассив. Употребление безличного пассива в ТСС движения обусловлено обращением к собеседнику с указанием на совместное действие группы определённых лиц и описанием гипотетических ситуаций с любым потенциальным участником.

Определённо-личные высказывания с безличным пассивом употребляются тогда, когда речь идёт о совместном действии адресата с другими лицами, чаще всего при образовании высказываний, по функции в тексте приближающихся к императивным (38)–(39):

(38) *Тьӑӄа тю тьӑвлӓк ӄутьәӈа ванӽә йӑӈӄӆи* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 136].
чӑӄа чу чӑвлӓк ӄучәӈ=а ван=ӽә йӑӈӄ=ӆ=и=∅
PRTCL.CONJ тот кочка возле=LAT близкий=TRANSL ходить=NPST=PASS=3SG
‘Давай к этой кочке (быстренько) ближе подъедем.’

(39) *Пыр ӄӑтәӆнә өс мәнӆи,* [*мәттә*] [Чепреги 2017: 50].
пыр ӄӑтәӆ=нә өс мән=ӆ=и=∅
следующий день=LOC снова идти=NPST=PASS=3SG
‘На следующий день снова пойдём, – говорит’ [Там же: 105].

Такие высказывания репрезентируют характерную для хантыйского речевого этикета стратегию косвенного выражения императива. Употребление страдательного пассивных конструкций в этой функции распространено и в других диалектах хантыйского языка [Онина 2016].

Как показывает пример (40), определенно-личные высказывания, обозначающие совместные действия адресата и адресанта, могут быть и повествовательными:

(40) [*Йа чу ӑвəла ӆäӆəм, чӑӄа панə йӑӄə соҳəлтəм,*] *йӑӄə йӧвты* [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
йӑӄə йӧвт=ы=∅
домой прийти=PASS=3SG
‘Вскочил я на нарты, и домой помчались.’

Обобщённые высказывания часто принимают форму правил или запретов, т. е. выражают модальность долженствования (41)–(42), но могут обозначать и повторяемые, предсказуемые ситуации (43):

(41) *Йäки пӧм ӆор кӳтəпа ӄунтə пə əнтə мəнӆи* [Три мудрых совета 2020: 23].
Йäки_пӧм ӆор кӳтəп=а ӄунтə пə əнтə мəн=ӆ=и=∅
камыш озеро середина=LAT когда PRTCL NEG идти=NPST=PASS=3SG
‘…на середину Киняминского озера ездить нельзя’ [Там же: 24].

(42) [*Ӄот ӆəҳпинə пə əнтə тӑйӆи,*] *теҳəлты мəнӆи,* [*вӧнт мəҳнə неврем тӑйӆи*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 301].
чэҳəлты мəн=ӆ=и=∅
отсюда идти=NPST=PASS=3SG
‘[Внутри дома (роженицу) не держат,] подальше нужно уйти, [в лесу ребёнка имеешь (рожаешь)].’

(43) [*Вӧнт мəҳнə*] *ӄоты кэм ӆивəтӆи,* [*ӄӧӆнам кач̡ пит,*] *тӧвнам ӄӧвəӆӆи,* [*ӆӧӈин вич̡ə ӆитӧт ӧйахтəӆи.*] [ВАН].
ӄот=ы кэм ӆивəт=ӆ=и=∅ <…> тӧв=нам ӄӧвəӆ=ӆ=и=∅
дом=ABL наружу выйти=NPST=PASS=3SG <…> туда=APPRX бежать=NPST=PASS=3SG
‘[В лесу] из дома выскочишь, [куда захочешь,] туда и бежишь, [летом всегда еду можно найти].’

3) Лексический пассив. Конструктивный варианты ТСС движения с лексическим пассивом зафиксирован при употреблении глагола *нопəтта* ‘плыть’, обозначающего непроизвольное движение, возникающее под воздействием течения реки (44)–(45).

(44) *Йӑӈк ит-пə нопəтӆи* [Чепреги 2017: 8].
йӑӈк=∅ ит пə нопəт=ӆ=и=∅ йӑӈк=∅
лёд=NOM сейчас PRTCL.EMPH плыть=NPST=PASS=3SG лёд=NOM
‘Льдина дальше несётся’ [Там же: 62].

(45) *Илан ӷӯӆнам мӳвə нопəтӆи* [Айпин 2003а: 58].
илəн ӷӧӆнам мӳвə нопəт=ӆ=и=∅
вдалеке (?) куда PRTCL.INDEF плыть=NPST=PASS=3SG
‘Всё куда-то плывёт’ [Айпин 1986: 176].
‘Вдалеке (?) куда-то плывёт’ (перевод ИМП).

Глагол согласуется по числу с субъектом:

(46) *Йӑвəн ӷӧвит ноптӆат* [ПМА].
йӑвəн ӷӧвит нопт=ӆ=ат
река по плыть=NPST=PASS.3PL
‘[Деревья] плывут по реке.’

(47) *Кат йуӄӈəн йӑвəн ӷӧвит ноптӆиҳəн* [ПМА].
кат йуӄ=ӈəн=∅ йӑвəн ӷӧвит нопт=ӆ=и=ҳəн
два дерево=DU=NOM река по плыть=NPST=PASS=3DU
‘Два дерева плывут по реке.’

Выявлен ряд употреблений этого глагола в форме действительного залога:

(48) *Сӳҳəс лыптəт ӑвнə нопəтӆəт* [ХРТС: 179].
сӳҳəс лыпт=ət=∅ ӑв=нə нопət=ӆ=ət // нопət=ӆ=ат
осень лист=PL=NOM течение=LOC плыть=NPST=SUBJ.3PL // плыть=NPST=PASS.3PL
‘Осенние листья уносит течением.’
‘Осенние листья плывут по течению // уносятся течением’ (перевод ИМП).

(49) *Тю ӷӧшэӄəт, пӧрə өҳтынə нопəтӆəт* [Голоса Югана 2021: 129].
чу ӷӧшэӄ=ət пӧрə өҳты=нə нопət=ӆ=ət // нопət=ӆ=ат
тот казак=PL=NOM плот верх=LOC плыть=NPST=SUBJ.3PL // плыть=NPST=PASS.3PL
‘Казаки эти на плоту сплавлялись.’

(50) [*Чӳтӆӓӆ вəймаӆ пырнə,*] *ӓй йӑвнəлы көҳэт чи нӳпət* [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
ай йӑвн=əли кӧҳит чи нупət=∅
маленький река=DIM по PRTCL.EMPH плыть.PST=SUBJ.3SG
‘[После того как это взял,] по маленькой речке поплыл.’

Пример (48) представляется сомнительным, так как существительное *ӑв* ‘течение’ в форме местного падежа может быть интерпретировано как субъект. В

обоих случаях (48)–(49) форма глагола оставляет пространство для сомнения, так как в таких контекстах возможно употребление формы страдательного залога *нопәтлӈат*, смешение которой с *нопәтлӈәт* представляется вполне вероятным.

Общий вид пассивной конструкции с глаголом *нопәтта* имеет следующий вид:

$$N^{S}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ нопәтта^{Pr}_{PASS.REL\text{-}S}$$

Аналогичный глагол *нопәтты*, также употребляемый в форме страдательного залога, отмечается В. Н. Соловар в казымском диалекте хантыйского языка [2016: 62].

4) Обороты, выполняющие функцию маркера течения времени. Встречаются также примеры употребления глагола *питта* ‘попасть’, аналогичные употреблению бытийного глагола *вӑӆта* // *вӗӆта* в оборотах с темпоральным значением:

(51) *А пыр ӷӑтәӆа питӆи* [*әй чу тӗрәм, өс чу икинә сӑӄәӆ-пӑӄәӆ иӆә көсӆәӆ*] [Голоса Югана 2021: 94].
а пыр ӷӑтәӆ=а пит=ӆ=и=∅
CONJ следующий день=LAT попасть=NPST=PASS=3SG
‘А на другой день такая же картина: [опять этот мужик свой сак-пак порвал].’

(52) *Пыр ӷӑтәӆа пити,* [*мӓӈк-ики мән*] [Голоса Югана 2021: 114].
пыр ӷӑтәӆ=а пит=и=∅
следующий день=LAT попасть=PASS=3SG
‘Наступил следующий день, [Манк-ики ушёл].’

(53) *Тӳӆәӽа питӆи,* [*йәӈкнә вӓрәт* [10]*, ӆьоӌиӆәмин йӑӈӄиӆәм*] [Детские сказки варьёганских ханты 2005: 80].
тӳӆәӽ=а ӷӑтәӆ=а пит=и=∅
зима=LAT день=LAT попасть=PASS=3SG
‘Когда наступит зима, [ездила по льду проверять морды [11]]’ [Там же: 83].

[10] Должно быть, видимо, *йӑӈкнә варәт*.
[11] *Морда* – рыболовная снасть, ловушка, изготавливаемая из деревянных прутьев или веток.

В отличие от высказываний с *вăɻта* // *вӗɻта*, в таких реализациях ТСС движения присутствует эксплицитная позиция локализатора (*пыр ӷăтəɻа*, *тӳɻəҳа*), способ заполнения которой репрезентирует перенос семантики конструкции в сферу темпоральных отношений. Они сходны с конструкциями с безличным пассивом отсутствием эксплицитного субъекта, формального подлежащего и согласования с ними глагола по лицу и числу.

Таким образом, в реализациях ТСС движения наблюдается большое разнообразие типов пассивных конструкций.

2.3.3.2.3. Залоговые варианты ТСС перемещения

Анализ пассивных конструктивных вариантов ТСС перемещения осложнён наличием в них двух несубъектных компонентов (объекта и локализатора) и совмещением залогового варьирования с варьированием стратегии маркирования этих компонентов.

1) Стандартный пассив. В случае стандартного пассива спецификой ТСС перемещения является выбор одного из несубъектных компонентов в качестве формального подлежащего, который согласуется с выбором способа его маркирования.

Если формальным подлежащим является объект, локализатор выражен именной группой в пространственном падеже, т. е. соблюдается стратегия «LAT-DAT / ACC», где ACC заменяется на NOM вследствие его продвижения объекта на место подлежащего:

(54) *…иминə Кутюви ҷу ӷуɻ ӷот вəса вуҳи*… [Айпин 2003а: 44].
ими=нə Кутюви=∅ чу ӷуɻ ӷот вəс=а вуҳ=и=∅
женщина=LOC PN=NOM тот рыба дом дыра=LAT звать=PASS=3SG
‘…хозяйка подозвала Кутюви к лазу…’ [Айпин 1986: 164].

Если формальным подлежащим является локализатор, объект выражен именной группой в творительном падеже, т. е. соблюдается стратегия

«ACC / INSTR», где ACC заменяется на NOM вследствие его продвижения локализатора на место подлежащего:

(55) *Панə чу йоӽ ӆӱвнə йəӈкат тувat* [Три мудрых совета 2020: 4].
панə чу йоӽ=∅ ӆӱв=нə йəӈк=ат тув=ат
CONJ тот люди=NOM он=LOC вода=INSTR нести=PASS.3PL
‘И этим людям воды принес’ [Там же: 8].

Нами не выявлены примеры, в которых встречались бы иные комбинации способов маркирования компонентов.

Таким образом, выделяются два конструктивных варианта ТСС перемещения со стандартным пассивом в зависимости от компонента, выступающего в роли формального подлежащего:

$$N^{S}_{LOC}\ N^{Loc}_{LAT\text{-}DAT}\ \mathbf{N^{Ob}_{NOM}}\ V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}Loc}$$
$$N^{S}_{LOC}\ \mathbf{N^{Loc}_{NOM}}\ N^{Ob}_{INSTR}\ V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}Ob}$$

2) Безличный пассив. В рассматриваемой выборке отсутствуют реализации ТСС перемещения, которые могут быть однозначно интерпретированы как безличный пассив. Это обусловлено частотностью контекстов, в которых реализации стандартного и безличного пассива омонимичны. В частности, объект или локализатор, выраженный именной группой с существительным в винительном падеже, не отличим от объекта или локализатора в именительном падеже, и потому может интерпретироваться как подлежащее во всех случаях, когда между ними нет расхождений в лице и числе (56). То же самое может быть сказано про реализации с имплицитным выражением субъекта.

(56) *Əй тувəм йəӈк пəрӽинам əнтə туӆи* [Айпин 2003а: 8].
əй тув=əм йəӈк=∅ пəрӽи=нам əнтə ту=ӆ=и=∅
PRTCL нести=PP вода=NOM обратно=APPRX NEG нести=NPST=PASS=3SG
‘Воду обратно не понесешь, думал он…’ [Айпин 1986: 135].
‘Принесённую воду обратно не носят’ (перевод ИМП).

Встречаются контексты, в которых в ТСС движения обычно употребляется безличный пассив, но в ТСС перемещения наблюдается согласование сказуемого с объектом неединственного числа:

(57) *Ӷӑча ныk аӆӆат* [Три мудрых совета 2020: 10].
ӷӑча ныk аӆ=ӆ=ат
PRTCL.CONJ к_берегу нести=NPST=PASS.3PL
‘Давай вниз к реке унесем’ [Там же: 12].
‘Давай (мешки с шишками) вниз к реке (т. е. в лодку) унесём’ (перевод ИМП).

(58) *Ӆөх мөӷәт әйнам әнтә ньӧӽаӆтәӆат* [Айпин 2003а: 9].
ӆөх мөӷ=әт=∅ әйнам әнтә ньӧӽаӆтә=ӆ=ат
медвеженок ребенок=PL=NOM все нет трогать=NPST=PASS.3PL
‘А медвежат, детей, нельзя трогать’ [Айпин 1986: 135].

Такие случаи позволяют предполагать, что употребление безличного пассива для ТСС перемещения не характерно, т. е. аналогичные контексты обслуживаются употреблением стандартного пассива.

2.3.3.2.4. Другие случаи маркирования субъекта местным падежом

В единичных случаях встречается маркирование компонентов ТСС способом, типичным для пассивных вариантов, при глаголах перемещения в форме действительного залога или в нефинитной форме:

(59) *Мәттә, йәйәм икинә войәӽат тув* [Три мудрых совета 2020: 19].
йәй=эм ики=нә войәӽ=ат тув=∅
страший_брат=POSSR.1SG мужчина=LOC зверь=INSTR принести=SUBJ.3SG
‘Старший брат лося принес’ [Там же: 21].

(60) [*Юк кар ар йӳт мӓрә*] *йӳмнә-вотнә вәймин* [*әӌә яӽәм ӆант ӷӳрасивӽә, нэвисӽә йәӽ*] [Айпин 2003а: 67].
йуӷ кар=∅ йӧм=нә-вот=нә вәй=мин
дерево кора=NOM дождь=LOC-ветер=LOC брать=CV
‘[Кора сосны] выцвела [и стала такой же светлой и чуть голубоватой, как ягель]’ [Айпин 1986: 183].
‘[Кора дерева, в течение долгого времени] находящаяся под воздействием дождя и ветра, [стала такой же светлой, как ягель]’ (перевод ИМП).

(61) *Тьу тьорәси мäснә тутиннә*… [Голоса Югана 2021: 116].
чу чорәс=и мäс=нә ту=т=ин=нә
тот море=ABL корова=LOC нести=NPP=3PL=LOC
‘Везет их корова по морю…’

С. Соса обозначает такие примеры термином *структура с локативным субъектом* (англ. *locative subject structure*) [Sosa 2017: 182]. Так как такие примеры не являются частотными в рассматриваемой нами выборке, мы не включаем их в дальнейший анализ системных способов варьирования ТСС перемещения.

2.3.3.3. Варианты, обусловленные отсутствием эксплицитно выраженного предиката

Одним из средств выражения статических пространственных отношений в сургутском диалекте хантыйского языка являются синтаксические построения, состоящие из двух эксплицитных компонентов (субъекта и локализатора), в которых локализатор согласуется по числу с субъектом:

(62) *Кӳрҳәӆам нӧӈнамҳән* [Чепреги 2015: 9].
кӳр=ҳәӆ=ам=∅ нӧӈ=нам=ҳән
нога=POSSM.DU=POSSR.1SG=NOM верх=APPRX=DU
‘Ноги мои наверху’ [Там же: 63].

(63) *jɐːɣ әjnɐm tottit* [OUDB].
йаҳ=∅ әйнам тӧтты=т
люди=NOM все там=PL
‘к шестому дому пришёл – дом полон, люди все там.’

(64) *Вәӆит йäӈәнатәт, оч ӆәҳпинат* [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
вәӆи=т=∅ йäӈән=ат=әт оч ӆәҳпи=н=ат
олень=PL=NOM дома=?=PL загон внутри=LOC=PL
‘Олени дома, в загоне.’

Согласование локализатора выражается аффиксами, совпадающими с аффиксами числа существительных и прилагательных, а также глаголов в формах изъявительного наклонения третьего лица соответствующего числа (Таблица 14).

Таблица 14

Согласовательные формы локализатора на примере указательного местоимения *тәт* ‘здесь’

Форма локализатора	**Число субъекта**
тәтты=∅	единственное
тәтты=ҳән	двойственное
тәтты=т	множественное

Такие высказывания анализируются как репрезентирующие особый тип предложений с наречным сказуемым, так как наречие в них приобретает формальные свойства, характерные для сказуемого [Чепреги 2017: 191]. Парадигматические возможности этих сказуемых ограничены по сравнению с более частотными типами сказуемых, выраженных глаголом или сочетанием имени со вспомогательным глаголом. Аналогичный тип согласования наблюдается в высказываниях с семантикой характеризации без вспомогательного глагола:

(65) *Та чи сопэккәла чäл йәләпҳән* [Три мудрых совета 2020: 3].
та чи сопэк=кәӆ=а=∅ чäл йәләп=ҳән
INTERJ этот сапог=DU=POSSR.2SG=NOM всегда новый=DU
‘Эти сапоги все время новые’ [Там же: 7].

Построения рассматриваемого типа следует отличать от частотных реализаций бытийной ТСС, в которых наблюдается эллипсис предиката, но отсутствует согласование локализатора (см. 2.5.4). Так как субъектное согласование локализатора выражено только при субъектах двойственного и множественного числа, то эти случаи не различимы при субъекте единственного числа.

Основываясь на семантической эквивалентности, мы рассматриваем высказывания этого типа как репрезентирующие конструктивный вариант бытийной ТСС:

$$N^{S}_{NOM}\ ADV^{LOC}_{REL,}$$

где [REL] обозначает согласование наречия с субъектом.

Предикативное употребление ряда слов с пространственной семантикой отмечается в енисейских языках (кетском, югском и коттском) [Крюкова 2012]. В отличие от сургутского диалекта хантыйского языка, в них наблюдается согласование такого локализатора с субъектом по более широкому кругу категорий, характерных для согласования предиката, включая класс и лицо.

* * *

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка противопоставляется ряд синтаксических построений, которые мы рассматриваем как конструктивные варианты одной и той же ТСС. Характер участия этих вариантов в варьировании разных ТСС различен: в парадигме бытийной ТСС выделен только один продуктивный тип пассивных конструкций (исключая ограниченные конструкции с темпоральным значением), ТСС движения – два (исключая лексический пассив, выявленный только для одного глагола), а ТСС перемещения – два типа активных и пассивных конструкций, различающихся способом маркирования объекта и локализатора, а также особая структура с локативным маркированием субъекта при предикате, выраженном глаголом в действительном залоге или нефинитной форме. Этот анализ показывает, что, несмотря на обусловленность общей категорией залога, каждая ТСС характеризуется собственной пассивной субпарадигмой. Употребление пассивных конструктивных вариантов ТСС бытия и движения составляет типологически уникальную черту обско-угорских языков. В то время как пассивный вариант предложений с глаголами движения рассмотрен Н. А. Муравьевым на материале казымского диалекта [2022a], употребление аналогичных вариантов от предложений с бытийными глаголами не являлось объектом самостоятельного исследования и представляет существенный интерес с точки зрения типологии.

Далее мы рассмотрим выделенные здесь конструктивные варианты с точки зрения их роли в формировании коммуникативной структуры высказывания (см. раздел 3.4).

2.3.4. Другие способы выражения пространственных значений

При работе с источниками выявлено несколько способов выражения пространственных значений, выходящих за рамки описываемых здесь ТСС. Такие синтаксические построения отличаются от типичных в первую очередь в области локализатора: отсутствием позиции локализатора или присутствием нескольких позиций, сходных по способу выражения или семантике с локализатором.

1) Акциональная ТСС. В настоящей работе рассматриваются некоторые реализации акциональной ТСС, так как, во-первых, она составляет значимый контраст для бытийно-пространственных ТСС и, во-вторых, может использоваться в качестве способа выражения пространственных или смежных с ними значений. Модель акционального предложения имеет следующий вид:

$$N^{S}_{NOM}\ N^{Ob}_{ACC}\ V^{Pr}_{FIN.ACT},$$

где N^{S}_{NOM} – субъект, оказывающий воздействие, N^{Ob}_{ACC} – объект, подвергаемый воздействию, $V^{Pr}_{FIN.ACT}$ – предикат, выраженный глаголом со значением воздействия.

Граница акциональной ТСС и ТСС перемещения в некоторых случаях размыта, поэтому выделяется ряд высказываний, которые могут быть интерпретированы как реализации обеих конструкций. Это характерно для высказываний, в которых отсутствует эксплицитно выраженный локализатор вследствие одной из двух причин: (1) его совпадения с субъектом при глаголах со значением присвоения (например, *вәта* ‘взять’); (2) его инкорпорации в семантику глагола (например, *алмилта* ‘поднимать’).

Такие высказывания мы рассматриваем в составе ТСС перемещения вследствие их семантической эквивалентности и наличия некоторых параллельных примеров употребления таких глаголов в высказываниях с эксплицитными локализаторами.

2) Конструкции с несколькими компонентами, потенциально интерпретируемыми как локализаторы. Появление в составе высказывания нескольких локализаторов может принимать одну из трёх форм:

– совмещение локализаторов, отражающих разные типы пространственных отношений (например, адлокативных и делокативных), которое мы классифицируем как результат совмещения нескольких реализаций ТСС;

– совмещение локализаторов, характеризующих одно пространственное отношение, которые мы рассмотрим в разделах 2.4.3 и 2.4.4;

– совмещение локализаторов, занимающих разные позиции в организации ситуации.

Примеры последнего типа, являющиеся периферийным явлением, мы рассмотрим в этом разделе.

а) Конструкция со значением «схватить кого за что». Глагол *лӱкта*, употребляющийся в ТСС движения в значении ‘кинуться (на что, куда)’, употребляется также в значении ‘схватить (кого за что)’ в высказываниях с двумя позициями локализатора: лицо, по направлению к которому происходит движение, и часть тела, на которое оно направлено. Вероятно, наличие параллельного значения движения обусловливает оформление первой позиции как локализатора, а не объекта, как характерно для других глаголов с похожей семантикой:

(66) *Имиԯ лӱваты кӱӌ кӧтхәԯ-кӱрхәԯа лӱкиԯәх* [Чепреги 2015: 28].
ими=ԯ=∅ лӱв=ат=ы кӱӌ кӧт=ӽәԯ-кӱр=ӽәԯ=а
женщина=POSSR.3SG=NOM он=OBL=DAT PRTCL рука=POSSM.DU-нога=POSSM.DU=LAT
лӱк=иԯ=әӽ
схватить=MULT=PST.3SG
‘Женщина напрасно пытается ухватить его за руки и ноги’ [Там же: 82].

Пассивный вариант этой конструкции (67) структурно совпадает с аналогичным вариантом ТСС перемещения:

(67) [Контекст: о том, что не нужно подходить к собаке.]
Мәта көт пäләки пар ӆӳкӆо [Айпин 2003а: 63].
мәта köт päläk=и par ӆӳк=ӆ=ө=∅
какой-нибудь передняя_лапа сторона=ABL PRTCL схватить=NPST=PASS=2SG
‘Может цапнуть за ножку’ [Айпин 1986: 224].
‘(Собака) схватит (тебя) за переднюю лапу (букв.: со стороны передней лапы)’ (перевод ИМП).

б) Конструкция со значением «совать что кому через что». Аналогичное разделение позиций локализатора (лицо и часть его тела) встречается в высказываниях с глаголом *лӳкәмтәта* ‘толкать, совать’. В отличие от конструкций с глаголом *ӆӳкта*, такие конструкции могут рассматриваться как производные от ТСС перемещения, так как в них присутствует позиция объекта:

(68) *Чу өпәлиӆнә мäӈк-ики пäӈкат пәӆәӆи лӳкәмти* [Голоса Югана 2021: 119].
чу өп=әли=ӆ=нә мäӈк-ики=∅ päӈk=at
тот старшая_сестра=DIM=POSSR.3SG=LOC Менк-ики=NOM зуб=INSTR
пәӆ=әӆ=и лӳкәмт=и=∅
ухо=POSSR.3SG=ABL толкнуть=PASS=3SG
‘А сестра зуб Манк-ики [12] ему в ухо засунула.’

в) Конструкция с позицией бенефицианта. В состав высказываний со значением каузации пространственной ситуации может входить позиция бенефицианта, оформленная аналогично локализатору:

(69) [*Кэвәрттә вäвам әнтә йӧвәтӆ, чу арит ӆитӧт*] *ӆуӈӽ вäӈиннә ӽот оӆәӈа ӆитӧтат пäнӆоттән* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 300].
ӆуӈӽ väӈ=ин=нә ӽот оӆәӈ=а ӆи=т-ӧт=ат päн=ӆ=ө=ттән
лунк [13] зять=POSSR.2DU=LOC дом край=LAT есть=NPP-вещь=INSTR класть=NPST=PASS=2DU
‘[Когда (у вас с отцом) будет нужда,] Лесной бог, зять (ваш), в углу дома еды (вам двоим) положит.’

[12] *Менк-ики* (сург. хант. *Мäӈк Ики*), также *Менк*, *Манк-ики*, *Манк* – персонаж хантыйского фольклора, сказочный великан [Чепреги 2015: 59].
[13] *Лунк* (сург. хант. *ӆуӈӽ*) – сверхъестественное существо, дух, божество у восточных ханты [Голоса Югана 2021: 38].

Такие типы высказываний встречаются редко и потому в рамках данного исследования не выделялются как отдельный объект анализа.

* * *

Таким образом, нами рассмотрена группа из трёх ТСС, противопоставления между которыми отражают оппозиции между базовыми типами пространственных отношений. Общность набора компонентов и прототипической семантики рассматриваемых ТСС позволяют проводить параллели между основными способами выражения и планами содержания каждого из компонентов этих структур. Два структурных элемента, ответственных за формирование значения бытийно-пространственных ТСС – локализатор и предикат, требуют отдельного анализа, так как способы выражения этих компонентов отражают совокупность факторов, связанных как с варьированием семантики ТСС (противопоставление разных типов пространственных ситуаций, формирование метафорических значений), так и их функций в тексте.

2.4. Локализатор как компонент бытийно-пространственных ТСС

Структурной особенностью локализатора как компонента бытийно-пространственных предложений является то, что в нём, как правило, совмещаются две функции: указание на предметного участника отношения (опору локализации) и выражение некоторых аспектов самого отношения. Наличие этих двух функций обуславливает разнообразие способов выражения локализатора, связанное с характером их распределения между лексическими и морфологическими аспектами локализатора.

В качестве способов выражения локализатора рассматриваются несколько видов компонентов, которые могут быть сгруппированы по трём критериям: категориальному, т. е. в зависимости от того, словами каких частей речи они выражаются, морфологическому, т. е. по характеру средств, используемых при совмеще-

нии двух функций локализатора, и семантическому, т. е. в зависимости от того, для обозначения каких типов опор и пространственных отношений они используются.

На основании категориального критерия в сургутском диалекте хантыйского языка выделяются два типа локализаторов:

– именные группы, в вершине которых находится существительные или их эквиваленты;

– наречные группы, состоящие из наречий или слов из связанных с ними категорий (превербов и местоимений-наречий).

Кроме того, в составе одного высказывания могут совмещаться несколько локализаторов как одного, так и разных типов. Локализатор также может быть выражен имплицитно.

Классификация способов выражения локализатора представлена на Схеме 1, а их частотность – в Таблице 15.

Схема 1

Категориальные способы выражения локализатора бытийно-пространственных ТСС

Таблица 15

Частотность способов выражения локализатора

Способ выражения локализатора	Бытийная ТСС	ТСС движения	ТСС перемещения
именная группа	147	178	77
падежная именная группа	103	143	68
послеложная именная группа	44	35	9
наречная группа	136	156	46
наречие (включая превербы)	32	106	22
местоимение-наречие	104	50	24
комбинация групп разных типов	18	25	6
не выражен	37	49	44

2.4.1. Именные группы

Именная группа (ИГ) может рассматриваться как прототипический способ выражения локализатора, что обусловлено его частотностью во всех типах бытийно-пространственных конструкций и отсутствием коммуникативных ограничений, характерных для других способов выражения локализатора.

В именной группе противопоставление между двумя функциями локализатора выражено эксплицитно в виде двух структурно-содержательных компонентов. Первый, состоящий из существительного или местоимения-существительного с их определителями, выполняет роль обозначения опоры локализации, в то время как второй связан с выражением характера пространственных отношений и задействует морфологические средства – как синтетические (падежи), так и аналитические (послелоги). На основании выбора второго компонента именные группы, используемые в качестве локализатора, делятся на два типа: падежные и послеложные.

2.4.1.1. Падежные именные группы

Система падежей хантыйского языка, участвующих в выражении пространственных ситуаций, охарактеризована в работах Н. Б. Кошкаревой [2002].

В сургутском диалекте хантыйского языка выделяются четыре падежа с первичными пространственными функциями: местный (LOC), направительный (LAT), общенаправительный (APPRX) и отложительный (ABL). Выражение локализатора именной группой в каждом из этих падежей формирует структурно-семантический вариант рассматриваемых ТСС.

1) Местный падеж (LOC). Именные группы в форме местного падежа употребляются при обозначении статической локализации в некаузируемых и каузируемых пространственных ситуациях, включая движение в замкнутом пространстве. Пространственное отношение, обозначенное этим падежом, как правило, имеет инессивный характер (*ӷотнə* ‘в доме’), но встречаются и контексты с суперэссивным отношением (*Муӄəл чу ӧнцəх* ***пӧрəӄнə*** *ӧл* ‘Ребёнок лежал на комеле сосны’, ***йуҳнə*** *омəсл карəс-ики* ‘на дереве сидит Карəс ики – орёл’). Также отмечается регулярное употребление местного падежа с названиями рек или их частей, которое указывает на нахождение субъекта не непосредственно в реке, а в её окрестностях: ***Тӧрəм йӑвəннə*** *эвəт вӧлəл* ‘На реке Торум священное место есть’, ***Тыӈкəл йӑх өӈнə****, чи мəта тоҳинə войəх кəнӵахə раӈипəх* ‘На устье реки *Тинкел ях* начали добывать лося’, ***Њӧксəӈ йӑвəннə, Мөӄӄəӈ йӑвəннə*** *кат имиҳəн вӑлләхəн* ‘На берегу реки (букв.: на реке) *Њӧксəӈ йӑвəн Мөккəӈ йӑвəн* две женщины живут’.

2) Направительный (LAT) и общенаправительный (APPRX) падежи. Особенностью, отличающей сургутский диалект от других диалектов хантыйского языка, является наличие в нём двух падежей с делокативным значением: направительного (LAT) и общенаправительного (APPRX). Н. Б. Кошкарева указывает, что первый используется для обозначения движения, завершившегося в указанной пространственной точке, а второй – движения по направлению к точке без указания, была ли они достигнута [Кошкарева 2018: 62–63].

Как показывают наши наблюдения, случаи употребления этих падежей не описываемы в терминах однозначной оппозиции. Направительный падеж, действительно, частотно употребляется в сочетании с наименованиями крупных пространств и объектов (*мəӽ* ‘земля’, *вӗнт* ‘лес’, *пуӽəӆ* ‘деревня’, *ӽот* ‘дом’), движение по отношению к которым приводит к попаданию субъекта внутрь них. Однако он употребляется и в контекстах, предполагающих подход к краю или внешней стороне объекта (***ӊӧрəма*** *йăӈӄила* ‘на болото сходи’, *ӆӳв* ***йəӈка*** *мəнтə тоӽил* ‘в месте, где он подходил к воде’, ***мəтаӆи ӄота*** *йӗвəтӆəн ӄунтə* ‘когда подойдёшь к чьему-нибудь дому’), соприкосновение с его поверхностью или размещение на ней (*тӗм ӽө* ***məӽa*** *йӗвəттаӽə йəӽ* ‘тот человек до земли долетел почти’, *пичəӈкəлит* ***ма уӽəма*** *əнтə ӆатӆəт* ‘они не садятся на мою голову’, ***йуӽа*** *ӆитəмтəӽ* ‘на дерево присела’).

Общенаправительный падеж встречается существенно реже. Основные контексты его пространственного употребления связаны с приближением к другому предмету без вступления в непосредственный контакт с ним:

(70) [*Мəта ампнə нəпəтӆо ӄунтə,*] *ӳрт ӄотнам саӽəлтə мустəӆ* [Айпин 2003б: 64].
ӧрт ӄот=нам саӽəӆ=тə муст=əӆ=∅
хозяин дом=APPRX бежать=NP быть_нужным=NPST=SUBJ.3PL
‘[Если нападёт на тебя какая –] надо всегда бежать к дому хозяина’ [Айпин 1986: 225].

(71) *Ма өӽпи нəкəлнам ăӆинтӆəм,* [*əнтə воӽəм мойəӆтə ӽө мăнӌӌаӽə*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 180].
ма=∅ өӽпи нəкəл=нам ăӆ=инт=ӆ=əм
я=NOM дверь порог=APPRX лечь=ASP=NPST=SUBJ.1SG
‘Я к дверному порогу лягу, [незваного гостя ожидать].’

(72) [Контекст: хозяин и гость по следам крови нашли кучу мусора, в которой прячутся тени.]
[*Панə*] *мойəӆта йӗвтəм ӽө, мăӌ ӽө тäпəр пайнам нэврəмəӽ,* [*тютəт əйнам вăӆӆəӽ вäрəӆ*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 182].
мойəӆ=та йӗвт=əм ӽө=∅ мăӌ ӽө=∅
гостить=INF прийти=PP мужчина=NOM гость мужчина=NOM
тäпəр пай=нам нэвр=əмəӽ=∅
мусор куча=APPRX прыгать=MOM=SUBJ.3SG
‘И приехавший погостить мужчина, проезжий человек прыгнул на мусорную кучу, всех этих (теней) лишил жизни.’

Оба падежа частотно встречаются в непространственных значениях, в частности, при описании взаимодействий между лицами как в физической, так и в социальной сфере.

3) Отложительный падеж (ABL). Локализаторы, выраженные ИГ в отложительном падеже, употребляются при обозначении каузируемых и некаузируемых динамических пространственных ситуаций двух типов: делокативных (73) и транслокативных, связанных с движением по трассе (74).

(73) [*Нӯӈ и тӑвин онтәпнә умсән, мәта ӈатнә*] *Вурӈи морты мәхи йӯхәт* [Айпин 2003б: 31].
вурӈи=∅ морты мәӽ=и йӗвәт=∅
ворона=NOM южный земля=ABL прийти=SUBJ.3SG
‘[Ты сидел в люльке и весной, когда] Ворона вернулась из теплых краев…’ [Айпин 1986: 203].

(74) [*Ма мәнтам соҳит әй пӑйӆаӈ пӓлкәм ыӆә йӓрхәнтәӆәм, кимәт пӑйӆаӈәм ыӆта йӓрхәнтәӆәм,*] *нӯӈ ту лэки йӯва!* [Чепреги 2015: 6].
нӯӈ=∅ чу лэк=и йӯв=а
ты=NOM тот дорога=ABL идти=IMP.2SG
‘[Как лететь буду, одним своим крылом черту проведу, другим своим крылом черту проведу,] по тому следу приходи!’ [Там же: 60].

Вследствие этого пространственные ситуации с этими типами локализации оказываются формально недифференцированными. Единственным основанием для их противопоставления ними может быть семантика лексемы, как, например, *лэк* ‘дорога’.

Отложительный падеж также маркирует локализатор в разновидности координированной пространственной ситуации убегания, что связано с общей для убегания и делокации идеей удаления субъекта от опоры локализации:

(75) *Ӷӗнтәт чьэт ручьәты* [Голоса Югана 2021: 132].
ӷӗнт=әт тәт руч=әт=ы
бежать=SUBJ.3PL здесь русский=PL=ABL
‘Убежали от русских.’

Таким образом, при употреблении в роли локализатора именной группы без послелога падеж является основным средством выражения типа устанавливаемой локализации (Таблица 16):

Таблица 16

Соответствие между падежом именной группы и типом локализации

Падеж	**Аффикс**	**Тип локализации**
местный (LOC)	*=нә*	статическая
направительный (LAT)	*=а*	адлокация
общенаправительный (APPRX)	*=нам*	
отложительный (ABL)	*=и*	делокация движение по трассе убегание

Кроме пространственных падежей, в отдельных конструктивных вариантах возможно выражение локализатора в форме именительного или винительного падежей. Такие варианты употребляются преимущественно в высказываниях, обозначающих адлокативные ситуации.

Частота употребления падежей в падежных именных группах представлена в Таблице 17.

Таблица 17

Частота употребления падежей в падежных именных группах, выступающих в роли локализатора

Падеж	**Обозначение**	**Количество реализаций**		
		бТСС	**дТСС**	**пТСС**
местный	LOC	94	–	8
направительный	LAT	–	106	43
общенаправительный	APPRX	–	28	20
отложительный	ABL	–	23	6
дательный	DAT	–	33	9
именительный	NOM	–	11	12
винительный	ACC	–	–	15

Употребление именных групп в роли локализатора формирует ряд структурных вариантов бытийно-пространственных ТСС, обусловленных типом локализатора:

$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LOC}\ V^{Pr}_{FIN}$ (статическое отношение),
$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LAT/APPRX/DAT}\ V^{Pr}_{FIN}$ (адлокация),
$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{ABL}\ V^{Pr}_{FIN}$ (делокация и транслокация).

2.4.1.2. Послеложные именные группы

Послелоги в хантыйском языке не являются необходимой частью структуры именной группы в роли локализатора, однако широко употребляются как средство конкретизации пространственных отношений [Кошкарева 2015: 18]. Сочетание существительного с послелогом образует аналитическую структуру, в которой существительное представлено в форме, совпадающей с формой основного падежа. Эту форму мы, вслед за Н. Б. Кошкаревой [1996: 46], считаем беспадежной и поэтому не восстанавливаем в ней, как при употреблении существительных в других функциях, нулевой падежный аффикс. Для сочетаний послелогов с личными местоимениями характерно употребление показателей, отражающих их согласование по лицу и числу с главным членом ИГ. Таким образом, именная группа с послелогом имеет общий вид:

$$N\ POSTP_{[REL]},$$

где [REL] обозначает потенциальный показатель связи послелога при употреблении личного местоимения на месте N.

Набор лексических единиц сургутского диалекта хантыйского языка, которые могут быть отнесены к послелогам, неоднороден, что обусловлено наличием переходных явлений, отражающих разную степень грамматикализации имен, составляющих базис большинства послелогов [Потанина, Фильченко 2007].

Среди послелогов хантыйского языка выделяется класс серийных послелогов, рассматриваемых либо как группы послелогов, образованных от одной основы путём прибавления к ней формантов, представляющих собой застывшие формы падежных аффиксов существительного, либо как послелоги, обладающие способностью изменяться по падежам. Варианты таких послелогов в пространственных предложениях выполняют те же функции, что и формы существительных в том же падеже, и выбираются в зависимости от типа локализатора. В противовес этому употребление несерийных послелогов для обозначения определенных типов локализации обусловлено значением послелога, не выраженным специальным аффиксом.

Основным аргументом в пользу анализа серийных послелогов через призму варьирования по категории падежа служит то, что при их согласовании с личными местоимениями соответствующий аффикс располагается, аналогично сходным формам существительных, перед падежным аффиксом, как, например, в случае послелогов с исходной формой *өвтыйа* ‘сверху’ и *ӷучӈə* ‘возле’ в примерах (76) и (77):

(76) *Ӆӱвə ӆӱв өвтыӆа ымəӆ…* [Чепреги 2015: 50].
ӆӱв=∅ ӆӱв өвты=ӆ=а ымəӆ=∅
он=NOM он верх=3SG=LAT сесть=SUBJ.3SG
‘Он на него сверху сел…’ [Там же: 105].

(77) *Ӆӱв ӷучӈəӆнə мӱвə сир мӱвə айəм-китəм пăӽ* [Три мудрых совета 2020: 6].
ӆӱв ӷучӈ=əӆ=нə мӱвə сир мӱвə ай=əм-кит=əм пăӽ=∅
она возле=3SG=LOC что похожий PRTCL.INDEF маленький=PP-?=PP мальчик=NOM
‘Рядом с ней [с женой] какой-то молоденький мальчик’ [Там же: 9].

Подробный список пространственных послелогов в сургутском диалекте представлен в грамматике М. Чепреги [2017: 193–196]. В Таблице 18 перечислены послелоги, выявленные в рассматриваемой выборке.

Таблица 18

Серийные пространственные послелоги в сургутском диалекте хантыйского языка

Серия	Статический	Динамический тип локализации				Значение по И. А. Мельчуку
		Делокативный	Адлокативный		Транслокативный	
өвты(й)= // өхты(й)	*өвтынə* ‘на, сверху’	–	*өвтыйа* ‘сверху’	–	*өвтыйи* ‘поверх’	суперлокация
пəтə(х)=	*пəтəнə* ‘сверху’	–	*пəтəха* ‘наверх’	–	–	
ылпи(й)=	*ылпинə* ‘под’	–	*ылпийа* ‘под’	*ылпинам* ‘под’	*ылпийи* ‘под’	сублокация
сай=	*сайнə* ‘под’	–	*сайа* ‘под, за’	–	**сайи* ‘под’	сублокация / постлокация
ӧнт=	*ӧнтнə* ‘внутри’	–	*ӧнта* ‘внутрь’	*ӧнтнам* ‘внутрь’	–	инлокация
ӆəхпи(й)=	*ӆəхпинə* ‘внутри’	*ӆəхпийи* ‘изнутри’	*ӆəхпийа* ‘внутрь’	*ӆəхпинам* ‘внутрь’	–	
ӽонəӈ=	*ӽонəӈнə* ‘возле’	–	*ӽонəӈа* ‘близко к’	–	–	апудлокация
ӽучəӈ=	*ӽучəӈнə* ‘возле’	–	*ӽучəӈа* ‘к’	–	–	
ким= ким=пи(й)=	*кимнə, кимпинə* ‘около’	–	*кима, кимпийа* ‘близко к’	–	–	
йäӌə(х)=	*йäӌənə* ‘посреди’	*йäӌəхи* ‘из середины’	*йäӌəха* ‘к середине’	*йäӌənам* ‘к середине’	–	интерлокация / инлокация
кӳт=	*кӳтнə* ‘посреди, между’	*кӳты* ‘из’	*кӳта* ‘посреди’	–	–	
тӑмпи(й)=	*тӑмпинə* ‘за’	–	*тӑмпийа* ‘за’	*тӑмпинам* ‘за’	–	постлокация

Интересным является наличие в сургутском диалекте хантыйского языка как минимум трех серийных послелогов с делокативным значением (*ӆəхпийи*, *йӓӌəхи*, *кӳты*). В казымском диалекте послелоги с аналогичной семантикой образуются аналитически при помощи послелога *эвəӆт* [Кошкарева 1996: 49].

Часть серийных послелогов является производными. Распространена модель образования послелога от существительного с пространственным значением (например, *ӽонəӈ* ‘берег’, *пəтə* ‘дно’, *өвты* ‘верх’). В таком случае послелоги могут быть омонимичны с употреблением этих существительных в роли локализатора, в особенности когда они употребляются в составе определительной конструкции (*йӓвəн ӽонəӈа* ‘к берегу реки’, *пут пəтənə* ‘на дне котла’, *ӽот өвтынə* ‘на крыше’). Ряд существительных с первичным пространственным или соматическим значением (например, *пӓläк* ‘сторона’, *пӧӈəӆ* ‘бок’, *тӧй* ‘вершина’, *пӧӌ* ‘спина’, *кӳтəп* ‘середина’) частотно употребляются в таких же конструкциях и потому могут быть интерпретированы как послелоги.

В составе как серийных, так и несерийных послелогов частотно встречается формант *=пи*, сочетающийся с наречными и местоименными основами.

В Таблице 19 представлен список выявленных нами несерийных послелогов. Их отнесение к несерийным основано на классификации М. Чепреги, за исключением четырех послелогов, отсутствующих в предложенном ею списке (*тэмпийа*, *ӑӆəпты*, *нимпийа*, *аӆəмпийа*).

Таблица 19

Несерийные пространственные послелоги в сургутском диалекте хантыйского языка

Послелог	**Значение**	**Динамический тип локализации**
ӽӧхит // *ӽӧвит*	по, вдоль	транслокативный
уӆты	через	
тэмпийа	через	
ӑӆəпты // *äӆəпты*	через, поверх	
нимпийа	через	

аӆəмпийа	на другую сторону	
пыри	за	координированное движение
йӧта	за	
йича	навстречу	
мăхəӆты	вокруг	статический
мӧӌə	до	адлокативный

Если для серийных послелогов характерно сочетание базовых пространственных отношений, отражаемых в статическом и динамическом аспекте, то несерийные послелоги в основном имеют более специализированный характер.

Послелог *пыри* ‘за’, который М. Чепреги относит к несерийным, образован от основы *пыр* ‘задняя часть’, в связи с чем при согласовании с личным местоимением в нём наблюдается застывшая форма отложительного падежа (78):

(78) [*Ӷăнтəк ӷӧнə кӧтəӈты тӧйтаӆнə –*] *нӳӈ пырены əнтə йӳӆ* [Айпин 2003б: 64].
нӳӈ пыр=эн=ы əнтə йӳ=ӆ=∅
ты задняя_часть=2SG=ABL NEG идти=NPST=SUBJ.3SG
‘Пока он под присмотром человека – за тобой не погонится’ [Айпин 1986: 225].

Можно предполагать, что *пыри* и ряд других послелогов (*уӆты, мăхəӆты, ăӆəпты, нимпийа, тэмпийа, аӆəмпийа*), финали которых напоминают падежные аффиксы, могут входить в серию послелогов, другие элементы которых не попали в выборку, вышли из употребления или не сформировались вследствие каких-либо семантических ограничений.

Интерес представляют примеры употребления некоторых лексем, отнесенных нами к послелогам, без существительных, обозначающих опору локализации:

(79) ***Йӳтаӆ*** *мəтӆи туӆ!* [Айпин 2003а: 48].
йӧта=ӆ мəтӆи ту=ӆ=∅
за_собой=3SG что-то нести=NSPT=SUBJ.3SG
‘И кого-то ведет’ [Айпин 1986: 168].

(80) *Пăҳам мӳват* ***йӧта*** *туве?* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 311].
пăӽ=ам=∅ мӳват йӧта тув=э
сын=POSSR.1SG=NOM почему за_собой нести=OBJ.SG.SUBJ.2SG
‘Сына (моего) зачем с собой забрала?’

(81) [*Ӷет ирнә веӆеӈ лэк, но*] ***төмпия*** *йәӈкәӈ пан тўньчәӈ* [Айпин 2003б: 44].
тӧмпий=а йәӈк=әӈ пан тӧньч=әӈ
за=LAT вода=ADJ CONJ топь=ADJ
‘[Рядом была широкая оленья дорога, но] по ней тоже не пройдешь – сплошные мочажины [14], ступить негде’ [Айпин 1986: 212].
‘[Там сбоку – оленья дорога, но] за нею – мокро и топко’ (перевод ИМП).

(82) [*Ўӆәӈ ма итахем пырсамта ӆатнә,*] ***ӷучӈеннә*** *ехӆи йәӈки кевәл мәтә ӷө вўӆ!..* [Айпин 2003а: 49].
ӷучӈ=эн=нә йэхӆи йәӈк=и кэвәл=∅ мә=тә ӷө=∅ вӧӆ=∅
возле=2SG=LOC холодный вода=ABL ковш=NOM давать=NPP мужчина=NOM быть=SUBJ.3SG
‘[Чтобы и тебе, когда доживешь до моих лет,] было кому поднести свежей водицы!..’ [Айпин 1986: 215].
‘[Чтобы когда ты станешь старым, как я,] возле тебя был человек, который может подать ковш с холодной водой!..’ (перевод ИМП).

(83) [*Тӑм*] ***ӷутьӈәна*** *ымтэ* [Чепреги 2015: 14].
тӑм ӷучӈ=ән=а ымт=э
PRTCL возле=2SG=LAT поставить.IMP=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘Рядом с собой положи’ [Там же: 68].

(84) *Тьу ӊоӆәтнә, ӑнтәӷа пә,* ***ӓӆәпты*** *мәнӆи* [Чепреги 2015: 44].
чу ӊоӆ=әт=нә ӑнтәӷа пә ӑӆәпты мән=ӆ=и=∅
тот стрела=PL=LOC видимо PRTCL.EMPH поверх идти=NPST=PASS=3SG
‘Стрелы вверх летят, до него не долетают’ [Там же: 99].
‘Эти стрелы, видимо, летят поверх (него)’ (перевод ИМП).

(85) *Тәт пупинә* ***йӓцаӆи*** *ӓты* [Айпин 2003а: 63].
тәт пупи=нә йӓӌ=аӆ=и ӓт=ы=∅
здесь медведь=LOC середина=3SG=ABL выйти=PASS=3SG
‘И тут на нее наткнулся медведь-охотник’ [Айпин 1986: 179].
‘Тут медведь на нее вышел’ (перевод ИМП).

Наличие таких примеров может свидетельствовать о переходном статусе рассматриваемых единиц. Однако в случаях (79), (82) и (85) наблюдается согласование, которое указывает на сохранение признаков послеложной конструкции.

[14] *Мочажина* – топкое, низкое место, небольшие или среднего размера низины в болотах или заболоченных лесах, где постоянно стоит вода.

2.4.1.3. Именные группы с местоимением-существительным

В качестве вершины именной группы, выступающей в роли локализатора, могут употребляться местоимения-существительные (чаще всего личные):

(86) [*А вот*] *ньӑχəл мантэмнə ӷыч…* [Айпин 2003б: 104].
ньӑχ=əлʃ=∅ ман=т=эм=нə ӷыч=∅
улыбка=POSSR.3SG=NOM я=OBL=DAT=LOC остаться=SUBJ.3SG
‘[Но] улыбка его осталась во мне…’ [Айпин 1986: 248].
‘[А вот] его смех остался во мне…’ (перевод ИМП).

(87) *Йəχ пӑӈӈəл ӆўваты нəпəтχэн…* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 319]
йəχ пӑӈ=ӈəлʃ=∅ ӆўв=ат=ы нəпəт=ӽэн
отец мальчик=POSS.DU=NOM он=OBL=DAT броситься=SUBJ.3DU
‘Родные братья к нему кинулись…’

Спецификой употребления личных местоимений в роли локализатора является наличие в их словоизменительной парадигме специализированного дательного падежа, противопоставленного направительному и общенаправительному (см. Приложение Б). При употреблении личных местоимений в роли адлокативного локализатора преобладают формы дательного падежа. Другие две формы встречаются в единичных примерах: направительного падежа – в предложениях с непространственной семантикой (88), общенаправительного – в контексте движения по направлению к лицу (89).

(88) *Өс тэм рутьэт мантэма əнтə ӓвəӆəт*, [*ӳрəккə – мӑвəӆχə певəртӆал – учӆал ӑӆə тет кəӆӆəт*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 25].
өс тэм руч=эт=∅ ман=т=эм=а əнтə ӓвəʃ=ʃ=эт
а этот русский=PL=NOM я=OBL=DAT=LAT NEG верить=NPST=SUBJ.3PL
‘Эти русские мне не верят, [слишком уж бревна и другой строительный материал прочные, необычные].’

(89) *Панə войəχ ӆўватынам йўв* [Айпин 2003а: 16].
войəχ=∅ ӆўв=ат=ы=нам йўв=∅
зверь=NOM он=OBL=DAT=APPRX идти=SUBJ.3SG
‘Зверь, [услышав зов,] бросился к охотнику’ [Айпин 1986: 142].
‘Зверь к нему пошёл’ (перевод ИМП).

Особый тип именной группы с послелогом составляют употребления личных местоимений с послелогом *ныӈкты*, которые используются для передачи значения, эквивалентного значению именной группы в исходном падеже [Чепреги 2017: 109]. Такие именные группы употребляются в разных типах локализаторов, однако, в отличие от других конструкций с послелогами, функция конкретизации пространственных отношений ложится на другие средства (в данном случае – на наречие *вӓли*):

(90) [*Ит ма тӯӈəмтэм –*] *пурəльвайҳəли тыҳəӆ ма ныӈктэм вӓли мəн* [Айпин 2003б: 20].
пурəль_вайҳəли тыҳəӆ=∅ ма ныӈкт=эм вӓли мəн=∅
трясогузка гнездо=NOM я ABL=1SG мимо идти=SUBJ.3SG
‘И теперь я понял: не видать мне гнезда трясогузки’ [Айпин 1986: 197].
‘[Теперь я понял:] гнездо трясогузки прошло мимо меня’ (перевод ИМП).

Употребление в роли локализатора личных местоимений в основном ограничено случаями, в которых локализатором является лицо. Если локализатор является неодушевлённым предметом, чаще всего употребляется не именная группа, а местоимение-наречие (см. 2.4.2.3). Также зафиксированы употребления в составе локализатора указательного местоимения-существительного *чут* (*тьут, ӌут*) ‘то’:

(91) *Тьăӈа тьутəӆа ыӆə ăӆинтəҳ панə* [Чепреги 2015: 14].
чăӈа чут=əӆ=а ыӆə ăӆ=интə=ҳ панə
PRTCL.EMPH тот=POSSR.3SG=LAT вниз лежать=INIT=PST.3SG CONJ
‘И она рядом с ним легла’ [Там же: 68].
‘Вот [она] к тому [к золотому мужчине] легла’ (перевод ИМП).

(92) [*Ӷот өҳты цамəцат лыӈки,*] *а ӌут өҳтыи – сăӈки* [Айпин 2003б: 37].
а чут өҳтый=и сăӈӄи=∅
CONJ тот верх=ABL песок=NOM
‘[Крышу накрывали еще слоем мха] и песка’ [Айпин 1986: 206].
‘[На крыше мхом накрывают,] а поверх того – песок’ (перевод ИМП).

Сочетания *чут* с послелогами имеют склонность к формированию вторичных темпоральных и дискурсивных функций: *чут пырнə* ‘после (букв.: за тем)’,

чут өхтинә ‘мало того (букв.: сверх того)’ [Голоса Югана 2021: 86], *чут төмпийи* ‘кроме того (букв.: сверх того)’ [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 307].

Таким образом, употребление именных групп в роли локализатора формирует ряд структурных вариантов бытийно-пространственных ТСС, противопоставленных типом локализации:

$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LOC}$ // (N^{Loc} $POSTP_{[LOC]}$) V^{Pr}_{FIN} (статичная локализация),

$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LAT/APPRX/DAT}$ // (N^{Loc} $POSTP_{[LAT/APPRX]}$) V^{Pr}_{FIN} (адлокация),

$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{ABL}$ // (N^{Loc} $POSTP_{[ABL]}$) V^{Pr}_{FIN} (делокация или транслокация).

2.4.2. Наречные группы

Наречные группы, в отличие от именных, образуются замкнутым набором специализированных лексем с первичными пространственными значениями, которые относятся к трём классам слов – наречиям, превербам и местоимениям-наречиям.

2.4.2.1. Статус превербов

Проведение границы между наречиями и превербами является сложным вопросом, требующим отдельного рассмотрения.

Термин *преверб* широко употребляется исследователями генетически и типологически далёких друг от друга языков для обозначения явлений разного характера, часто взаимозаменяемо с другими терминами, например *глагольные префиксы* или *глагольные частицы* (англ. *verbal particles*, *preverbal particles*).

Превербы выделяются во многих уральских языках, хотя существующие источники по-разному оценивают распространение превербов в некоторых языках и группах языков [Kiefer, Honti 2003; см. также UraTyp [15]]. Среди языков, в которых выделяются превербы, представлены угорские (хантыйский, мансийский [Virtanen 2014] и венгерский [Ladányi 2015; Kalivoda 2021]), ряд прибалтийско-финских, саамских и южных самодийских языков (селькупский [Быконя 1980; Казакевич, Будянская 2010: 342] и камасинский).

Существование в хантыйском языке превербов считается общепризнанным, что отражено в широком круге перечисленных ниже работ. Однако вопрос о месте превербов в системе хантыйского языка остаётся открытым, на что обращает внимание М. Чепреги [2017: 197]. Разные подходы к этому вопросу отражены в существующих грамматиках отдельных диалектов хантыйского языка: превербы рассматриваются как словообразовательный компонент [Каксин 2010: 77–79] или часть глагольной морфологии [Nikolaeva 1999б: 35], описываются как самостоятельная часть речи [Чепреги 2017: 197–200] или анализируются без выделения в отдельную часть речи наравне с другими глагольными модификаторами [Filchenko 2007: 157–172].

Наиболее значимым вкладом в исследование превербов обско-угорских языков является серия работ В. Н. Соловар [2018, 2019а, 2019б, 2019в, 2020а, 2020б, 2021а, 2021б, 2021в, 2022а, 2022б, 2022в, 2023а, 2023б, 2024], а также её работ с другими соавторами [Бурыкин, Соловар 2017]. В этих работах превербы рассматриваются как словообразовательный элемент, а сочетания глаголов с превербами – как словообразовательная модель, приводящая к модификации семантики и валентности глагола. Напротив, Н. Б. Кошкарева [2018] рассматривает превербы как одно из средств выражения пространственных отношений в бытий-

[15] Uralic Areal Typology feature UT068: Are there preverbs? URL: https://uralic.clld.org/parameters/UT068#0/0/0 (дата обращения: 08.09.2025).

но-пространственных предложениях, однако не характеризует их место в структуре предложения. В публикациях последнего периода встречаются подходы, в которых подчеркивается необходимость различения двух видов употребления лексем, традиционно относимых к превербам, обусловленная динамичностью процесса их грамматикализации [Муравьев 2011; Virtanen 2014; Варда 2016б: 48; Закирова, Муравьев 2019]. Существенное внимание при анализе превербов в таких публикациях ориентировано на их грамматические функции, такие как перфективация [Муравьев 2011; Варда 2016а], предельность [Закирова, Муравьев 2019]. Перспектива нашего исследования ориентирована на анализ превербов как средства выражения пространственных значений.

В существующей на настоящий момент литературе отсутствует общепринятое определение преверба, включающее исчерпывающий набор критериев, по которым слово или словоупотребление может быть однозначно классифицировано как преверб, а не другая часть речи, в первую очередь наречие или частица. Разными исследователями хантыйского языка в качестве значимых признаков превербов рассматриваются разнородные характеристики: наличие пространственной семантики [Чепреги 2017: 197], непроизводность, способность изменять семантику глагола, взаимодействие с валентностью глагола [Соловар 2022: 310], употребление в предглагольной позиции, взаимодействие с категорией аспектуальности. Разнородность этих признаков приводит к существенному сужению или расширению понимания этой категории слов в зависимости от того, какие из признаков рассматриваются как ведущие. Например, М. Чепреги выделяет ряд превербов, не имеющих в современном языке собственно пространственной семантики (*чөпхə* ‘пополам’, *китхи* ‘надвое’, *чыӈ* ‘насмерть, совсем’).

Сложность проведения границы между превербами и наречиями определяется также наличием между ними словообразовательных связей [Чепреги 2017: 198], которая приводит к формированию серий связанных между собой лексем с однотипными употреблениями. Связанность этих групп обусловлена также преимущественно адлокативной семантикой большинства превербов [Варда 2016а: 46], вследствие чего для обозначении пространственных ситуаций со сходным

устройством употребляются превербы или наречия в зависимости от их динамического аспекта.

Составление списка превербов сургутского диалекта хантыйского языка затруднено, так как в существующих словарях отсутствует частеречная разметка. При описании превербов мы опираемся на единственный достаточно подробный список, приводимый М. Чепреги [2017: 198–199], и описание сургутских превербов в работах В. Н. Соловар. В основу классификации М. Чепреги положен признак непроизводности: к превербам отнесены слова без словообразовательных аффиксов, а их аналоги, включающие форманты *=ән* / *=нә* и *=нам*, производные от соответствующих падежных, к наречиям [Там же: 188]. При этом к превербам ею отнесён на основании наличия у них служебных функций ряд слов, которые мы при употреблении в первичной пространственной функции относим к классу местоимений-наречий: *тәхә* ‘сюда’, *тӧ̆хә* ‘туда’ и *ӈӧ̆ԓатты* ‘в никуда’.

В связи с амбивалентной природой превербов мы считаем обоснованным выделять два типа их употребления:

превербы-частицы: являются носителем грамматических значений или средством модификации семантики глагола, не заполняют валентность глагола;

превербы-наречия: являются выразителями пространственных отношений и заполняют валентность глагола.

Например, совокупность значений лексемы *нӧ̆ӈ* может быть охарактеризована следующим образом:

нӧ̆ӈ 1. нареч. вверх; 2. част. в полной степени.

В таком случае термин *преверб* отражает существование последовательных связей между рядом пространственных наречий и образованных от них морфологических показателей. Использование этого термина непродуктивно с точки зрения системы частей речи, так как рассматриваемые единицы в этих употреблени-

ях характеризуются совершенно разными свойствами. В частности, функционирование наречий-превербов необходимо рассматривается в контексте других наречий, с которыми они выполняют сходные функции. По этой причине в рамках данной работы мы рассматриваем наречия-превербы в контексте наречий.

2.4.2.2. Наречия

Большая часть пространственных наречий сургутского диалекта хантыйского языка являются серийными, т. е. образуют группу слов, объединённых общей семантикой. Список серийных наречий приведён в грамматике М. Чепреги [2017: 188]. Анализ рассматриваемой выборки позволил дополнить выделенные ею серии, добавив в них наречия-превербы и некоторые не указанные М. Чепреги лексемы. Полученная таким образом система серийных наречий, употребляемых в роли локализатора, представлена в Таблице 20.

Таблица 20

Серийные наречия, употребляющиеся в роли локализатора [16]

Семантическая зона	Тип локализации			
	Статический	Динамический		
		Делокативный	Адлокативный	
наверху / внизу	*нөмән* ‘наверху’	*нөмәлта* ‘сверху, через верх’	*нӗӈ* ‘вверх’	*нӗӈнам* ‘вверх’
	ылән ‘внизу’	*ылта* ‘снизу’	*ылл(ə)* ‘вниз’	*ылнам* ‘вниз’
внутри / снаружи	*йӑӈән* ‘внутри, в доме’	*йӑӈәлта* ‘из дома’	*йӑӈə* ‘внутрь, в дом’	*йӑӈənам* ‘в сторону дома’
	кэмән ‘снаружи’	*кэмәлта* ‘снаружи’	*кэм* ‘наружу’	*кэмнам* ‘наружу, на улицу’
в воде / на берегу	–	–	*ныk* ‘вниз к воде’	*ныкнам* ‘на берег; вниз по течению реки’
	утән ‘на берегу’	–	*утə* ‘из воды на берег’	*утнам* ‘вверх по реке’
близко / далеко	*илән* // *илнə* ‘вдалеке’	*илта* ‘спереди, издалека’	*ил(ə)* ‘прочь’	*илнам* ‘прочь’
	ван // *ваннə* ‘близко’ *вансипнə* ‘поблизости’	**ванəлта* ‘близко’	*ванҳə* ‘ближе’	–
	ӈӗв // *ӈӗҳ* ‘далеко’ *ӈӗвən* ‘далеко’	*ӈӗҳəлта* // *ӈӗвəлта* ‘издалека’	–	*ӈӗккənам* ‘далеко’
впереди / позади / сбоку	*сарнə* ‘впереди’	*сарəлта* ‘спереди’	*сара* ‘вперёд’	*сарнам* ‘вперёд’
	пырнə ‘позади’	*пырəлта* ‘сзади’	*пыра* ‘назад’	*пырнам* ‘назад’
	йирнə ‘сбоку’	–	*йира* ‘к краю; прочь’	*йирнам* ‘на бок, в сторону’
назад	–	**пəрта* ‘сзади’	*пəрҳи* ‘назад’	*пəрҳинам* ‘назад’

[16] Здесь и в аналогичных таблицах далее символом * обозначены лексемы, выявленные в единичных примерах.

Включение в эту систему наречий-превербов показывает закономерный характер отношений между наречиями-превербами и другими наречиями. В большинстве случаев в серии задействована одна производная основа (за исключением серии *нөмән – нөмәлта – нөӈ – нөӈнам*). В тех сериях, в которых присутствуют наречия-превербы, они используются для выражения адлокативных отношений с достижением конечной точки и выступают в качестве производной основы для других наречий. Специфическое положение наречий-превербов в этой системе обусловливает ограниченность их применения только адлокативными динамическими пространственными ситуациями.

Наречия серий, в которых отсутствуют наречия-превербы, образованы от прилагательных (*ван* ‘близкий’, *ӈөв* // *ӈөӈ* ‘далёкий’) и существительных (*сар* ‘передняя часть’, *пыр* ‘задняя часть’ и *йир* ‘бок’). В таких сериях которых адлокативные наречия образуются от основы путем прибавления аффиксов, восходящих к аффиксам превратительного (*=ӯə*) и направительного (*=а*) падежей.

Наблюдается последовательное распределение словообразовательных моделей наречий, соответствующих разным типам локализаторов, причём словообразовательные аффиксы некоторых наречий соотносимы с аффиксами аналогичных именных локализаторов (Таблица 21).

Таблица 21

Соответствие между словообразовательными аффиксами наречий и типами локализации

Тип локализации	**Аффикс именной группы**	**Аффикс наречия**	**Пример**
Статический	*=нə* (LOC)	*=ən* / *=нə*	*кэмən* ‘снаружи’ *сарнə* ‘впереди’
Делокативный	*=и* (ABL)	*=(əӆ)та*	*кэмəӆта* ‘снаружи’ *сарəӆта* ‘спереди’
Адлокативный	*=а* (LAT)	нет *=а* *=ӯə*	*кэм* ‘наружу’ *сара* ‘вперёд’
	=нам (APPRX)	*=нам*	*кэмнам* ‘наружу’ *сарнам* ‘вперёд’

Отдельное место в системе занимает не включенное в таблицу местоимение *йири* ‘сбоку, стороной’, единственное из выявленных серийных местоимений наречие, обозначающее ориентированное движение и включающее аффикс отложительного падежа *=и*.

Некоторые наречия сочетаются с аттенуативным аффиксом *=ӷәк*: *утәчәк* ‘поближе к берегу’, *нөӈӷәк* ‘немного вверх’, *иләӷәк* ‘немного в сторону’.

Специфика семантики наречий по сравнению с именными группами в функции локализатора обусловлена тем, что при употреблении наречия не получает непосредственной вербализации опора локализации. Семантика наречия, как правило, задает представление о типе опоры локализации, а конкретные реалии, которые учитываются при интерпретации пространственного отношения, определяются фоновыми знаниями или контекстом.

Наречия семантических зон «внутри / снаружи» и «в воде / на берегу» предполагают замкнутый круг реалий, выступающих в роли опоры (строение или водоем), которые могут быть непосредственно обозначены в предшествующем тексте или подразумеваться как самоочевидные в определенной предметной ситуации. Специфический тип опор локализации обусловливает в обоих случаях конкретные типы локализации («в доме», «на реке»).

Ряд наречий обозначает в свернутом виде комплексные пространственные ситуации, в которых дополнительно учитывается расположение субъекта и опоры локализации вдоль осей, заданных структурой опоры или универсальным устройством мира: «наверху / внизу» – вертикальная ось, заданная поверхностью земли, «впереди / позади / сбоку» – ось, обусловленная выделением у опоры передней, задней и боковых сторон, в части случаев употребления «в воде / на берегу» – ось, определяемая течением реки.

В случае «близко / далеко» к пространственному отношению, обозначенному наречиями с производными основами *ван* и *ӈөв*, добавляется оценочный компонент, характеризующий состояние, в отличие от наречий с основой *илә*, которые, по всей видимости, указывают на удаленное расположение от опоры независимо от конкретного расстояния.

Спецификой наречий из зоны «назад» является то, что их употребление опирается на пресуппозицию о наличии предшествующего движения. При их употреблении представление об опоре локализации может быть размытым, так как движение характеризуется через зеркальное повторение предшествующего пути движения со всеми его потенциальными точками. Однако в большинстве случаев контекст указывает на конкретное недавно покинутое субъектом локализации место, в таком случае употребление наречий этой зоны указывает на конкретную реалию, выступающую в качестве опоры, а не весь маршрут, необходимый для ее достижения.

Несерийные пространственные наречия немногочисленны (Таблица 22).

Таблица 22

Несерийные наречия, употребляющиеся в роли локализатора

Лексема	Перевод
вӑли	мимо
мӑҷхә	мимо
мухты // мувты	через, насквозь
арҳә	в разные стороны

Первые три наречия (*вӑли*, *мӑҷхә* и *мухты // мувты*) характеризуют ориентированное движение по отношению к конкретной опоре, которая, в отличие от других наречий, чаще всего является вербализированной (см. 2.4.3). Наречие *арҳә* обозначает ситуацию разнонаправленного движения группы субъектов и не предполагает фонового представления о реалиях, выступающих в качестве его опоры. В контексте используемой нами концепции описания пространственных отношений такие ситуации могут быть охарактеризованы как ситуация координированного движения, при котором происходит удаление друг от друга ряда движущихся предметов. То, что движущиеся предметы в данной ситуации однородны, подчеркивает условность противопоставления субъекта и опоры на семантическом уровне.

Таким образом, употребление пространственных наречий может рассматриваться как более емкий по сравнению с именными группами способ обозначения некоторых частотных и устойчивых типов пространственных ситуаций, которые связаны с реалиями и их аспектами, имеющими универсальное или культурно специфичное значение, включая комплексные ситуации, в которых употребление одного наречия сигнализирует одновременно о комплексе принимаемых во внимание пространственных ситуаций.

2.4.2.3. Местоимения-наречия

Список местоимений-наречий сургутского диалекта хантыйского языка приводится в грамматике М. Чепреги [2015: 115], однако их специфика с точки зрения выражаемых пространственных значений не была предметом отдельного исследования. Система, образуемая выявленными нами местоимениями-наречиями с пространственной семантикой, представлена в Таблице 23.

Таблица 23

Местоимения-наречия, употребляющиеся в роли локализатора бытийно-пространственных ТСС

Тип местоимения		**Тип локализации**		
		Статический	**Динамический**	
			Делокативный	**Адлокативный**
Указательное	**Ближнего указания**	*тəт(ты)* // *чəт(ты)* // *чэт(ты)* ‘здесь’	*тəл* // *чэл* (*саҳəт* // *соҳит*) ‘отсюда’ **тăлта* ‘отсюда’ *чэлилта* ‘оттуда’ *чэҳəлта* ‘отсюда’ *чэлта* ‘отсюда’	*тəҳə* // *чэҳə* ‘сюда’ *тəҳ(ə)нам* ‘сюда’ *чэнам* ‘сюда’
	Дальнего указания	*тӗт(ты)* ‘там’	*тӗл* (*соҳит*) ‘оттуда’ *тӗлилта* ‘оттуда’	*тӗҳə* // *тӗвə* ‘туда’ *тӗҳ(ə)нам* // *тӗв(ə)нам* ‘туда’
Вопросительно-относительное		*ҫӧт(ты)* ‘где’	*ҫӧль* (*соҳит*) ‘откуда’ *ҫӗльча* ‘откуда, откуда-то’	*ҫӗлə* ‘куда’ *ҫӗлнам* ‘куда’
Неопределённое		*ҫӧтта* ‘где-то’	*ăнта ҫӧль соҳит* ‘откуда-то’ *ҫӗльча* ‘откуда, откуда-то’	*ҫӗлти* ‘куда-то’ *ҫӗлнам мӳвə* ‘куда-то’
Отрицательное		(*əй*) *ҫӧтта пə* ‘нигде’	*ҫӗльча (пə)* ‘ниоткуда’	*ҫӗлатты(нам)* ‘в ничто’

С точки зрения типа пространственного отношения сохраняются базовые противопоставления между статическими и динамическими локализаторами. В области динамических локализаторов противопоставляются серии локализаторов с делокативным и адлокативным значением, специальных местоимений с транслокативным значением не выявлено.

Спецификой местоимений, выступающих в роли статических локализаторов, является выделение их вариантов, характеризуемых как полная [Чепреги 2017: 115] или предикативная [Терешкин 1981: 176, 491] форма:

тəт // *чəт* (*чэт*) – *тəтты* // *чəтты* (*чэтты*) ‘здесь’;
тӗт – *тӗтты* ‘там’;
ӆөт – *ӆөтты* ‘где’.

К интерпретации употребления этих местоимений мы вернёмся позже.

К местоимениям-наречиям может быть отнесено, по всей видимости, встречающееся в одном из источников слово *чэтын* (*тетын*), обозначающее расположение поблизости от заданной контекстом пространственной точки (93), а также его сочетание с аттенуативным аффиксом *=ӌəк* (94):

(93) *Тетын тасəӈ ӆө вӑлəл*, [*əй äви тӑял*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 196–197].
чэтын тас=əӈ ӆө=∅ вӑл=əл=∅
рядом богатство=ADJ мужчина=NOM жить=NPST=SUBJ.3SG
‘По соседству богатый мужчина живёт, [одну дочь имеет].’

(94) *Тетынӌəк моньть ӆө вӑлəл* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 225].
чэтын=ӌəк моньч ӆө=∅ вӑл=əл=∅
рядом=ATTEN сказка мужчина=NOM жить=NPST=SUBJ.3SG
‘Недалеко (от них) сказочный мужчина живёт.’

Делокативные местоимения встречаются существенно реже, чем другие. Система делокативных местоимений не устойчива, так как делокативные основы *тэл* // *чэл* ‘отсюда’, *тӗл* ‘оттуда’ и *ӆөль* // *ӆӗль* ‘откуда’ встречаются в трёх типах употреблений: самостоятельно, в сочетании с аффиксом *=(əл)та* и с послелогом *сахит* // *сохит*. В рассматриваемых текстах наиболее частотным является сочета-

ние с послелогом, что отражает тенденцию к аналитическому выражению делокативных значений. Несколько типов употребления этих основ также зафиксированы в словаре Н. И. Терешкина [1981], причём сочетание с послелогом *сахут* // *сохут* отмечено в салымском говоре и включает не динамическую, а статическую основу (*məm* ‘здесь’, *ɣөт* ‘где’):

Основа:
toł (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.) оттуда [475];
tåł (аг., у.-аг., тр.-юг.) отсюда [459];
təł (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.) отсюда [483];

Основа + аффикс:
təłiłta (юг., у.-юг.) отсюда [483];

Основа + послелог:
təm săɣit отсюда, от этого места (сал.) [484];
ķŏt săɣit? откуда (сал.) [174];

В зоне адлокативных местоимений актуализировано противопоставление по признаку достижения / недостижения конечной точки движения, аналогичное описанному противопоставлению именных групп и наречий. Как и в других случаях, недостижение выражается прибавлением к основе форманта *=нам*.

Мы различаем четыре семантических разряда местоимений-наречий в сургустом диалекте хантыйского языка: указательные, вопросительно-относительные, неопределённые и отрицательные.

Указательные местоимения противопоставлены другим типам по происхождению: они образованы от исторических основ на **t*, в то время как другие – от основ на **k*. Среди указательных местоимений выделяются две серии, различающиеся сочетанием исторического **t* с передне- или заднеязычным гласными [Steinitz 1969: 1391–1395]. Эти серии образуют оппозицию по типу указания, описанную М. Чепреги на материале непространственных указательных местоимений

[Чепреги 2017: 111]: основы на *тə=* и *чэ=* [17] употребляются в локализаторах, указывающих на движение, ориентированное относительно адресата (ближнее указание), на *тӗ=* – относительно удалённой от адресата точки пространства (дальнее указание). Природа противопоставления между местоимениями ближнего указания на *тə=* и *чэ=* не ясна. Потенциальной аналогией этому противопоставлению может быть противопоставление пар непространственных указательных местоимения типа *тэм* ‘этот’ – *тӗм* ‘тот’ и *чи* ‘этот’ – *чу* ‘этот’, которое М. Чепреги интерпретирует как противопоставление по признаку конкретности / отвлечённости [Чепреги 2017: 112], однако наш анализ показывает, что обе пары местоимений могут употребляться в контекстах, не противопоставленных по этому признаку.

Другие типы местоимений образуют единую группу, так как и отрицательные, и неопределённые местоимения в сургутском диалекте хантыйского языка частотно образуются от вопросительно-относительных при помощи специальных частиц [Чепреги 2017: 119–125]. В нашей выборке выявлены местоимения, образованные при помощи частиц *пə*, *мӱв(ə)*, *ӑнта* и *əй*.

Для местоимений-наречий с исходной пространственной семантикой характерно формирование разнородных непространственных значений, например:

– темпоральных (***ӈӗӆə*** *мӗӌə* ‘до какого времени’ [Чепреги 2017]);

– причинных (*Ӈӗӆə йөм ӧнӌəӽ йəӽət* ‘От этого можжевельник образовался’ [Детские сказки варьёганских ханты]);

– источника информации (*ма* ***ӈӗӆь*** *вуӆэм* ‘откуда знаю?’ [Голоса Югана]);

– значений, связанных с прекращением существования объекта (*ӈӗӆатты мəнта* ‘умереть (букв.: уйти в никуда)’, *ӈӗӆатты тута* ‘убить (букв.: унести в никуда)’).

---

[17] Орфография этих основ неустойчива, в письменных текстах встречаются все возможные комбинации согласного и гласного, например *тəт – тэт – чэт – чəт*. Здесь мы отдаём предпочтение вариантам *тə=* и *чэ=* как более частотным.

К местоимениям-наречиям мы также относим составное местоимение *тәт ӷөтта* ‘где-то здесь’.

К вторичным местоимениям-наречиям могут быть отнесены некоторые сочетания, по происхождению являющиеся именными группами, состоящими из существительных *таӽи* // *тоӽи* ‘место’ и *сӧӈ* ‘сторона’ в сочетании с некоторыми местоимениями-прилагательными и частицами (см. Таблицу 24). Такие сочетания частотно переводятся на русский язык при помощи местоимений и именно в этой функции приводятся в современных словарях и списках слов [КРХС, РХР, ХРТС], но не отмечаются в словаре Н. И. Терешкина [1981]. Некоторые сочетания такого типа включены М. Чепреги в список неопределённых местоимений [2015: 119], однако не выделяются ею в особый класс местоимений и не рассматриваются среди местоимений других типов. Эти сочетания являются основным способом формирования обобщающего локализатора.

Такие сочетания также частотно используются при формировании полипредикативных конструкций типа (95), в которых область локализации основной предикативной единицы (куда нужно идти) соотносится с областью локализации, обозначенной в предикативной единице, зависимой от пространственной лексемы (куда пошел гусь):

(95) *Мәна, тю ӈөнт мәнәм сӧӈнам* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 194].
мән=а чу ӈөнт мән=әм сӧӈ=нам
идти=IMP.SUBJ.2SG тот гусь идти=PP сторона=APPRX
‘Иди в [ту] сторону, куда гусь ушёл.’

Таблица 24

**Вторичные производные местоимения-наречия,
употребляющиеся в роли локализатора бытийно-пространственных ТСС**

Тип местоимения		**Тип локализации**		
		Статический	**Динамический**	
			Делокативный	**Адлокативный**
Указательное	**Ближнего указания**	–	–	–
	Дальнего указания	*чу тохинə* ‘там’	–	–
Вопросительно-относительное		*мӳв тахинə* // *тохинə* ‘где’	*мӳв тахийи* // *тохийи* ‘откуда’	*мӳв тохийа*, *мӳв тахинам* ‘куда’
Неопределённое		(*əй*) *мəта тохинə* ‘где-нибудь, где-то’	(*əй*) *мəта тохийи* ‘откуда-то’	(*əй*) *мəта сӧŋнам* ‘куда-то’
Отрицательное		–	–	*əй мəта сӧŋнам пə* ‘никуда’
Обобщающее		*каӷəŋ тохинə* ‘всюду’ *пəкəт тохинə* ‘всюду’	*кацəŋ тахийи* ‘отовсюду’ *кацəŋ сӧŋи* ‘отовсюду’	–

Таким образом, пространственные предложения с наречными группами строятся по общей модели, причём их семантика обусловлена семантикой конкретной лексемы ADV^{Loc}:

$$N^{S}_{NOM}\ ADV^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN}$$

2.4.3. Совмещение именных и наречных групп

Ряд пространственных ситуаций требует совмещения именной группы и наречия, между которыми распределяются функции указания на опору локализации и характер движения. Такие употребления характерны для слов *ванҳə* ‘ближе’, *вӑли* ‘мимо’, *мухты* // *мувты* ‘насквозь, через’:

(96) [*Чут пырнə*] *мөӄмуӄəӆ чэчиӆа ванҳə йӗвəт* [*панə йастəӆ*]… [Три мудрых совета 2020: 11].
мөӄмуӄ=əӆ=∅ чэчи=ӆ=а ван=ҳə
внук.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM бабушка=POSSR.3SG=LAT близко=TRANSL
йӗвəт=∅
прийти=SUBJ.3SG
‘[После этого] внучек к бабушке подошел и говорит…’ [Там же: 13].

(97) *Мəӈ ӆори вӑли мəнув* [КРХС 2016: 54].
мəӈ=∅ ӆор=и вӑли мəн=ув
мы.PL=NOM озеро=ABL мимо прийти=SUBJ.1PL
‘Мы мимо озера проехали.’

(98) [*Ит ма тӳӈəмтэм –*] *пурəльвайҳəли тыҳəӆ ма ныӈктэм вӑли мəн* [Айпин 2003б: 20].
пурəль_вайҳəли тыҳəӆ=∅ ма ныӈкт=эм вӑли мəн=∅
трясогузка гнездо=NOM я ABL=1SG мимо идти=SUBJ.3SG
‘[И теперь я понял:] не видать мне гнезда трясогузки’ [Айпин 1986: 197].
‘[Теперь я понял:] гнездо трясогузки прошло мимо меня’ (перевод ИМП).

От сочетаний именных групп с послелогами такие конструкции отличаются тем, что здесь именная группа принимает падежную форму или употребляется с послелогом (*ныӈкты*), а также тем, что наречие может употребляться без эксплицитной именной группы в случаях, когда опора локализации предопределена контекстом (99).

(99) [Мать-олениха показывает дочери на пса.]
Нӳŋ ванҳə ал мəна [Айпин 2003б: 63].
нӳŋ=∅ ван=ҳə аӆ мəн=а
ты=NOM близко=TRANSL IMP.NEG идти=IMP.SUBJ.2SG
‘Ты близко не подходи’ [Айпин 1986: 224].

Кроме того, возможно дистанцирование наречия от именной группы (100):

(100) *Пəтəҳӆэмнə пӑлатка манə вӓли суӌи* [ХРТС 2018: 64].
пəтəҳӆə=м=нə пӑлатка=∅ ма=нə вӓли суӌ=и=∅
темнеть=PP=LOC палатка=NOM я=LOC мимо шагать.PST=PASS=3SG
‘В темноте я мимо палатки прошла.’

Полные модели высказываний с этими словами имеют следующий вид:

$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{ABL}\ ADV^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN}$$
$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LAT}\ ADV^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN}$$

Встречаются единичные примеры, в которых аналогичное отношение возникает между двумя локализаторами, выраженными именными группами, например:

(101) *Тю йӑвӆəт ӆӳвнə пӧӈəӆ ивəӆ мəнат* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 289].
чу йӑвӆ=əт=∅ ӆӳв=нə пӧӈəӆ ивəӆ мəн=ат
тот стрела=PL=NOM он=LOC бок с идти=PASS.3PL
‘Эти луки-самострелы он (Павел) стороной обошёл.’

2.4.4. Расщепление локализатора

Расщепление локализатора является частотным осложнением структуры и семантики бытийно-пространственных ТСС. При расщеплении, в отличие от совмещения локализаторов, в рамках одной реализации ТСС употребляются два однородных локализатора, семантически не дополняющих, а перекрывающих друг друга. В первую очередь нас интересуют примеры, в которых это расщепление эксплицитно, т. е. присутствуют несколько именных или наречных групп, интер-

претируемых как локализатор. Тем не менее возможно и имплицитное расщепление, возникающее в случаях, когда представление о втором локализаторе обусловлено контекстом.

Значимость расщепления как явления состоит в том, что коммуникативные статусы таких локализаторов могут различаться, что приводит к формированию особых типов высказываний, в которых локализаторы могут быть по-разному маркированы.

В зависимости от того, какие отношения устанавливаются между локализаторами, мы выделяем три типа расщепления.

1) Локализаторы с совпадающим денотатом. Такие локализаторы являются разными наименованиями одного предмета действительности. Разновидности различаются порядком следования компонентов:

а) местоимение-наречие + ИГ. При первом вхождении предмет обозначен местоимением-наречием, подчёркивающим предопределённость локализатора контекстом. Следующее за этим вхождение именной группы имеет уточняющий характер, раскрывает содержание первого локализатора:

(102) [*Йөӽӽән, чаӷа,*] *ма милэм төт ӷыч, ими ӷучәӈнә,* [*милэм төт ӷәӌ*] [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
ма мил=эм=∅ төт ӷыч=∅ ими ӷучәӈ=нә
я шапка=POSSR.1SG=NOM там остаться=SUBJ.3SG жена возле=LOC
‘[Ребята,] у меня шапка там осталась, возле жены.’

(103) *Ӆӱв лэлиӈ панә аӈкиӈ, ӆӱват мата төӽә йөвтәт, крепостьа* [Голоса Югана 2021: 132].
ӆӱв лэли=ӆ=∅ панә аӈки=ӆ=∅ ӆӱв=ат мата
он младший_брат=POSSR.3SG=NOM CONJ мать=POSSR.3SG=NOM он=OBL PRTCL
төӽә йөвт=әт *крепость*=а
туда прийти=SUBJ.3PL крепость=LAT
‘Его брат и его мать, он сам были там, в крепости.’
‘Его брат и мать, и даже он сам пришли туда, в крепость’ (перевод ИМП).

Такие примеры отражают тенденцию, названную К. Ламбрехтом принципом разделения роли и референции (англ. *principle of the separation of reference and role*), в соответствии с которым употребление в высказывании двух тождест-

венных выражений приводит к распределению между ними функций указания на его референт и коммуникативную роль [Lambrecht 1994: 184–189];

б) ИГ + местоимение-наречие. К этому типу относятся случаи, в которых местоимение следует после полной именной группы. Такие примеры также могут рассматриваться как отражение принципа разделения, так как в них лексическая составляющая локализатора вынесена в начало высказывания, в то время как её конкретная функция в структуре выражена местоимением-наречием:

(104) *qɒ:t ɬəɣpi:nə qaɬi tot ʁ:ɬʁɬ* [OUDB].
ӷот ӌəӽпи=нə ӷаӀи=∅ тӗт ӑӀ=аӀ=∅
дом внутри=LOC мертвец=NOM там лежать=NPST=SUBJ.3SG
‘В глубине дома лежит мёртвое тело.’

Частотность появления таких примеров позволяет предположить, что местоимение-наречие может выступать в них как заполняющее слово, не несущее смысловой нагрузки, но заполняющее паузу или способствующее ритмической организации речи.

2) Локализаторы, связанные пространственными отношениями. Между локализаторами устанавливаются пространственные отношения: второй локализатор рассматривается как подпространство первого (105):

(105) [*Ҷуминт*] *тут ӷырəӽнə рак вӗӀ,* [*а кӳцмəтнə – сэл*] [Айпин 2003б: 63].
тӗт ӷырəӽ=нə рак=∅ вӗӀ=∅
там мешок=LOC мука=NOM быть=SUBJ.3SG
‘Обычно там бывает мука в мешке и сел в берестяных кадушках’ [Айпин 1986: 224].
‘[Такой?] там [в лабазе] в мешке бывает мука, а в берестяных кадушках – сел [18], (перевод ИМП).

Такое расщепление локализатора отражает противопоставление между двумя темами высказывания: локализатором, обусловленным контекстом, и локали-

[18] *Сел* (сург. хант. *сэл*) – прокопченная мелкая рыба (чебаки, подъязки) [Айпин 1986: 224].

затором, выбранным в качестве основной темы этого высказывания. Таким образом, данные примеры представляют собой частный случай противопоставления между двумя темами, подробно рассмотренного И. А. Николаевой [Nikolaeva 2001]. Такое противопоставление может быть выявлено и при имплицитном присутствии в контексте фонового локализатора:

(106) [Контекст: птичка приходит в дом Менка и обнаруживает, что его нет дома.]
Кэр ӧвтынэ пӧльтьи путэли омэсӆ [Чепреги 2015: 6].
кэр ӧвты=нэ пӧльчи пут=эли=∅ омэс=ӆ=∅
печь верх=LOC жир горшок=DIM=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘В печке – горшок с жиром вытопленным’ [Чепреги 2015: 59].
‘На печке [которая расположена в доме] стоит горшок с жиром’ (перевод ИМП).

В качестве разновидности этого типа может рассматриваться употребление превербов и наречий с пространственным значением, которые обозначают пространственную локализацию относительно неназванной, но подразумеваемой опоры.

2.5. Предикат как компонент бытийно-пространственных ТСС

Основным способом выражения предиката являются глаголы, которые, в зависимости от ряда внешних по отношению к конструкции факторов, могут принимать как финитные формы изъявительного и повелительного наклонения, так и нефинитные формы (инфинитива, причастия и деепричастия). Значимыми факторами при описании способа выражения предиката является выбор его залога и типа спряжения, которые ведут к формированию конструктивных вариантов исходных ТСС. В этом разделе мы сосредоточимся на характеристике семантики глаголов, которая является одним из основных факторов при семантическом варьировании рассматриваемых ТСС.

2.5.1. Предикаты бытийной ТСС

В бытийном ЭПП основным заполнителем позиции предиката является глагол *вӑӆта* // *вӗӆта* ‘быть, жить’ [19]. Этот глагол полифункционален: помимо предложений бытия, он употребляется в предложениях реляции (*Ӆӳв ма ҷетҷеҷем рӑҳәм еи* ***вуӆ*** [Айпин 2003б: 6] ‘Он был родным братом моего деда’ [Айпин 1986: 188]) и характеризации (*Тонйа әтьә вӧккәӈ-тармәӈ* ***вӗӆ*** ‘Тонйа тоже сильным-могучим был’ [Голоса Югана 2021: 129]). В рамках бытийной ТСС в семантике этого глагола сочетаются значения постоянного и временного присутствия предмета в пространстве, что отражается в его передаче при переводе на русский язык глаголами *быть* и *жить*. Вследствие отсутствия у этого глагола специфической пространственной семантики, он широко употребляется в реализациях бытийной ТСС с переносным значением.

Многочисленную группу составляют реализации с глаголами, описывающими положение предмета в пространстве или его состояние: *ӑӆта* // *ӧӆта* ‘лежать’, *омәста* ‘сидеть’, *ӆоӆта* ‘стоять’, *ӆойәхта* ‘висеть’, *ӈыӈчча* ‘отдыхать’, *ӽоӆта* ‘ночевать’ и др. Такие примеры отражают осложнение пространственной семантики характеристикой состояния предмета.

При заполнении позиции предиката глаголами с семантикой движения (*мәнта* ‘идти’, *йӑӈӽилта* ‘ходить’, *сөҷҷа* ‘шагать’, *ӽөвәтӆәта* ‘бегать’, *ӆәхӆәхтәта* ‘летать’) формируются реализации со значением движения в замкнутом пространстве.

Два глагола, употребляемых в роли предиката, отражают изменчивость существования предмета: *ӓтта* ‘появиться’ и *тәрәмта* ‘перевестись’.

---

[19] Графические варианты основы этого глагола в некоторых случаях обусловлены морфонологическим чередованием гласного в корне [Чепреги 2017: 62], однако наши данные показывают, что оба варианта употребляются в качестве основы настоящего времени.

Отдельную подгруппу составляют реализации с глаголом *ӷычча* ‘оставаться’. При употреблении этого глагола статическая пространственная ситуация рассматривается как результат предшествующего движения, приводящего к разделению группы предметов.

При отрицании позицию предиката занимает специальная отрицательная лексема *әнтэм*, которая может употребляться как самостоятельно (в контекстах, в которых *вӑӆта* // *вӗӆта* может быть опущен), так и в сочетании с глаголом *вӑӆта* // *вӗӆта*.

Частотность способов выражения локализатора бытийной ТСС представлена в Таблице 25.

Таблица 25

Основные способы выражения предикатов бытийной ТСС

Тип предиката	Примеры глаголов	Количество примеров
бытийный глагол	*вӑӆта* // *вӗӆта* ‘быть’	145
глаголы статического состояния	*ӑӆта* // *ӗӆта* ‘лежать’, *омәста* ‘сидеть’	108
глаголы движения	*мәнта* ‘идти’, *йӑӈӷиӆта* ‘ходить’	16
глаголы изменения существования	*тәрәмта* ‘кончаться’	8
глагол со значением результата предшествующего движения	*ӷычча* ‘оставаться’	18
отрицательная лексема	*әнтэм* ‘нет; отсутствовать’	36
нулевое выражение	–	85

2.5.2. Предикаты ТСС движения

В ЭПП движения употребляется группа глаголов движения, характеризующих разные аспекты пространственной ситуации. Эти глаголы перечислены в Таблице 26. Мы сгруппировали их по некоторым семантическим признакам, однако это разбиение условно, так как некоторые глаголы сочетают более одного признака и употребляются в нескольких значениях.

Таблица 26

Глаголы, употребляемые в ТСС движения

Глагольная основа	Перевод	Типичные локализаторы
Базовые глаголы движения		
йӗвәт= // йӗхәт=	прийти	директив-финиш (LAT) директив-старт (ABL) ориентир (*ӑлӑпты* ‘поверх’) объект следования (*йӗта* ‘за’)
мӑн=	идти	директив-финиш (LAT, APPRX) ориентир (*мухты* ‘через’, *вӑли*, *мӑҫхә* ‘мимо’, *ӑлӑпты* ‘поверх’)
йӑӈкӏ=(ил=)	ходить	директив-финиш (LAT, APPRX) директив-старт (ABL)
йӳ(х)=	идти (куда, вслед за кем)	директив-финиш (LAT, APPRX) объект следования (*йӗта*, *пыри* ‘за’)
Глаголы, обозначающие результат движения		
пит=	попасть (во что)	директив-финиш (LAT)
ӓт=	появиться, выйти (на что, куда; откуда)	директив-финиш (LAT, *кэм* ‘наружу’, *нӗӈкӏ* ‘наверх’) директив-старт (ABL)
Глаголы движения с характеристикой способа движения		
сӗҫ=	шагать	директив-финиш (LAT, APPRX) трасса (ABL, *ӄӗвит* ‘по’)
вайк=	ползти	
лыпайтәтә(х)=	плестись	
нэвәр= нэвр=әм=	прыгать (через что, к чему)	директив-финиш (APPRX) ориентир (*ӑлӑпты* ‘поверх’)
нӳрәхтә=	бежать (к чему)	директив-финиш (APPRX, *кэм*, *кэмнам* ‘наружу’, *йӑкӑнам* ‘внутрь’)
сахәл= // сохәл=	бежать (о животных, к чему)	директив-финиш (APPRX)
вӧвип=	рвануть, помчаться (в каком направлении)	директив-финиш (APPRX, *илнам* ‘прочь’)
лӳк=	кинуться (куда, на что)	директив-финиш (LAT, *кэм*)
нәпәт=	кинуться (к кому)	
ӄырәмтә=	броситься (к чему, куда)	директив-финиш (LAT)
Движение с характеристикой способа и среды движения		
лӑхӑл=	лететь	
пӗрәхлә(х)=	полететь, взлететь	
нопәт=	плыть (по течению)	
Глаголы движения по отношению к фиксированному типу локализатора		
лӑӈ=	входить (в помещение)	директив-финиш (LAT, *йӑӄә* ‘внутрь’)
лӑп=	пройти (через дверь)	ориентир (ABL)
ӆивәт=	выходить	директив-финиш (*кэм* ‘наружу’)
ӄӑньахтә(х)=	прятаться (в укрытие)	директив-финиш (LAT)
ӄуӈәт=	залезть (на что)	директив-финиш (LAT)
Глаголы движения фиксированного типа субъекта		
посәм=	капать, стекать	
Глаголы с характеристикой расположения в пространстве и направленности движения		

ымəлӈ=	сесть (на что) сесть в лодку см. также *Глаголы инхоатива местоположения*	директив-финиш (LAT)
ӈат=	сесть (на что)	директив-финиш (LAT)
ӈитəмтə(ӽ)=	сесть (на что)	директив-финиш (LAT)
ӈăӽӽинтə(ӽ)=	сесть (куда) сесть (в сани, на коня)	директив-финиш (LAT)
ӈäӈ=	сесть (в сани, на коня)	директив-финиш (LAT)
кил=	встать выйти из лодки	директив-финиш (*нӗӽ, утə*)
ăӈинт=	лечь	
көрəӽ=	упасть	директив-финиш (*ылə, ылнам*)
выхəӈ=	спуститься (на землю, к воде)	
пӗрəм=	наступать	
Глагол удаления или координированного движения		
ӽӗнт=	убежать (откуда) убежать (от кого)	директив-старт (ABL, *тӗӈ* ‘оттуда’) директив-финиш (APPRX) объект убегания (ABL)
Глаголы кругового движения		
кирəхӈə(ӽ)=	повернуть (по направлению)	директив-финиш (APPRX, *ылнам* ‘прочь’)
каримтə(ӽ)=	повернуть (по направлению)	директив-финиш (APPRX)
Глаголы фиктивного движения		
ӈэйəӈ=	смотреть (на что)	директив-финиш (APPRX)
ӓӈкрəмтə(ӽ)=	взглянуть (на что)	директив-финиш (APPRX)
памтə(ӽ)=	показывать (на что)	директив-финиш (APPRX)
памиӈ=	показывать (на что)	директив-финиш (APPRX)
Глагол местонахождения		
омəс=	сидеть (около чего)	статив (APPRX)
Глаголы начальной фазы местонахождения		
раӈип=	поселиться (куда)	директив-финиш (LAT)
кас=	переселиться (куда)	директив-финиш (LAT)
ымəлӈ=	поселиться (в чём)	директив-финиш (LAT)
Глагол распространения звука и запаха		
сəч=	раздаваться (о звуке, запахе)	директив-финиш (LAT) директив-старт (*ӽӗвəӈта* ‘издалека’)
Прочее		
ӆысəӽинт=	прилипать (к чему)	директив-финиш (LAT)
əкəм=	собираться (вместе)	директив-финиш (LAT)
ӽый=	покинуть (что)	
ӽыч=	остаться (от чего)	
пыт=(əмтə=)	сердиться (на кого)	объект эмоции (APPRX)

Глаголы, выделенные нами в группу базовых (*йӗвəтта* ‘прийти’, *мəнта* ‘идти’, *йăӈӽ(иӈ)та* ‘ходить’, *йӳта* ‘идти’), являются наиболее частотными и обозначают движение в наименее конкретизированном виде. По этой причине для них характерно употребление в реализациях ТСС движения с переносным значе-

нием. То же верно и для глаголов, характеризующих результат действия (*питта* ‘попасть’, *ӓтта* ‘появиться, выйти’).

В семантику глаголов, отнесенных нами к другим группам, инкорпорировано представление о способе движения, типах опор локализации, по отношению к которым развивается движение, и состоянии, в которое попадает субъект в результате движения. Среди глаголов, характеризующих результирующее состояние субъекта, два образуют исторические пары с глаголами статической локализации: *омәста* ‘сидеть’ – *ымәӆта* ‘сесть’, *ӑӆта* // *ӧӆта* ‘лежать’ – *ӑӆинтта* ‘лечь’.

Отметим несколько типов реализации ТСС движения в значениях, не связанных с движением, которые обусловлены семантикой глаголов.

1) Статическая локализация. Ситуации статической локализации, обозначаемые средствами ТСС движения, связаны с расположением субъекта вблизи от опоры. Для передачи этого значения используется именная группа в общенаправительном падеже в сочетании со статическим глаголом *омәста* ‘сидеть’:

(107) *Ики тӱӽәт пӱмнам умәс…* [Айпин 2003а: 5].
ики=∅ тӱӽәт пӱм=нам умәс=∅
мужчина=NOM огонь тепло=APPRX сидеть.PST=SUBJ.3SG
‘Стреляющий Глухарей сидел у огня…’ [Айпин 1986: 131].

(108) *nɐ:jnɐm ɒ:məstɬ* [OUDB].
най=нам омәс=ӆ=∅
огонь=APPRX сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘Сидит он у огня…’

(109) [*Ӆитөт әнтэм ӷӑтӆәтнә*] *йәмнам пәсаннам омәсӆәм,* [*таӆәӽ көнәлинат ӷычӆәм*] [ВАН].
йәмнам пәсан=нам омәс=ӆ=әм
зря стол=APPRX сидеть=NPST=SUBJ.3SH
‘В те дни, когда на столе нет еды, я просто так у столика сижу, остаюсь с пустым животиком.’

2) Начальная фаза местонахождения. Ряд глаголов (*раӈипта* ‘поселиться’, *каста, касәӆта* ‘переселиться’, *ымәӆта* ‘сесть; поселиться’) обозначают начальную фазу долгосрочного проживания в определённом месте. Для *раӈипта* ‘поселиться’ это значение соотносится с его употреблением в функции вспомогатель-

ного глагола с инхоативным значением (*Лупəӆ вӓртаχə раӈипəχ* ‘Начал делать весло’ [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой]). В случае *ымəӆта* ‘сесть; поселиться’ развитие этого значения параллельно аналогичному развитию значения у парного бытийного глагола *омəста* ‘сидеть; жить’.

3) Фиктивное движение. Этот тип реализаций связан с ситуациями, в которых описывается направление жеста (*памтəта, памиӆта* ‘показывать’) или взгляда (*ӆэйəӆта* ‘смотреть’, *ӓӈкрəмтəта* ‘взглянуть’). Предмет, на который ориентировано это действие, обозначается именной группой в общенаправительном падеже или наречиями с формантами общенаправительного падежа (*уӆнам* ‘вниз’, *тӗχənам* ‘туда’). Формирование этого типа метафорического значения обусловлено компонентом семантики глаголов восприятия, который Е. В. Падучева называет «фиктивным движением» [Падучева 2004: 231–232], и обусловлено переносом движения из физической в психическую сферу.

2.5.3. Предикаты ТСС перемещения

В реализациях ТСС перемещения употребляется широкий круг глаголов с семантикой каузируемого пространственного отношения.

В сургутском диалекте хантыйского языка функционирует ряд словообразовательных аффиксов со значением каузации (*=əмтə, =əптə*) [Кошкарева 2014а: 37–39], которые используются для образования глаголов перемещения от глаголов местонахождения и движения, например: *лӳкəмтə=* ‘бросить’ от *лӳк=* ‘броситься’, *катӆəптə=* ‘дать держать’ от *катəӆ=* ‘держать’, *ӄычəптə=* ‘оставить’ от *ӄыч=* ‘оставаться’. Такие глаголы встречаются в рассматриваемой выборке редко, и потому эту словообразовательную модель мы считаем периферийным средством выражения каузативности. В большинстве случаев это значение инкорпорировано в семантику глагольного корня. Кроме того, глаголы, выполняющие роль предиката ТСС перемещения, частотно указывают на конкретный способ воздействия субъекта на объект и на некоторые аспекты каузируемой пространственной ситуации.

Значимым признаком для классификации глаголов, обозначающих каузируемые пространственные ситуации, являются отношения, складывающиеся между субъектом и объектом в период их взаимодействия и связанного с ним движения. В большинстве случаев перемещение предполагает нахождение объекта и субъекта в одной точке пространства, что, как правило, принимает определенную форму включения объекта в сферу субъекта. На этом основании мы разделяем несколько типов ситуаций, обозначенных для удобства соответствующим глаголом русского языка:

– помещение объекта в сферу субъекта (‘брать’);

– сохранение объекта в сфере субъекта (‘держать’);

– движение субъекта и объекта, находящегося в его сфере (‘нести’);

– выход объекта из сферы субъекта:

путём инициации его движения (‘бросать’);

путём помещения его в сферу другого объекта (‘класть’);

путём помещения его в сферу другого лица (‘давать’);

– изменение положения объекта в пространстве без выведения его из сферы субъекта (‘вытягивать’).

Примеры глаголов этих типов приведены в Таблице 27.

Таблица 27

Основные глаголы, употребляемые в ТСС движения

Тип ситуации	**Пояснение**	**Глагольная основа**	**Перевод**
‘брать’	S помещает OB в свою сферу	*вә=*	брать
		иӆмәӽ=(тә=)	схватить
		ӓмәр=	черпать
		аны=	собирать
‘держать’	S удерживает OB в пределах своей сферы	*катәӆ=*	держать
		тӧй=	держать
‘нести’	S движется, в то время как OB находится в его сфере	*аӆ=*	носить
		ту=	принести
		таӆ=	тянуть, тащить
		йӧӽтәптә=	тащить
		ньәримтә= ньәрип=	тянуть
‘бросать’	S инициирует движение OB, оставаясь в ис-	*йӓвәт=*	бросать

	ходной точке движения	*тӑҳип=*	бросать
		лӳкәмтә(ҳ)=	бросать
		љак=	стрелять
‘класть’	S размещает OB в статическом положении	*пӑн= // пӗн=*	класть
		лэӈк=	накрыть
		омәт=	посадить
		ӷый=	оставить
		ӷычәптә=	оставить
		пуӆ=	всунуть
		кӑритә=	нанизывать
		ыӄӄәтә=	вылить
		йӳртә=	привязать
		ӷӗ̆ҷәӄсә= ӷӗ̆ҷәҳтә=	натянуть
‘давать’	S передаёт OB другому лицу	*мә=*	давать
		тыны=	продать
		катӆәптә=	дать держать
		ӆапәт=	кормить
‘вытягивать’	S перемещает OB относительно себя	*аӆм=(иӆ=)*	поднимать
		нӳртә=	вытянуть
		пуӆ=	всунуть
		њәриптә= њәрип=	тянуть

Границы между этими типами размыты, так как для глаголов некоторых типов характерно сближение с глаголами других типов. Например, глаголы типа ‘нести’ в зависимости от типа локализации и контекста частотно обозначают не только движение, но и предшествующее ему извлечение объекта из сферы другого лица или предмета или следующее за движением помещение предмета в сферу другого лица или предмета.

Для глаголов типов ‘брать’ и ‘держать’ характерно отсутствие эксплицитного локализатора, так как их семантика подразумевает совпадение субъекта каузации и опоры локализации. Тем не менее локализаторы могут использоваться как средство указания на часть тела лица (*в руки, в руках*) и, в случае ‘брать’, на источник. Несколько неопределённым статусом облают глаголы присвоения объектов природы *ӓмәрта* ‘черпать’ и *аныта* ‘собирать’, так как примеров их употребления в сочетании с эксплицитными локализаторами не выявлено, несмотря на то, что их семантика предполагает наличие ёмкости, в которую производится сбор (например, ведро или мешок, туесок).

Так как взаимодействие между субъектом и объектом определяется через включение или исключение объекта в сферу субъекта, пространственные отношения в предложении перемещения частотно совмещаются с социальными. В первую очередь это касается глаголов типа ‘брать’ и ‘давать’, которые частотно характеризуют не только изменение пространственного положения объекта, но и его владельца. В то время как глаголы типа ‘давать’ употребляются исключительно с одушевлёнными локализаторами, глаголы типа ‘брать’ сочетаются с разнообразными локализаторами в зависимости от того, имеется ли в виду присвоение природного объекта или объекта, принадлежащего другому лицу. По причине связанности этих значений в группу ‘давать’ включены два глагола с более явным социальным значением: *тыныта* ‘продать’, *ӆапәтта* ‘кормить’.

В непрототипических реализациях ТСС перемещения употребляется ограниченный ряд глаголов, которые приведены в Таблице 28.

Таблица 28

Вторичные глаголы, употребляемые в ТСС перемещения

Основа	**Значение**
Глаголы каузации действия объекта	
воӽ=	звать
кит=(ыӆ=)	посылать, подгонять
ӓсәӆ=	пускать
Глаголы речевой деятельности	
йастә(ӽ)=	говорить
ӈйвмә(ӽ)=	говорить
виккәтә(ӽ)=	кричать
пырип= *пыриӆ=*	спрашивать
Перцептивные глаголы	
ӷуӈчәхтә=	встретить
кәнӌ=	искать
ӧйәхтә=	находить

1) Глаголы каузации действия объекта. Реализации ТСС перемещения с такими глаголами (*воӽта* ‘звать’, *китта* ‘посылать’, *ӓсәӆта* ‘пускать’) указывают на потенциальное движение, совершаемое объектом. В отличие от прототипического перемещения, роль субъекта здесь сводится к мотивированию объекта, принимающему вид вербальной (императивный речевой акт) или невербальной (указывающие жесты) коммуникации.

2) Глаголы речевой деятельности обозначают передачу идеального объекта, обычно осуществляющуюся между одушевлёнными субъектом и локализатором. Сам идеальный объект может быть выражен лексемами типа *йасәӈ* ‘слово’, но чаще всего принимает форму прямой речи.

3) Перцептивные глаголы образуют группу реализаций ТСС перемещения, в которых обозначается реальное или потенциальное восприятие субъектом местонахождения объекта в сфере локализатора. Субъект таких ТСС не участвует в формировании пространственной ситуации, а выступает в роли наблюдателя и потому относится к модусной части семантики предложения:

[S видит]^{MOD}, что [ОВ расположен относительно LOC]^{DICT}.

2.5.4. Эллипсис предиката

Предикат может быть опущен в реализациях всех рассматриваемых ТСС, однако характер этого явления в бытийных и небытийных ТСС различается.

1) Эллипсис предиката бытийной ТСС. Специфика эллипсиса предиката бытийной ТСС связана с тем, что в ряде ее реализаций, содержащих глагол *вӑӆта* // *вӧӆта* ‘быть’, предикат является связкой. Этот глагол может употребляться как в прототипическом значении временного местонахождения, так и в некоторых непространственных значениях. Эллипсис такого рода не распространяется на реализации того же глагола со значением постоянного пребывания (‘жить’). В связи с этим эллипсис предиката может рассматриваться как средство противопоставления двух типов ситуаций.

Эллипсис предиката определенных реализаций бытийной ТСС имеет последовательный характер и наблюдается систематически в ряде коммуникативно разнородных ситуаций.

2) Эллипсис предиката небытийных ТСС. В небытийных ТСС эллипсис предиката допустим в определённых контекстах, но наблюдается относительно редко.

В ТСС движения эллипсис предиката встречается в единичных примерах, в которых возможность опустить предикат обусловлена контекстом и приводит к формированию яркого динамичного образа:

(110) [*Тәт пупи кәтаӆхәӆ өхтыя көрәх пан иӆнам вӱвипәх.*] *Веӆеӈ ӑвәӆ әй сӧӈнам, пупи – па сӧӈнам* [Айпин 2003а: 58].
вэӆ=эӈ ӑвәӆ=∅ әй сӧӈ=нам пупи=∅ па сӧӈ=нам
олень=ADJ нарты=NOM один край=APPRX медведь=NOM другой край=APPRX
‘[Медведь упал на передние лапы и рванулся прочь.] Упряжка в одну сторону, медведь – в другую’ [Айпин 1986: 175].

(111) [*Мӱв тахинам әнтә кирәхӆәӆәм –*] *әйнам әнтә чу сӧӈнам!* [Айпин 2003б: 20]
әйнам әнтэ чу сӧӈ=нам
всё NEG тот край=APPRX
‘[Куда ни повернусь] – все не туда!’ [Айпин 1986: 197].

(112) [*Тьу наркәс йуӽ ныртахә вӓртә ӆатнә,*] *тэм йимәӈ Ас йӓӌәхи, пәсәӈ Ас йӓӌәхи – йәӈк ӈуӆ* [Архив ОУПИиР]
тэм йимәӈ Ас йӓӌәх=и пәсәӈ Ас йӓӌәх=и йәӈк ӈуӆ=∅
этот священный Обь середина=ABL ? Обь середина=ABL вода рыба=NOM
‘[И вот, когда начинали наигрывать,] то посредине святой Оби вся рыба вверх всплывала.’
‘Когда играли на том *наркәс йуӽ*[20], то из середины священной Оби – рыба’ (перевод ИМП).

[20] *Нарс-юх* (сург. хант. *наркәс йуӽ*) – традиционный хантыйский струнный музыкальный инструмент.

(113) [Контекст: тётя видит, что её племянник собрался куда-то идти и пытается его остановить.]
Нӳӈ ӷӧӆнам? [Чепреги 2015: 24]
нӳӈ=∅ ӷӧӆнам
ты=NOM куда
‘Ты куда собрался?’ [Чепреги 2015: 78].
‘Ты куда?’ (перевод ИМП).

Выявлены единичные высказывания, которые могут быть интерпретированы как пример аналогичной реализации ТСС перемещения:

(114) *Кäв путəӆ виӌə пə йӧта,* [*сӳхмətət ӷӧримтəхəӆ*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 310].
кäв пут=əӆ=∅ виӌə пə йӧта
камень котёл=POSSR.3SG всегда PRTCL.EMPH за_собой
‘Чугунный котёл всегда с собой (несёт), [(по дороге) с берёз бересту сдирает].’

(115) [*Па онтəп йəмси ӷот пäләка ӷäтəӆтəӆӆаӆ*], *па онтəп пəхи ӷот пäләка* [Чепреги 2015: 11].
па онтəп=∅ пəхи ӷот пäләк=а
другой дневная_люлька=NOM левый дом сторона=LAT
‘[Одну часть на правую половину дома передвигает,] другую на левую половину’ [Там же: 64].

К реализациям акциональной ТСС с эллипсисом предиката может быть отнесён ряд оборотов, содержащих неназванную угрозу. Такие высказывания устойчивы и являются средством обозначения определенного коммуникативного акта:

(116) *Ма ӆӳват чи!* [Три мудрых совета 2020: 6].
ма=∅ ӆӳв=ат чи
я=NOM он=OBL PRTCL.EMPH
‘Вот я его сейчас’ [Там же: 9].

(117) [*Ӷот кӧсəӆ, Икинə тӳӈəмты*,] *ма ӆӳват сäр!*.. [Айпин 2003а: 25].
ма=∅ ӆӳв=ат сäр
я=NOM он=OBL INTERJ
‘[Ах, дом ломает, сообразил Стреляющий Глухарей,] да я ему!..’ [Айпин 1986: 150].

Так как реализации небытийных ТСС с имплицитно выраженным предикатом единичны, мы в дальнейшем анализе не относим их к системным способам образования вариантов этих ТСС.

2.6. Непространственные значения, выражаемые средствами бытийно-пространственных ТСС

Рассматриваемые ТСС являются продуктивными с точки зрения формирования вторичных непространственных значений. Семантическая и структурная близость бытийно-пространственных ТСС обусловливают общие направления формирования таких значений, поэтому мы охарактеризуем параллельно основные типы выявленных вторичных значений всех трех ТСС.

1) Начало или прекращение существования предмета. Смежность пространственных значений со значением существования приводит к закономерному формированию у бытийно-пространственных ТСС экзистенциальных значений. Так, ТСС движения употребляется в ряде устойчивых выражений, обозначающих начальную (118) и конечную (119)–(120) фазы существования лиц:

(118) *Ма тэм мəӽа кыӌимпыр ԍуӽ ԍăтəӆнə йӳӽтəм* [Айпин 2003б: 3].
ма=∅ тэм мəӽ=а ԍычəмпыр ԍӧӽ ԍăтəӆ=нə йӧӽт=əм
я=NOM этот земля=LAT последний длинный день=LOC прийти=SUBJ.1SG
‘Я пришел на Землю в самый долгий день года’ [Айпин 1986: 187].

(119) *Ԍон ԍӧӆатты мəн* [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
ԍон=∅ ԍӧӆатты мəн=∅
царь=NOM никуда идти=SUBJ.3SG
‘Царь (т. е. Ленин) умер.’

(120) [*А сорӽəм сахит ӌи ԍычəм пыр ӆиӆ мӳрт йӳӽəт – пан*] *аԉкем мəхувнам мəн*
[Айпин 2003б: 110].
аԉк=эм=∅ мəӽ=ув=нам мəн=∅
мать=POSSR.1SG=NOM земля=POSSR.1PL=APPRX идти=SUBJ.3SG
‘[А вскоре пришло это мгновение] – мама ушла в Землю…’ [Апин 1986: 252].

ТСС перемещения употребляется для обозначения каузации несуществования:

(121) [*Чи, мəттə, өк ӷө,*] *тэм воӌ өк ӷө, мəта урнə ӧӆəӈ ӷӧӆатты туӆи* [Три мудрых совета 2020: 5].
тэм воӌ өӽ ӷө=∅ мəта урнə ӧӆəӈ ӷӧӆатты ту=ӆ=и=∅
этот город голова мужчина=NOM как-нибудь PRTCL.CONJ никуда нести=NPST=PASS=3SG
‘[Главу города,] главу этого города как-то надо устранить’ [Там же: 8].
‘[Этот глава (букв.: голова-человек),] этого города начальник должен как-нибудь быть устранён (букв.: в ничто унесён)’ (перевод ИМП).

2) Распространение звуков и запахов. Данное значение обусловлено заполнением позиции субъекта лексемами *сӳй* ‘звук, шум’ и *ӓпəӆ* ‘вкус, запах’ и употреблением в роли предиката глагола *сəчча* ‘слышаться; чувствоваться’. Такой перенос характерен для ТСС бытия и движения в зависимости от того, рассматривается ли звук как статическое (122)–(123) или динамическое (124)–(126) явление, причём во втором случае подчёркивается наличие дистанции между наблюдателем и источником звука. Полученные таким образом высказывания могут указывать на нахождение или отсутствие в пространстве предмета, издающего звук (122)–(123), или свидетельствовать об определённых действиях, сопровождающихся звуком (124)–(126).

(122) *Тэм мəта сӧӈнə, нэ ӷот пäläknə сӳйин сəтьəӆ* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 177].
тэм мəта сӧӈ=нə нэ ӷот пäläk=нə
этот какой-то угол=LOC женщина дом сторона=LOC
сӳй=ин=∅ сəч=əӆ=∅
звук=POSSR.2DU=NOM слышаться=NPST=SUBJ.3SG
‘Где-то в этом углу, на женской половине дома отзвук (очков) слышится.’

(123) *tom puːβəɬ ɒːɬəŋnə səj jəntem* [OUDB].
тӧм пуӽəӆ оӆəӈ=нə сӳй=∅ əнтэм
тот селение конец=LOC звук=NOM NEG
‘На другом конце деревни – ни звука.’

(124) [*Но… төӽəрси əнтэм, а*] *найнə ӆивəм сӳйəӆ ӷӳӆӽа вӧӆəӆ* [Айпин 2003а: 7].
най=нə ӆив=əм сӳй=əӆ=∅ ӷӧӆӽа вӧӆ=əӆ=∅
огонь=LOC есть=PP звук=POSSR.3SG=NOM ещё быть=NPST=SUBJ.3SG
‘[Но… сосенки-то уже нет, а] он все еще слышит ее стон и видит ее слезу’ [Айпин 1986: 133].
‘[Но… сосны нет, а] звук от того, как её сжёг (букв.: съел) огонь, ещё есть’ (перевод ИМП).

(125) [*Оләмхән-сӧӽӽән кӳтнә*] *имиӈ сӳй сӑраӈ ӈӳваты йӳхәтӈ*… [Айпин 2003а: 27].
ими=ӈ сӳй=∅ сӑраӈ ӈӳв=ат=ы йӧхәт=ӈ=∅
жена=POSSR.3SG звук=NOM еле он=OBL=DAT прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘Голос жены доносился уже смутно…’ [Айпин 1986: 152].

(126) *Ӈӧвәӈта арәх сӳйәт сәԓӈәт* [КРХС 2016: 79].
ӈӧв=әӈта арәх сӳй=әт=∅ сәч=ӈ=әт
далёкий=ABL песня звук=PL=NOM слышаться=NPST=SUBJ.3PL
‘Издалека звуки песни слышатся.’

3) Воздействие природных сил. Глагол *вәта* ‘взять’ употребляется для обозначения результата воздействия природных сил:

(127) [*Юк кар ар йӳт мӓрә*] *йӳмнә-вотнә вәймин* [*әӌә яхәм ӈант ӈӳрасивхә, нэвисхә йәх*] [Айпин 2003а: 67].
йух кар=∅ йӧм=нә-вот=нә вәй=мин
дерево кора=NOM дождь=LOC-ветер=LOC брать=CV
‘[Кора сосны] выцвела [и стала такой же светлой и чуть голубоватой, как ягель]’ [Айпин 1986: 183].
‘[Кора дерева, в течение долгого времени] находящаяся под воздействием дождя и ветра, [стала такой же светлой, как ягель]’ (перевод ИМП).

(128) *И ньӑӈинә әнтә вәи!* [Айпин 2003а: 19]
и ньӑӈи=нә әнтә вәй=и=∅
CONJ ржавчина=LOC NEG брать=PASS=3SG
‘…и ржавчина его не взяла’ [Айпин 1986: 144].

Несмотря на семантику глагола, такие высказывания не могут однозначно рассматриваться как реализации ТСС перемещения, так как, по всей видимости, не включают позицию локализатора.

4) Обладание. Значение обладания в хантыйском языке выражается средствами акциональной ТСС с глаголом *тӑйта* // *тӧйта* ‘иметь’. По этой причине реализации бытийной ТСС с локализатором, обозначающим лицо, не приводят к формированию их разновидности с семантикой обладания, в отличие, например, от русского языка [Кошкарева 2015: 22].

Тем не менее значения, связанные с изменением отношений между обладателем и обладаемым, передаются средствами других пространственных ТСС. Эти значения частотно передаются ТСС перемещения с глаголами типа *вәта* ‘взять’ и *мәта* ‘дать’ («кто передал что кому»). Кроме того, для передачи значения непро-

извольного приобретения предмета («что оказалось у кого») может использоваться и ТСС движения (129)–(130):

(129) *tʲi βɛɬmʁɬ βɒːjəx quːɬ məŋɐti piːtɬ* [OUDB].
чи вӓӆ=м=аӆ войəӽ-ӷуӆ мəŋ=ат=ы пит=ӆ=∅
тот добыть=PP=3SG зверь=NOM-рыба=NOM мы.PL=OBL=DAT попасть=NPST=SUBJ.3SG
‘Так им убитые зверь и рыба нам достанутся.’

(130) [*А Ӷө иминə*] *ӆӱваты питəм пӓлӓк* [*кӧта вəйтəӽ*]… [Айпин 2003б: 88].
ӆӱв=ат=ы пит=əм пӓлӓк=∅
она=OBL=DAT попасть=PP часть=NOM
‘[Жена Человека занесла] свою половину [в дом]…’ [Айпин 1986: 240].
‘[Жена Человека] доставшуюся ей часть [взяла в дом]’ (перевод ИМП).

5) Характеризация. При заполнении позиции субъекта лексемами со значением признака возможно использование бытийно-пространственных ТСС для выражения значения характеризации:

(131) …*кацəŋ ӷөнə йəм пан атəм вөӆ, нэви пан пəӽтə вөӆ* [Айпин 2003б: 90].
кацəŋ ӷө=нə йəм пан[ə] атəм вӧӆ=∅ нэви пан[ə] пəӽтə
каждый мужчина=LOC хороший CONJ плохой быть=SUBJ.3SG белый CONJ чёрный
вӧӆ=∅
быть=SUBJ.3SG
‘…в каждом человеке есть два начала – светлое и темное’ [Айпин 1986: 241].
‘…в каждом человеке есть хорошее и плохое, есть белое и чёрное’ (перевод ИМП).

(132) …*четчечем вӱв пан сəмəŋ вӓр маныӈктэм вӓли мəн* [Айпин 2003б: 7].
чэччэч=эм вӱв=∅ пан[и] сəмəŋ вӓр=∅ ма ныӈкт=эм вӓли
дедушка=POSSR.1SG сила=NOM CONJ смелый дело=NOM я ABL=1SG мимо
мəн=∅
идти=SUBJ.3SG
‘…нет во мне той богатырской отваги и благородства, чем был знаменит мой дед’ [Айпин 1986: 189].
‘…сила и смелость моего деда прошли мимо меня’ (перевод ИМП).

(133) [*Но ма ӷурəмтəм, ӷунтə*] *ӌетӌеӌем вӱв мантэм йӱӽəтӆ* [Айпин 2003б: 55].
чэччэч=эм вӧв ман=т=эм йӧӽəт=ӆ=∅
дедушка_со_стороны_отца=POSSR.1SG сила я=OBL=DAT прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘И я все жду, когда появится во мне дедовская сила’ [Айпин 1986: 219].

6) Направление жеста или взгляда. Выбор в качестве предиката глаголов *памтəта*, *памиӆта* ‘показывать’, *ӆэйəӆта* ‘смотреть’, *äӈкрəмтəта* ‘взглянуть’ приводит к формированию предложений, характеризующих направления жеста

или взгляда и, соответственно, указывающих на предмет, к которому обращено внимание участников текста:

(134) … [*пырипəӽ мөԓəли пан*] *най ԓӑринам памтəӽ* [Айпин 2003а: 64].
най ԓӑри=нам памтə=ӽ
огонь сторона=APPRX показывать=PST.SUBJ.3SG
‘[спросила дочка Оленихи,] показав на таганок’ [Айпин 1986: 225].
‘[спросил ребёнок и] показал на таганок’ (перевод ИМП).

(135) *Тасəӈ ԓө тӧӽнам ӈэйӈəӽ* [Три мудрых совета 2020: 4].
тас=əӈ ԓө=∅ тӧӽ=нам ӈэйӈ=əӽ
богатство=ADJ мужчина туда=APPRX смотреть=PST.SUBJ.3SG
‘Богатый человек на них смотрел’ [Там же: 7].

(136) *əj ɬɐ:tnə torrəm ɯ:ɬnɐm ɬe:əɬəɬ* [OUDB].
əй ӈат=нə тӧрəм=∅ ыӈ=нам ӈэйəӈ=əӈ=∅
один время=LOC PN=NOM низ=APPRX смотреть=NPST=SUBJ.3SG
‘Однажды смотрит Торум [21] вниз.’

Такие примеры могут быть противопоставлены реализациям акциональной ТСС со сходным значением, где предмет, на который направлен взгляд или жест, занимает позицию объекта.

7) Направление мыслительной деятельности. Для ТСС движения характерен также перенос в интеллектуальную сферу, обусловленный употреблением в роли локализатора (137)–(139) или субъекта (140)–(141) существительного *нӧмəс* ‘мысль, ум’:

(137) *tʲu: tɐ:ə torrəm namməsʁ əntə joβətɬ* [OUDB].
чу таӽə тӧрəм нӑмəс=а əнтə йӧӽəт=ӈ=∅
этот место PN мысль=LAT NEG прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘Торум не думает об этом месте.’

[21] *Торум*, *Торэм* (сург. хант. *Тӧрəм*) – верховное божество в традиционных хантыйских верованиях.

(138) [*Ит я,*] *нӗмәса йӳхәт,* [*әнтә кеврәм-сорәм ӆӳӈ йӓцә, а юх лыпәт-пөм питәм сӳвәс*] [Айпин 2003а: 8].
нӓмәс=а йӗӽәт=∅
мысль=LAT прийти=SUBJ.3SG
‘[Время, я забыл о времени,] догадался [наконец мальчик. Сейчас не теплая весна, не жаркое лето, а осень, прошли первые осенние дожди]’ [Айпин 1986: 134].
‘[Сейчас же,] пришло на ум, [не середина жаркого лета, а осень, время опадения листьев и травы]’ (перевод ИМП).

(139) *Тӗрәм нӗмәса әнтә йӗвәт,* [*ӆӳв тӗӽәнә ӆӓйәхмаӆ*] [Голоса Югана 2021: 131].
тӗрәм нӓмәс=а әнтә йӗвәт=∅
PN мысль=LAT NEG прийти=SUBJ.3SG
‘Торэму не понравилось, [что он так поступил].’

(140) [*– Өс юхәт-пөмәт өӆтә вӓр төйӆәт? –*] *йәӆәп нөмәс ма уӽәма йӳхәт* [Айпин 2003б: 9].
йәӆәп нӗмәс=∅ ма уӽ=әм=а йӗӽәт=∅
новый мысль=NOM я голова.POSSM.SG=POSSR.1SG=LAT прийти=SUBJ.3SG
‘[– И деревья-травы ночью спят? –] спрашиваю маму’ [Айпин 1986: 190].
‘[– А деревья-травы тоже спят? –] новая мысль пришла мне в голову’ (перевод ИМП).

(141) [*Әй ӆатнә*] *ӌимint нӗмәснә йӳхты…* [Айпин 2003а: 28].
чимint нӗмәс=нә йӗӽт=ы=∅
такой мысль=LOC прийти=PASS=3SG
‘…он неожиданно пришел к другой мысли…’ [Айпин 1986: 153].

В единичных примерах представлен аналогичный путь развития значения ТСС бытия (142)–(143) и перемещения (144):

(142) [*Тэми ӆӳв әнмәм мәхәӆ,*] *па мәта сӳӈнам мәнтә нӗмәс әнтэм* [Айпин 2003а: 47].
па мәта сӗӈ=нам мән=тә нӗмәс=∅ әнтэм
такой какой край=APPRX идти=NPP мысль=NOM NEG
‘[Но ему нравилось здесь, и] он не думал покидать эти места’ [Айпин 1986: 166].
‘[Это ведь его земля, где он вырос,] нет мысли идти в какой-то другой край’ (перевод ИМП).

(143) [*Панә чи ӄӓтӆиты-оӆәты*] *ма ӧнтама пит* [*пан итпә*] *нөмыс вөӆәӆ: тэм Мәхув яӈӈәӈ ӆат – ӌит ма рӓхәм яхӆам*] [Айпин 2003б: 57].
ма ӧнт=ам=а пит=∅ <…> нөмәс=∅ вӗӆ=әӆ=∅
я нутро=POSSR.1SG=LAT попасть=SUBJ.3SG <…> мысль=NOM быть=NPST=SUBJ.3SG
‘[В те дни] зародилось и живет во мне [до сих пор] ощущение, [что все люди Земли – это мои родственники]’ [Айпин 1986: 220].
‘[И с того дня и года] внутри меня появилось [и до сих пор] живет мысль: [люди нашей Земли – это мои родственники]’ (перевод ИМП).

(144) *Мəӈ ӷычəмпыр Нөптəхувнə нөмсəл тӯхнам туҳи* [Айпин 2003б: 67].
мəӈ ӷычəмпыр нөптəҳ=ув=нə нӧмс=əлʲ=∅
мы.PL последний олениха=POSSR.1PL=LOC мысль=POSSR.3SG=NOM
тӧҳ=нам туҳ=и=∅
туда=APPRX нести=PASS=3SG
‘…о которых напомнила ему наша последняя Олениха’ [Айпин 1986: 228].
‘Наша последняя Олениха его мысль туда унесла’ (перевод ИМП).

8) Направление эмоции. Позиции локализатора в ТСС движения может соответствовать не только объект внимания и мысли, но и объект, на который направлена эмоция:

(145) *Еилнам ти пытəмтəх*… [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 227].
йэйи=лʲ=нам чи пыт=əмтə=ҳ
старший_брат=POSSR.3SG=APPRX PRTCL злиться=INCH=PST.3SG
‘На брата рассердился…’

(146) [*Ӓвиҳəннə йӓнта йəмат мосəлтəмин тӧйөйəм, иӌək па ӆатнə мант пӓнəлʲмин,*] *ӈуӆнам пытҳəн* [ВАН].
ӈуӆ=нам пыт=ҳəн
друг_на_друга=APPRX злиться=SUBJ.3DU
‘[Девочки конечно же со мной очень ласково обращались, иногда даже меня делили и из-за этого] сердились друг на друга.’

(147) *Кацəӈ войəк-ӷуӆ ӷуи пəӆəл* [Айпин 2003а: 27].
кацəӈ войəҳ-ӷуӆ=∅ ӷуй=и пəлʲ=əлʲ=∅
каждый зверь-рыба=NOM мужчина=ABL бояться=NPST=SUBJ.3SG
‘Всякий зверь охотника всегда побаивается’ [Айпин 1986: 151].

9) Бенефициант действия. Высказывания с акциональной семантикой, включающие позицию бенефицианта действия, могут рассматриваться как реализация ТСС перемещения на основании того, что способ выражения бенефицианта эквивалентен способам выражения локализатора. Аргументом в пользу рассмотрения их в контексте ТСС перемещения является то, что в них наблюдается варьирование стратегии выражения объекта и локализатора, ср. (148) и (149).

(148) *Ма нӱӈатынам шай вӓрӆəм* [Детские сказки варьёганских ханты 2006: 4].
ма=∅ нӱӈ=ат=ы=нам шай=∅ вӓр=лʲ=əм
я=NOM ты=OBL=DAT=APPRX чай=NOM делать=NPST=SUBJ.1SG
‘Я тебе чай сделаю’ [Там же: 5].

(149) [*Təхə ӑԓинта,*] *ма нӯԉат ӑԓтə лотат вӓрəм* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 180].
ма=∅ нӯԉ=ат ӑԓ=тə лот=ат вӓр=əм
я=NOM ты=OBL лежать=NPP место=INSTR делать=SUBJ.1SG
‘Сюда ложись, я тебе спальное место сделал.’

10) Темпоральные значения. Средства формирования бытийно-пространственных ТСС (пространственные падежи и послелоги) широко используются в хантыйском языке для выражения значений, связанных со временем. В рамках рассматриваемой выборки выявлены реализации ТСС движения с временным значением, обусловленным употреблением лексем с темпоральной семантикой в позиции субъекта (150) или локализатора (151):

(150) *Ит чу таχии ар оԓ мəн* [Айпин 2003б: 13].
ит чу таχий=и ар оԓ мəн=∅
сейчас тот место=ABL много год идти=SUBJ.3SG
‘С тех пор прошло немало лет’ [Айпин 1986: 193].

(151) [*Тӯԓəχ вӗԓи,*] *ԓӗԉа питəм ԓатнə,* [*кирип ылта йӯԓ, ыԓ Ас ӌөпи*] [Голоса Югана 2021: 55].
ԓӗԉ=а пит=əм ԓат=нə
лето=LAT попасть=NPP время=LOC
‘Зима прошла, когда лето наступило, с нижней Оби пароход пришёл.’

В выборке также встретился единичный пример реализации ТСС движения, в котором в позиции локализатора употреблено существительное *тоχи* ‘место’ с зависимой предикативной единицей (152).

(152) *Сӓма питтəм тоχийа əнтə йӗχəтԓ* [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
сӓм=а питт=əм тоχий=а əнтə йӗχət=ԓ=∅
глаз=LAT попасть=NPP место=LAT NEG прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘Еще день рождения не наступил (букв.: Не дошел до того места, где родился).’

В более широком смысле как развитие рассматриваемых ТСС могут рассматриваться диктум-диктумные полипредикативные конструкции со значением соотнесения событий во времени, в которых сказуемое зависимой предикативной единицы выражено причастием, а его отношение к основной части обозначено

падежом (153) или послелогом (154) с исходной пространственной семантикой [Кошкарева 2004а: 124–125].

(153) *Питьəӈкəли йăӷə йӗвəтмаӆа йастəӽ* [Чепреги 2015: 6].
пичəӈкəли=∅ йăӷə йӗвəт=м=аӆ=а йастə=ӽ
птичка=NOM домой прийти=PP=3SG=LAT сказать=PST.SUBJ.3SG
‘До дома добравшись, говорит’ [Там же: 60].

(154) *Ма мəнтам соӽит* [*əй пăйӆаӈ пăлкəм ыӆə йăрӽəнтəӆəм, кимəт пăйӆаӈəм ыӆта йăрӽəнтəӆəм, нӳӈ тьу лэки йӳва*]! [Чепреги 2015: 6].
ма=∅ мəн=т=ам соӽит
я=NOM идти=NPP=1SG из
‘Как лететь буду, [одним своим крылом черту проведу, другим своим крылом черту проведу, по тому следу приходи]!’ [Там же: 60].

Конструкции последнего типа не являются объектом настоящей работы.

11) Оценочная характеристика ситуации. ТСС движения и перемещения используются для обозначения оценочной характеристики ситуации. В таких реализациях локализатор замещается лексемой с оценочным значением (*ҷэк* ‘беда’, *йəм* ‘хорошее’, *атəм* ‘плохое’):

(155) [*Но тӳӈəмтəтəӽ –*] *аӈкиӆ цека пит* [Айпин 2003б: 67].
аӈки=ӆ=∅ цэка пит=∅
мать=POSSR.3SG=NOM беда=LAT попасть=SUBJ.3SG
‘… [но понял,] что случилось несчастье’ [Айпин 1986: 227].
‘[Но понял –] его мать попала в беду’ (перевод ИМП).

(156) *Мəта ӌө атəма-йəма йӳӽəтӆ…* [Айпин 2003а: 5].
мəта ӌө=∅ атəм=а-йəм=а йӗӽəт=ӆ=∅
какой мужчина=NOM плохое=LAT-хорошее=LAT прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘Беда ли к кому придет, радость ли…’ [Айпин 1968: 131].
‘[Когда] кто-то к плохому или хорошему придёт…’ (перевод ИМП).

(157) [*Ӷунтəхӆəӆтəх ӌунтə ҷăӷа*] *йəма əнтə йӳӽтəптəӆо ҷу ӌуеннə!* [Айпин 2003а: 53].
йəм=а əнтə йӗӽт=əптə=ӆ=ө=∅ чу ӌуй=эн=нə
хорошее=LAT NEG прийти=CAUS=NPST=PASS=2SG тот мужчина=POSSR.2SG=LOC
‘Услышит – добра тебе не видать’ [Айпин 1986: 170].
‘Если услышит – не доведёт тебя этот медведь до добра’ (перевод ИМП).

Представленный список не является исчерпывающим, что подтверждается наличием некоторых единичных высказываний, не вписывающихся в выделенные

значения, отражающих возможности переноса значения бытийно-пространственных ТСС в социальную (158) и интеллектуальную (159) сферы:

(158) *t'i jɐ:q kre:kɐ βɛrtɐ:ə mɒ:słət* [OUDB].
чи йаӽ крэк=а вӓр=таӽə мос=ɲ=ət=∅
этот люди грех=LAT делать=INF быть_нужным=NPST=SUBJ.3PL
‘Этих людей нужно ввергнуть [досл.: сделать] в грех.’

(159) [*А вот*] *ньӑӽəɲ мантэмнə ӷыч…* [Айпин 2003б: 104]
ньӑӽ=əɲ=∅ ман=т=эм=нə ӷыч=∅
смех=POSSR.3SG=NOM я=OBL=DAT=LOC оставваться= SUBJ.3PL
‘[Но] улыбка его осталась во мне…’ [Айпин 1986: 248].
‘[А вот] его смех остался во мне…’ (перевод ИМП).

Несмотря на широкое разнообразие вторичных значений, зафиксированных в рассматриваемых текстах, они составляют несущественную часть рассматриваемой выборки. Так как многие вторичные значения представлены единичными примерами, то мы не можем исключать, что часть из них могут быть окказиональными и возникать по аналогии с употреблениями бытийно-пространственных конструкций в русском языке. Это в особенности касается текстов Е. Д. Айпина, в которых такие конструкции представлены наиболее широко и где их появление может рассматриваться как элемент авторского художественного стиля.

Таким образом, в сургутском диалекте хантыйского языка наблюдается ряд вторичных значений всех трёх бытийно-пространственных ТСС, но их вовлечение в сферу формирования вторичных значений неоднородно.

Набор вторичных значений бытийной ТСС, за исключением значений, связанных с существованием, и употребления средств выражения статических пространственных отношений при обозначении временных отношений, довольно ограничен и включает три значения (распространение звука, характеризации и направления мыслительной деятельности), в которых она употребляется окказионально. Эти данные согласуются с наблюдениями Н. Б. Кошкаревой на материале казымского диалекта хантыйского языка, на основании которых она характеризует бытийную ТСС в хантыйском языке как обладающую конкретным значением и

неспособную к формированию метафорических значений, за исключением временных [Кошкарева 2015: 23].

Значения, развиваемые ТСС движения, более разнообразны. Некоторые из них (направление жеста, взгляда, мысли и эмоции), отмечаются Н. Б. Кошкаревой в казымском диалекте хантыйского языка, в ненецком и тунгусо-маньчжурских языках [Кошкарева 2007б: 24].

Для ТСС перемещения характерен целый ряд устойчивых непространственных значений, в первую очередь в сфере социальных взаимодействий. Эти значения также имеют параллели в казымском диалекте хантыйского языка, ненецком и тунгусо-маньчжурских языках [Там же: 25–26].

Так как эти употребления нечастотны и составляют периферию функционирования рассматриваемых ТСС, в дальнейшем мы сосредоточимся на анализе собственно пространственных реализаций, имея при этом в виду, что рассматриваемые коммуникативные явления, как правило, распространяются и на некоторые непространственные реализации.

2.7. Типологическая характеристика структурно-семантических свойств бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка

Общая типология средств выражения пространственных значений разработана Л. Талми [Talmy 1972, 1975, 1985, 2000]. В ее основе лежит анализ способов лексикализации отдельных компонентов пространственной ситуации, в первую очередь компонента *маршрут* (англ. *path*), который характеризует пространственное расположение *фигуры* (т. е. субъекта локализации) по отношению к *фону* (т. е. опоре локализации) и потому в общих чертах соотносится с используемыми нами понятиями типа локализации и типом динамики отношения. Л. Талми различает два типа языковых систем: глагольный (англ. *verb-framed*), в котором *маршрут* кодируется корнем глагола, и сателлитный (англ. *satellite-framed*), в котором то же значение выражается примыкающими к глаголу сателлитами. Термин *сателлиты* предназначен для охвата ряда компонентов, имеющих разную тради-

цию описания, но выполняющих сходные функции, включая глагольные морфемы и вспомогательные слова (частицы, превербы и другие специализированные слова с пространственной семантикой).

Классификация Л. Талми дополнена Д. И. Слобином [Slobin 2004], который выделил третий тип языков, называемый *эквиполентным* (англ. *equipollently-framed*), в котором значения маршрута и способа кодируются одинаковым образом. Кроме того, Д. И. Слобин предложил второе основание для классификации языков, связанное с выражением *способа* (англ. *manner*), т. е. совокупности второстепенных характеристик движения. По этому признаку выделяются языки, ориентированные (англ. *high-manner-salient languages*) и не ориентированные (англ. *low-manner-salient languages*) на выражение *способа*. В языках первого типа выражение *способа* имеет регулярный характер, в то время как во вторых выражение *способа* подчинено *маршруту* и ограничено случаями, когда *способ* по каким-то причинам выносится на первый план.

Финно-угорские языки, к которым относится хантыйский, традиционно рассматриваются как языки сателлитного типа [Slobin 2004: 25], хотя, как отмечает Дж. Брэдли, такое обобщение не отражает специфику отдельных финно-угорских языков, в частности марийского [Bradley 2016]. Исследователи, предпринявшие анализ хантыйского языка на материале различных диалектов, указывают на то, что в хантыйском языке направление движения выражается рядом разнообразным средств, и на этом основании не относят хантыйский ни к одному из этих типов [Соловар 2016: 59;Лельхова 2017: 7–8; Воробьева, Новицкая 2023: 35].

Рассмотрим проанализированные нами данные в контексте типологии Л. Талми. Наш анализ семантики глаголов, употребляемых в роли предиката бытийно-пространственных ТСС, показал, что в нее регулярно входят два семантических компонента: указание на подвижность или неподвижность субъекта локализации (ср. *ӆоӆта* ‘стоять’ – *мәнта* ‘идти’), что соответствует компоненту семантики, который Л. Талми называет *движением* (англ. *motion*), и указание на параллельные состояния и действия субъекта локализации (ср. *омәста* ‘сидеть’ – *ӆоӆта* ‘стоять’, *ваӈкта* ‘ползти’ – *нэвәрта* ‘прыгать’), что в терминах Л. Талми

соответствует *способу* (англ. *manner*). *Способ* частотно остается не выраженным, если представление о конкретных типах состояний и действий не актуализировано контекстом, в связи с чем сургутский диалект хантыйского языка может быть отнесен к языкам, не ориентированным на выражение *способа* в классификации Д. И. Слобина, но мы относим его к значениям глагольного корня на основании того, что именно так он выражен в случаях, когда это становится необходимым. Глаголы перемещения также характеризуются значением каузации, которое чаще всего выражается глагольным корнем, но может быть выражено специальными аффиксами. Каузация сопровождается характеристикой действий субъекта (*йӓвәтта* ‘бросать’), которые соотносятся с компонентом, называемым Л. Талми *причиной* (англ. *cause*). Аналогичный компонент значения усматривается и у некоторых глаголов движения, обозначающих движение, вызываемое силами природы (*нопәтта* ‘плыть по течению’, *посәмта* ‘капать, стекать’).

Этот состав компонентов, выражаемых глагольным корнем, типичен для языков сателлитного типа (*Motion + Manner / Cause* по Л. Талми). В нашем списке присутствует ряд глаголов с более широкой семантикой, например *ӆӑӈта* ‘входить’, *ӆывәтта* ‘выходить’, *ӄуӈәтта* ‘залезть’, *ымәӆта* ‘сесть’ и т. п., семантика которых включает представление о типе локализации и определенной динамике отношения, т. е. значение маршрута. Как показывает Л. Талми на примере английского, наличие в языке таких глаголов (ср. англ. *enter* ‘входить’ и *exit* ‘выходить’) не противоречит его отнесению к сателлитному типу, так как эта классификация отражает наиболее характерные способы выражения пространственных ситуаций [Talmy 1985: 72]. То же может быть сказано про сургутский диалект хантыйского языка, так как такие глаголы не относятся к частотным.

Оценка способов выражения в сургутских бытийно-пространственных ТСС других аспектов пространственной ситуации осложнена тем, что классификация Л. Талми ограничена анализом семантики глагольной группы, состоящей из глагола с примыкающими к нему сателлитами. Это определение оставляет за пределами классификации выражение пространственных значений именными и наречными группами. Наш анализ сургутских бытийно-пространственных предложе-

ний показывает, что формирование представления об аспектах ситуации, соотносимых с маршрутом (тип локализации и динамики отношения), в большинстве случаев является функцией именных и наречных групп, выступающих в роли локализатора. По этой причине при анализе способов выражения пространственных ситуаций в сургутском диалекте более подходящим является альтернативная версия типологии Л. Талми, предложенная Й. Мацумото [Matsumoto 2003], в которой рассматриваемое противопоставление переформулировано в терминах структуры предикативной единицы (англ. *clause*): выражение *маршрута* в этой формулировке может быть обеспечено либо глаголом, рассматриваемым как ведущий элемент предикативной единицы, либо зависимыми компонентами, к которым относятся как сателлиты в понимании Л. Талми, так и именные и наречные группы (англ. *nonhead-framed*). Выделяемые таким образом типы языков могут быть названы *предикатными* (англ. *head-framed*) и *непредикатными* (англ. *nonhead-framed*). Использование этой альтернативной классификации решает потенциальную проблему, связанную с тем, что превербы, которые традиционно рассматриваются как разновидность сателлитов, в нашей концепции встроены в систему наречий.

Из нашего анализа семантики локализаторов следует, что локализатор является основным способом выражения *маршрута*. При этом *маршрут* в понимании Л. Талми охватывает два аспекта пространственной ситуации (тип локализации и тип динамики отношения), выражение которых в составе наиболее частотных типов локализаторов в сургутском диалекте хантыйского языка не синкретично, а распределено между их компонентами (Таблица 29): тип локализации выражается корнем с пространственной семантикой (наречия или послелога), а тип динамического отношения – либо корнем тех же слов, либо рядом падежных аффиксов или связанных с ними по происхождению словообразовательных. Потенциальные типы локализации в случаях, когда он не выражен эксплицитно, ограничены, и могут определяться на основании типа реалии и контекста.

Таблица 29

Способы выражения аспектов пространственной ситуации в составе локализатора

Тип локализатора	Пример	Компонент значения	
		Тип локализации	Тип динамики отношения
падежная именная группа	*ӷот=нə* ‘в доме’	косвенно	аффикс (*=нə, =и, =а, =нам*)
послеложная именная группа с серийным послелогом	*ӷот ӆəхпи=нə* ‘внутри дома’	корень послелога	аффикс (*=нə, =и, =а, =нам*)
послеложная именная группа с несерийным послелогом	*ӷот мăхəӆты* ‘вокруг дома’	корень послелога	
серийное наречие	*йăӈəн* ‘внутри, в доме’	корень наречия	аффикс (*=н(ə), =(əӆ)та, =а, =нам*)
несерийное наречие	*вăли* ‘мимо’	корень наречия	
первичное местоимение-наречие (кроме делокативных)	*тӗх(ə)нам* // *тӗв(ə)нам* ‘туда’	косвенно	корень наречия и аффикс
первичное местоимение-наречие (делокативное)	*тӗӆ* (*соҳит*) ‘оттуда’ *тӗӆилта* ‘оттуда’	косвенно	корень наречия, аффикс или послелог
вторичное местоимение наречие	*чу тоҳинə* ‘там’	косвенно	аффикс (*=нə, =и, =а, =нам*)
сочетание именной группы и наречия	*ӷот* ‘дом’ и *вăли* ‘мимо’	корень наречия	

Таким образом, мы приходим к выводу, что сургутский диалект хантыйского языка может быть отнесен к языкам, в которых *маршрут* выражается непредикатно. Так как превербы, которые входят в состав наречий, также являются способом выражения *маршрута*, то при более традиционном подходе, рассматривающих их как сателлиты, было бы закономерным охарактеризовать сургутский диалект хантыйского языка как сателлитный.

Типологически ориентированный анализ способов выражения кетского языка, представленный в статье С. С. Буторина [Буторин 2012], отражает наличие существенных параллелей между системами кетского и хантыйского языков. С. С. Буторин характеризует кетский как язык сателлитного типа, так как выражение *маршрута* в нем обеспечивается наречиями или связанными адвербиальными основами. Особой чертой кетского языка, отличающей его от других языков этого типа, является то, что для него не характерно выражение компонента *способ* ни в глагольном корне, ни вспомогательными средствами, что позволяет рассмат-

ривать кетский как один из ярко выраженных представителей языков, не ориентированных на выражение *способа* в классификации Д. И. Слобина. Сургутский диалект хантыйского языка по этому параметру занимает промежуточное положение, так как, несмотря на относительную редкость и нерегулярность выражения *способа*, в нем имеется целая группа предназначенных для этого глаголов типа *нӳрəхтəта* ‘бежать’. Еще одной спецификой кетского языка является частотное двойное выражение *маршрута* в глагольном корне и наречии, что позволяет С. С. Буторну говорить об ориентированности его системы на выражение *маршрута* [Там же: 35]. Аналогичные употребления характерны и для хантыйского, когда глагол, в семантику которого инкорпорирован *маршрут*, употребляется в сочетании с превербом, обозначающим аналогичный маршрут (*кэм ӆив* ‘вышел наружу’, *нөӈ кил* ‘поднялся вверх’, *ылə выхəл* ‘спустился вниз’, *ылə көрəх* ‘упал вниз’).

Значимый контраст по отношению к хантыйскому и кетскому составляют тюркские языки Сибири, в которых послелоги, как правило, не отражают динамических аспектов ситуации [Невская 1997], поэтому существенное значение при формировании представления о пространственной ситуации имеют глаголы.

Выводы

Таким образом, бытийно-пространственные ТСС представляют собой группу с широкими пределами варьирования, как формального, так и семантического. Отнесение их к одному блоку ТСС обусловлено их общностью их прототипической семантики (пространственная ситуация) и некоторых путей ее развития, а также наличием в их структуре специфического компонента, характеризующегося рядом общих способов выражения (локализатор). Различие между этим ТСС обеспечивается тремя компонентами: объектом, наличие которого является спецификой ТСС перемещения, локализатором, структурное и семантическое устройство которого обеспечивает противопоставление между реализациями ТСС со статической и динамической семантикой, предикатом, который выражается гла-

голами, в семантику которых включено представление о статичности / динамичности ситуации и о наличии / отсутствии внешнего воздействия на пространственную ситуацию (каузации).

Характерной чертой устройства бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка в типологическом плане является существенный вклад в представление об обозначаемой их прототипическими реализациями пространственной ситуации локализатора, что позволяет рассматривать хантыйский как язык сателлитного типа в классификации Л. Талми. Этот параметр устройства сургутского диалекта хантыйского языка согласуется с наличием в нем комплексной системы способов выражения локализатора, включающей четыре пространственных падежа, послелоги, продуктивность которых усилена за счет их варьирования по падежам, превербы и наречия, словообразование которых обеспечивает противопоставление пространственных ситуаций с разной динамикой.

Аспектами устройства бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка, актуальными для дальнейшего анализа, являются наличие в их парадигме ряда конструктивных вариантов, а также способов выражения отдельных компонентов, потенциально обусловливающих возможности варьирования отдельных их реализаций.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРУКТУР СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной главе бытийно-пространственные ТСС сургутского диалекта хантыйского языка рассмотрены через призму моделирования коммуникативной парадигматики синтаксических единиц. В начале главы предложена классификации признаков и типов ситуаций, которые обусловливают коммуникативное варьирование (раздел 3.1), затем рассмотрены отдельные компоненты, составляющие план выражения коммуникативных вариантов ТСС (разделы 3.2–3.5), после чего представлена система коммуникативных вариантов каждой ТСС и анализ формируемых ими базовых оппозиций (раздел 3.6) и типологическая характеристика всей коммуникативной системы (раздел 3.7).

Основы анализа коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка заложены в статье Н. Б. Кошкаревой [Кошкарева 2007а], содержащей обзор средств выражения актуального членения сургутского диалекта в сопоставлении с казымском диалектом и ненецким языком, и в диссертационном исследовании С. Coca [Sosa 2017], посвященном изучению морфосинтаксического варьирования в перспективе теории информационной структуры. В отличие от нашей работы, в этих исследованиях коммуникативные средства представлены в общем виде, не предполагающем рассмотрение ТСС бытийно-пространственного блока как особого объекта исследования.

3.1. Принципы анализа плана содержания коммуникативной структуры

Содержательная сторона коммуникативных вариантов определяется тем, каким образом реализации синтаксических единиц включаются в процесс коммуникации, который состоит в использовании речевых выражений как средств взаимодействия между участниками коммуникации (адресатом и адресантом).

При описании коммуникативной структуры высказывания принято соотносить коммуникативные явления с конкретными фрагментами высказывания (например, определённая словоформа или группа словоформ характеризуются как рема или тема высказывания). Такие формулировки характеризуют поверхностный уровень коммуникативной организации высказывания, который необходим для установления связей между планом выражения и планом содержания коммуникативной структуры. Этот подход в особенности актуален при анализе высказываний, выполняющих металингвистические функции.

С другой стороны, коммуникативные категории неразрывно связаны не только с формальными компонентами высказывания, но и с его содержанием. На глубинном уровне коммуникативная организация высказывания связана с определённой точкой зрения на ситуации и предметы, о которых идёт речь в высказывании, и, соответственно, соотносится с его семантической структурой.

Такая формулировка позволяет анализировать текст и окружающий его контекст как совокупность постоянно появляющихся и модифицируемых пропозициональных смыслов, образующих мир дискурса (англ. *universe of discourse* [Lambrecht 1994: 36]). Информационная значимость каждого высказывания определяется как разность между миром дискурса до и после его произнесения, т. е. как совокупность пропозиций, добавленных им в мир дискурса, и изменений пропозиций, существовавших в мире дискурса до его произнесения.

Высказывание содержит множество разнотипных содержательных компонентов, каждый из которых характеризуется определенными коммуникативными свойствами, но при анализе типовых реализаций рассматриваемых ТСС их список может быть сведен к двум: *предметная ситуация*, т. е. определённое положение дел, обозначаемое высказыванием (на семантическом уровне репрезентируемая как статическая или динамическая локализация в сочетании с обусловливающими локализацию состояниями или действиями) и её *предметные компоненты* – предметы, задействованные в ситуации.

3.1.1. Категории, задействованные при коммуникативном анализе

Состав свойств реализаций ТСС данного языка, релевантных при описании плана содержания их коммуникативных вариантов, варьируется в зависимости от принципов устройства его коммуникативной системы. Задача сопоставления коммуникативных систем разных языков и парадигм разных ТСС требует единого подхода к анализу этих свойств. Имплементация такого подхода затруднена тем, что понимание большинства коммуникативных явлений субъективно, и потому при их анализе сложно избежать ненамеренной ориентации на родной язык исследователя или уже сложившуюся традицию описания данного или близких к нему генетически или типологически языков. Результатом этого может быть формирование неоправданных представлений о сходстве коммуникативных систем разных языков или об универсальности некоторых явлений.

Особенной осторожности требуют суждения, в которых формальные свойства высказывания рассматриваются как строго ассоциированные с его коммуникативным свойствами (например, определённый порядок составляющих рассматривается как сигнализирующий о рематичности определённых компонентов высказывания). Если принято за данное, что некоторое формальное свойство A (например, порядок слов или интонационный контур) связано с коммуникативным свойством B (например, рематичностью некоторого компонента), то анализ высказывания, в котором наблюдается A, может быть искажён пресуппозицией о том, что оно характеризуется B.

Поэтому анализ плана содержания коммуникативной структуры, по нашему мнению, должен, во-первых, производиться независимо от её плана выражения, во-вторых, по возможности строиться на факторах, имеющих верифицируемый характер, и, в-третьих, учитывать неоднозначность интерпретации некоторых коммуникативных явлений. Как относительно верифицируемые мы рассматриваем два аспекта, традиционно выделяемые при коммуникативном анализе: известность и активированность.

3.1.1.1. Известность

Аспекты, которые мы обозначаем термином *известность*, эквивалентны тем, которые частотно фигурируют под названием *данность* (англ. *givenness*, ср. *данное – новое*, англ. *given – new*) или *идентифицируемость* (англ. *identifiably*). Понятие известности также тесно переплетается с теорией референции, в рамках которой исследуются механизмы, обеспечивающие связь между языковыми выражениями и фрагментами действительности [Падучева 1985: 7].

Рассмотрим высказывание, в котором обозначена некоторая предметная ситуация и определённый задействованный в ней предметный компонент. Коммуникативное устройство этого высказывания обусловлено перспективой участников коммуникации на три связанных с высказыванием суждения:

(1) Имеет место быть ситуация.

(2) Предмет существует.

(3) В ситуации в определённой роли задействован предмет.

Суждение (3) сводит утверждения (1) и (2) воедино, и потому осмысленно только тогда, когда считаются осмысленными эти суждения. Мы будем обозначать эти суждения терминами *ситуация*, *предмет* и *связь*.

Ситуация, предмет и связь могут быть охарактеризованы с точки зрения известности. Любое отношение к информации обусловлено взаимодействием участников коммуникации, перспективы которых могут не совпадать. В стандартных условиях коммуникации адресант выстраивает высказывание таким образом, чтобы оно соответствовало предполагаемым им представлениям адресата о ситуации. В реальной коммуникации адресант может под действием разных факторов намеренно или ненамеренно нарушать этот принцип, т. е. не учитывать знания адресата или иметь о них ложные представления.

Этот аспект коммуникации мы предлагаем сформулировать в виде шкалы известности, состоящей из следующих значений:

1) известным считается суждение, которое участники коммуникации готовы считать истинным; к известным могут быть отнесены суждения, которые обусловлены фоновыми знаниями участников коммуникации, и суждения, извлекаемые непосредственно из контекста коммуникации;

2) неизвестным считается суждение, которое участники коммуникации не готовы считать истинным:

а) потенциальным считается неизвестное суждение, которое адресат может считать возможным принять за истину; потенциальность суждения шкалируема;

б) непотенциальным считается неизвестное суждение, об истинности которого адресат не может судить.

Любое высказывание, обозначающее предметную ситуацию, может быть рассмотрено с двух перспектив: с точки зрения статуса связанных с ситуацией суждений до и после произнесения высказывания. До произнесения высказывания рассматриваемые суждения могут быть известными, потенциальными или непотенциальными. Так как произнесение высказывания вводит в сферу коммуникации представление о ситуации, задействованных в ней предметах и их связи с ситуацией, то эти суждения могут быть непотенциальными.

Любое высказывание в отношении любого связанного с ним суждения может быть охарактеризовано как сохраняющее или модифицирующее его статус с точки зрения известности.

Ситуации, в которых статус известности продвигается вверх по шкале, мы будем называть *интродукцией*. Интродукция обусловлена введением в пространство дискурса новой информации и бывает трёх типов: при *свободной интродукции* сообщаются факты, не подготовленные предшествующими знаниями; при *подтверждающей интродукции* подтверждаются факты, ранее рассматриваемые как потенциальные; при *интродукции гипотезы* в дискурс вводятся суждения, рассматриваемые как потенциальные.

Ситуации, в которых статус известности продвигается вниз по шкале, мы будем называть *деинтродукцией*. Деинтродукция обусловлена противоречием между представлениями участников коммуникации и тесно связана с семантиче-

ской категорией негации. Мы выделяем два вида деинтродукции: *полная деинтродукция* происходит при опровержении ранее установленных фактов, *деинтродукция гипотезы* – при опровержении потенциальных суждений. Деинтродукция не может приводить к переходу суждения в статус непотенциального, так как введённые в дискурс суждения всегда могут становиться предметом обсуждения с перспективы других реальностных или временных плоскостей.

Каждое высказывание может быть охарактеризовано с точки зрения того, какие коммуникативные операции совершаются в отношении коммуникативного статуса каждого содержащегося в нём суждения (сохранение, интродукция или деинтродукция). Общая совокупность таких вариантов представлена в Таблице 30.

Таблица 30

Типы высказываний с точки зрения статуса известности одного из содержащихся в нём суждений

Обозначение коммуникативной операции		**Статус суждения**	
		до произнесения высказывания	**после произнесения высказывания**
сохранение	известности	известное	известное
	потенциальности	потенциальное	потенциальное
интродукция	свободная интродукция	непотенциальное	известное
	подтверждающая интродукция	потенциальное	известное
	интродукция гипотезы	непотенциальное	потенциальное
деинтродукция	полная деинтродукция	известное	малопотенциальное
	деинтродукция гипотезы	потенциальное	малопотенциальное

3.1.1.2. Активированность

Вслед за К. Ламбрехтом, мы называем *активированностью* свойство компонента высказывания (ситуаций и их предметных участников), обусловленное их появлением в ближайшем вербальном или экстралингвистическом контексте. Активированный вербально компонент соотносится с определённым речевым выражением, употреблённым в рамках текста, а активированный экстралингвистически – с фрагментом действительности, непосредственно наблюдаемым участниками в момент коммуникации. Активированность, в отличие от известности, не является постоянным признаком компонента, так как активированный компонент, не подкрепляемый повторными появлениями в контексте, со временем утрачивает активированность.

Активация компонентов высказывания тесно переплетена с их известностью, так как именно сочетание этих свойств обусловливает определённые возможности манипуляции ситуациями и предметами. Однако мы рассматриваем их как независимые категории: активироваться могут как известные, так и потенциальные компоненты, а компоненты, заведомо известные участниками коммуникации, не обязательно должны быть активированными для того, чтобы влиять на формирование дискурса.

Зависимость способов выражения компонента, обусловленных его активированностью, описана в работах Т. Гивона, посвященных проблеме преемственности топиков (англ. *topic continuity*). Термином *топик* в работах Т. Гивона обозначаются участники (англ. *participants*) дискурса, которым в нашей терминологии соответствуют предметные компоненты ситуации. Преемственность топиков обусловлена тем, что вследствие в том, что выбор способа выражения топика определяется его доступностью (англ. *availability*) для адресата. Т. Гивон предлагает следующую шкалу способов представления топика для английского языка, ранжированную по мере уменьшения его доступности:

– нулевая анафора;

– безударное местоимение или грамматическое согласование;

– ударное местоимение;

– определённая ИГ в правой дислокации;

– определённая ИГ в нейтральной позиции;

– определённая ИГ в левой дислокации;

– ИГ с контрастной топикализацией (тематизацией);

– клефтовые / фокальные (рематизирующие) конструкции;

– референциальная неопределённая ИГ [Givón 1983: 18].

Таким образом, значимость активации компонентов обусловлена тем, что она предопределяет их участие в развитии текста, а также тем, что активированные компоненты, вследствие принципов экономии речевых усилий, могут быть обозначены более ёмкими способами вплоть до их полной имплицитности.

3.1.2. Основные типы высказываний с точки зрения коммуникативного устройства

Комбинации коммуникативных свойств высказываний образуют устойчивые комплексы, традиционно называемые *типами высказываний*. Этот термин неоднозначен, так как может использоваться для обозначения как группы высказываний с определёнными коммуникативными свойствами (например, *общеверификативные высказывания*), так и группы высказываний, однородных по формальным признакам или по отношению между формальными и коммуникативными признаками (например, *высказывания с постпозицией темы*). По этой причине для обозначения общности характеристик высказываний, связанных с их отношением к контексту, мы считаем предпочтительным использовать термин *коммуникативная ситуация*.

В отечественном языкознании широко применяется типология повествовательных высказываний, предложенная П. Адамецом [1966]. Эта типология отражает представление о том, каким образом высказывание дополняет предшествующие знания адресата о ситуации.

П. Адамец выделяет четыре типа повествовательных высказываний, основанных на двух противопоставлениях: (1) общие – частные высказывания; (2) информативные – верификативные высказывания.

В основе противопоставления *общих* и *частных* высказываний лежит представление об иерархии суждений, статус которых затрагивается высказыванием. Общие высказывания изменяют представление обо всей обозначенной высказыванием ситуации (т. е. происходит интродукция или деинтродукция ситуации). Несмотря на то, что изменение статуса ситуации выносится при анализе таких высказываний на первый план, они могут сопровождаться изменением статуса отдельных элементов ситуации. В частных высказываниях статус ситуации остаётся неизменным, в связи с чем внимание обращено на изменение статуса суждений, связанных с отдельными предметами, задействованными в ситуации.

Противопоставление между общими и частными высказываниями задаёт объём компонентов ситуации, которые формируют состав ремы высказывания: в случае общих высказываний – это ситуация и некоторые её компоненты, частных – исключительно её компоненты.

В основе противопоставления общих и частных высказываний лежит оппозиция между разными направлениями изменения статуса известности суждения. *Информативными* являются высказывания, которые рассматриваются как сообщающие новую информацию, т. е. осуществляют свободную интродукцию разнотипных суждений. *Верификативными* являются высказывания, которые рассматриваются как подтверждающие или опровергающие предшествующие представления участников коммуникации. Такие высказывания характеризуются подтверждением потенциальных суждений или деинтродукцией известных или потенциальных суждений.

Классификация высказываний, предложенная К. Ламбрехтом, близка к классификации П. Адамеца. В ней выделяются три типа высказываний (англ. *sentence types*), противопоставленные на основании коммуникативного устройства: *event-reporting sentences* (содержащее сообщение о событии и не содержащее пресуппозиций, представленных в виде топика), *topic-comment sentences* (событие

представлено в виде топикального аргумента и расширяющего представление о нём фокуса) и *identificational sentences* (идентификационные, т. е. устанавливающие соответствие между пропозицией и референтом, выступающим в роли одного из её аргументов) [Lambrecht 1994: 120–134]. Эти же различия в более обобщённом виде представлены в виде классификации фокусных структур (англ. *focus structure*), основанной на выборе части предложения, входящей в фокус: всё предложение (*sentence-focus*), предикат с частью его аргументов (*predicate-focus*) или конкретный аргумент (*argument-focus*) [Там же: 221–238]. Первые два объединяются понятием *broad focus* ‘широкий фокус’, так как в них фокус охватывает несколько составляющих, третий называется *narrow focus* ‘узкий фокус’ [Van Valin, Lapolla 1997: 206–210].

Оппозиция между широким и узким фокусом, по нашему мнению, может рассматриваться как эквивалентная противопоставлению между общими и частными высказываниями (Таблица 31). Основными различиями этих классификаций являются, во-первых, разделение в классификации К. Ламбрехта общих высказываний на основании распределения их смысловых компонентов между топиком и фокусом и, во-вторых, то, что выделенные К. Ламбрехтом оппозиции в рассматриваемой формулировке приложимы к описанию оппозиций между информативными высказываниями.

Таблица 31

Соответствия между классификацией типов высказываний К. Ламбрехта и П. Адамеца

Focus structure type		**Sentence type**	**Тип высказывания по П. Адамецу**
broad focus	sentence-focus	event-reporting	общеинформативные
	predicate-focus	topic-comment	
narrow focus	argument-focus	identificational	частноинформативные

Для определения типа высказывания и объема входящих в состав ремы и темы компонентов традиционно используется метод построения условных вопро-

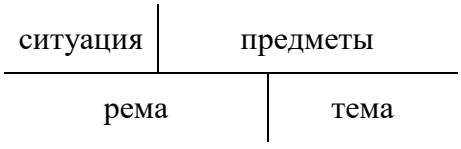
сов, которые могли бы породить аналогичное высказывание в качестве ответной реплики (англ. *underlying questions*), предложенный Э. Хэтчер [Hatcher 1956: 239]. При использовании этого метода тип вопроса напрямую соотносится с типом высказывания, а в состав вопроса входят те компоненты высказывания, которые относятся к его теме.

Основу анализа коммуникативного устройства высказываний в настоящей работе составляет классификация П. Адамеца. Мы рассмотрим выделяемые им типы высказываний в свете введенной здесь терминологии и покажем, какие допущения и принципы используются нами при анализе высказываний каждого типа.

3.1.2.1. Общеинформативные высказывания

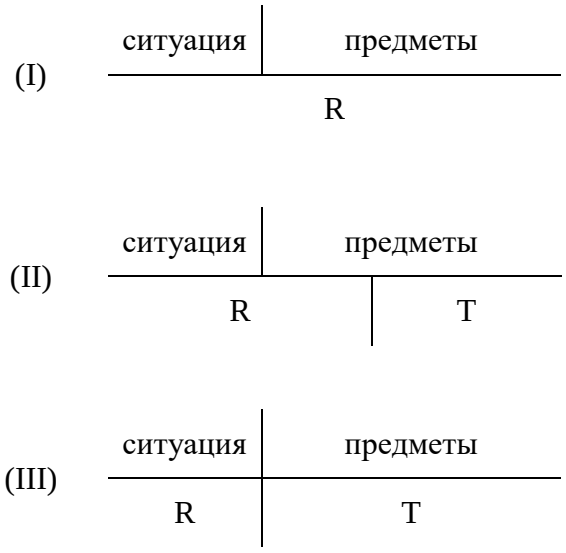
Ситуация, обозначаемая общеинформативным (ОИ) высказыванием, представляется как неизвестная, т. е. предполагается, что адресат не имеет представления о том, что между набором предметов существует или может потенциально существовать ситуация определённого типа. Вследствие этого вся обозначенная в высказывании ситуация относится к реме.

Статус предметных компонентов ОИ высказываниях вариативен. С одной стороны, введение неизвестной ситуации, как правило, опирается на фоновое представление о части задействованных в ней предметных компонентов, что обеспечивает возможность соотнесения сообщаемой информации с определённым фрагментом знаний адресата о мире дискурса. С другой стороны, введение ситуации может сопровождаться и введением некоторых её предметных компонентов, конкретизируемых посредством самой ситуации. Таким образом, предметные компоненты ситуации могут быть разделены между темой и ремой:



Так как объём и состав тематических и рематических компонентов ОИ высказываний неоднороден, то их анализ требует более детальной классификации.

На основании распределения предметных компонентов между темой и ремой могут быть выделены три подтипа ОИ высказываний: (I) высказывания с нулевой темой, т. е. в которых все предметные компоненты входят в рему (такие высказывания называются *монорематичными*); (II) высказывания с ненулевой темой, в которых часть предметных компонентов входит в рему; (III) высказывания с ненулевой темой, в которых в состав ремы не входят предметные компоненты:



Высказывания типа I отвечают на вопросы самого общего характера (*Что происходит? Что случилось?*), в то время как вопросы к высказываниям других типов могут включать соответствующие предметные компоненты (*Что происходит с А? Что можно сказать про А?*).

При анализе общеинформативных высказываний с поликомпонентной ремой (типа I и II) существенное значение имеют входящие в рему предметные компоненты. Такие компоненты связаны с введением новых для дискурса предметов (как известных, так и не известных адресату) и часто выдвигаются на первый план во внутренней организации ремы, т. е. составляют её ядро. При наличии двух или более таких компонентов между ними наблюдается конкуренция: ядер-

ными считаются компоненты, характеризующиеся наибольшей непредсказуемостью и значимостью с точки зрения построения текста.

Аналогичная конкуренция наблюдается и в высказываниях типов II и III, содержащих два или более тематических предметных компонентов. При их анализе принято выделять первичную (англ. *primary topic*) и вторичную тему (англ. *secondary topic*), соотношение которых подробно описано И. А. Николаевой [Nikolaeva 2001]. Анализ высказывания как содержащего вторичную тему требует наличия пресуппозиции о наличии связи между предметными компонентами (*Что можно сказать про отношение A к B?*).

Соответственно, при анализе коммуникативной организации ОИ высказываний значимыми являются несколько контекстуальных факторов:

1) наличие пресуппозиций, обеспечивающих возможность появления определенных предметов в роли темы высказывания (*Вероятно, что A будет темой последующего высказывания*);

2) наличие пресуппозиций об отношениях между предметами (*Вероятно, что между A и B существует некоторое отношение*).

Охарактеризуем основные контексты появления ОИ высказываний в рассматриваемой выборке.

Наиболее типичными для ОИ высказываний являются контексты, в которых содержимое высказывания представляется как результат непосредственного восприятия ситуации, не опирающегося на фоновые знания о ней. В качестве прототипа любого общеинформативного высказывания может рассматриваться эксплицитная модус-диктумная структура:

$$[\text{EXP наблюдает}]^{\text{MOD}}, \text{ что } [\text{X}]^{\text{DICT}},$$

где EXP – экспериенцер, лицо, непосредственно воспринимающее ситуацию и определяющее перспективу, с которой она описывается. В качестве экспериенцера может рассматриваться как говорящий, так и персонаж повествования, с точки зрения которого описывается ситуация. В более абстрактном дискурсе вос-

приятие ситуации может рассматриваться как опосредованное мысленным наблюдателем, фиксирующим переход от одной ситуации к другой.

Ключевым для классификации ситуаций такого типа является понимание условий, при которых происходит их восприятие, т. е. активированных в сознании участников коммуникации идей, создающих базис для формирования представления о ситуации. В случае конкретных пространственных ситуаций, составляющих ядро рассматриваемых ТСС, такие идеи складываются из физических условий наблюдения, т. е. пространства, в котором находится наблюдатель, и предметов, его окружающих, в том объёме, в котором они представлены непосредственно в тексте или в фоновых знаниях участников коммуникации. Типичные случаи употребления ОИ высказываний предполагают выбор в качестве темы пространственных или предметных компонентов предшествующего контекста, которые в рамках высказывания принимают роли субъекта, объекта или локализатора:

$$[\text{EXP наблюдает за S / OB / LOC и видит}]^{\text{MOD}}, \text{ что}$$
$$[\text{S / OB / LOC}^{\text{T}} \text{ задействован в пространственной ситуации } X^{R}]^{\text{DICT}}.$$

Наиболее частотными являются высказывания, в которых темой является один из компонентов (3.1.2.1.1–3.1.2.1.3), однако встречаются как высказывания с комплексной темой (3.1.2.1.4), так и высказывания, в которых отсутствует тема, соотносимая с одним из компонентов ТСС (3.1.2.1.5).

3.1.2.1.1. Высказывания с темой-локализатором

Прототипическими для выделения темы-локализатора являются контексты, в которых внимание наблюдателя направлено на локализатор. Локализатор может быть представлен как конкретный предмет (опора локализации) или связанная с ним область пространства. Актуализация пространственной ситуации в таком случае обусловлена обнаружением в окрестностях LOC предметов или ситуаций:

[EXP наблюдает за LOC и видит]^{MOD}, что…
[относительно LOC^{T} (расположен S)^{R}]^{DICT}
[относительно LOC^{T} (движется S)^{R}]^{DICT}
[относительно LOC^{T} (S перемещает OB)^{R}]^{DICT}

Такие высказывания могут рассматриваться как отвечающие на вопросы типа *Что происходит в LOC?*

Реализации такого типа наиболее характерны для бытийной ТСС, периферийны для ТСС движения и практически не встречаются в случае ТСС перемещения.

Определение общеинформативности требует, чтобы обнаружение предметов и событий не было подготовлено предшествующим контекстом, т. е. может быть охарактеризовано как непроизвольное обнаружение (в противном случае ситуация имеет верификативный характер). Наиболее естественными локализаторами в таком случае является сам экспериенцер, пространство, в котором он находится, или предметы, находящиеся в его ближайшем окружении.

В повествовательных текстах непроизвольное обнаружение предмета, выраженное бытийной ТСС, часто обусловлено активной деятельностью персонажа, вследствие которой он обнаруживает новые предметы. Так, характерный для рассматриваемых текстов пример этой ситуации представлен в (160): персонаж-наблюдатель (птичка) прибывает в некоторое новое место (дом Менк-ики) и обнаруживает в нём предмет (горшок с жиром):

(160) [Контекст: птичка приходит в дом Менка и обнаруживает, что его нет дома.]
Кэр ӧвтынэ пӧльтьи путэли омэсӆ [Чепреги 2015: 6].
кэр ӧвты=нэ пӧльчи пут=эли=∅ омэс=ӆ=∅
печь верх=LOC жир горшок=DIM=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘В печке – горшок с жиром вытопленным’ [Там же: 59].
‘На печке стоит горшок с жиром’ (перевод ИМП).

В случае ТСС движения аналогичная ситуация возникает, когда персонажи фиксируют движение субъекта по направлению к ним (161)–(162):

(161) [*Ты омəстиннə əй ӆатнə*] *вурӈи тӗ̆ӽə йӗ̆вət* [Голоса Югана 2021: 114].
вурӈи=∅ тӗ̆ӽə йӗ̆вət=∅
ворона=NOM туда прийти=SUBJ.3SG
‘Раз как-то ворона к ним прилетела, [пока они так сидели].’
‘[Пока они так сидели], туда (к ним) прилетела ворона’ (перевод ИМП).

(162) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукəт ӆӳваты суцəт, [*пыриӆəӆ, ӽӳты йəӽ*] [Айпин 2003а: 53].
пастук=əт=∅ ӆӳв=ат=ы сөц=əт
пастух=PL=NOM он=OBL=DAT шагать=SUBJ.3PL
‘Подошли пастухи [узнать, что случилось]’ [Айпин 1986: 170].
‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось]’ (перевод ИМП).

Такие контексты не обязательно предполагают непосредственное наблюдение: пространственная ситуация может реконструироваться на основании наблюдаемого присутствия в пространстве локализатора новых предметов (163) или косвенных признаков, свидетельствующих об их пребывании там (164):

(163) [*Икем,*] *мин вещи тасмəна вӗ̆нт вещи йӗ̆вət* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 176].
мин вэӆи тас=мəн=а вӗ̆нт вэӆи=∅ йӗ̆вət=∅
мы_двое олень стадо=POSSR.2DU=LAT лес олень=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘[Муж (мой),] в наше (с тобой) оленье стадо дикий олень пришёл.’
‘[Муж мой,] в наше (с тобой) оленье стадо пришёл лесной (т. е. дикий) олень’ (перевод ИМП).

(164) [Контекст: Демьян съездил на стоянку, где ранее оставил мешок с мукой, и обнаружил, что мешок был разорван, а мука разбросана.]
Кимəн, чу ӽот вӗ̆ӆəӽа пупи йӳӽət [Айпин 2003а: 53].
кимəн чу ӽот вӗ̆ӆəӽ=а пупи=∅ йӗ̆ӽət=∅
EVID тот дом нары=LAT медведь=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘Оказалось, на становье набрел медведь и вспорол уголок мешка с мукой’ [Айпин 1986: 170].

При отсутствии конкретного эксплицитного наблюдателя ситуация описывается с точки зрения мыслимого наблюдателя, помещаемого в пространство, в котором развивается действие (165):

(165) [Контекст: Карс-ики упал на землю из-за того, что его перья и пух были состриженны; действие происходит на месте, где лежит Карс-ики.]
[*Ӌымəɻ вӗɻи, панə əй ɻатнə*] *чу тоӽийи ӷӑнтəк ӷө мənəɻ* [*ӽуɻ-войəӽ кəнӌӌə ӷө*] [Чепреги 2015: 50].
чу тоӽий=и ӷӑнтəк ӷө=∅ мəн=əɻ=∅
тот место=ABL человек=NOM идти=NPST=SUBJ.3SG
‘[Немного (с тех пор) пожили, и однажды] по тому месту шёл человек-ханты, [рыбу-зверя ишущий человек [т.е. охотник]]’ [Чепреги 2015: 105].
‘[Немного погодя, однажды] по тому месту идёт человек-ханты, [рыбу-зверя ищущий человек]’ (перевод ИМП).

Тип употреблений, который предполагает полное абстрагирование от модус-диктумого устройства ситуации (переключение внимания), наиболее характерен для художественных текстов Е. Д. Айпина и примеров разговорной речи. В них отсутствует эксплицитный наблюдатель, который получает информацию параллельно с адресатом и может как-то на неё реагировать. Вместо этого позицию наблюдателя занимает повествователь, переключающий внимание с одного аспекта ситуации на другой и выстраивающий таким образом изложение в соответствии со своим представлением о знаниях адресата. Реализации бытийной ТСС в таком случае фиксируют переход от пространства к мысленно выделяемому в нём предмету и могут образовывать цепочку, в которой последовательно рассматриваются предметы разной степени приближения:

(166) *Тут ӌамəӌ киврит вӳɻəт* [Айпин 2003б: 47].
тӧт ӌамəц киври=т=∅ вӗɻ=əт
там мох колодец=PL=NOM быть=SUBJ.3PL
‘За водой ходили под гору, где у подножия были маленькие колодцы’ [Айпин 1986: 214].
‘Там (у подножия горы) были колодцы’ (перевод ИМП).

(167) *Киври ӷотнə ӌуминт тӳнтəӽ, юӽ вäйəп, кевəл вӳɻ* [Айпин 2003б: 48].
киври ӷот=нə чуминт тӧнтəӽ йуӽ вäй=əп кэвəл=∅ вӗɻ=∅
колодец дом=LOC такой береста дерево ручка=ADJ ковш=NOM быть=SUBJ.3SG
‘В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой’ [Айпин 1986: 214].
‘В домике над колодцем был такой берестяной ковш с деревянной ручкой’ (перевод ИМП).

Сходный эффект возникает при описании передвижения взгляда наблюдателя от предмета к предмету в цепочке движущихся объектов:

(168) [Контекст: мужчина оглядывается и рассматривает, как за нартами последовательно идут собаки, а за ними – волк.]
Ӆəӽ пырилӣ ӳӽəр кӳрəп ӳт ньӳӽӆəӽ [Айпин 2003а: 50].
ӆəӽ пыр=илӈ=и ӧӽəр кӳр=əп ӧт=∅ ньӧӽӆə=ӽ
они за=3PL=ABL высокий нога=ADJ вещь=NOM трогать=PST.SUBJ.3SG
‘А за ними, все еще недоверчиво, тронулся полярный волк’ [Айпин 1986: 168].
‘За ними тронулся волк (букв.: высоконогая вещь)’ (перевод ИМП).

Большинство реализаций бытийных ТСС и ТСС движения в таких типах высказываний объединяются тем, что в них LOC служит отправной точкой, используемой для перехода к S, но не является собственно предметом мысли, знания адресата о котором обогащаются в результате восприятия сообщаемой в высказывании информации, что является определяющим аспектом топикальности в работах К. Ламбрехта и его последователей. Реализации бытийной ТСС, в которых LOC обладает этим свойством, встречаются редко, например (169), где описывается целостный образ, характеризующий место дерева в формируемой текстом картине мира, и (170), где S обозначает признак LOC. Эти примеры относятся к периферии функционирования бытийной ТСС и репрезентируют пути переноса его значения в область физического воздействия и характеризации.

(169) *Ӷăтӆин сорнеӈ нӳӽӆаӆ-көтӆаӆнə тӧрəм вăӽ ӧӆаӆ* [Айпин 2003а: 67].
ӷăтӆин сорњэӈ нӧӽ=ӆ=аӆ- кӧт=ӆ=аӆ=нə
днём золотой ветка=POSSM.PL=POSSR.3SG- рука=POSSM.PL=POSSR.3SG=LOC
тӧрəм вăӽ=∅ ӧӆ=аӆ=∅
небо=NOM лежать=NPST=SUBJ.3SG
‘На ее вершину и ветви-руки опирается огромное небо вселенной’ [Айпин 1986: 183].
‘Днём на её золотых ветвях-руках лежит небо’ (перевод ИМП).

(170) *…кацəӈ ӷөнə йəм пан атəм вөӆ, нэви пан пəхтə вөӆ* [Айпин 2003б: 90].
кацəӈ ӷө=нə йəм пан[ə] атəм вӧӆ=∅ нэви пан[ə] пəхтə
каждый мужчина=LOC хороший CONJ плохой быть=SUBJ.3SG белый CONJ чёрный
вӧӆ=∅
быть=SUBJ.3SG
‘…в каждом человеке есть два начала – светлое и темное’ [Айпин 1986: 241].
‘…в каждом человеке есть хорошее и плохое, есть белое и чёрное’ (перевод ИМП).

Коммуникативные ситуации рассматриваемого типа допускают дополнительную вариативность коммуникативного статуса как субъекта, так и локализатора.

1) Вариативность коммуникативных характеристик локализатора. Прототипические ситуации употребления высказываний с тематическим локализатором предполагают его предопределённость контекстом, при употреблении бытийной ТСС наблюдаются коммуникативные ситуации, в которых локализатор обладает более комплексным статусом.

В ситуации непроизвольного обнаружения в качестве локализатора может выступать не только контекстуально обусловленное пространство, но и его подпространство, определяемое относительно существующих внутри пространства предметов, что является разновидностью имплицитного расщепления локализатора. Например, в (160) *кэр өвтынэ* ‘на печке’ обозначает локализатор второго уровня (LOC_2), опорный предмет которого расположен в пространстве LOC_1, заданном контекстом (дом Менк-ики). LOC_2, в свою очередь, выступает в роли субъекта в подразумеваемом бытийном утверждении «в LOC_1 расположен LOC_2». Предсказуемость этого утверждения обусловливает возможность представления его в имплицитном виде и, соответственно, рассмотрение LOC_2 как темы высказывания. Так, в анализируемом примере печка рассматривается как неотъемлемая часть структуры дома, вследствие чего ожидаемо её присутствие в предметном контексте дома.

Особый подтип обнаружения (указание) формируется при использовании дейксиса как способа определения пространства, сопровождающегося употреблением указательных местоимений в роли локализатора. Такие ситуации возникают в диалоге (171) или внутренней речи (172), когда говорящий указывает на часть непосредственно им наблюдаемого пространства, которая не предопределяется контекстом, а вводится в дискурс за счёт невербальных средств коммуникации. Указание может использоваться как для введения в дискурс новых предметов (171), так и как средство вербализации процесса нахождения предметов в пространстве (172).

(171) *Тэм таҳинә ӷот мәҳ* [Айпин 2003а: 66].
тэм таҳи=нә ӷот мәҳ=∅
этот место=LOC дом земля=NOM
‘Вот тут, по преданию, святое место раньше было’ [Айпин 1986: 183].
‘В этом месте священная земля’ (перевод ИМП).

(172) *Тәт Кўрәӈ Войәҳ* [Айпин 2003б: 102].
тәт кўр=әӈ войәҳ=∅
здесь нога=ADJ зверь=NOM
‘Вот Большая Медведица. Люди нашего рода называют его Ногастым Зверем, Лосем’ [Айпин 1986: 247].
‘Здесь Лось (букв.: Ногастый зверь; здесь – название Большой Медведицы)’ (перевод ИМП).

2) Вариативность коммуникативных характеристик субъекта. Типичной функцией высказываний с темой-локализатором является введение в дискурс предмета, выполняющего роль субъекта, через его отношения с другими предметами, в соответствии с чем субъект частотно характеризуется неопределённостью и непредсказуемостью. В некоторых коммуникативных ситуациях возможно введение в контекст и субъектов, не обладающих этими свойствами.

Известность субъекта может варьироваться в случаях, когда различаются перспективы присутствующего в тексте наблюдателя и адресата текста. Например, начало сказки «Орёл *Карәс ики*» состоит из двух частей: из первой части адресат узнаёт о Карс-ики, а во второй части в роли наблюдателя выступает человек, с точки зрения которого Карс-ики представляет собой неизвестный предмет. Обнаружение им Карс-ики трактуется как непроизвольное обнаружение, несмотря на то что Карс-ики маркируется местоимением *чу* ‘тот’, подчёркивающим его известность адресату текста:

(173) *Вуӆтәх: тэми йуҳнә омәсӆ тьу карәс-ики* [Чепреги 2015: 50].
ву=ӆ=тәҳ тэми йуҳ=нә омәс=ӆ=∅
видеть=NPST=OBJ.SG.SUBJ.3SG PRTCL дерево=LOC сидеть=NPST=SUBJ.3SG
чу карәс-ики=∅
тот Карс-ики=NOM
‘Смотрит, вот на дереве сидит Карәс ики’ [Там же: 105].
‘Видит: вот на дереве сидит тот Карс-ики’ (перевод ИМП).

Такое же расхождение наблюдается в случаях, когда локализатор связывается с известным, но не появляющимся в ближайшем контексте субъектом. Например, в (174) субъект предполагается известным читателю, так как уже фигурировал в тексте произведения, но нуждается в введении в дискурс, так как ещё не упоминался в рассматриваемой главе:

(174) *Тут ма Ефрем-ики пукликем вӯл* [Айпин 2003б: 77].
тӧт ма Ефрем-ики пуклик=эм=∅ вӧл=∅
там я PN-мужчина крёстный_отец=POSSR.1SG=NOM жить=SUBJ.3SG
‘…где жил мой крестный отец старец Ефрем’ [Айпин 1986: 234].
‘Там жил мой крестный отец Ефрем’ (перевод ИМП).

Известный всем участникам коммуникации субъект может также оставаться в реме, если он представлен с другой перспективы, требующей установления тождественности двух реалий или способов их наименования. Так, в примере (175) бытийная ТСС используется для конкретизации предмета через пространственную связь с другим известным предметом:

(175) [Контекст: говорящий просит собеседника произнести хантыйское название известной им обоим реки]
Воӈ ӷонəӈнə йəмат əнəл йӑвəн вəлэ… [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
воӈ ӷонəӈ=нə йəмат əнəл йӑвəн=∅ вəлэ
город возле=LOC очень большой река=NOM PRTCL
‘Возле Сургута ведь очень большая река.’

В редких примерах, когда и субъект, и локализатор предопределены контекстом, высказывание может приобретать функцию ре-активации присутствующих в тексте реалий, как в примере (174), где таким образом описывается перенесение взгляда от одного активированного предмета к другому.

Сочетание предопределённых контекстом субъекта и локализатора даёт говорящему большую свободу выбирать между разными подходами к описанию одной и той же ситуации с разных перспектив, поскольку позволяет употребить в сходном контексте и другие типы высказываний.

3.1.2.1.2. Высказывания с темой-субъектом

Прототипическим случаем выделения темы-субъекта являются ситуации, в которых внимание наблюдателя направлено на субъект:

$$[\text{EXP наблюдает за S и видит}]^{\text{MOD}}, \text{что…}$$
$$[S^{T} \text{ (расположен относительно LOC)}^{R}]^{\text{DICT}}$$
$$[S^{T} \text{ (движется относительно LOC)}^{R}]^{\text{DICT}}$$
$$[S^{T} \text{ (перемещает ОВ относительно LOC)}^{R}]^{\text{DICT}}$$

Такие высказывания могут рассматриваться как отвечающие на вопросы типа *Что происходит с S?*

Варианты такой ситуации с эксплицитной или имплицитной модус-диктумной структурой возникают при построении высказываний о предмете, существование которого установлено в контексте или считается очевидным, что позволяет сместить внимание с предмета на его отношения к другим предметам. Наиболее частотными являются контексты, в которых повествование строится с точки зрения мыслимого наблюдателя, следующего за участвующими в сюжете персонажами, т. е. точка зрения на события текста определяется участвующим в них лицом. В таких случаях последовательной темой всех высказываний является субъект, а ремой – весь комплекс информации, сообщаемой о его деятельности. В таких контекстах возможно возникновение высказываний, в которых описывается положение в пространстве или деятельность самого лица (самонаблюдение):

(176) [Контекст: ребёнок, сидящий в люльке, впервые осматривает окружение, в котором он находится.]
Пӗӈəɲнə ɲэйɲəχəɲ – тэми пуχəɲ ӷӑринə оməсɲ [Чепреги 2015: 35].
пӗӈəɲ=нə ɲэйɲəχ=əɲ=∅ тэми пуχəɲ ӷӑри=нə оməс=ɲ=∅
бок=LOC смотреть=NPST=SUBJ.3SG EVID селение двор=LOC сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘По сторонам огляделся, сидит он посреди поселения’ [Там же: 90].
‘По сторонам смотрит – видит: он сидит во дворе селения’ (перевод ИМП).

(177) *Мин тӳвәт куҷәӈнә умәсмән* [Айпин 2003б: 111].
мин тӳвәт ӄучәӈ=нә умәс=мән
мы огонь возле=LOC сидеть=SUBJ.1DU
‘Мы сидели возле костра’ [Айпин 1986: 252].

Аналогичная ситуация возникает в контексте непосредственного наблюдения одного лица за действиями другого:

(178) [Контекст: жена следит за мужем, чтобы выяснить, почему он возвращается домой с разорванной одеждой.]
…ими ӆэйӆәӆ: ӆӳв әнәӆ рӓпа йӧвәт… [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 175].
ими=∅ ӆэйӆ=әӆ=∅ ӆӳв=∅ әнәӆ рӓп=а йӧвәт=∅
жена=NOM смотреть=NPST=SUBJ.3SG он=NOM большой гора=LAT прийти=SUBJ.3SG
‘…жена смотрит: он к большой горе пришёл…’
‘жена смотрит: он (муж) к большой горе пришёл’ (перевод ИМП).

Ситуация, не основанная на непосредственном наблюдении, связана с формированием представления о пространственном контексте, в котором находятся участники текста (распределение). Она характерна для начала повествования или его значимой части и формирует фон для дальнейших событий повествования. Если в тексте присутствуют несколько персонажей, то может противопоставляться их положение относительно одного и того же локализатора, что сопряжено с появлением контраста, как в (179) и (180). Значимость этой информации в тексте обеспечивается тем, что локализация персонажа определяет возможность осуществления им каких-либо действий: например, в (179)–(180) отец не может остановить нападение волков на оленей, а в (181) мужчине требуется много времени для того, чтобы дойти до города, из-за чего он подслушивает разговор.

(179) *Мин аӈкемнат йӑӄун вӳӆмән* [Айпин 2003а: 41].
мин=∅ аӈк=эм=нат йӑӄән вӧӆ=мән
мы.DU=NOM мать=POSSR.1SG=COM дома быть=SUBJ.1DU
‘Отца дома не было, мы с матерью вдвоем’ [Айпин 1986: 62].
‘Мы с матерью были дома’ (перевод ИМП).

(180) *Аҷем иӆән вӳӆ* [Айпин 2003а: 41].
ач=эм=∅ иӆән вӧӆ=∅
отец=POSSR.1SG далеко быть=SUBJ.3SG
‘Отца дома не было, мы с матерью вдвоем’ [Айпин 1986: 62].
‘Отец был далеко [от дома]’ (перевод ИМП).

(181) *Өс кэњар ӷө воӌ поч ӷотнə тӗт ӷыч*… [Три мудрых совета 2020: 5].
өс кэњар ӷө=∅ воӌ поч ӷот=нə тӗт ӷыч=∅
а бедный мужчина=NOM город край дом=LOC там остаться=SUBJ.3SG
‘А бедняк остался там, в доме на краю города’ [Там же: 8].

Коммуникативный статус локализатора может существенно варьироваться без формального варьирования структуры: в роли локализатора могут выступать: неизвестный предмет; активированный, хотя и не конкретизированный предмет (182); конкретный предмет, непосредственно рассматриваемый в ближайшем контексте (183).

(182) [Контекст: бедняку дали совет сходить на болото, если потребуется вода, и через некоторое время он встречает людей, у которых нет воды.]
[*Панə*] *чи кэњар ӷө њөрəма йăӈӌиӆəх*. [*Њөрəмнə ӆӳв йəӈк ӓмəр*] [Три мудрых совета 2020: 4].
чи кэњар ӷө=∅ њөрəм=а йăӈӌ=иӆ=əх
этот бедный человек=NOM болото=LAT ходить=MOM=PST.SUBJ.3SG
‘Тогда бедняк на болото сходил. [На болоте он воды начерпал]’ [Там же: 8].

(183) [Контекст: хозяин и гость по следам крови нашли кучу мусора, в которой прячутся тени.]
[*Панə*] *мойəӆта йӗвтəм ӷө, мăӌ ӷө тäпəр пайнам нэврəмəх*, [*тютəт əйнам вăӆӆəх вärəӆ*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 182].
мойəӆ=та йӗвт=əм ӷө=∅ мăӌ ӷө=∅
гостить=INF прийти=PP мужчина=NOM гость мужчина=NOM
тäпəр пай=нам нэвр=əмəх=∅
мусор куча=APPRX прыгать=MOM=SUBJ.3SG
‘И приехавший погостить мужчина, проезжий человек прыгнул на мусорную кучу, всех этих (теней) лишил жизни.’

Высказывания с темой-субъектом и темой-локализатором не симметричны с точки зрения роли в тексте, так как в первом случае положение S в LOC представлено как информация, расширяющая знания адресата о S (*S расположен в LOC* ⇒ характер задействования S в повествовании определяется LOC), а во втором случае LOC, как правило, не приобретает значения самостоятельного участника повествования (*В LOC расположен S* ⇒ S становится значимым участником повествования, характер задействования которого в повествовании определяется LOC).

3.1.2.1.3. Высказывания с темой-объектом

Реализации ТСС перемещения и акциональной ТСС, в которых темой является объект, единичны, поскольку тематический объект, как правило, сочетается с тематическим субъектом. Вынесение объекта в собственную тему, как правило, требует, чтобы высказывание было ориентировано на введение в дискурс субъекта:

(184) *Ма йəм нӑмсəп йоӽнə вəйөйəм* [ВАН].
ма=∅ йəм нӑмс=əп йоӽ=нə вəй=өй=əм
я=NOM хороший мысль=ADJ люди=LOC брать=PASS=1SG
‘Меня к себе добрые люди взяли.’

(185) *Њуӆəӆ əнəӆ чӗрас ӌө ӓвинə нӗӌ вəйи* [Чепреги 2015: 51].
њуӆ=əӆ=∅ əнəӆ чӗрас ӌө ӓви=нə
стрела.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM большой тысяча мужчина дочь=LOC
нӗӌ вəй=и=∅
вверх брать=PASS=3SG
‘Стрелу дочь зажиточного купца подняла’ [Там же: 106].

Такие высказывания могут рассматриваться как отвечающие на вопросы типа *Что происходит с ОВ?*

3.1.2.1.4. Высказывания с многокомпонентной темой

ОИ реализации, в которых в состав темы входит несколько предметных компонентов, наиболее характерны для ТСС перемещения. Комплексная тема, как правило, связана с появлением в высказывании нескольких предметов или лиц, предопределённых контекстом. В таком случае высказывание обозначает взаимодействие между установленными предметами, например: *Что делает S по отношению к LOC?* (186), *Что делает S по отношению к ОВ?* (187).

(186) [Контекст: бедный мужчина приходит к богачу и просит дать ему работу.]
[*Панә*] *чу тасәӈ ӷөнә сопэкәнат, йәӆәп сопэкәнат мәйи* [Три мудрых совета 2020: 3].
чу тас=әӈ ӷө=нә сопэк=кән=ат йәӆәп сопэк=кән=ат мәй=и=∅
тот богатство=ADJ мужчина=LOC сапог=DU=INSTR новый сапог=DU=INSTR дать=PASS=3SG
‘[И] богач дал ему сапоги, новые сапоги дал’ [Там же: 6].
‘[И] тот богатый человек (бедному мужчине) дал сапоги, новые сапоги’ (перевод ИМП).

(187) [Контекст: бедный мужчина встречает старика, который даёт ему совет о том, что делать с сапогами.]
[*Нӳӈ мәта сопэккәӆа йәӈки йәтын ӆатнә, иттәнат*] *кэр өӽтыйа пӗнӽилә*… [Три мудрых совета 2020: 3].
кэр өӽтый=а пӗн=ӽилӈ=а
печь верх=LAT класть=MULT=SUBJ.3SG
‘[Когда эти сапоги промокнут,] ты их на печку клади…’ [Там же: 7].

Так как два компонента, входящие в состав комплексной темы, претендуют на выражение сходными средствами, то при анализе таких высказываний значимыми являются коммуникативные и семантические факторы, которые позволяют разделить эти компоненты на первичную и вторичную тему.

3.1.2.1.5. Высказывания с нулевой темой

Так как задачей нашего анализа является рассмотрение распределения основных компонентов ТСС, мы не останавливаемся здесь на высказываниях, в которых присутствует ненулевая тема, состоящая из аспектов ситуации, не входящих непосредственно в состав ТСС (в частности, характеризующих модус восприятия или временные связи событий).

Основным случаем, в котором традиционно постулируется отсутствие темы, являются высказывания, употребляющиеся в начале текста или его значимой части, не связанной непосредственно с предшествующим текстом. При анализе фольклорных текстов для обозначения таких сегментов текста или высказываний используется термин *зачин*. Зачин представляет собой устойчивую формулу, которая появляется в начале текста или его значимого раздела и предназначена для указания на время и место действия и введения в дискурс предметов, необходимых для начала повествования (чаще всего его центральных персонажей) [Дядюн

2013: 26]. С коммуникативной точки зрения, зачин является средством формирования контекста, на основании которого происходит развёртывание всего последующего текста. Мы будем употреблять этот термин широко, обозначая им тип высказываний, лежащий в основе стратегий построения любых видов текстов.

Основы анализа зачина как коммуникативной ситуации были заложены В. Матезиусом, который выделяет в чешских сказках два типа зачинов. Первый тип с неопределённым временным маркером (чеш. *jednou* ‘когда-то’) рассматривается как коммуникативно нерасчленённое высказывание, в котором отсутствует тема. Во втором типе в роли темы выступает локализатор, предвосхищающий ещё не раскрытую предметную ситуацию (чеш. *v jedné zemi* ‘в одной стране’, *v jednom městě* ‘в одном городе’, *daleko, až tamhle někde za červeným mořem* ‘далеко, где-то там, за красным морем’) [Матезиус 1967б: 240–241].

В рассматриваемых текстах в роли зачина выявлены реализации бытийной ТСС и ТСС движения.

Бытийная ТСС последовательно употребляется в роли зачина большого количества текстов. Частотными являются два типа её реализаций: с неопределённым временным маркером и пространственным локализатором.

В фольклорных текстах в качестве неопределённого временного маркера употребляется словосочетание *әй мәта ӆатнә* ‘когда-то’ (букв.: в какое-то время):

(188) *Әй мәта ӆатнә йоӽ вӑӆӆәт* [Три мудрых совета 2020: 10].
әй мәта ӆатнә йоӽ=∅ вӑӆ=ӆ=әт
когда-то люди=NOM жить=NPST=SUBJ.3PL
‘Когда-то люди жили’ [Там же: 12].
‘Когда-то жили люди (т. е. семья)’ (перевод ИМП).

(189) *Әй мәт[а] ӆатнә Тӗрәм Ӷон вӑӆ* [Чепреги 2015: 51].
әй мәта ӆатнә тӗрәм ӷон=∅ вӑӆ=∅
когда-то небо царь=NOM жить=SUBJ.3SG
‘Жил когда-то царь небесный’ [Там же: 106].
‘Когда-то жил небесный царь’ (перевод ИМП).

Следует отметить, что это устойчивое словосочетание не является характерной чертой зачина фольклорных текстов и свободно употребляется во всех видах текстов как маркер смены временного плана повествования.

Высказывания такого типа дают представление о существовании субъекта, но не характеризуют непосредственно его пространственные отношения. Основной функцией неопределённого временного маркера является указание на протекание всех событий текста в условном временном и пространственном контексте, характерном для сказочного повествования. Однако, поскольку этот контекст относится к фоновым знаниям носителей культуры, он не вводится самим зачином и может рассматриваться как тематический компонент высказывания.

Бытийные зачины с пространственными локализаторами обозначают как существование, так и пространственные отношения субъекта. В некоторых случаях (193) пространственные локализаторы используются в одном высказывании с временными маркерами.

(190) *Әй воԓнә тьӑӈа Пэтәр вӑӆәӆ* [Чепреги 2015: 14].
әй воԓ=нә чӑӈа Пэтәр=∅ вӑӆ=әӆ=∅
один город=LOC PRTCL PN=NOM жить=NPST=SUBJ.3SG
‘В одном городе живёт Пётр’ [Там же: 68].
‘Вот в одном городе живёт Пётр’ (перевод ИМП).

(191) *Лӳкси пуҳәӆнә йәҳӆәҳ-әсӆәҳ айнэ вӧӆ* [Голоса Югана 2021: 56].
Лӳкси пуҳәӆ=нә йәҳ=ӆәҳ-әс=ӆәҳ ай нэ=∅
PN селение=LOC отец=ABESS-мать=ABESS маленький женщина=NOM
вӧӆ=∅
жить=SUBJ.3SG
‘В Лукси пууль жила девочка-сирота.’

(192) *Ӈӧксәӈ йӑвәннә, Мөӈӈәӈ йӑвәннә кат имиҳән вӑӆӆәҳән* [Чепреги 2015: 10].
Ӈӧксәӈ йӑвән=нә Мөӈӈәӈ йӑвән=нә кат ими=ҳән=∅ вӑӆ=ӆ=әҳән
PN река=LOC PN река=LOC два женщина=DU=NOM жить=NPST=SUBJ.3DU
‘На берегу реки *Ӈӧксәӈ йӑвән – Мөӈӈәӈ йӑвән* две женщины живут’ [Там же: 64].
‘На реке *Ӈӧксәӈ йӑвән – Мөӈӈәӈ йӑвән* живут две женщины’ (перевод ИМП).

(193) *Әй мәта ӆатнә йӑвән тӧмпинә кат имиҳән-икиҳән вӧӆҳән* [Три мудрых совета, 2020: 3].
әй мәта ӆатнә йӑвән тӧмпи=нә кат ими=ҳән-ики=ҳән=∅ вӑӆ=ҳән
когда-то река за=LOC два женщина=DU-мужчина=DU=NOM жить=SUBJ.3DU
‘Когда-то на том берегу Югана жили муж с женой’ [Там же: 6].

При использовании таких зачинов адресант обращается к общим знаниям адресата об устройстве мира для того, чтобы сформировать образ пространства, в котором будет развиваться повествование. В большинстве случаев пространственное отношение интерпретируется буквально: так, в (191)–(193) даются указания на конкретную местность, в которой происходит действие, а в (190) помещение действия в город, хотя он и не конкретизирован, формирует определённый предметный контекст. Однако пространственный контекст в ряде случаев может рассматриваться как условный, что связано с его слабой конкретизированностью или сказочностью называемых локаций. Иллюстрацией последнего является пример (192): употреблённые в нём названия рек локализуют действие не в реальном, а в сказочном пространстве [Чепреги 2015: 10].

В целом рассматриваемые типы зачинов имеют сходную коммуникативную структуру, в которой субъект представляет собой предмет, неизвестный говорящему, а локализатор – контекст, способствующий его введению в дискурс. Соответственно, отношение, устанавливаемое между ними, может рассматриваться как отношение между темой и ремой, хотя и отличается от отношения, складывающегося между ними в прототипической ситуации наблюдения за локализатором.

Употребления ТСС движения в роли зачина менее частотны и также часто сопровождаются временными маркерами, устанавливающими условия, в которых развивается действие (*әй ӆатнә* ‘однажды’, *сӳӯәснә* ‘осенью’, *йыс* ‘старый, древний’):

(194) *Ӆапәт мәӽ, ӄут мәӽ Лӑлӽәм ӄон икәли әй ӆатнә Ӄынь ики ӄота йӗвәт* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 148].
ӆапәт мәӽ ӄут мәӽ лӑлӽ[22]=әм ӄон ик=әли=∅ әй ӆатнә
семь земля шесть земля оберегать=PP царь мужчина=DIM=NOM однажды
ӄынь ики ӄот=а йӗвәт=∅
болезнь мужчина дом=LAT прийти=SUBJ.3SG

[22] Возможно, опечатка в основе глагола *ӆаӽәӆта* ‘стеречь, оберегать’.

‘Семи земель, шести земель обходящий царь – мужчина однажды к божеству Болезни домой пришёл.’
‘Семь земель, шесть земель оберегающий царь-мужчина однажды пришёл в дом божества Болезни’ (перевод ИМП).

(195) [*Сӱҳәснә Ас потта йәҳәма*] *әй ӷө вӧнта мән,* [*панә, ӷӑрә вӧтәлнә вӧл, кәнӈантәмин*] [Голоса Югана 2021: 53].
әй ӷө=∅ вӧнт=а мән=∅
один мужчина=NOM лес=LAT идти=SUBJ.3SG
‘[Осенью, когда ночи становятся длинными,] один мужик в лес пошёл, [в балагане жил и охотился].’

(196) *Әй йыс* [23] *Кәльи ӷө нӓмпи ики Вӧнт ӆора ӓт* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 276].
әй йыс Кәльи ӷө нӓм=пи ики=∅ вӧнт ӆор=а
один древний PN мужчина имя=ADJ мужчина=NOM лес озеро=LAT ӓт=∅
появиться=SUBJ.3SG
‘В прошлые времена один человек по имени *Кәльи* вышел на Лесное озеро.’
‘Один древний человек по имени *Кәльи* вышел на Лесное озеро’ (перевод ИМП).

Аналогично реализациям бытийной ТСС, такие примеры выполняют одновременно функцию введения и субъекта, и локализатора как предметов, о которых говорится в тексте. Зачином текста, таким образом, является инициация пространственного отношения между двумя предметами, из которого вытекает всё дальнейшее повествование, обусловленное взаимодействием персонажей между собой (194) или с природными объектами (195)–(196).

Приведённые примеры показывают, что контексты повествования могут предполагать наличие пресуппозиций о существовании предметов, обозначенных субъектом и объектом. Они могут быть обусловлены как фоновыми знаниями носителей культуры, так и расширенным контекстом, не фиксируемым источниками, который включает объявление темы или процесс выбора исполняемого произведения. Так, оба персонажа, упомянутых в примере (194), и географический объект, названный *Вӧнт ӆор* ‘Лесное озеро’ в примере (196), вероятно, рассматрива-

[23] Вероятно, *йыс* в данном контексте выступает в роли временного маркера, ср. *йыснә* ‘в древности’.

ются как известные всем потенциальным слушателям. С другой стороны, употребление определения *әй* ‘один’ в примерах (195)–(196) показывает, что происходит введение в текст нового лица. Соответственно, коммуникативный статус субъекта и объекта в рассматриваемой ситуации существенно варьируется.

Таким образом, употребление обеих ТСС в роли зачина не приводит к формированию коммуникативно нерасчленённых высказываний: во всех случаях один из компонентов ситуации может рассматривается как фоновый. При этом в высказываниях, реализующих ТСС бытия и движения, избираются противоположные стратегии: в случае бытийных ТСС ситуация конструируется как появление субъекта в пространстве, заданном как фон, на котором развивается повествование, тогда как при употреблении ТСС движения, судя по всему, ситуация преподносится как деятельность фонового субъекта, который одновременно актуализируется посредством этой ситуации.

3.1.2.2. Частноинформативные высказывания

Информация, содержащаяся в частноинформативных (ЧИ) высказываниях, представляется как расширение знаний адресата о заведомо известной ему ситуации. Это требует, чтобы знания адресата о ситуации не были исчерпывающими, т. е. существовал определённый содержательный аспект ситуации, отсутствующий в представлении адресата. Для рассматриваемых здесь бытийно-пространственных ТСС наиболее актуальным аспектом являются их предметные компоненты. В таких случаях частноинформативное высказывание является средством установления соответствия между предметным компонентом ситуации и представлением о соответствующем предмете действительности (т. е. интродукции связи).

Ключевым шагом при анализе ЧИ высказываний является определение компонента ситуации, в отношении которого осуществляется интродукция связи. Выделение такого компонента может быть формализовано в виде предложения идентификации («предмет, который задействован в ситуации в определённой ро-

ли – это предмет А»), поэтому мы называем такой компонент идентифицируемым. Рему высказывания, таким образом, составляет идентифицируемый компонент ситуации, а тему – ситуация и совокупность других её компонентов.

Так как частноинформативные высказывания не характерны для повествовательных текстов, в рассматриваемой выборке они встречаются преимущественно в диалогах как ответ на соответствующий вопрос. ЧИ реализации пространственных ТСС делятся на группы в зависимости от того, какой из компонентов ситуации (субъект, объект или локализатор) рассматривается как идентифицируемый.

Примеры рематизации субъекта:

(197) [Девочка-оленёнок спрашивает у матери-оленихи: «Кто живёт в доме?».]
Ӷотнə ӷӑнтəӽ яӽ вөӆӆəт [Айпин 2003б: 62].
ӷот=нə ӷӑнтəӽ йаӽ=∅ вӗӆ=ӆ=əт
дом=LOC люди=NOM жить=NPST=SUBJ.3PL
‘В доме люди живут’ [Айпин 1986: 223].

(198) [Девочка-оленёнок спрашивает у матери-оленихи: «Что находится в амбаре?».]
Тут арпəкəт сӑвнəт, кӳцмəт, ӷурит, вуньӌəпəт [Айпин 2003б: 63].
тӗт арпəкəт сӑвн=əт=∅ кӳцм=əт=∅ ӷури=т=∅ вуньӌəп=əт=∅
там разные куженька=PL=NOM туесок=PL=NOM корыто=PL=NOM набирка =PL=NOM
‘Там всякие куженьки, туески, корыта, набирки’ [Айпин 1986: 224].

(199) [Кто-то начал рыть за дверью дома, построенного белкой и кошкой, кошка просит белку выглянуть и посмотреть, кто это.]
[*Ӆаӈки кэм ӊӑӄлəмтəӽ:*] *тэми пупи йӗвəт* [Три мудрых совета 2020: 18].
тэми пупи=∅ йӗвəт=∅
EVID медведь=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘Белка наружу выглянула: а это, оказывается, медведь пришел’ [Там же: 20].

(200) [Царь обнаруживает на столе тридцать соболей и пытается выяснить, кто их туда положил.]
Ма понмам [Голоса Югана 2021: 83].
ма=∅ пӗн=м=ам
я=NOM класть=PP=1SG
‘Я положил.’

Примеры рематизации локализатора:

(201) [Гость отказывается лечь спать на приготовленное для него хозяином место, объявив, что ляжет вместо этого у порога, чтобы выяснить, кто ходит ночью по дому.]
Ма өӽпи нәкәлнам ӑӆинтӆәм, [*әнтә воӽәм мойәӆтә ӈө мәнӌӌаӽә*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 180].
ма=∅ өӽпи нәкәл=нам ӑӆ=инт=ӆ=әм
я=NOM дверь порог=APPRX лечь=FORM=NPST=SUBJ.1SG
‘Я к дверному порогу лягу, [незваного гостя ожидать].’

(202) [Одна птица спрашивает у другой: «Ты с какой стороны прилетел?».]
Ма, мәттә, тэм мәта тӧрәм пӓләки йӧвтән [Голоса Югана 2001: 101].
ма=∅ мәттә тэм мәта тӧрәм пӓләк=и йӧвт=ән
я=NOM PRTCL.QUOT этот какой мир сторона=ABL прийти=?
‘Я, – говорит, – прилетел с этой стороны света.’

(203) [Другая птица реагирует на ответ предыдущей.]
Өс ма, мәттә, па мәта тӧрәм пӓләки йӧвтән [Голоса Югана 2001: 101].
өс ма=∅ мәттә па мәта тӧрәм пӓләк=и йӧвт=ән
а я=NOM PRTCL.QUOT другой какой мир сторона=ABL прийти=?
‘Я прилетел с той стороны света.’
‘А я, – говорит, – прилетел (букв.: пришёл) с другой стороны света’ (перевод ИМП).

Пример рематизации объекта:

(204) [Рассказчик задаётся вопросом: «Но кого позвать на пир [приношение]?»]
Тӧрәм ӆапәт пӑӽ вуӽи [Чепреги 2015: 9].
тӧрәм ӆапәт пӑӽ=∅ вуӽ=и=∅
PN семь сын=NOM звать=PASS=3SG
‘Я позвал семь сыновей бога Торума’ [Там же: 63].

Как показывают приведённые примеры, известность ситуации может быть обусловлена разными факторами: в (197), (198), (202) и (204) – вопросом, обозначающим ситуацию и её неидентифицированный компонент, в (199) и (200) – описанием предшествующей ситуации, в которой подчёркнуто наличие в ней неидентифицированного компонента. В примерах (201) и (203) формирование ЧИ высказывания обусловлено введением контраста: в (201) – между ожидаемым и реальным местом, выбранным гостем для сна, в (203) – между направлениями, из которых прилетела первая и вторая птица.

Экзистенциальный статус компонента, который идентифицируется в высказывании, также вариативен: это могут быть как заведомо известные предметы,

например сам адресат (200), так и предметы, которые вводятся в данном контексте (198).

3.1.2.3. Общеверификативные высказывания

В общеверификативных (ОВ) высказываниях ситуация представлена как известная или потенциальная с точки зрения адресата. Основной функцией этих высказываний является характеристика соответствия между ситуацией и действительностью. В этом плане ремой является факт подтверждения или опровержения действительности всей ситуации. Носителем этого факта в структуре высказывания обычно является сказуемое, в рамках которого кодируются разные формы отношения ситуации к действительности. Соответственно, в поверхностной структуре ОВ высказываний к теме относятся все компоненты ситуации, за исключением сказуемого, относящегося к реме.

Так как основной функцией ОВ высказываний является подтверждение или опровержение пресуппозиций адресата о ситуации, то важным аспектом анализа ОВ высказываний является определение того, на чём основана и в какой форме представлена эта пресуппозиция. В связи с этим мы выделяем ряд типовых разновидностей коммуникативных ситуаций.

Первая разновидность характеризуется целенаправленным наблюдением как элементом повествования. Высказывание в такой ситуации рассматривается как результат намерения персонажа выяснить, соответствует ли действительности представление о ситуации (например, находится ли в определённом месте определённый предмет). В таком случае высказывание опирается на систему ожиданий, сформированных контекстом. Формы, в которых выражаются эти ожидания, различаются и могут быть основаны на высказываниях других персонажей (205), представлении о типичных моделях поведения (206)–(207) или устойчивых пространственных связях между предметами (208)–(209).

(205) [Контекст: старая женщина перечислила действия, которые нужно выполнить персонажам текста; при выполнении этих действий они находят предметы, описанные старой женщиной, тем самым получая подтверждение полученной информации.]
[*Тьӑӷа тӧт кирәхӆәӆ, ӌопәӈука –*] *йәмси ӷот пäләкнә ӷуӆэӈ-парәӈ чэмотанәт омсиӆәт* [Чепреги 2015: 11].
йәмси ӷот пäләк=нә ӷуӆэ=ӈ-пар=әӈ
правый дом сторона=LOC грязь=ADJ-пепел=ADJ
чэмотан=әт=∅ омс=ӆ=әт
чемодан=PL=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3PL
‘[Как вошла, осматривается, и правда] справа чемоданы грязные прохудившиеся стоят’ [Там же: 65].
‘[Вот там осматривается, и правда –] на правой стороне дома стоят грязные чемоданы’ (перевод ИМП).

(206) [Контекст: кошка и мышка договариваются, что кошка пойдёт крестить ребёнка своей родственницы.]
Панә кэшкалиӈуки мән [Три мудрых совета 2020: 17].
панә кэшка=лиӈки=∅ мән=∅
и кошка=DIM=NOM идти=SUBJ.3SG
‘И кошка пошла’ [Там же: 25].

(207) [Контекст: бабушка отправила внука за оставленным мешком и уплыла, не дожидаясь его возвращения.]
[*Ай пäхәли ныкйӧвәтмаӆа, та,*] *чэчиӆ ӷөтта пә әнтэм* [Три мудрых совета 2020: 11].
та чэчи=ӆ=∅ ӷөтта пә әнтэм
INTERJ бабушка=POSSR.3SG=NOM где-то PRTCL.NEG NEG
‘Мальчик на берег пришел, а бабушки, оказывается, нигде нет’ [Там же: 13].

(208) [Контекст: птичка планирует отдать свою сестру Менку.]
[*Мäӈк Ики ӷота йӧвәт, ӷот ӷӧны йäӷәнам ӆэйӆәӆ,*] *Мäӈк Ики йäӷән әнтэм* [Чепреги 2015: 6].
Мäӈк Ики=∅ йäӷән әнтэм
Менк-ики=NOM в доме NEG
‘[Прибыла она к дому Менка, заглянула в окошко в крыше –] нет Менка дома’ [Там же: 59].
‘[Пришла к дому Менк-ики, заглянула внутрь дома,] Менк-ики в доме нет’ (перевод ИМП).

(209) [Контекст: внук боялся, что кто-то мог его съесть во время ночёвки в лесу, поэтому проверяет целостность частей тела.]
[*Панә ӆӱват кәлхәӆтәӆ: кäтам – та-а,*] *кäтам тәтты* [Три мудрых совета 2020: 11].
кät=ам=∅ тәтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
‘Ощупывает себя: рука – вот, рука на месте’ [Там же: 13].

Эксплицитный контекст целенаправленного наблюдения характерен для бытийной ТСС, так как сочетается с характерной для неё статичностью.

Среди реализаций всех бытийно-пространственных ТСС встречаются контексты диалогического опровержения. Такие ситуации характерны для разговорной речи и основаны на взаимодействии между собеседниками: говорящий исправляет пресуппозиции, содержащиеся в высказывании собеседника (210)–(211), в том числе в виде соответствующего модального вопроса (212)–(213), или пресуппозиции, которые могли быть вызваны предшествующими репликами самого говорящего(214)–(215):

(210) [У информанта спрашивают о том, сколько лет её родственник жил на одном месте.]
…ма тӗт әнтә вӗҷәм [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 18].
ма=∅ тӗт әнтә вӗҷ=әм
я=NOM там NEG жить=SUBJ.1SG
‘Я там не жила.’

(211) [Контекст: хозяин предлагает гостю лечь на приготовленное им спальное место.]
[*Әнта,*] *ма теҳә әнтә ӑҷинтҷәм* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 180].
ма=∅ тәҳә әнтә ӑҷинт=ҷ=әм
я=NOM туда NEG лечь=NPST=SUBJ.1SG
‘Нет, я туда не лягу.’

(212) [У информанта спрашивают, был ли в тот момент на определённом месте посёлок.]
Пуҳәл вӗл [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
пуҳәл=∅ вӗл=∅
селение=NOM быть=SUBJ.3SG
‘Посёлок был.’

(213) [У информанта спрашивают, есть ли в доме вода.]
Йӑӄән йәӈк әнтэм [Архивные материалы Н. Б. Кошкаревой].
йӑӄән йәӈк=∅ әнтэм
дома вода=NOM NEG
‘Дома воды нет.’

(214) [Мать-олениха рассказывает дочери о том, что в амбаре обычно храниться мука.]
[*Ит я, ма сахәтпам,*] *тут рак әнтэм* [*– ай уртәмәннә ма нянят әнтә аҷҷойәм*] [Айпин 2003: 63].
тӗт рак=∅ әнтэм
там мука=NOM NEG
‘[Сейчас, по-моему,] муки там нет [– маленький хозяин почти не угощает меня хлебом]’ [Айпин 1986: 224].

(215) [Мать-олениха рассказывает дочери про опасность огня.]
[*Ӄӓнтәк ӷөнә көтәӈты төйтаӆнә* –] *нӱӈ пырены әнтә йӱӆ* [Айпин 2003б: 64].
нӱӈ пыр=эн=ы әнтә йӱ=ӆ=∅
ты за=2SG= NEG идти=NPST=SUBJ.3SG
‘[Пока он под присмотром человека –] за тобой не погонится’ [Айпин 1986: 225].

Отнесение высказываний этого типа к верификативным спорно. В соответствии с определением, используемым П. Адамецом, ситуация верификации возникает в контекстах, когда говорящий исправляет или подтверждает суждения собеседника, основанные на его убеждённости в истинности или неистинности некоторого положения дел [Адамец 1966: 27–28]. Рассматриваемые здесь ситуации выходят за рамки этого определения. Ситуации, в которых некоторое положение дел рассматривается как вероятное на основании общих фоновых знаний, косвенных свидетельств и представлении о типичных принципах организации повествования, могут рассматриваться как лежащие на периферии верификации, занимающие пограничное положение между собственно верификацией и информативностью.

3.1.2.4. Частноверификативные высказывания

В частноверификативных (ЧВ) высказываниях ситуация представлена как известная адресату, а их содержанием является суждение о достоверности идентификации одного из компонентов ситуации с определённым вариантом её реализации. Соответственно, основанием для их классификации является выбор конкретного компонента, идентификация которого рассматривается, который выполняет функцию ремы высказывания.

Употребление частноверификативных высказываний не характерно для рассматриваемой выборки. Тем не менее выявлены примеры, в которых пространственная ситуация характеризуется как несоответствующая ожидаемой с точки зрения состава каждого из потенциальных компонентов: субъекта (216), объекта (217) или локализатора (218).

(216) [Контекст: дочь спрашивает у матери-оленихи, почему у навеса нет стен.]
Төп әй ӷот өҳты… [Айпин 2003б: 62].
төп әй ӷот өҳты=∅
только один дом верх=NOM
‘Одна только крыша…’ [Айпин 1986: 224].

(217) [Контекст: рассказчик оценивает ругательства Демьяна по отношению к медведю, разодравшиему мешок с мукой, как черезмерные.]
Әнтә ӷычәм пыр нянь пулəӈ вәи [Айпин 2003а: 54].
әнтә ӷычәм пыр ӈань пул=əӈ=∅ вәй=и=∅
NEG оставаться=PP следующий хлеб кусок=POSSR.3SG=NOM брать=PASS=3SG
‘Ведь медведь-то взял у него не последний кусок хлеба’ [Айпин 1986: 171].
‘[Медведь] взял [у Демьяна] не последний оставшийся кусок хлеба’ (перевод ИМП).

(218) [*Мӳв таҳинам әнтә кирəҳӈəлəм –*] *әйнам әнтә чу сӳӈнам!* [Айпин 2003б: 20]
әйнам әнтә чу сӗӈ=нам
всё NEG тот край=APPRX
‘Куда ни повернусь – все не туда!’ [Айпин 1986: 197].

В примере (234) представлена гибридная ситуация (ЧВ + ЧИ), в которой опровержение возможного предположения адресата (ЧВ) дополняется информацией о реальном положении дел (ЧИ):

(219) *Но ӌи цоҳәтнә әнтә ма, а аӈкем лэкәт паҳəӈ вәсәт ӷычәт* [Айпин 2003б: 3].
чи цөҳәт=нә әнтә ма а аӈк=эм лэк=әт паҳəӈ вәс=әт=∅
этот снег=LOC PRTCL я CONJ мать=POSSR.1SG дорога=? ? дыра=PL=NOM
ӷыч=әт
оставаться=SUBJ.3PL
‘Но на этом снегу оставались не мои, а мамины следы’ [Айпин 1986: 188].

3.1.3. Экзистенциальный статус субъекта при коммуникативном варьировании бытийной ТСС

При анализе бытийной ТСС традиционно выделяется оппозиция между двумя или тремя её вариантами, называемыми *существованием*, *местонахождением* и *наличием* (а также *отсутствием*). Эта традиция в разных формах представлена в работах отечественных исследователей, посвящённых бытийным предложениям [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Шмелёва 1988], в том числе выполненных в рамках традиций Новосибирской синтаксической школы [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996; Шилова 2002], включая исследования на

материале хантыйского языка [Соловар 2011: 93; Кошкарева 2018: 56]. Трактовка этой серии терминов претерпела изменения: изначально она предназначалась для обозначения структурно-семантических вариантов бытийных предложений, однако в современном контексте чаще трактуется как характеризующая его коммуникативную вариативность.

В зарубежной традиции, в частности в работах, посвящённых типологии способов выражения пространственных отношений, сходную роль играет противопоставление между экзистенциальными и локативными конструкциями как двумя аспектами функционирования бытийной ТСС [Clark 1978; Creissels 2014].

Использование этой терминологии, по нашему мнению, приводит к серии проблем, обусловленных разнородностью классификационных признаков, вкладываемых в эти термины разными исследователями, которая приводит к их неоднозначности.

1) При классификации высказываний одного языка термины, внутренняя форма которых связана с идеей существования (*экзистенциальная конструкция*, *экзистенциальное отношение*, *бытийное предложение* и т. п.), используются для обозначения явлений, характеризующих формирование у адресата представления о субъекте как информационно новом предмете (см., например, [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983: 53–68]). В этом плане существование тесно связано с категорией определённости и, в коммуникативном плане, с понятием о новом (или, в нашем понимании, неизвестном). Это употребление термина *существование* приобретает особую значимость при анализе системной вариативности структуры предложения, непосредственно обусловленной определённостью субъекта, представленной, например, в английском языке [Milsark 2014].

С другой стороны, эти термины используются для обозначения вариантов бытийной ТСС, обусловленных актуальным членением. В таком случае под терминами *существование* и *местонахождение* подразумеваются типы высказываний, в которых в состав ремы высказывания входит субъект и локализатор соответственно [Кошкарева 2018: 56], а для случаев, в которых в рему входит только предикат, используются термины *наличие* и *отсутствие*. Применение терминов

существование и *местонахождение* в этом контексте отвлекает внимание от коммуникативной природы рассматриваемых явлений и отражает неточное представление о прямом соответствии между актуальным членением и данностью или новизной компонентов предложения [Ковтунова 1976: 42–47]. В результате такая терминология выдвигает на первый план высказывания, в которых устанавливается прямое соответствие между статусом субъекта с точки зрения его известности и его ролью в актуальном членении. Такие высказывания, однако, охватывают только часть коммуникативной системы, так как известные предметы регулярно появляются в составе ремы общеинформативных, частноинформативных и частноверификативных высказываний.

Покажем различия между этими подходами. Рассмотрим в качестве примера классификацию типов высказывания с точки зрения их коммуникативной структуры и статуса субъекта, представленную в Таблице 33. Исходя из этой классификации, одни и те же типы высказываний получают разную характеристику при анализе, использующем разные подходы (Таблица 32):

Таблица 32

Сопоставление подходов к категоризации вариантов бытийной ТСС

Типы высказываний	Первый подход	Второй подход
ОИ4, ЧВ2	существование	существование
ОИ5, ЧИ1, ЧИ4, ЧВ4		местонахождение
ОВ2		наличие
ОИ3, ЧИ2, ЧВ1	местонахождение	существование
ОИ1, ОИ2, ЧИ3, ЧВ3		местонахождение
ОВ1		наличие

Другим недостатком этой терминологии является тот факт, что её функционирование ограничено зоной бытийной ТСС, в то время как аналогичные оппозиции, связанные с рематическим или экзистенциальным статусом отдельных компонентов предложения, потенциально пронизывают всю коммуникативную систему языка. Например, уместным является выделение в некоторых языках сход-

ных оппозиции в зоне ТСС движения, где также возможно употребление специализированных средств обозначения не только коммуникативного, но и экзистенциального статуса субъекта (ср. англ. *There is* ***a man*** – *There arrived* ***a man***).

Таблица 33

Коммуникативные варианты бытийной ТСС
в зависимости от экзистенциального статуса субъекта

Тип высказываний		Пресуппозиция	Ассерция	Существование субъекта
общеинформативные (ОИ)	1	известный предмет	этот предмет находится в пространстве	не модифицируется
	2	потенциальный предмет		**утверждается**
	3	пространство	в нём находится известный предмет	не модифицируется
	4		в нём находится неизвестный предмет	**утверждается**
	5	–	в неизвестном пространстве находится неизвестный предмет	**утверждается**
частноинформативные (ЧИ)	1	что-то находится в пространстве	это что-то – неизвестный предмет	**утверждается**
	2		это что-то – известный предмет	не модифицируется
	3	известный предмет находится где-то	это где-то – пространство	не модифицируется
	4	потенциальный предмет находится где-то		**утверждается**
общеверификативные (ОВ)	1	в пространстве находится известный предмет	это истинно или ложно	не модифицируется
	2	в пространстве находится потенциальный предмет		**подтверждается или отрицается**
частноверификативные (ЧВ)	1	в пространстве находится известный предмет	предмет идентифицирован верно или неверно	не модифицируется
	2	в пространстве находится потенциальный предмет		**подтверждается или отрицается**
	3	в пространстве находится известный предмет	пространство идентифицировано верно или неверно	не модифицируется
	4	в пространстве находится потенциальный предмет		**подтверждается или отрицается**

2) В типологической перспективе последовательное использование термина *существование* для обозначения коммуникативного варианта или серии коммуникативных вариантов бытийной ТСС затруднено тем, что явления, ассоциированные с существованием, занимают разное место в организации коммуникативных систем разных языков. С этой точки зрения можно выделить два типа языков.

В языках первого типа используются конструктивные средства формирования высказываний существования. Хорошо известным примером такого языка является английский, в котором противопоставляются экзистенциальная и локативная конструкции, интерпретируемые нами как конструктивные варианты бытийной ТСС:

Экзистенциальная конструкция

*There is **a book** in the bookcase* ‘В шкафу есть **книга**’.

*There is a book **in the bookcase*** ‘Книга есть **в шкафу**’.

*There **is** a book in the bookcase* ‘В шкафу **есть** книга’.

Локативная конструкция

***My book** is in the bookcase* ‘В шкафу находится **моя книга**’.

*My book is **in the bookcase*** ‘Моя книга находится **в шкафу**’.

*My book **is** in the bookcase* ‘Моя книга **находится** в шкафу’.

Употребление экзистенциальной конструкции, как правило, коррелирует с коммуникативными контекстами, обусловленными введением в дискурс неизвестных предметов, выступающих в роли субъекта бытийной ТСС. При этом экзистенциальная и локативная конструкции не являются коммуникативно ограниченными, так как имеют множество коммуникативных вариантов с разной тема-рематической организацией.

Для языков второго типа не характерно участие в коммуникативном варьировании формальных маркеров экзистенциального статуса субъекта. Для языков такого типа базовыми являются противопоставления коммуникативных вариантов, обусловленных выбором компонентов, входящих в область ремы. К таким

языкам можно отнести обско-угорские и тюркские языки Южной Сибири, а также русский язык. В этом случае базовые оппозиции выражаются путём варьирования линейно-интонационной организации высказывания.

Наличие специализированных средств выражения значения существования позволяет рассматривать экзистенциальный статус субъекта как признак, раздваивающий систему коммуникативных вариантов бытийного предложения в языках первого типа. При описании коммуникативного варьирования бытийных предложений в языках второго типа этот признак не актуален.

Выделение этих двух типов условно, так как, с одной стороны, не все конструкции языков первого типа употребляются исключительно в контексте изменения экзистенциального статуса и, с другой стороны, существование оказывается актуальным при интерпретации периферийных явлений в языках второго типа, как, например, при анализе принципов употребления нулевой связки в русском языке [Мелиг 2004].

Следовательно, использование при анализе коммуникативной парадигматики вариантов терминологии, связанной с идеей существования, ограничивает возможности описания и сопоставления языков с разной организацией дифференциальных признаков. Это обусловливает необходимость применения подхода, в котором коммуникативная система данного языка описывается путем исчисления коммуникативных вариантов и коммуникативных ситуаций, в которых допустимо их употребление, с учетом экзистенциального статуса предметных компонентов как одного из потенциально релевантных признаков ситуации. По этим причинам в данной работе мы предпочли отказаться от этой терминологии в пользу рассмотрения широкого круга конкретных коммуникативных признаков, обусловливающих употребление каждого коммуникативного варианта.

3.2. Порядок составляющих

Под *порядком составляющих* (ПС, англ. *constituent order*) мы подразумеваем взаимное линейное расположение компонентов синтаксической структуры.

Вследствие линейности организации как устной, так и письменной речи расположение компонентов синтаксической структуры в некоторой последовательности является обязательным условием её реализации. При этом функции, выполняемые порядком составляющих в конкретных языках и конкретных типах синтаксических структур, существенно различаются.

3.2.1. Принципы анализа порядка составляющих

Обращение к вопросу порядка составляющих исторически связано с одной из двух перспектив: межсистемной (сопоставление фактов разных языков) и внутрисистемной (сопоставление фактов одного языка). С точки зрения межсистемной перспективы внимание исследователей привлекали различия в закономерностях линейной организации реализаций эквивалентных синтаксических структур разных языков. Так, дискутируя с бытовавшем в XVIII в. представлением о существовании «естественного» расположения слов в предложении, находящегося в соответствии с организацией идей в уме, Э. Кондильяк противопоставляет французский язык как пример языка с неподвижным расположением компонентов и латинский как язык, в котором порядок компонентов свободно варьируется, и показывает, что эти свойства оказывают существенное влияние на процессы порождения и восприятия текстов на этих языках [Кондильяк 1980: 247–253]. А. Вейль рассматривает возможность варьирования порядка слов как основание классификации языков на *les langues à construction libre* ‘языки со свободной конструкцией’ (древнегреческий, латинский) и *à construction fixe* ‘с фиксированной конструкцией’ (французский, немецкий) [Weil 1844: 54]. Классификацию языков на основании линейного порядка подчиняющих и подчинённых элементов предложил Л. Теньер [1988: 33–37, 43–45].

При описании системы конкретного языка, обусловленном внутрисистемной перспективой, наибольшее внимание уделяется порядку составляющих как средству формирования значимых оппозиций. Если в данном языке допустимы высказывания Ex_1 и Ex_2, формально различающиеся только порядком компонен-

тов, то они могут находиться в оппозициях семантического, коммуникативного или стилистического характера. Одним из ранних исследователей, сформулировавших подобную оппозицию в терминах, близких к современным, был А. Вейль, который указал на коммуникативную природу варьирования порядка составляющих в древнегреческом и латинском языках [Weil 1844]. Представление о порядке слов как носителе значения, сформулированное Ф. де Соссюром [Соссюр 1977: 171], определяло перспективу на связанные с ним явления представителей структурализма.

Существенное внимание к порядку составляющих в современной лингвистике обусловлено типологической традицией, заложенной Дж. Гринбергом [Greenberg 1963], который предложил классифицировать языки по доминирующему в них относительному порядку расположения в повествовательных предложениях трёх составляющих: подлежащего (S), сказуемого (V) и прямого дополнения (O). Таким образом, Дж. Гринберг выделил шесть типов языков, только три из которых (SVO, SOV и VSO) широко представлены в рассматриваемой им выборке.

Ключевым понятием для типологии порядка слов в концепции Дж. Гринберга и его последователей является *базовый порядок слов* (англ. *basic word order*), определяемый как порядок в стилистически нейтральных независимых высказываниях с акциональной семантикой, акциональным предикатом и заполнением актантных позиций изосемическими и изоморфными лексемами. В некоторых случаях это понятие сближается с *доминантным порядком слов* (англ. *dominant word order*), т. е. наиболее частотным в данном языке, однако эти порядки могут потенциально не совпадать. Целесообразность использования частотности как критерия при анализе порядка слов подвергается сомнению, так как порядок слов определяется природой текста и потому не может рассматриваться

изолированно от него [Siewierska 1988: 8–12]. Тем не менее доминантный порядок слов используется как классификационный признак в типологических базах данных, в частности, в WALS [24].

Значимость выбора одного из порядков как исходного в системе связана с понятием *маркированности* (англ. *markedness*). Маркированность того или иного порядка слов определяется в его противопоставлении немаркированному порядку, в качестве которого может выступать «исходный». Если учитывать коммуникативную структуру высказывания, то одним из критериев такого порядка слов должна быть его прагматическая немаркированность [Siewierska 1988: 12–14].

В рамках данной работы мы отдаём предпочтение термину *порядок составляющих*, который, в отличие от термина *порядок слов*, более точно отражает специфику используемых нами методов. При анализе порядка составляющих оценивается не расположение всей совокупности реализаций индивидуальных слов, входящих в высказывание, а расположение его фрагментов, соответствующих ключевым компонентам рассматриваемой ТСС.

3.2.2. Порядок составляющих бытийно-пространственных ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка

Хантыйский язык последовательно характеризуется различными исследователями как типичный язык с порядком составляющих SOV: подлежащее располагается в начале высказывания, сказуемое – в конце, а прямое дополнение – между ними [Терешкин 1966: 337; Хонти 1993: 315; Чепреги 2017: 220]. Несмотря на наличие источников, в которых порядок составляющих хантыйского языка представляется как неизменный [Канакин 1996: 41], большинство исследователей от-

[24] Matthew S. Dryer. Determining Dominant Word Order. URL: http://wals.info/chapter/s6 (дата обращения: 08.09.2025)

мечает подвижность порядка составляющих и его значимость для коммуникативного устройства высказываний. Общие принципы вариативности порядка составляющих определяются типичной для языков SOV стратегией помещения рематического компонента высказывания в предглагольную позицию [Nikolaeva 1999б: 57–61; Кошкарева 2007а: 34–35; Sosa 2017: 177].

Набор возможных противопоставлений коммуникативных вариантов синтаксической структуры, определяемых её линейной организацией, зависит от количества компонентов, представленных в ней эксплицитно. Для рассматриваемых ТСС прототипическими являются реализации с тремя (бытийная ТСС и ТСС движения) и четырьмя (ТСС перемещения) эксплицитно выраженными компонентами.

3.2.2.1. Распределение порядка составляющих в трёхкомпонентных ТСС

Прототипические реализации ТСС бытия и движения содержат три эксплицитных компонента. Линейное расположение этих компонентов может образовывать шесть вариантов, четыре из которых встречаются в рассматриваемой выборке (Таблица 34).

Таблица 34

Порядок составляющих в реализациях ТСС бытия и движения с тремя эксплицитно выраженными компонентами

Позиции в реализации			**Количество реализаций**	
Инициальная	**Медиальная**	**Финальная**	**бытийной ТСС**	**ТСС движения**
S	LOC	**PR**	115	264
LOC	S	**PR**	101	37
S	**PR**	LOC	4	3
LOC	**PR**	S	4	4
PR	S	LOC	–	–
PR	LOC	S	–	–

В рассматриваемом корпусе частотно реализуются исключительно PR-финальные варианты (S LOC PR и LOC S PR), что согласуется с традицией описания хантыйского языка как языка с финальным положением глагола в высказывании. Тем не менее встречаются единичные случаи помещения одного из компонентов в постпредикатную позицию (S PR LOC и LOC PR S). Другие потенциальные варианты размещения компонентов (PR S LOC и PR LOC S) в корпусе не зафиксированы.

Эти результаты сопоставимы с аналогичными данными по вариативности акциональной ТСС (Таблица 35).

Таблица 35

Порядок составляющих в реализациях акциональной ТСС с тремя эксплицитно выраженными компонентами

Позиции в реализации			**Количество реализаций**
Инициальная	**Медиальная**	**Финальная**	
S	OB	**PR**	89
OB	S	**PR**	12
S	**PR**	OB	1
OB	**PR**	S	–
PR	S	OB	–
PR	OB	S	–

Количество эксплицитных компонентов варьируется по двум направлениям: в результате эллипсиса одного из компонентов структуры (субъекта, локализатора или предиката) и расщепления локализатора.

Примеры с эллипсисом достаточно частотны и отражают широкий круг возможностей линейной организации (Таблица 36). Их распределение в общих чертах согласуется с распределением порядка составляющих в аналогичных трёхкомпонентных реализациях: порядок расположения S и LOC относительно друг

друга вариативен, но реализации с помещением субъекта или локализатора в постпредикатную позицию единичны.

Таблица 36

Порядок составляющих в реализациях с двумя эксплицитно выраженными компонентами

Имплицитный компонент	Позиции в реализации		Количество реализаций	
	Инициальная	Финальная	бытийной ТСС	ТСС движения
[S]	LOC	PR	24	210
	PR	LOC	1	12
[LOC]	S	PR	48	66
	PR	S	–	–
[PR]	LOC	S	49	1
	S	LOC	33	3

При расщеплении локализатора допустимо разделение локализатора между несколькими позициями в линейной структуре высказывания, однако такие примеры в рассматриваемой выборке встречаются редко (Таблица 37). Вхождения локализатора могут разделяться как субъектом, так и предикатом. Кроме того, выявлено несколько реализаций, в которых одновременно с расщеплением локализатора наблюдается эллипсис субъекта.

Таблица 37

Порядок составляющих в реализациях с расщеплением позиции локализатора

Линейная структура	Количество реализаций	
	бытийной ТСС	ТСС движения
LOC_1 S LOC_2 PR	4	5
S LOC_1 PR LOC_2	3	4
LOC_1 S LOC_2 PR LOC_3	1	–
LOC_1 PR LOC_2	–	4

Сопоставление бытийной ТСС и ТСС движения по параметру вариативности порядка составляющих показывает одно существенное различие в функционировании этих конструкций: в бытийной ТСС варианты S LOC PR и LOC S PR одинаково частотны, в то время как в ТСС движения с существенным перевесом превалирует первый вариант.

3.2.2.2. Распределение порядка составляющих в четырёхкомпонентных ТСС

Реализации ТСС перемещения с эксплицитным выражением всех четырех компонентов встречаются редко. Из 24 потенциальных вариантов расстановки четырёх компонентов выявлены только шесть (Таблица 38).

Таблица 38

Порядок составляющих в реализациях с четырьмя эксплицитно выраженными компонентами

Позиции в реализации				**Количество реализаций**
Инициальная	**Медиальная**		**Финальная**	
S	OB	LOC	**PR**	29
S	LOC	OB	**PR**	28
OB	S	LOC	**PR**	11
LOC	S	OB	**PR**	3
S	OB	**PR**	LOC	1
OB	S	**PR**	LOC	1
S	LOC	**PR**	OB	3

Частотны примеры с эллипсисом как одного, так и двух компонентов (Таблицы 39–40), примеры эллипсиса предиката единичны.

Таблица 39

Порядок составляющих в реализациях с тремя эксплицитно выраженными компонентами

Имплицитный компонент	Позиции в реализации			Количество реализаций
	Инициальная	Медиальная	Финальная	
[S]	OB	LOC	**PR**	71
	LOC	OB	**PR**	29
	OB	**PR**	LOC	3
	LOC	**PR**	OB	2
	PR	OB	LOC	–
	PR	LOC	OB	–
[OB]	S	LOC	**PR**	20
	LOC	S	**PR**	3
	S	**PR**	LOC	2
	LOC	**PR**	S	3
	PR	S	LOC	1
	PR	LOC	S	–
[LOC]	S	OB	**PR**	27
	OB	S	**PR**	5
	S	**PR**	OB	–
	OB	**PR**	S	–
	PR	S	OB	–
	PR	OB	S	–

Таблица 40

Порядок составляющих в реализациях с двумя эксплицитно выраженными компонентами

Имплицитные компоненты	Позиции в реализации		Количество реализаций
	Инициальная	Финальная	
[S и OB]	LOC	**PR**	40
	PR	LOC	–
[S и LOC]	OB	**PR**	48
	PR	OB	1
[OB и LOC]	S	**PR**	14
	PR	S	1
[S и PR]	OB	LOC	2
[S и PR]	LOC	OB	1

В двухкомпонентных реализациях ожидаемо не зафиксированы или единичны примеры с нефинальной позицией предиката, что существенно ограничивает вариативность порядка компонентов.

3.2.2.3. Порядок составляющих с точки зрения коммуникативной парадигматики

Проведённый анализ порядка составляющих показывает широкое разнообразие реализуемых потенциалов порядка составляющих в ТСС бытийно-пространственного блока. Соответствие между порядком составляющих и коммуникативной организацией высказывания не однозначное, так как высказывания со сходным порядком составляющих могут в некоторых случаях быть противопоставлены друг другу на основании других средств, задействованных в коммуникативном варьировании. Наиболее распространённые варианты линейной организации высказывания встречаются в нескольких коммуникативных вариантах рассматриваемых ТСС, в то время как более редкие (с помещением компонентов в постпредикатную позицию и расщеплением локализатора) могут рассматриваться как составляющие малопродуктивные коммуникативные варианты. Единичность примеров таких вариантов не позволяет рассматривать их как элементы системной парадигматики бытийно-пространственных ТСС.

В Таблицах 41–42 приведены порядки составляющих, которые мы оцениваем как статистически значимые.

Таблица 41

Основные оппозиции порядков составляющих в трёхкомпонентных ТСС

Имплицитные компоненты	**Порядок составляющих**
–	S LOC PR
	LOC S PR
[S]	LOC PR
[LOC]	S PR
[PR]	S LOC
	LOC S

Таблица 42

Основные оппозиции порядков составляющих в четырёхкомпонентных ТСС

Имплицитные компоненты	**Порядок составляющих**
–	S OB LOC PR
	S LOC OB PR
	OB S LOC PR
[S]	OB LOC PR
	LOC OB PR
[OB]	S LOC PR
[LOC]	S OB PR
[S и OB]	LOC PR
[S и LOC]	OB PR
[OB и LOC]	S PR

Наибольшее значение при построении коммуникативной парадигмы имеют случаи противопоставления нескольких вариантов порядка составляющих при одинаковом наборе эксплицитных компонентов. Среди частотных порядков составляющих в бытийно-пространственных ТСС СДХЯ наблюдается три оппозиции такого типа.

1) Оппозиция S LOC PR – LOC S PR. Эта оппозиция встречается преимущественно в общеинформативных высказываниях, где формирует противопоставле-

ние между вариантами с включением в состав ремы локализатора (вариант 1.1) или субъекта (вариант 1.2):

Вариант 1.1

S	**Loc**	Pr
T	R	

Вариант 1.2

Loc	**S**	Pr
T	R	

Аналогичная оппозиция характерна для частных (информативных и верификативных) высказываний в зависимости от идентифицируемого или верифицируемого компонента:

Вариант 2.1

S	**Loc**	Pr
T	R	T

Вариант 2.2

Loc	**S**	Pr
T	R	T

Тем не менее наблюдается серия альтернативных реализаций, в которых рематический субъект вынесен в позицию перед локализатором:

Вариант 1.2′

S	**Loc**	Pr
R	T	R

Вариант 2.2′

S	**Loc**	Pr
R	T	

Н. Б. Кошкарева отмечает аналогичные примеры реализации акциональной ТСС, характеризуя их как экспрессивные [Кошкарева 2007: 35].

В нашей выборке такие реализации носят ограниченный характер, так как встречаются только в высказываниях с определёнными способами выражения локализатора (местоименные именные группы и наречные группы разных типов). Такие способы выражения локализатора мы вследствие их коммуникативной замкнутости по сравнению с типичными именными группами будем называть *непрототипическими*.

Аналогичные варианты перестановки компонентов, входящих в состав одного коммуникативного компонента (варианты 3.1 и 3.2), не имеют явно выраженной коммуникативной функции, поэтому выбор между ними может быть охарактеризован как относительно свободный. Выбор порядка составляющих в таком случае отражает разнообразные факторы, имеющие субъективный и вероятностный характер.

Вариант 3.1	S / Loc	Loc / S	**Pr**
	T		R

Вариант 3.2	S / Loc	Loc / S	**Pr**
	R		

2) Оппозиция S LOC – LOC S. Наличие частотных вариантов с имплицитным предикатом составляет специфику парадигмы реализаций бытийных ТСС с предикатом, выраженным глаголом-связкой *вăӆта* // *вӗӆта* ‘быть’. Так как эксплицитная позиция предиката отсутствует, то рассматриваемая гипотеза нуждается в уточнении. В большинстве высказываний такого типа ремой является последний компонент: при LOC S – S (220)–(221), при S LOC – LOC (222)–(224).

(220) *Ыӆ пӑлкәӆнә ăвӆәт* [Айпин 2003б: 62].
ыӆ пӑлк=әӆ=нә ăвӆ=әт=∅
низ сторона=3SG=LOC нарты=PL=NOM

‘Под ним стоят нарты’ [Айпин 1986: 224].

(221) [Контекст: муж объясняет жене, почему вернулся с охоты с изорванной одеждой.]
[*Ма вӧнт войӯэт кэнӌэм,*] *тӧт нӧвэт-мэтӆит* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 174].
тӧт нӧв=эт=∅-мэтӆи=т
там ветка=PL=NOM-что-то=PL
‘[Я на зверей охотился,] там (в лесу) сучки и всё такое.’

(222) *Пупи тэт ӷӧтта ваннэ* [Айпин 2003: 57].
пупи=∅ тэт ӷӧтта ван=нэ
медведь=NOM здесь где-то близко=LOC
‘Медведь где-то тут’ [Айпин 1986: 174].

(223) *Тэми ӷӑтӆэли нөмэн* [Три мудрых совета 2020: 11].
тэми ӷӑтӆ=эли=∅ нөмэн
EVID солнце=DIM=NOM высоко
‘Вот солнышко высоко’ [Там же: 13].

(224) *Тэм таӽинэ ӷот мэӽ* [Айпин 2003а: 66].
тэм таӽи=нэ ӷот мэӽ=∅
этот место=LOC дом земля=NOM
‘Вот тут, по преданию, святое место раньше было’ [Айпин 1986: 183].
‘В этом месте священная земля’ (перевод ИМП).

Это позволяет рассматривать эту оппозицию как производную от предыдущей: при эллипсисе предиката рематический предпредикатный компонент оказывается финальным.

Спецификой функционирования вариантов с эллипсисом предиката является то, что они употребляются в ситуациях общей верификации, в которых ремой обычно является предикат. В рассматриваемом коммуникативном варианте функция показателя верификации переходит от предиката к локализатору (225), что можно рассматривать как закономерное следствие отмеченного нами ранее приобретения локализатором формальных признаков сказуемого. Аналогичная ситуация наблюдается в ситуациях, в которых совмещаются признаки общего информирования и общей верификации (226):

(225) [Контекст: внук боялся, что кто-то мог его съесть во время ночёвки в лесу, поэтому проверяет целостность частей тела.]
[*Панэ ӆӱват кэлхэӆтэӆ: кӓтам – та-а,*] *кӓтам тэтты* [Три мудрых совета

2020: 11].
кät=ам=∅ тэтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
‘[Ощупывает себя: рука – вот,] рука на месте’ [Три мудрых совета 2020: 13].

(226) [Контекст: персонаж обходит несколько домов, в которых никого нет]
jɐːɣ əjnɐm tottit [OUDB].
йаӽ=∅ əйнам тӧтты=т
люди=NOM все там=PL
‘к шестому дому пришёл – дом полон, люди все там.’

Встречаются единичные примеры, нарушающие описанные закономерности, в которых рематический субъект (227) и рематический верификативный локализатор (228)–(229) помещены в начало высказывания:

(227) [Контекст: мужчина заходит в новый дом, обнаруженный им на месте старого.]
[*Йӑӽə ɲӑɲ,*] *ӽөɲəм ләӈи тӧт* [Три мудрых совета 2020: 6].
ӽөɲəм ләӈи=∅ тӧт
три комната=NOM там
‘[В дом зашел,] там три комнаты’ [Там же: 9].

(228) *Вот ӌетты Тыɲəс ики амп* – [*ӽычəмпыр ванна ӽөс*] [Айпин 2003б: 100].
вот тэтты тыɲəс ики амп=∅
вот здесь месяц старик собака=NOM
‘Вот это и есть Собака Месяца – самая ближайшая к Старику звезда’ [Айпин 1986: 246].
‘Вот здесь собака месяца-старика [– ближайшая к нему звезда]’ (перевод ИМП).

(229) *tətti nөŋɐti tuːβət βoqш* [OUDB].
тэтты нӱӈ=ат=ы туӽ=əм вӧӈи=∅
здесь ты=OBL=DAT нести=PP лиса=NOM
‘Это – тебе принесённая лиса!’
‘Здесь принесённая тебе лиса’ (перевод ИМП).

Так как во всех таких случаях локализатор выражен местоимением–наречием *тəт* // *тəтты*, то эти отклонения могут рассматриваться в контексте специфики употребления в местоимений роли локализатора в предыдущей оппозиции. Существенное значение для анализа таких примеров имеет, по всей видимости, и выбор в них варианта этого местоимения-наречия (см. пункт «Употребление вариантов статических местоимений-наречий» в разделе 3.5.2).

3) Оппозиция S OB LOC PR – S LOC OB PR – OB S LOC PR. Первые два варианта (S OB LOC PR и S LOC OB PR) встречаются в разнообразном наборе контекстов, единственной общей чертой которых является тематичность субъекта.

Выбор одного из этих вариантов может быть обусловлен отнесением локализатора или объекта к составу ремы (вариант 1.1 и 1.2):

Вариант 1.1

S Ob	**Loc** Pr
T	R

Вариант 1.2

S Loc	**Ob** Pr
T	R

Если и объект, и локализатор относятся к теме, то выбор порядка относительно свободен, но может быть обусловлен их семантическими и морфологическими свойствами:

Вариант 2

S Ob / Loc Loc / Ob	**Pr**
T	R

Вариант с выдвижением объекта на первое место (OB S LOC PR) реализуется в высказываниях, в которых объект является первичной темой (*Что происходит с ОВ?*). Статус субъекта при этом вариативен: он либо также относится к теме, в результате чего объект и субъект соотносятся как первичная и вторичная тема (вариант 1), либо входит в состав ремы общеинформативного или частноинформативного высказывания (вариант 2). Соответственно, и границы между темой и ремой проходят по-разному:

Вариант 1	Ob	S	**Loc**	Pr
	T		R	

Вариант 2	Ob	**S**	Loc	Pr
	T		R	

4) Оппозиция OB LOC PR – LOC OB PR. Так как эллипсис S обусловлен его тематическим статусом, то эта оппозиция может рассматриваться как производная от оппозиции с эксплицитным субъектом (S OB LOC PR – S LOC OB PR). В частности, при реализации таких высказываний широко наблюдаются оппозиции типа:

Вариант 1.1	[S]	Ob	**Loc**	Pr
	T		R	

Вариант 1.2	[S]	Loc	**Ob**	Pr
	T		R	

Тем не менее, отмечен ряд примеров, в которых вариант OB LOC PR употребляется в ситуациях с рематическим объектом при выражении LOC местоимениями-наречиями:

(230) [Контекст: звери обсуждают, как можно победить *Карәс-ики*.]
Панә мыш тӧвәнам киты. [Чепреги 2015: 50].
панә мыш=∅ тӧвә=нам кит=ы=∅
CONJ мышь=NOM туда=APPRX послать=PASS=3SG
‘И послали туда мышь’ [Там же: 105].

(231) [Контекст: птичка с сестрой ожидают прибытия Менк-ики, который хочет забрать сестру.]
…панә кэврәм вăӈ тӧӈә пăнӆәмән [Чепреги 2015: 6].
панә кэврәм вăӈ=∅ тӧӈә пăн=ӆ=әмән
CONJ горячий зо=NOM желе туда класть=SUBJ.1DU

‘[Выкопаем быстро рядом с дверью яму] и положим туда раскаленное железо’ [Там же: 60].

Такие отклонения вписываются в ряд аналогичных отклонений, отмеченных нами в оппозиции S LOC PR – LOC S PR.

Таким образом, распределение порядка составляющих соответствует общему принципу, сформулированному предшествующими исследователями: в большинстве случаев предметные компоненты, входящие в состав ремы, занимают предпредикатную позицию. Интерес составляют два фактора, не учитываемых этим принципом:

– тенденция к начальному расположению рематического субъекта в трёхкомпонентных ТСС при выражении локализатора непрототипическими средствами;

– вариативность порядка составляющих при включении нескольких предметных компонентов в состав темы или ремы.

Рассмотренные оппозиции также показывают, что коммуникативная организация высказываний не определяется однозначно порядком его слов, что обусловливает необходимость обращения к другим способам формирования коммуникативной структуры, в первую очередь интонации.

3.2.3. Порядок составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка в генетической, ареальной и типологической перспективе

Проведенный анализ выборки позволяет рассматривать как базовые признаки системы порядка составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка, представленные в Таблице 43.

Таблица 43

Базовые признаки системы порядка составляющих СДХЯ

Признак	Формулировка
вариативность ПС	статистически частотными являются варианты реализации одной и той же ТСС с разным порядком составляющих
PR-финальность	финальное расположение предиката является предпочтительным независимо от коммуникативного устройства высказывания, контрпримеры единичны
рематичность_PR	именные компоненты, входящие в состав ремы, преимущественно занимают предпредикатную позицию

В типологическом контексте эти признаки рассматриваются как характерный набор признаков языков с порядком составляющих SOV [Kim 1988; Herring, Paolillo 1995].

Эта совокупность признаков может рассматриваться как характеризующая не только сургутский, но и другие хантыйские диалекты, так как сходные явления отмечаются в казымском [Кошкарева 2007а; Каксин 2010: 149], обдорском [Nikolaeva 1999a, 1999б] и ваховско-васюганском [Filchenko 2007] диалектах. По этим параметрам хантыйский язык типологически близок к другим языкам уральской языковой семьи, для которых характерен вариативный порядок слов с базовым порядком SOV или SVO [Vilkuna 1998: 175]. Сходные закономерности наблюдаются и в мансийском языке [Virtanen 2024].

И. А. Николаева отмечает широкую вариативность порядка составляющих в ненецком языке, хотя отмечает, что этот порядок может быть в определённой степени обусловлен контактами с русским языком [Nikolaeva 2014: 213]. Основные принципы расположения компонентов в высказывании сходны с хантыйскими, так как для ненецкого характерна глагольная финальность и помещение рематических компонентов в пред предикатную позицию.

Для селькупского языка характерна подвижность порядка составляющих, обусловленная коммуникативными факторами, отмеченная в северном [Кузнецова 1999] и центральном [Ким-Малони, Ковылин 2018] диалектах. В отличие от

хантыйского языка, в селькупском наблюдается активное смещение базового порядка составляющих от исторического SOV к SVO под влиянием русского языка.

Вариативность порядка компонентов предложения в тюркских языках рассмотрена Н. А. Баскаковым, который отмечает широкий круг речевых вариантов предложений со всеми типами взаимного расположения основных компонентов [Баскаков 1975: 209]. Относительная вариативность порядка составляющих описывается им как общая черта тюркских языков, которая проявляется в разговорной речи и в меньшей степени в письменной. Исключением являются караимский и гагаузский, в которых большая вариативность порядка составляющих наблюдается во всех формах существования языка, что может быть обусловлено их языковыми контактами [Там же: 215]. Эти закономерности прослеживаются и на материале современных тюркских языков южной Сибири. В частности, общий порядок SOV со свободным позиционированием обстоятельственных компонентов отмечается в в телеутском [Токмашев 2020] и чулымском [Лемская 2020; Lemskaya 2022].

Анализ расположения лексем с пространственным значением, называемых локативов, в енисейских языках, проведенный Е. А. Крюковой, показывает, что их позиция также зависит от его коммуникативных функций [Крюкова 2012: 41].

Таким образом, характер варьирования порядка составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка представляется типичным для рассматриваемого ареала.

3.3. Фразовая интонация

Значимость фразовой интонации как компонента синтаксиса звучащей речи была обоснована в работах Ш. Балли [1980, 2001], С. И. Карцевского [2004] и А. М. Пешковского [1959]. Изучение её места в коммуникативной организации высказывания требует, вследствие её отнесенности к специальному суперсегментному уровню языка, комплексного рассмотрения фразовой интонации как системы.

3.3.1. Принципы анализа фразовой интонации

В основе нашего подхода к интонации лежит представление о фразовой интонации как суперсегментном средстве организации речи, заложенное в работах Ф. Данеша [Daneš 1960], Е. А. Брызгуновой [1971; 1973], Т. М. Николаевой [1977], Н. Д. Светозаровой [1982] и Т. Е. Янко [2001; 2008]. Под *фразовой интонацией* мы понимаем совокупность просодических средств, задействованных при формировании коммуникативных вариантов ТСС.

3.3.1.1. Устройство суперсегментного уровня языка

В суперсегментной фонетике рассматриваются два вида понятий – *суперсегментные единицы* и их *признаки* (свойства).

Суперсегментные единицы строятся из сегментных единиц и характеризуются иерархической структурой, т. е. единицы верхнего уровня состоят из единиц низших уровней. Определяющим свойством суперсегментной единицы является её организация: наличие центра, или ядра, факультативных (периферийных) элементов и границ [Князев 2011: 129–131]. Другая точка зрения состоит в том, что такие единицы являются *сегментными*, а суперсегментными являются исключительно их признаки. Называя их суперсегментными единицами, мы указываем на то, что они являются единицами суперсегментного анализа и рассматриваются как носители суперсегментных свойств в отвлечении от их сегментного устройства.

Минимальной единицей суперсегментного уровня языка является *слог*, который состоит из слогообразующего элемента и факультативных неслоговых элементов. Для настоящего исследования слог представляет интерес прежде всего как носитель ударения и фразового акцента.

Из слогов состоят *фонетические слова* (*такты*), отрезки речевой цепи, объединяемые одним словесным ударением. Границы фонетических слов могут не совпадать с границами словоформ и лексем [Князев 2011: 156].

Следующей единицей суперсегментного уровня является *синтагма*. Понятие синтагмы имеет межуровневый характер, обусловленный разнородностью свойств, рассматриваемых как критерии выделения синтагм [Черемисина 1989: 85]:

– интонационные – общая акцентная структура, синтагматическое ударение; факультативные – выделение паузой, резким изменением интонационных характеристик (мелодики, интенсивности или темпа речи);

– артикуляционные – возникновение позиционных изменений звуков на границах слов;

– синтаксические – наличие сильных синтаксических связей между словами, структура предложения, степень распространённости члена предложения, функциональные особенности (например, обособленные конструкции);

– смысловые – выражение единого смыслового целого; тесная смысловая связь между словами [ЛЭС 1990: 447; Русская грамматика 1980: 98; Черемисина 1989: 86–91].

Наконец, синтагмы объединяются во фразу. *Фраза* – это «основная единица речи, выражающая законченную мысль». Самостоятельность фразы определяется её интонационной завершённостью, наличием фразового ударения и отделением паузой [ЛЭС 1990: 558].

Признаки, которыми характеризуются суперсегментные единицы, – это ударение и интонация. Эти признаки являются комплексными явлениями, которые могут выражаться совокупностью разных интонационных средств, таких как частота основного тона, интенсивность, длительность и паузы [Князев 2011: 130].

Ударение понимается как выделение единиц речи в последовательности однородных единиц при помощи просодических средств и играет значимую роль в формировании всех единиц суперсегментного уровня, кроме слога, как средство выделения их центра [Князев 2011: 157]. В рамках настоящего исследования нас интересует *синтагматическое* (тактовое) и *фразовое* ударение. Существует также понятие *логического* ударения, которое употребляется в отношении как фразово-

го, так и синтагматического ударения в случае, когда ими выделяется наиболее значимое в данной речевой ситуации слово [ЛЭС 1990: 530].

Интонация в наиболее общем виде определяется как комплекс просодических средств, осуществляющих определённые функции [Князев 2011: 166]. В отличие от ударения, интонация в первую очередь связана с общим характером изменения просодических характеристик в суперсегментной единице.

Т. М. Николаева делит просодические средства на *мелодические*, *акцентные* и *временные* [Николаева 1977: 9–10]. Мелодические, или тональные, средства связаны с движением *частоты основного тона* (ЧОТ). Её репрезентацией на уровне фразовой интонации является *мелодический контур* – кривая ЧОТ, освобождённая от сегментных и позиционных влияний, параметры которой включают направление движения тона, его диапазон и уровень [Князев 2011: 167]. Акцентные, или динамические, средства – это движение *интенсивности*, которое рассматривается так же, как ЧОТ. Временные средства связаны с характером расположения суперсегментных единиц во времени. В них включаются *темп* речи, а также паузация и продление [Николаева 1977: 9–10]. *Пауза* отличается от всех остальных суперсегментных явлений, так как не накладывается на сегментные единицы и выполняет в первую очередь делимитативную функцию [Трубецкой 1960: 254].

3.3.1.2. Понятие фразовой интонации

Фразовая интонация понимается как совокупность взаимосвязанных интонационных средств, характеризующих фразу, в рамках которой объединяются интонация и ударение, реализующиеся на уровне всех значимых суперсегментных единиц – фонетического слова, синтагмы и фразы.

Ключевым для описания фразовой интонации является понятие *интонационного контура*, который понимается как схема изменения тона и интенсивности во фразе или её фрагменте. В их движении выделяется ряд точек, фиксированных на определённой высоте, одна из которых является центром контура. Набор таких

интонационных контуров в конкретном языке функционирует как система, а их структура определяется только в их взаимодействии [Daneš 1960: 39].

Близким к интонационному контуру является понятие *акцента*. Акцент представляет собой двустороннюю единицу, которая характеризуется, с одной стороны, определённым значением, а с другой стороны – изменением какого-то просодического параметра. Интонационный контур может складываться из нескольких акцентов [Янко 2008: 29; Князев 2011: 169].

На примере русского языка Е. А. Брызгуновой разработана концепция описания интонации в системном аспекте. Её ключевым понятием является *интонационная конструкция* (далее – ИК), выделение которой основывается на принципе оппозиций: наложение разных интонационных конструкций на один и тот же лексико-грамматический состав приводит к различию в коммуникативных значениях высказываний [Брызгунова 1971: 42]. Интонационная конструкция реализуется в синтагме и характеризуется движением тона на гласном центра – слога, в котором начинаются значимые для интонационной конструкции изменения тона, и соотношением уровней тона центра, пред- и постцентровых частей [Русская грамматика 1980: 97–103]. Возможность передвижения интонационного центра для выделения слова в составе синтагмы является одним из наиболее важных свойств ИК [Брызгунова 1973: 47].

Другая широко известная концепция – ToBI (*Tones and Break Indices*) – была разработана для описания интонации американского английского в работах Дж. Пьерхумберт [Pierrehumbert 1980; Pierrehumbert, Hirschberg 1990]. В ней тон фразы описывается как последовательность низких (low – L) и высоких (high – H) тонов. Особую роль играют *тональные акценты* (англ. *pitch accents*), которые связаны со словесным ударением и могут иметь комплексную структуру. Наравне с целыми фразами анализируются и входящие в них промежуточные (англ. *intermediate*) фразы, которые включают один или несколько тональных акцентов и тон, маркирующий её конец (англ. *phrase accent*). Сама фраза также заканчивается специальным пограничным тоном (англ. *boundary tone*).

Рассмотренные подходы похожи тем, что при анализе интонации исходят не из общего интонационного контура фразы, а из контура её интонационно обособленных частей (синтагм). Интонационные контуры синтагм указывают на роль синтагмы в общей структуре высказывания. Ключевым элементом структуры синтагмы при этом является позиция и характер её центральной части.

В основе анализа интонации, таким образом, лежит противопоставление интонационных контуров, которое оказывается релевантным для выражения определённых значений (коммуникативной роли синтагмы, законченности фразы и т. п.). Характер этих противопоставлений определяется конкретными функциями, которые выполняет интонация в данном языке.

3.3.2. Фразовая интонация сургутского диалекта хантыйского языка

На настоящий момент не существует системного описания интонации хантыйского языка или его отдельных диалектов. Некоторые вопросы, связанные с интонацией восточных хантыйских диалектов, затрагиваются в работах А. Ю. Фильченко [2011], С. Coca [Sosa 2011a, 2020], Т. Р. Рыжиковой [2022] и С. В. Ониной [2022]. В рамках настоящей работы мы опираемся на собственный анализ интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка, проведённый на материале выборки из рассматриваемых текстов и полевых материалов. Так как количество реализаций бытийно-пространственных структур в источниках с доступными аудиоматериалами ограничено, то при анализе привлекаются примеры высказываний, реализующих разные синтаксические структуры.

По нашим наблюдениям, в сургутском диалекте хантыйского языка определяющей просодической характеристикой в интонационном оформлении высказывания является тон, поэтому выделение описываемых здесь ИК производится на основании движения тона (т. е. изменений частоты основного тона), для анализа которого используется график частоты основного тона, генерируемый программой Praat, с частотой, измеряемой в полутонах на 100 Гц. Наименьшей единицей анализа являются слоги, так как минимальное значимое движение тона выявляет-

ся при сопоставлении частот основного тона в последовательности из двух слогов. Благодаря этому из рассмотрения исключаются внутрислоговые явления, которые связаны со структурой слога, и учитывается относительность движения тона.

Для анализа интонации всего высказывания основное значение имеет не изменение тона между соседними слогами, а последовательное движение тона на его частях, обычно совпадающих с одним или несколькими фонетическими словами. Такое движение может быть восходящим, ровным или нисходящим. Для того чтобы признать движение тона на участке высказывания восходящим или нисходящим, необходимо, чтобы изменение величины тона на нем могло считаться значимым. В общем случае мы считаем значимым движение тона, превышающее ½ полутона. Этот порог может увеличиваться в случае более длинных сегментов, для которых характерно постепенное падение тона, не являющееся интонационно значимым.

При выделении ИК мы руководствуемся следующим принципом: ИК характеризуется определенным движением тона, которое может модифицироваться в ее вариантах, но сохраняет общее направление. Это основное конституирующее движение тона может окружаться вторичными движениями, обеспечивающими приспособленность ИК к употреблению в определенных позициях (например, начало высказывания) и связь между сегментами. Комбинации заданных таким образом вариантов ИК позволяют выразить все многообразие возможных отношений между сегментами текста, используя относительно ограниченный их набор.

3.3.2.1. Основные интонационные конструкции сургутского диалекта хантыйского языка

В Таблице 44 представлены основные интонационные конструкции сургутского диалекта хантыйского языка, выделенные при анализе рассматриваемых текстов. Эти интонационные конструкции отражают признаки, значимые для формирования интонационных оппозиций в системе сургутского диалекта хан-

тыйского языка, и потому отличаются от конструкций, выделяемых Е. А. Брызгуновой на материале русского языка.

Таблица 44

Основные интонационные конструкции сургутского диалекта хантыйского языка

ИК	Движение тона	Схема	Основная функция
ИК-1	восходяще-нисходящий	[→↗] ↱↘	рема
ИК-2	ровный	[↗] → [↓]	тема
ИК-3	восходящий	↗ [→]	контрастная тема

Значения символов, использованных в схеме ИК, приведены в списке сокращений и условных обозначений. В квадратные скобки помещены факультативные элементы, а остальные элементы описывают движение тона, являющееся для данной ИК конститутивным.

ИК-1 – самая частотная и многофункциональная из выделенных конструкций. Она состоит из следующих компонентов:

– *центр* – слог, который характеризуется максимальной высотой тона в контуре и часто сопровождается заметным подъемом тона по отношению к предшествующей части высказывания (↱);

– *постцентровая часть* – характеризуется равномерно нисходящим движением тона (↘);

– факультативная *предцентровая часть*, движение тона на котором может быть восходящим или ровным, переходящим в восходящий при приближении к центру (→↗).

Вариативность реализаций ИК-1 может затрагивать следующие параметры:

– наличие / отсутствие предцентровой части;

– высота тона центра и степень выраженности его подъёма;

– уровень падения тона постцентровой части.

Первичное употребление ИК-1 связано с выделением ремы как конституирующего элемента всех основных видов высказываний: повествовательных, повелительных и вопросительных.

ИК-2 может быть охарактеризована как нейтральная, так как движение тона на ней наименее маркировано. Она состоит из следующих элементов:

– *основная часть*, которая оформляется относительно высоким ровным тоном (→);

– факультативная *финальная часть*, на которой происходит резкое падение тона (↓);

– факультативная *инициальная часть*, на которой происходит подъем тона (↗).

Вариативность реализаций ИК-2 может затрагивать следующие параметры интонационного контура:

– высота тона основной части;

– наличие инициальной и финальной частей.

ИК-2 является основным способом маркирования темы высказывания, в первую очередь неконтрастной.

ИК-3 употребляется имеет периферийный характер. Она состоит из:

– основной части, которая характеризуется восходящим тоном (↗);

– факультативной финальной части с ровным движением тона (→).

Реализации ИК-3 могут варьировать по следующим параметрам:

– степень подъема тона в основной части;

– наличие финальной части.

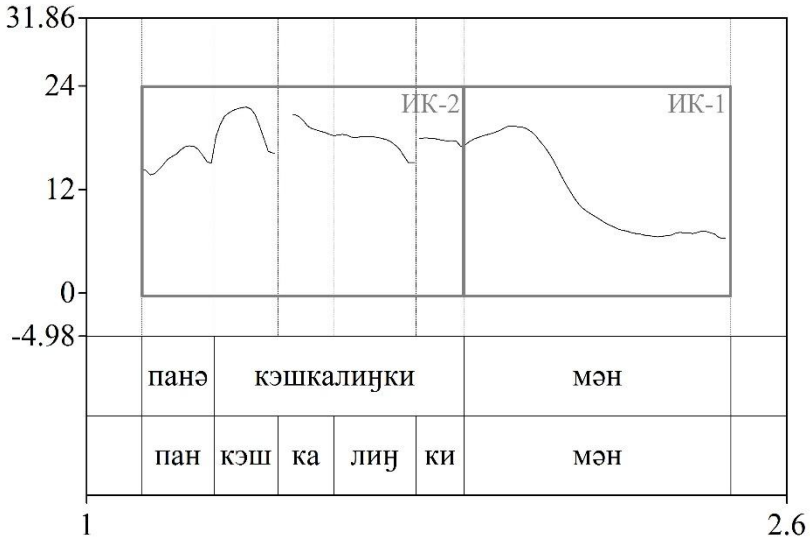
ИК-3 употребляется в случаях, когда контрастная тема примыкает к реме и поэтому может рассматриваться как ситуативный вариант ИК-2. По характеру движения тона и положению в высказывании ИК-3 сближается с предцентровой частью ИК-1, но отличается тем, что ее компоненты образуют изолированную коммуникативную составляющую.

Типичным примером реализации ИК-1 и ИК-2 является (232), где ИК-2 реализуется на тематическом сегменте высказывания (S: *кэшкалиӈки*), а ИК-1 – на рематическом (PR: *мән*).

(232) *Панә кэшкалиӈки мән* [Три мудрых совета 2020: 25].
панә кэшка=лиӈки=∅ мән=∅
и кошка=DIM=NOM идти=SUBJ.3SG
‘И кошка пошла’ [Там же: 17].

Рисунок 1

Интонограмма к примеру (232)



3.3.2.2. Отношение между интонационной и коммуникативной структурами высказывания

Однозначного соответствия между ИК и компонентами коммуникативной структуры нет. Рема высказывания всегда выражается ИК-1, но это отношение не однозначно, так как ИК-1 может соответствовать и тема. В зависимости от условий употребления тема может быть оформлена ИК-1, ИК-2.

Так как ИК-1 маркирует завершённость высказывания, то любое высказывание разбивается на две зоны: (I) до пика последней ИК-1; (II) на протяжении последней ИК-1. С учётом относительно устойчивого порядка составляющих, ха-

рактеризующегося конечной позицией предиката и предпредикатной позицией рематизированного компонента, наиболее типичной для высказываний является схема, в которой ИК-1 оформляется сегмент, начинающийся с рематического компонента и продолжающийся до конца высказывания, например:

	ИК-1	
S Ob	**Loc**	Pr
T	R	

В этом плане основной функцией интонации является не выделение рематического компонента, а маркирование границы между коммуникативными составляющими высказывания в ситуациях, когда рематическая составляющая оказывается шире ожидаемого, т. е. охватывает несколько предглагольных компонентов:

	ИК-1		
S	**Ob**	Loc	Pr
T	**R**		

Или уже, т. е. охватывает только предикат:

			ИК-1
S	Ob	Loc	**Pr**
	T		**R**

Проиллюстрируем это на примере оппозиций высказываний (233) и (234) со сходным набором компонентов, но разным актуальным членением.

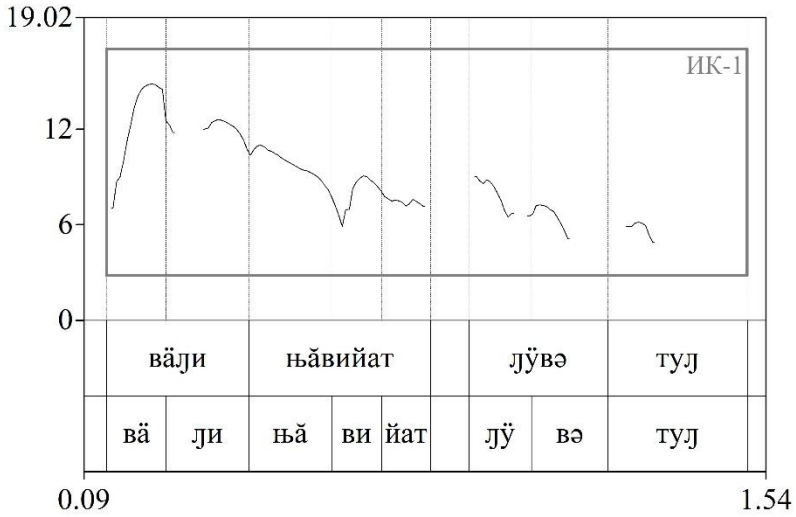
В примере (233) объект действия является одной из тем высказывания, так как упоминается в предшествующем контексте в виде конкретного добытого оленя и потому может рассматриваться как фоновый для данной предикативной единицы (ср. подразумеваемый вопрос *Что нужно сделать с мясом добытого лося?*). В соответствии с изложенными ранее принципами, сегмент высказывания,

обозначающий объект (*войәӽ ӈӑви*), образует отдельную синтагму, оформленную ИК-2.

(233) *Вӓӆи ӈӑвийат ӆӱвә туӆ* [Три мудрых совета 2020: 19].
вӓӆи ӈӑвий=ат ӆӱвә ту=ӆ=∅
олень мясо=INSTR PRTCL.CONJ приносить=NPST=SUBJ.3SG
‘Пусть оленины принесет’ [Там же: 21].

Рисунок 2

Интонограмма к примеру (233)

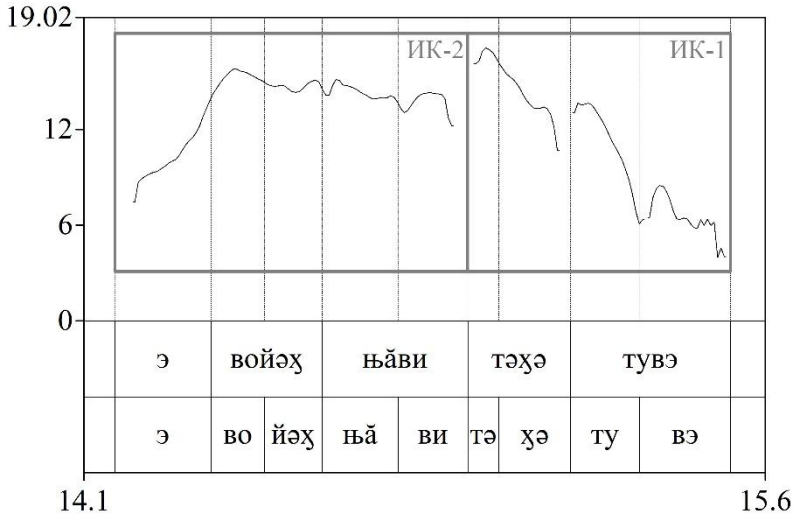


В примере (234) аналогичная последовательность действий изложена другим образом. Во-первых, так как в предшествующем контексте упоминается поиск оленя без его ожидаемого результата в виде добычи оленя, то объект действия менее конкретизирован. Во-вторых, то, что эта ситуация повторяет предыдущую, лишает актуальности само действие и его направление («принести сюда») и обусловливает перевод внимания адресата на различие между объектами (раньше было «мясо лося», теперь – «мясо оленя»). Соответственно, всё высказывание составляет одну синтагму, оформленную ИК-1, причём часть высказывания, обозначающая объект (*вӓӆи ӈӑвийат*), маркирована тональным пиком в её центре, а часть, обозначающая само действие (*ӆӱвә туӆ*), приходится на её постцентровую часть.

(234) …*войӄ ӈӑви тәхә тувэ* [Три мудрых совета 2020: 19].
войәӽ ӈӑви=∅ тәхә тув=э
зверь мясо=NOM сюда приносить=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘…лосиное мясо сюда принеси’ [Там же: 20].

Рисунок 3

Интонограмма к примеру (234)



Таким образом, различие между коммуникативными структурами высказываний (233) и (234) на уровне интонации, в первую очередь, связано с позицией компонента, на которую приходится центр реализации ИК-1. Следовательно, участие интонации в формировании АЧ высказывания проявляется прежде всего не в маркировании частей высказывания как темы или ремы при помощи соответствующих им ИК, а в определении позиции пика ИК-1, указывающего на границу между коммуникативными составляющими.

Так как только часть рассматриваемых высказываний существует в форме устного текста и были проанализированы с точки зрения интонационной структуры, то мы используем интонационные данные в качестве источника представлений о базовых коммуникативных возможностях структуры, которые косвенно учитываются при анализе других примеров.

3.3.2.3. Интонация отдельных типов высказываний

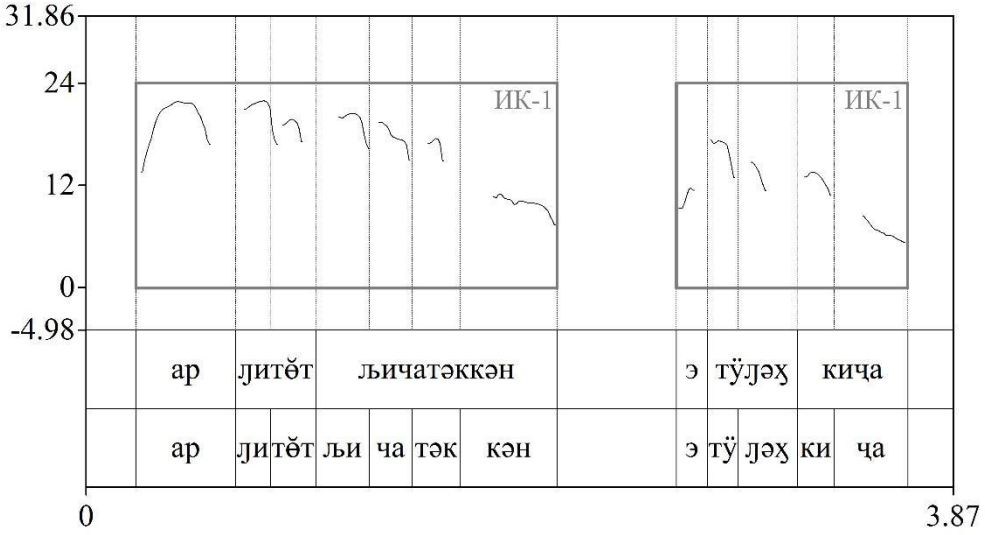
Несмотря на то, что для сургутского диалекта хантыйского языка характерна финальная позиция сказуемого в высказывании, встречаются редкие примеры, нарушающие этот принцип. В них наблюдается явление *правой дислокации*, т. е. коммуникативно обусловленного помещения компонентов высказывания в позицию после сказуемого. Интонационно противопоставляются две разновидности правой дислокации, различие между которыми, судя по рассмотренным нами текстам, часто обозначается на письме их обособленным или необособленным оформлением.

В некоторых случаях обособленные компоненты в правой дислокации выступают в роли вторичной ремы высказывания, что приводит к осложнению высказывания вторичной предикацией. Такие компоненты оформляются ИК-1 с менее выраженным центром, чем в основной части высказывания (235):

(235) *Ар ӈитӧт ӆичатәккән, тӱӆәӽ киӌа* [Три мудрых совета 2020: 14].
ар ӈи=т=ӧт=∅ ӈичатәк=кән тӱӆәӽ=∅ киӌа=∅
много есть=NPP=вещь=NOM приготовить=DU зима=NOM для=POSSR.3SG
‘Много еды на зиму заготовили’ [Там же: 16].

Рисунок 4

Интонограмма к примеру (235)

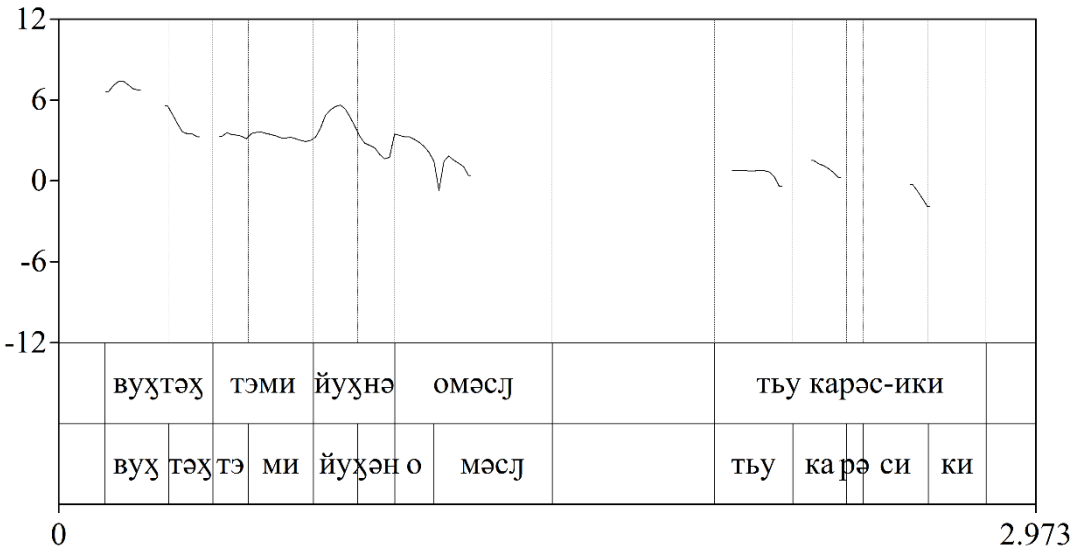


В одном примере компонент в правой дислокации, обособленный от остальной части высказывания интонационно, обладает двойственным коммуникативным статусом, поскольку считается известным адресату текста, но должен быть введён как новый по отношению к персонажу, чьи действия описываются в тексте. Помещение такого компонента в позицию обособленной правой дислокации является компромиссной коммуникативной стратегией, позволяющей избежать его помещения в прототипические позиции ремы или темы высказывания.

(236) *Вуɻтәх: тэми йуχнә оmәсɻ тьу карәс-ики* [Чепреги 2015: 50].
ву=ɻ=тәχ тэми йуχ=нә оmәс=ɻ=∅
видеть=NPST=OBJ.SG.SUBJ.3SG PRTCL дерево=LOC сидеть=NPST=SUBJ.3SG
чу карәс-ики=∅
тот Карс-ики=NOM
‘Смотрит, вот на дереве сидит Карәс ики’ [Там же: 105].
‘Видит: вот на дереве сидит тот Карс-ики’ (перевод ИМП).

Рисунок 5

Интонограмма к примеру (236)



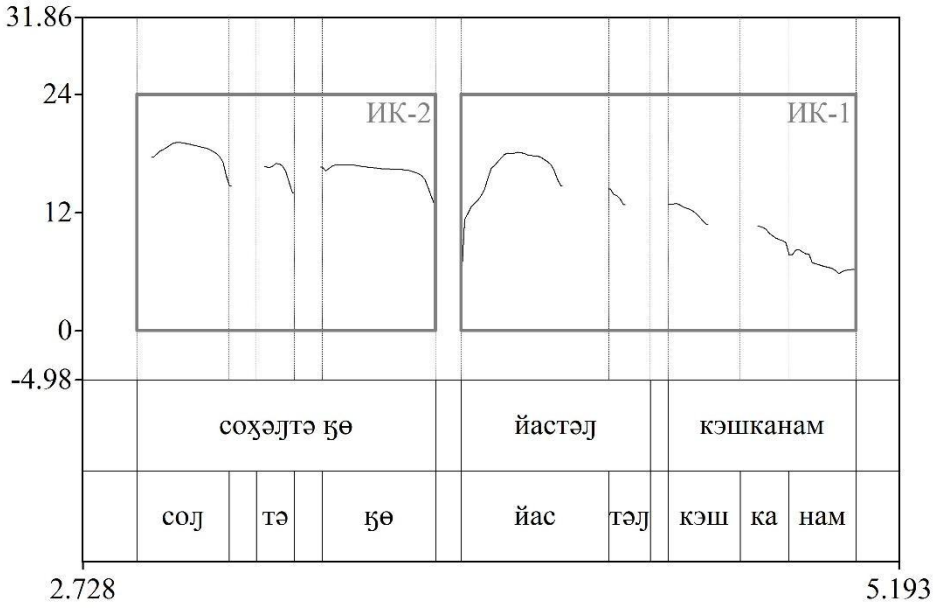
Необособленная правая дислокация (237) характерна для высказываний с рематическим предикатом и не ведёт к осложнению синтаксической и интонационной структуры высказывания. Дислоцированный компонент не отделяется паузой от остальной части высказывания и попадает в постцентровую часть ИК-1, центр которой приходится на сказуемое. Просодическая невыделенность таких

компонентов отражает их сниженную коммуникативную значимость по сравнению с темой, помещённой в начало высказывания.

(237) [*Чу вӑлтын панə*] *соҳəлтə ӷө йастəл кэшканам*… [Три мудрых совета 2020: 14].
соҳəл=тə ӷө=∅ йаст=əл=∅ кэшка=нам
скакать=NPP мужчина=NOM сказать=NPST=SUBJ.3SG кошка=APPRX
‘[Так живут,] мышка кошке говорит…’ [Там же: 16].

Рисунок 6

Интонограмма к примеру (237)



Таким образом, коммуникативное устройство высказываний с нетипичным постпредикатным позиционированием компонентов существенно различается в зависимости от их интонационного оформления.

3.3.3. Фразовая интонация сургутского диалекта хантыйского языка в генетической, ареальной и типологической перспективе

Наше исследование показало, что центральной характеристикой интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка с точки зрения коммуникативной парадигматики является выделение рематической части высказывания

при помощи интонационной конструкции, в которой максимум ЧОТ приходится на ударный слог центрального слова ремы.

Сопоставительные исследования в области интонации затруднены, так как интонация многих языков из рассматриваемой выборки остаётся слабоизученной. Большинство существующих исследований направлены на установление ограниченного набора базовых просодических явлений, связанных с обозначением законченности высказывания и дифференциацией типов высказываний по реализуемому в них речевому акту, и потому дают только косвенные сведения об роли интонации в формировании коммуникативной структуры высказывания.

1) Обско-угорские языки. Общие наблюдения, связанные с интонацией восточных идиомов хантыйского языка, приведены в статье А. Ю. Фильченко [2011]. Эти наблюдения показывают функционирование во всех диалектной сходной системы оппозиций, основанной на маркировании рематических составляющих локальным максимумом тона.

Взаимодействие интонации с коммуникативной структурой в мансийском языке рассмотрено в статье С. В. Покровской [2022]. Согласно С. В. Покровской, компоненты повествовательного высказывания, оцениваемые как рематические, характеризуются повышением тона на ударном слоге, который, если судить по приводимым примерам, типично сменяется нисходящим движением тона.

Таким образом, обнаруживается близость интонационных способов маркирования рематических компонентов в обско-угорских языках.

2) Тюркские языки Южной Сибири. Материалом для сопоставления служит серия публикаций, посвящённых интонации ряда тюркских языков Южной Сибири: алтайского [Шестера, Рыжикова, Добринина, Плотников, Шамрин 2020; Добринина 2021; Добрынина 2023; Добрынина 2024], телеутского [Шестера 2014, 2016, 2017, 2018], кумандинского [Добрынина, Шиндрова, Григорьева, Шестера 2024], хакасского [Бичелдей 2000; Бичелдей 2001; Ryzhikova, Plotnikov, Shamrin 2020], языков сибирских татар (барабинского и чатского) [Рыжикова 2022; Рыжикова, Шиндрова, Плотников, Якимец 2024]. Эти исследования показывают сходство организации интонационной системы тюркских языков Сибири: для ремати-

ческих компонентов высказывания, помещаемых, как правило, в его конечной части, характерно маркирование повышением ЧОТ с последующим падением [Добрынина, Шиндрова, Григорьева, Шестера 2024: 53; Рыжикова 2022; Рыжикова, Шиндрова, Плотников, Якимец 2024: 108].

Таким образом, базовые принципы, связанные с участием интонационных средств в маркировании рематических составляющих высказывания, в языках западносибирского ареала совпадают и связаны с его маркированием восходяще-нисходящим движением тона. В этом контексте сургутский диалект хантыйского языка может быть охарактеризован как типичный представитель этого ареала.

3.4. Конструктивная вариативность синтаксической структуры

Рассмотрим функционирование с точки зрения коммуникативной парадигматики конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС, выделенных в 2.3.3.

С. Соса выделяет пять направлений морфосинтаксического варьирования, значимых с точки зрения описания коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка: (1) маркирование компонентов структур с трехвалентными глаголами (англ. *ditransitive structures*) по типу *dative shift*; (2) способ выражения объекта; (3) залог; (4) спряжение; (5) способ выражения субъекта [Sosa 2017]. Из этих направлений три – (1), (3), (4) – описываются нами как направления конструктивного варьирования бытийно-пространственных ТСС. Направление (2) связано с выражением объекта существительным в форме творительного падежа в структурах, включающих два компонента (субъект и объект), и потому не актуально для бытийно-пространственных ТСС, а (5) – с упомянутыми при структурно-семантическом анализе случаями маркирования субъекта местным падежом, которые мы не включаем в анализ вследствие их единичности в рассматриваемой выборке.

3.4.1. Варианты, обусловленные типом спряжения

Варьирование, обусловленное типом спряжения, является характерной чертой парадигматики ТСС с позицией объекта, к которым относится ТСС перемещения.

В типологической литературе такое варьирование рассматривается как вариативный способ кодирования объекта (англ. *differential object indexing*, *DOI*), тесно связанное с вариативным маркированием прямого дополнения (англ. *differential object marking*, *DOM*) [Iemmolo 2011]. Наиболее типичным случаем вариативного маркирования прямого дополнения является варьирование способа падежного маркирования, встречающееся, в частности, в языках Сибири [Dalrymple, Nikolaeva 2011; Ондар 2022] и в финно-угорских языках России [Сердобольская, Толдова 2019]. Разные способы падежного маркирования объекта могут быть обусловлены широким кругом как семантических, так и коммуникативных явлений [Comrie 1989: 132–134; Givón 2001: 470–471; Сердобольская, Толдова 2019].

Оппозиция, образуемая противопоставлением между разными вариантами спряжения в зависимости от статуса объекта, также зафиксирована в широком круге языков разной ареальной и генетической принадлежности. В качестве примера приведём оппозицию в языке суахили, где субъектное или объектное спряжение используется в высказываниях с неодушевлённым объектом в зависимости от его определённости [Givón 2001: 412]:

alisoma *kitabu.*
a=li=soma kitabu
SUBJ.3SG=PST=читать книга
‘Она прочитала книгу (*a book*).’

alikisoma *kitabu.*
a=li=**ki**=soma kitabu
SUBJ.3SG=PST=**OBJ.3SG**=читать книга
‘Она прочитала книгу (*the book*).’

В хантыйском языке в формах действительного залога изъявительного и повелительного наклонения выделяются два вида спряжения глагола: субъектное спряжение, при котором сказуемое согласуется по лицу и числу с подлежащим, и объектное (или субъектно-объектное) [25], при котором сказуемое согласуется по лицу и числу с подлежащим и по числу – с прямым дополнением. Противопоставление между этими видами спряжений традиционно рассматривается как выполняющее коммуникативные функции [Nikolaeva 1999б; Sosa 2017].

Объектное спряжение употребляется как альтернатива субъектному только в высказываниях с глаголами, валентность которых предполагает позицию прямого дополнения [Чепреги 2017: 156], поэтому в поле бытийно-пространственных ТСС этот тип варьирования структуры затрагивает только ТСС перемещения. При анализе выборки выявлено незначительное количество реализаций бытийной ТСС и ТСС движения, в которых форма глагола, занимающего позицию предиката, может быть интерпретирована как форма объектного спряжения, но мы не рассматриваем их здесь, так как интерпретация этих форм как форм объектного спряжения, вероятно, ошибочна. Причиной появления таких примеров является то, что многие аффиксы глагольного словообразования и словоизменения омонимичны и не во всех случаях однозначно дифференцируемы в устной речи, в связи с чем могут не различаться последовательно при письменной фиксации языкового материала.

М. Чепреги указывает, что объектное спряжение употребляется тогда, когда объект известен, иначе употребляется субъектное [Чепреги 2017: 157]. Подробное исследование объектного спряжения в сургутском диалекте хантыйского языка проведено С. Соса, которая связывает явление объектного спряжения с топикаль-

[25] С терминологической точки зрения такое спряжение предпочтительно называть *субъектно-объектным*, что позволяет противопоставить его собственно объектному спряжению, в котором наблюдается согласование сказуемого с прямым дополнением, но не с подлежащим. Используемая здесь терминология определяется традицией описания глагольной морфологии уральских языков, применяемой в актуальных грамматических описаниях хантыйского языка [Чепреги 2017].

ностью объекта [Sosa 2017: 182]. Н. Б. Кошкарева характеризует оппозицию субъектного и объектного спряжением как связанную с рематизацией объекта и разграничением общеинформативных и частноинформативных высказываний [Кошкарева 2007а: 35]:

ОИ высказывание	ЧИ высказывание	
	рема – не объект	рема – объект
SUBJ		OBJ

Проанализируем употребление этих конструктивных вариантов в рассматриваемой выборке. В Таблице 45 охарактеризована сочетаемость этих вариантов со структурными и семантическими характеристиками высказывания.

Таблица 45

Сопоставление реализаций ТСС перемещения с разными типами спряжения

Признаки		**Тип спряжения**	
		субъектный	**субъектно-объектный**
Семантическая сочетаемость	тип динамики отношения	нет ограничений	
	типы предиката	нет ограничений	
	денотативный класс субъекта	нет ограничений, преимущественно одушевлённый	только одушевлённый
	денотативный класс объекта	нет ограничений	
	денотативный класс локализатора	нет ограничений	преимущественно одушевлённый
Сочетаемость по способу выражения	субъекта	нет ограничений	
	объекта	нет ограничений	**не сочетается с местоимениями**
	локализатора	нет ограничений	
Сочетаемость с другими конструктивными вариантами	с пассивной конструкцией	нет	
	со стратегиями маркирования актантов	нет ограничений	примеры ACC / INSTR единичны
Порядок составляющих		нет ограничений	

Маркированным членом рассматриваемой оппозиции мы считаем конструктивные варианты с глаголом в форме субъектно-объектного спряжения, встречающиеся существенно реже и ограниченные по некоторым параметрам. Исследование рассматриваемой выборки показывает, что обособление этого типа реализации ассоциировано с определёнными коммуникативными признаками, но не существует однозначных коммуникативных критериев, которые отделяют все случаи употребления объектного спряжения.

1) Статус объекта. Согласование сказуемого с локализатором в форме винительного падежа, обусловленной употреблением стратегии маркирования компонентов «ACC / INSTR», возможно, однако наблюдается только в единичных примерах. По этой причине употребление субъектно-объектного спряжения ассоциировано в первую очередь со статусом объекта.

Подавляющее большинство примеров употребления объектного спряжения ассоциировано с объектами, которые могут на основании предшествующего контекста считаться известными и активированными. Однако этот критерий не может считаться достаточным, так как объекты такого типа регулярно появляются и в высказываниях с субъектными спряжением:

Статус объекта	Неизвестный	Известный
Спряжение	SUBJ	OBJ

Интересными являются два однотипных примера, в которых объектное спряжение согласуется с объектом, который является активированным, но, по всей видимости, нереферентным (мать просит принести не конкретную воду, а воду вообще):

(238) [Контекст: Мать просит детей принести воды, дети перекладывают ответственность с одного на другого.]
Нӱӈ туӽэ [Детские сказки варьёганских ханты 2006: 6].
нӱӈ=∅ туӽ=э
ты=NOM нести=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘Ты принеси’ [Там же: 7].

2) Статус связи между ситуацией и объектом. Так как статус связи между ситуацией и объектом обусловлен статусом ситуации, которая в случае употребления объектного спряжения вариативна, то необходимо разграничить два типа контекстов. В контексте неизвестной ситуации (общеинформативные высказывания) связь между ситуацией и объектом заведомо не может быть известной. В контексте известной ситуации статус связи потенциально вариативен, так как возможно введение объекта в предварительно сформированную ситуацию, в случае чего высказывание может быть охарактеризовано как частноинформативное с рематическим объектом. В рассматриваемой выборке из связных текстов таких высказываний не выявлено, так как употребление частноинформативных высказываний в ней ограничено, однако один пример такого высказывания был получен при работе с информантом методом элицитации:

(239) [Стимул: Что он понёс в город?]
Йӓрнас пəрəли тувтəӽ [КГН].
йӓрнас=∅ пəрəли тув=тəӽ
платье=NOM старый нести=OBJ.SG.SUBJ.3SG
‘[Он] понёс [в город] старое платье’ (перевод ИМП).

Кроме того, известная связь с ситуацией может быть предметом эмфазы, что, по нашему мнению, в данном примере формирует частноинформативное высказывание с объектом-ремой:

(240) [Контекст: Женщина убегает от Лесного Бога, он кричит ей вслед.]
Пăӽам пə йӗта туве [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 309].
пăӽ=ам=∅ пə йӗта тув=э
сын=POSSR.1SG=NOM PRTCL.EMPH за_собой нести=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘Ещё и сына (моего) с собой забрала.’

Эти примеры показывают, что объектное спряжение может употребляться при объекте, входящем в состав ремы.

Известность и активированность объекта не предопределяет употребление объектного спряжения, так как в высказываниях с аналогичным коммуникативным устройством широко употребляется и субъектное спряжение (241)–(243):

(241) [Контекст: слепые жена с мужем колдуют, и летающий камень приносит к ним оленя.]
Тьу кӯрəŋ войəх панпə ӆӯвнам яӈка käритəх [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 162].
чу кӯрəŋ войəӽ=∅ панпə ӆӯвнам йаӈк=а käритə=ӽ
тот нога=ADJ зверь=ACC сразу сам шампур=LAT нанизывать=PST.3SG
‘Этот лось сразу же на шампур нанизывается.’

(242) *Тю ӷырхəӆ вəй,* [*йäӷənам итпə мənəӆ*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 199].
чу ӷырхӽ=əӆ=∅ вəй=∅
тот мешок=POSSR.3SG=NOM взять=SUBJ.3SG
‘Этот мешок (мужчина) взял, [домой тут же пошёл].’

(243) [*Тӗвə (räпа) йӗвəтаӆӷа,*] *нӯӈат йӗта туӆ* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 167].
нӯӈ=ат йӗта ту=ӆ=∅
ты=OBL за_собой нести=NPST=SUBJ.3SG
‘[Когда (она к горке) придёт,] тебя (Великанша) с собой заберет.’

Специфическим свойством объектного спряжения в хантыйском, которое отмечено С. Соса [2017: 159], является его несовместимость с местоименными именными группами в роли объекта, несмотря на то, что предметы, обозначенные местоименными группами, неизбежно характеризуются известностью и активированностью.

Таким образом, известность и активированность объекта могут рассматриваться как необходимое требование для употребления объектного спряжения варианта, но его употребление является, по всей видимости, факультативным, и ограничено в случае выражения объекта местоимением.

3.4.2. Варианты, обусловленные стратегией маркирования локализатора и объекта

Оппозиция между выделенными нами конструктивными вариантами ТСС перемещения, обусловленными стратегией маркирования компонентов структуры, являются частным случаем вариативного маркирование позиции адресата в

предложениях, описывающих передачу предмета другому лицу (*dative shift*), представленного например, в английском:

англ. *She gave **Bill** a book.*
she gave Bill a book
она дать.PST PN INDEF книга
‘Она дала Биллу книгу.’

англ. *She gave the book **to Bill**.*
she gave the book to Bill
она дать.PST DEF книга DIR-F PN
‘Она дала книгу Биллу.’

В то время как субъект (*she*) выполняет в обоих высказываниях роль первичной темы, статус адресата и передаваемого объекта как вторичной темы или ремы зависит от их маркирования [Givón 1984: 154]. *Dative shift* в этих примерах также сопровождается сменой порядка слов: тематичный актант помещается ближе к началу высказывания, а рематичный – в конец. В других языках аналогичные способы варьирования затрагивают и способ маркирования позиции конечной точки перемещения, как, например, в киньяруанда, одном из нигеро-конголезских языков:

*umugore **yoohereje** umubooyi **kuisoko***
umugore y=ooher=eje umubooyi ku=isoko
женщина 3SG=послать=ASP повар DIR-F=рынок
‘Женщина послала повара на рынок.’

*umugore **yooherejeho isoko** umubooyi*
umugore y=ooher=eje=ho isoko umubooyi
женщина 3SG=послать=ASP=LOC рынок повар
‘Женщина послала на рынок повара.’

Термином *dative shift* в некоторых случаях называют аналогичные оппозиции, выраженные исключительно порядком составляющих (например, в иврите и шерпа) [Givón 1984: 157]. Мы рассматриваем такие примеры как два разных способа выражения одной коммуникативной оппозиции.

В парадигме ТСС перемещения в сургутском диалекте хантыйского языка нами выделены два варианта, обусловленные стратегией маркирования компонентов: «LAT-DAT / ACC» и «ACC / INSTR». В Таблице 46 охарактеризована сочетаемость этих вариантов со структурными и семантическими характеристиками высказывания.

Таблица 46

Сопоставление реализаций ТСС перемещения с разными стратегиями маркирования компонентов

Признаки		**Стратегия**	
		LAT-DAT / ACC	**ACC / INSTR**
Семантическая сочетаемость	тип динамики отношения	нет ограничений	**только адлокатив**
	типы предиката	нет ограничений	**глаголы типов *класть, давать* и *нести***
	денотативный класс субъекта	нет ограничений, преимущественно одушевлённый	только одушевлённый
	денотативный класс объекта	нет ограничений	
	денотативный класс локализатора	нет ограничений	**преимущественно одушевлённый**
Сочетаемость по способу выражения	субъекта	нет ограничений	
	объекта	нет ограничений	
	локализатора	нет ограничений	**только падежные именные группы и имплицитный**
Сочетаемость с другими конструктивными вариантами	с пассивной конструкцией	да, S^{Ob}_{NOM}	да, S^{Loc}_{NOM}
	с объектным спряжением	да, согласование с S^{Ob}_{ACC}	единичные примеры
Порядок составляющих		нет ограничений	**преимущественно с предпредикатной позицией объекта**

Так как стратегия «ACC / INSTR» употребляется реже и репрезентирует отклонение от типичных способов выражения позиции локализатора в бытийно-пространственных ТСС, мы рассматриваем её как маркированный член оппозиции.

1) Коммуникативная организация. Стратегия «ACC / INSTR» может рассматриваться как ограниченная с точки зрения коммуникативного статуса субъекта и локализатора, так как употребляется исключительно в высказываниях, в которых оба этих компонента являются известными и активированными.

Статус объекта вариативен: частотны нереферентные или малореферентные объекты, связанные с идеей перемещения абстрактных множеств предметов или субстанций (*дать воды*, *огня*, *денег*, *еды*, *сена*, *положить дров*), однако встречаются и неизвестные предметы, которые могут рассматриваться как референтные. Оба типа объектов типично входят в состав ремы:

S	Loc	Ob	Pr
	T		R

В этом контексте маркирование объекта творительным падежом может рассматриваться как обусловленное его рематичностью. Однако встречаются примеры со стратегией «ACC / INSTR», в которых объект является потенциальным, а рема высказывания смещена на сам факт воплощения ситуации с этим объектом:

(244) [Контекст: у мужчины просили воды, он сходил на болото и принёс её.]
Панə чу йоӽ ӆӳвнə йəӈкат тувat [Три мудрых совета 2020: 4].
панə чу йоӽ=∅ ӆӳв=нə йəӈк=ат тув=ат
CONJ тот люди=NOM он=LOC вода=INSTR принести=PASS.3PL
‘И этим людям воды принес’ [Там же: 8].

В таком случае высказывание является общеверификативным, хотя объект может рассматриваться как имеющий отчасти переходный статус:

S	Loc	Ob	Pr
	T	T–R	R

Стратегия «ACC / INSTR» употребляется в относительно ограниченном количестве типов реализаций ТСС перемещения, обозначающих перемещение

предмета во внешнюю по отношению к субъекту точку и включающих глаголы типа *мәта* ‘дать’, *алта, тута* ‘принести’, *пăнта* ‘положить’. По этой причине стратегия «LAT-DAT / ACC» может наблюдаться в контекстах с рематизированным объектом в реализациях ТСС перемещения с другой семантикой (например, с глаголами *аныта* ‘собирать’, *вохта* ‘звать’).

2) Порядок составляющих. Для реализаций стратегии «ACC / INSTR» характерны варианты порядка составляющих с предпредикатным позиционированием объекта: S LOC OB PR, S OB PR, LOC OB PR, OB PR. Следовательно, функция объекта в высказывании поддерживается как падежным маркированием, так и типичной для рематического объекта линейно-интонационной организацией.

В реализациях стратегии «LAT-DAT / ACC» порядок составляющих более подвижен, встречаются варианты с предпредикатным позиционированием и объекта, и локализатора, что отражает большее коммуникативное разнообразие этих высказываний.

Таким образом, распределение вариантов, обусловленных стратегией маркирования отдельных компонентов, может быть охарактеризовано как обусловленное коммуникативными факторами (рематичностью объекта), но ограниченное определёнными типами реализаций предложения перемещения.

3.4.3. Варианты, обусловленные залогом

Предложенная классификация вариантов ТСС с глаголом в форме страдательного залога позволяет рассматривать коммуникативные функции каждого варианта изолировано.

Безличный пассив предполагает несколько разных типов субъектов, которые объединяются тем, что они предопределены контекстом, в котором появляется высказывание. Так как субъект не выражается эксплицитно, в таких высказывания он не может становится ремой.

Рассмотренное употребление лексического пассива обусловлено спецификой семантики глагола *нопәтта* ‘плыть’ и не накладывает определённых ограничений на коммуникативный статус субъекта или локализатора.

Случаи употребления стандартного пассива требуют более подробного рассмотрения.

3.4.3.1. Стандартный пассив как вариант ТСС движения

Общий набор структурных и семантических ограничений употребления стандартного пассива в ТСС движения представлен в Таблице 47.

Таблица 47

Сопоставление реализаций ТСС движения в залоговых вариантах

Признаки		**Тип**	
		Активная конструкция	**Стандартный пассив**
Семантическая сочетаемость	тип динамики отношения	нет ограничений	**адлокатив, ориентированное движение, координированное движение**
	типы предиката	нет ограничений	нет ограничений, преимущественно базовые глаголы
	денотативный класс субъекта	нет ограничений, преимущественно одушевлённый	
	денотативный класс локализатора	нет ограничений	нет ограничений, преимущественно одушевлённый
Сочетаемость по способу выражения	субъекта	нет ограничений	
	локализатора	нет ограничений	**падежная именная группа, сочетание именной и наречной, наречная при имплицитной именной, имплицитная именная**
Порядок составляющих		нет ограничений	

Обратим внимание на то, что стандартный пассив затрагивает ограниченный набор структурно семантических вариантов ТСС движения.

Для примеров ТСС движения со стандартным пассивом, как правило, характерна одушевлённость локализатора, что соотносится с тенденцией к согласованию выбора формального подлежащего с иерархией одушевлённости предметов. Тем не менее встречается и ряд контрпримеров:

(245) ***Йӓрнас ӷуре*** *сӑсаӆнə ти ӆӑӈи!* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 230].
йӓрнас ӷур=э=∅ сӑсаӆ=нə чи ӆӑӈ=и=∅
платье подол=POSSR.2SG=NOM ящерица=LOC PRTCL входить=PASS=3SG
‘**В проём платья (твоего)** ящерица залезла!’

(246) [*Ма вӓӆтыпема кӯӌ мənəм,*] *йӓӈк ӆөнт питы* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 195].
йӓӈк ӆөнт пит=ы=∅
лёд гусь попасть=PASS=3SG
‘[Я на ловушку (свою) когда пришёл,] белый гусь попался.’
‘[Когда я подошёл к моей ловушке,] **(в ловушку)** попал белый гусь’ (перевод ИМП).

(247) ***Тю йӓвӆət*** *ӆӱвнə пӧӈəӆ ивəӆ мənат* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 289].
чу йӓвӆ=ət=∅ ӆӱв=нə пӧӈəӆ ивəӆ мən=ат
тот стрела=PL=NOM он=LOC бок с идти=PASS.3PL
‘**Эти луки-самострелы** он (Павел) стороной обошёл.’

Особенно частотно страдательный залог употребляется с неодушевлёнными локализаторами в примерах, предполагающих ориентированное движение относительно объекта, которое выражается сочетанием именной группы с наречиями типа *вӓли* ‘мимо’, *мувты* // *муӽты* ‘через’ (см. раздел 2.4.3).

Коммуникативный статус локализатора в пассивных реализациях ТСС движения, согласно нашим данным, может рассматриваться как ограниченный. В качестве локализатора выступают конкретно-референтные предметы, как правило, активированные в непосредственно предшествующем контексте, часто центральные персонажи сюжета.

Статус субъекта не ограничен: это как предметы, заданные контекстом (247), так и новые для текста реалии (245)–(246).

Таким образом, спецификой рассматриваемого типа высказываний является нетипичное расположение S и LOC в иерархии потенциальной тематичности: либо LOC является темой при рематичном S, либо они обладают сходным статусом и по этой причине находятся в конкуренции, характерной для первичной и вторичной темы:

Тип 1	Loc T	S Pr R
Тип 2	S Loc T	Pr R

Информативным является сопоставление употребления пассивной конструкции с порядком составляющих: порядок LOC S PR употребляется преимущественно в ситуациях рематического субъекта типа 1, S LOC PR – тематического субъекта типа 2.

В контекстах с аналогичными коммуникативными структурами широко распространено и употребление активного конструктивного варианта. Ср., например, следующие примеры при потенциальных **Лӳв пастукәтнә суцы*, **Мин вэлди тасмән вӧнт вэлинә йӧвты*, **Чу ӷот вӧлэх пупинә йӧхты*:

(248) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукәт лӳваты суцәт, [*пыриләл, ӷӳты йәх*] [Айпин 2003а: 53].
пастук=әт=∅ лӳв=ат=ы сӧц=әт
пастух=PL=NOM он=OBL=DAT шагать=SUBJ.3PL
‘Подошли пастухи узнать, что случилось’ [Айпин 1986: 170].
‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось]’ (перевод ИМП).

(249) [*Икем,*] *мин вели тасмәна вӧнт вели йӧвәт* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 176].
мин вэли тас=мән=а вӧнт вэли=∅ йӧвэт=∅
мы_двое олень стадо=POSSR.2DU=LAT лес олень=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘[Муж (мой),] в наше (с тобой) оленье стадо дикий олень пришёл.’
‘[Муж мой,] в наше (с тобой) оленье стадо пришёл лесной (т. е. дикий) олень’ (перевод ИМП).

(250) [Контекст: Демьян съездил на стоянку, где ранее оставил мешок с мукой, и обнаружил, что мешок был разорван, а мука разбросана.]
Кимән, чу ӷот вӗӆәҳа пупи йӳҳәт [Айпин 2003а: 53].
кимән чу ӷот вӗӆәӽ=а пупи=∅ йӗҳәт=∅
EVID тот дом нары=LAT медведь=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘Оказалось, на становье набрел медведь и вспорол уголок мешка с мукой’ [Айпин 1986: 170].

Таким образом, коммуникативный статус компонентов (т. е. известность и активированность локализатора) может рассматриваться как ограничивающий употребление пассивного варианта, но не делает его употребление обязательным.

3.4.3.2. Стандартный пассив как вариант ТСС перемещения

Сопоставление стандартного пассива в ТСС перемещения с ТСС движения показывает двойственность его функций, так как в ТСС перемещения вид стандартного пассива принимают высказывания, которым в парадигме ТСС движения соответствуют примеры как стандартного, так и безличного пассива.

Существенным фактором при анализе ТСС перемещения является противопоставление двух видов пассива, обусловленных выбором формального подлежащего. Набор структурных и семантических ограничений употребления залоговых вариантов ТСС перемещения (за исключением тех, которые могут считаться эквивалентными безличному пассиву) представлен в Таблице 48.

Таблица 48
Сопоставление реализаций ТСС перемещения с разными типами залога

Признаки		**Залоговый вариант**		
		активный	**пассивный (Ob)**	**пассивный (Loc)**
Семантическая сочетаемость	тип динамического отношения	нет ограничений		**только адлокатив**
	типы предиката	нет ограничений		**только типов ‘*давать*’, ‘*класть*’ и ‘*нести*’**
	денотативный класс субъекта	нет ограничений, преимущественно одушевлённый		

	денотативный класс объекта	нет ограничений		**только неодушевлённый**
	денотативный класс локализатора	нет ограничений		**преимущественно одушевлённый**
Сочетаемость по способу выражения	субъекта	нет ограничений		
	объекта	нет ограничений		**только эксплицитный**
	локализатора	нет ограничений		**только падежная именная группа или имплицитный**
Сочетаемость с другими конструктивными вариантами	с объектным спряжением	нет		
	со стратегиями маркирования актантов	нет ограничений	**LAT-DAT / ACC**	**ACC / INSTR**
Порядок составляющих		нет ограничений		**преимущественно с предпредикатной позицией объекта**

В качестве формального подлежащего в пассивной конструкции могут также выступать неодушевлённые предметы, как объекты (251)–(252), так и локализаторы (253):

(251) [Контекст: братья рассылают стрелы, чтобы жениться на той, кто их поднимет.]
Њуӆәӆ *әнәӆ чӧрас ӷө ӓвинә нӧӽ вәйи* [Чепреги 2015: 51].
њуӆ=әӆ=∅ әнәӆ чӧрас ӷө ӓви=нә
стрела.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM большой тысяча мужчина дочь=LOC
нӧӽ вәй=и=∅
вверх брать=PASS=3SG
‘**Стрелу** дочь зажиточного купца подняла’ [Там же: 106].

(252) *Мәӈнә* ***ӌи ӷуӆәлит*** *аныӆат*… [Айпин 2003б: 34].
мәӈ=нә чи ӷуӆ=әли=т=∅ аны=ӆ=ат
мы.PL=LOC тот рыба=DIM=PL=NOM собирать=NPST=PASS.3PL
‘Мы **эту рыбу** собираем…’ (перевод ИМП).

(253) *Тю имиӽән-икиӽәннә* ***вӓт ӆӑв ӑвәӆ*** *тӓӆӆа йәм вӑӽат, сорни вӑӽат пӑны*…
[Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 294].
чу ими=ӽән-ики=ӽән=нә вӓт ӆӑв ӑвәӆ=∅ тӓӆӆа
тот женщина=DU-мужчина=DU=LOC пять конь нарты=NOM полностью
йәм вӑӽ=ат сорньи вӑӽ=ат пӑн=ы=∅
хороший железо=INSTR золото железо=INSTR положить=PASS=3SG
‘Эти жена с мужем **пять саней, запряжённых лошадьми**, полностью серебром, золотым грузили…’

Набор коммуникативных ситуаций, покрываемых конструкцией с локализатором в роли формального подлежащего, совпадает с набором ситуаций, в которых употребляется стратегия «ACC / INSTR», поэтому мы не будем на них останавливаться и рассмотрим исключительно конструкции типа N^{S}_{LOC} N^{Loc}_{NOM} N^{Ob}_{INSTR} $V^{Pr}_{PASS.REL\text{-}Ob}$.

Эта конструкция встречается в широком круге высказываний с разной коммуникативной структурой. Так, среди них отмечаются реализации с вхождением в состав ремы субъекта (251), объекта (254)–(255), локализатора (271) и исключительно предиката (252).

(254) [Контекст: звери обсуждают, как можно победить *Карəс-ики*.]
Панə мыш тӧвəнам киты. [Чепреги 2015: 50].
панə мыш=∅ тӧвə=нам кит=ы=∅
CONJ мышь=NOM туда=APPRX послать=PASS=3SG
‘И послали туда мышь’ [Там же: 105].

(255) [Рассказчик задаётся вопросом: «Но кого позвать на пир [приношение]?»]
Тӧрəм ӈапəт пăӯ вуӯи [Чепреги 2015: 9].
тӧрəм ӈапəт пăӯ=∅ вуӯ=и=∅
PN семь сын=NOM звать=PASS=3SG
‘Я позвал семь сыновей бога Торума’ [Там же: 63].

(256) [*Чит йа, чит, өс па ӈатнə*] *сӧва пӧньӧйəм,* [*ай ăвӆəлийа омəтмин, ӯӧӌӧйəм панə тӧвəнə кэмəн тə нӧлхəӆтəӆөйəм*] [ВАН].
сӧв=а пӧнь=ӈ=өй=əм
ткань=LAT завернуть=NPST=PASS=1SG
‘[Это-то ладно, вот иногда] меня в ткань заворачивают, [посадив в детские нарточки завязывают и так на улице возят].’

Все такие случаи объединяются относительной известностью объекта, в роли которого чаще всего выступает адресат (256), центральные персонажи произведения (254) и другие персонажи, существование которых считается необходимым фоновым знанием для понимания текста (255), предметы, недавно обозначенные в тексте (251)–(252). Пример (255) представляет интерес тем, что в нём объект не является активированными, т. е. в данном случае эти категории не обязательно сопутствуют друг другу.

Однако, как и в других случаях, известность объекта не делает употребление пассива обязательным. Ср. следующие примеры при потенциальных **Пăχнə ньоӆəӆ вəйи*, **нӳӈ йӧта туӆө*, [*ӆӳвнə*] *аӈкиӆ вуχи*:

(257) *Пăχ ньоӆəӆ вəй* [*панə тю ӷота ӆăӈ*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 161].
пăχ=∅ ньоӆ=əӆ=∅ вəй=∅
мальчик=NOM стрела=POSSR.3SG=NOM взять=SUBJ.3SG
‘Мальчик стрелу (свою) взял [и в этот дом вошёл].’

(258) [*Тӧвə (päпа) йӧвəтаӆӈа,*] *нӳӈат йӧта туӆ* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 167].
нӳӈ=ат йӧта ту=ӆ=∅
ты=OBL за_собой нести=NPST=SUBJ.3SG
‘[Когда (она к горке) придёт,] тебя (Великанша) с собой заберет.’

(259) [*Вəртə мӧӷəли сөрмин ӷот мăχəӆты ӈөхəтӆиӆəχ*] – *аӈкиӆ вуχ* [Айпин 2003б: 69].
аӈки=ӆ=∅ вуχ=∅
мать=POSSR.3SG=NOM звать.PST=SUBJ.3SG
‘[Олененок с плачем носился вокруг избушки] – звал Олениху-маму’ [Айпин 1986: 228].

Предпочтительность выбора активного залога в этих случаях может быть обусловлена вхождением предикативной единицы в ряд предикативных единиц, объединённых общим деятелем (мальчик, великанша, оленёнок), т. е. определяется не только коммуникативной организацией предикативной единицы, но и общей стратегией построения текста.

Таким образом, коммуникативные функции страдательного залога в разных контекстах не совпадают: употребление безличного пассива ассоциировано со специфическим статусом субъекта, в то время как употребление стандартного пассива обусловлено коммуникативным статусом компонента, принимающего на себя роль формального подлежащего. Основным фактором, способствующим выбору стандартного пассивного конструктивного варианта, является нетипичное соотношение коммуникативных статусов субъекта и компонента, выдвигающегося на роль формального подлежащего. Аналогичные наблюдения сделаны Н. А. Муравьевым и Д. О. Жорник на материале казымского диалекта хантыйского языка и мансийского языка [Муравьев 2022б: 53; Муравьев, Жорник 2023].

* * *

Мы рассмотрели три направления конструктивного варьирования бытийно-пространственных ТСС: (I) тип спряжения; (II) залог и (III) стратегия маркирования локализатора и объекта. Каждый тип варьирования может быть представлен как противопоставление двух вариантов, называемых *основным* (более частотный тип конструкции, принципы организации которой совпадают во всех ТСС) и *маркированным* (более редкий, функционирование которого ограничено только частью ТСС). Распределение этих вариантов и их дифференциальных признаков, представленных в виде фрагмента модели ТСС, затрагиваемого варьированием, представлено в Таблице 49.

Таблица 49

Коммуникативно релевантные конструктивные варианты бытийно-пространственных ТСС

Основание оппозиции	**Актуально для ТСС**	**Дифференциальные признаки конструктивных вариантов**	
		Основного	**Маркированного**
(I) Тип спряжения	пТСС	$PR_{ACT.SUBJ}$	$PR_{ACT.OBJ}$
(II) Залог	дТСС	S_{NOM} $LOC_{DAT\text{-}LAT}$ PR_{ACT}	S_{LOC} LOC_{NOM} PR_{PASS}
	пТСС	S_{NOM} OB_{ACC} PR_{ACT}	S_{LOC} OB_{NOM} PR_{PASS}
(III) Стратегия маркирования LOC и OB	пТСС	OB_{ACC} $LOC_{DAT\text{-}LAT}$	OB_{INSTR} LOC_{ACC}

Анализ показывает, что во всех оппозициях употребление маркированного варианта может рассматриваться как мотивированное коммуникативными факторами, что подтверждает выводы, сделанные предшествующими исследователями. Маркированные варианты оппозиций I и II встречаются в контекстах, предполагающих контекстуальную предопределенность предметных компонентов ситуа-

ции (в I – объекта, в II – объекта или локализатора в зависимости от типа ТСС), а оппозиции III – в контекстах, в которых объект относится к реме высказывания.

Значимость конструктивных вариантов как элемента коммуникативной системы ограничена рядом факторов. Во-первых, рассматриваемые оппозиции актуальны только для части бытийно-пространственных ТСС или отдельных направлений их реализации: II – ТСС перемещения и движения, I и III – ТСС перемещения. Применимость II для ТСС движения и III для ТСС перемещения дополнительно ограничены тем, что их маркированные варианты совместимы только с определёнными прототипическими типами пространственной локализации (в первую очередь движением по направлению к локализатору) и способом выражения локализатора (падежные именные группы).

Во-вторых, употребление маркированных членов оппозиций I и II имеет, по всей видимости, факультативный характер, что выражается в том, что контекстуальная предопределенность предметных компонентов ситуации только в части примеров влечет за собой употребление маркированного члена оппозиции, что может быть обусловлено более комплексными факторами, такими как общая стратегия построения текста.

В-третьих, сопоставление употребления конструктивных и линейно-интонационных вариантов показывает их взаимосвязанность. С одной стороны, варианты типа III формируют оппозицию по признаку рематичности ОВ, которая пересекается с аналогичной линейно-интонационной оппозицией (S OB LOC PR // S LOC OB PR), и потому эти признаки закономерно имеют сходное распределение. Таким образом, рематичность ОВ в ТСС перемещения выражается одновременно его помещением в предпредикатную позицию и маркированием творительным падежом. Большая ограниченность употребления маркированного конструктивного варианта позволяет рассматривать конструктивную оппозицию как вторичную по отношению к линейно-интонационной. Употребление вариантов I и II не зависит от коммуникативной роли соответствующих предметных компонентов, которые могут входить как в рему, так и в тему высказывания, и потому ожидае-

мо сочетаются с разными типами линейно-интонационных вариантов, представляя параллельное ему направление варьирования.

Сопоставление конструктивных вариантов представлено в Таблице 50.

Таблица 50

Сопоставление оппозиций, образуемых конструктивными вариантами

Характеристика \\ Оппозиция	**Залог**		**Тип спряжения**	**Стратегия маркирования объекта и локализатора**
ТСС, в которых реализуется оппозиция	дТСС	пТСС	пТСС	пТСС
Ограниченность оппозиции в определенных реализациях ТСС	ограничено	не ограничено	не ограничено	ограничено
Маркированный член оппозиции	страдательный залог		объектное спряжение	стратегия «ACC / INSTR»
Коммуникативный признак, ассоциированный с маркированным членом оппозиции	известность LOC	известность OB	известность OB	рематичность OB
Обязательность реализации маркированного члена оппозиции при наличии ассоциированного коммуникативного признака	факультативно		факультативно	обязательно
Соотношение с линейно-интонационной структурой	вариативно		вариативно	безвариантo

3.5. Способы выражения компонентов ТСС

К способам выражения компонентов ТСС мы относим совокупность аспектов, характеризующих устройство компонента ТСС в конкретной реализации, которые не могут однозначно рассматриваться как обусловленные ее семантикой или конструктивным вариантами. Для сургутского диалекта хантыйского языка к этой группе аспектов могут быть отнесены выбор эксплицитного или имплицитного выражения способа компонента, при эксплицитном выражении – использование лексем определенных частей речи, употребление служебных слов (частиц и междометий), вхождение в состав именной группы определителей и показателей посессивности. Вследствие большого разнообразия таких средств мы рассмотрим здесь специфику только некоторых способов выражения компонентов бытийно-пространственных ТСС, представленных в нашей выборке.

3.5.1. Нулевая анафора как способ выражения компонентов ТСС

Частотность имплицитного выражения предметных компонентов бытийно-пространственных ТСС обусловлена превалирующей в хантыйском языке стратегией выражения кореференции – нулевой анафорой, функционирование которой охарактеризовано Е. В. Ковган на материале казымского диалекта [Ковган 2002]. Выбор нулевой анафоры в качестве стратегии выражения кореферентного компонента определяется активированностью компонента, вследствие которой он может быть однозначно восстановлен при анализе предшествующего контекста. По нашим наблюдениям, нулевая анафора является предпочтительным способом оформления любых компонентов с определённой референцией, входящих в тему, а именные группы и личные местоимения 3-го лица употребляются только тогда, когда нулевая анафора невозможна без сохранения однозначности интерпретации высказывания. Использование нулевой анафоры является средством связи высказываний и следствием тематического статуса компонента, что позволяет считать

нулевую анафору и изменения в структуре высказывания, вызванные её использованием, одним из компонентов коммуникативного варьирования рассматриваемых ТСС.

3.5.2. Способы выражения локализатора

1) Именные и наречные группы в качестве локализатора. Н. Б. Кошкарева рассматривает превербы, наречия и именные группы с однокоренными послелогами в казымском диалекте как находящиеся в конкуренции, а выбор между ними – как мотивированный коммуникативными факторами: превербы употребляются в ОИ высказываниях, в которых рема состоит из преверба и предиката, а наречия и послеложные именные группы – в ЧИ высказываниях, в которых локализатор находится в реме [Кошкарева 2018: 60].

Наши наблюдения также показывают наличие различных стратегий в употреблении разных типов локализаторов, однако в качестве конкурирующих мы рассматриваем именные и наречные группы, так как употребление превербов и наречий одной семантической зоны (типа *ыӆ(ə)* ‘вниз’ – *ыӆən* ‘внизу’, *ыӆта* ‘снизу’, *ыӆнам* ‘вниз’) обусловлено противопоставлением типов пространственнхы ситуаций.

Именные группы с существительными в вершине появляются в широком круге контекстов с любыми коммуникативными статусами локализатора, поэтому мы рассматриваем их как прототипический способ выражения локализатора. Напротив, коммуникативный потенциал наречных групп ограничен, так как их употребление требует наличия общего представления об опоре локализации, которое может быть задано контекстом или фоновыми знаниями участников коммуникации. Так, наречия типа *йăӈə* ‘внутрь, в дом’ и *кэм* ‘наружу’ могут быть употреблены только в случаях, когда контекст предопределяет строение, в окрестностях которого происходит действие (как правило, это дом персонажа, существование которого обычно считается очевидной фоновой информацией и не требует

вербализации). Ср., например, начало текста, в котором очевидной считается информация, что у мальчика и его семьи есть дом:

(260) *Әй ай пăӽ пәрәли кэм ӓт, кэмән йӑнтӽаӆ* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 315].
әй ай пăӽ=∅ пәрәли кэм ӓт=∅ кэмән
один маленький мальчик=NOM дрянной наружу выйти=SUBJ.3SG снаружи
йӑнтӽ=аӆ=∅
играть=NPST=SUBJ.3SG
‘Один маленький мальчуган-сорванец во двор (из дому) вышел, на улице стал играть.’

(261) *Ӑнта аӈкиӆаӆ-йоӽӆаӆ йӑӷәнәт* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 315].
ӑнта аӈки=ӈ=аӆ-йоӽ=ӈ=аӆ=∅ йӑӷән=әт
наверное мать=POSSM.PL=POSSR.3SG-люди=POSSM.PL=POSSR.3SG=NOM дома=PL
‘Наверное, мать-другие родственники дома (были).’

Если из контекста невозможно определить, по отношению к какому строению совершается движение, то употребляются именные группы, например *ӷутәма* ‘в мой дом’, *ӷутәми* ‘из моего дома’. Ср. пример из того же текста, где мальчик покидает окрестности своего дома и речь идет о строении, не находящемся непосредственно в окрестностях говорящего:

(262) [Мальчик, бегая за рулоном бересты, перешел через реку и встретил там женщину, которая зовет его в свой дом.]
Ма ӷутәма йӱва, [*ма нӱӈат туӆәм*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 316].
ма ӷут=әм=а йӱв=а
я дом.POSSM.SG=POSSR.1SG=LAT идти=IMP.2SG
‘В мой дом иди, [я тебя проведу].’

Таким образом, отличительной особенностью именных групп от наречий является их способность вводить в текст неизвестные или неактивированные реалии, выступающие в роли опоры локализации, в то время как наречия или превербы обозначают только локализацию относительно известных и активированных реалий.

2) Следует отдельно остановиться на специфике превербов как способа выражения локализатора. В качестве одного из свойств превербов традиционно отмечается его размещение в позиции перед глаголом, за исключением случаев, в

которых он отделён от глагола частицами, а также редких примеров помещения преверба в постпредикатную позицию [Чепреги 2017: 198; Кошкарева 2018: 59].

Наши возможности оценить влияние превербов на порядок составляющих ограничена спорным отнесением некоторых лексем к превербам, однако анализ выборки подтверждает преобладающее размещение лексем, традиционно относимых к превербам, в предпредикатной позиции с возможным отделением частицами типа *чи*, *пə*, *кӱӌ* и *əнтə*, и наличие единичных примеров их постпредикатного размещения (263):

(263) [*Чэт йäӄə мəн ики,*] *ӆӱӽ əймəтаӆи пə əнтə тӱв йäӄə* [Голоса Югана 2021: 107].
ӆӱӽ=∅ əй мəтаӆи=∅ пə əнтə тув=∅ йäӄə
он=NOM один что-либо=NOM PRTCL.NEG NEG нести=SUBJ.3SG домой
‘И вот старик с пустыми руками домой пошёл.’
‘[Тут старик пошел домой,] он ничего домой не принес’ (перевод ИМП).

Сходные выводы, однако, могут быть сделаны и в отношении собственно наречий, примеры употребления которых в позиции не перед предикатом также редки на фоне других типов локализаторов (Таблица 51).

Таблица 51

Расположение локализатора относительно предиката в зависимости от его типа

Тип локализатора	**Количество примеров**	**Расположение относительно предиката**		
		Перед LOC PR	**После PR LOC**	**Дистанцированно LOC … PR**
Преверб	122	120	2	0
Наречие	87	80	4	3
Местоимение-наречие	170	136	0	34
Именная группа с существительным в вершине	423	291	14	118

Ограниченность позиции таких локализаторов приводит к ограничению использования порядка составляющих как средства коммуникативного варьирования.

3) Употребление вариантов статических местоимений-наречий. Мы отметили употребление двух вариантов местоимений-наречий с семантикой статической локализации: *тәт* // *тәтты* ‘тут’, *тӗт* // *тӗтты* ‘там’, *ҫӳт* // *ҫӳтты* ‘где’. Назовем первый вариант условно *усеченным*, второй – *расширенным*.

Для всех контекстов употребления расширенного варианта характерно вхождение компонента LOC в состав ремы высказывания. Особенно обращает на себя внимание его употребление в ситуациях общей верификации (264), поскольку для таких высказываний в других случаях характерно употребление коммуникативных вариантов с ремой на предикате:

(264) [Контекст: внук боялся, что кто-то мог его съесть во время ночёвки в лесу, поэтому проверяет целостность частей тела.]
[*Панӑ ӆӳват кӑлхӑлтӑӆ: кӑтам – та-а,*] *кӑтам тәтты* [Три мудрых совета 2020: 11].
кӑт=ам=∅ тәтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
‘[Ощупывает себя: рука – вот,] рука на месте’ [Три мудрых совета 2020: 13].

То же наблюдается в ситуациях совмещения в одном высказывании функций информирования и верификации:

(265) [Контекст: персонаж обходит несколько домов, в которых никого нет]
jɐːɣ әjnɐm tottit [OUDB].
йаҳ=∅ әйнам тӗтты=т
люди=NOM все там=PL
‘к шестому дому пришёл – дом полон, люди все там.’

Системное употребление в таких контекстах расширенных форм позволяет рассматривать их как рематические варианты соответствующих местоимений.

Несмотря на преимущественное употребление расширенных вариантов *тәтты* и *тӗтты* в высказываниях с эллипсисом предиката, которое указывает на их ассоциацию с предикативностью локализатора, встречаются единичные примеры их употребления в сочетании с предикатом (266):

(266) … [*чăӷа тэми ӆэйəӆӆ,*] *ӷот тӗтты омəсӆ* [Чепреги 2015: 21].
ӷот=∅ тӗтты омəс=ӆ=∅
дом там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘… [видит:] стоит там избушка’ [Там же: 75].

Употребление усеченных форм, наоборот, закономерно наблюдается в высказываниях с тематичным локализатором и рематичным субъектом:

(267) [Девочка-оленёнок спрашивает у матери-оленихи: «Что находится в амбаре?».]
Тут арпəкəт сăвнəт, кӳцмəт, ӷурит, вуньҷапəт [Айпин 2003б: 63].
тӗт арпəкəт сăвн=əт=∅ кӳцм=əт=∅ ӷури=т=∅ вуньҷəп=əт=∅
там разные куженька=PL=NOM туесок=PL=NOM корыто=PL=NOM набирка =PL=NOM
‘Там всякие куженьки, туески, корыта, набирки’ [Айпин 1986: 224].

(268) *Тəт Кӳрəӈ Войəӽ* [Айпин 2003б: 102].
тəт кӳр=əӈ войəӽ=∅
здесь нога=ADJ зверь=NOM
‘Вот Большая Медведица. Люди нашего рода называют его Ногастым Зверем, Лосем’ [Айпин 1986: 247].
‘Вот Лось (букв.: Ногастый зверь; здесь – название Большой Медведицы)’ (перевод ИМП).

(269) [Контекст: муж объясняет жене, почему вернулся с охоты с изорванной одеждой.]
[*Ма вӗнт войхəт кəнҷəм,*] *тӗт нӗвəт-мəтӆит* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 174].
тӗт нӗв=əт=∅-мəтӆи=т
там ветка=PL=NOM-что-то=PL
‘[Я на зверей охотился,] там (в лесу) сучки и всё такое.’

(270) [*Йăӽə ӆăӈ,*] *ӷөӆəм лөӽи тӗт* [Три мудрых совета 2020: 6].
ӷөӆəм лөӽи=∅ тӗт
три комната=NOM там
‘[В дом зашел,] там три комнаты’ [Там же: 9].

Таким образом, выбор вариантов указательных местоимений-наречий может рассматриваться как один из способов выражения коммуникативного статуса локализатора.

3.5.3. Определители и служебные слова

В состав реализаций компонентов входит ряд служебных слов и определителей, выполняющих коммуникативные функции.

Среди определителей, входящих в состав именных групп, выступающих в роли субъекта, объекта или локализатора, к коммуникативно значимым относится ряд местоимений-прилагательных: указательные (*чи*, *чу*, *тӑм*, *тэм*, *чиминт*, *чуминт*), неопределенные (*әй*, *мӱв урәп*, *мӱвә*, *мӱвә сир мӱвә*, *-мәтӆи*, *мәта*) и определительные (*па* ‘другой’, *каӌәӈ* // *кацәӈ* ‘каждый’, *әйнам* ‘все’). Комбинации местоимений образуют более сложные комплексы, например, *әй чуминт* ‘такой же’, *әй мәта* ‘какой-нибудь’. Такие определители выступают в качестве маркера отдельных коммуникативных аспектов компонента, в первую очередь характеризуют его отношение к предшествующему контексту. Мы не рассматриваем как непосредственный элемент коммуникативной структуры высказывания, так как их употребление не носит системного характера, однако используем их коммуникативном анализе.

Коммуникативный статус отдельных компонентов также может быть обозначен частицами. М. Чепреги выделяет в сургутском диалекте хантыйского языка семантические классы частиц со следующими значениями: согласие, отрицание, уверенность, желание, побуждение, ограничение, усиление, цитирование [Чепреги 2017: 206–210]. Среди них к частицам, для которых первичной функция является коммуникативная, относятся усилительные: *пә* ‘же’, *вәӆэ* ‘ведь’, *чи*, *-тө*, *-пар*, *йа* ‘ну’, *вәс* ‘ну, вот’, *чӑӈа* ‘же’. Несмотря на отнесение к одному семантическому классу, частицы из этого списка имеют разные коммуникативные функции, в частности, сочетаются преимущественно с тематическими или с рематическими компонентами. Объединяющим фактором является то, что они выступают в качестве показателя вторичных коммуникативных категорий, таких как контраст, верификация или эмфаза. В качестве маркера верификации в широком понимании могут также рассматриваться частицы, указывающие на повторяемость ситуации: *өс*, *опять* ‘опять’, *әчә* ‘тоже’. Вторичность частиц как элемента коммуникативной структуры обнаруживается при сопоставлении с некоторыми другими языками, например, японским [Heycock 2008] или тура [Van Valin 1999: 515], в которых присутствуют частицы, выступающие в качестве основного средства маркирования тематичности или рематичности компонента высказывания.

Так как рассмотренные средства не участвуют в формировании системных коммуникативных вариантов синтаксических единиц и не являются характерной особенностью бытийно-пространственных ТСС, то их анализ не входит в наши задачи. Подробное описание коммуникативных функций этих средств составляет перспективу дальнейших исследований в этой области.

3.5.4. Способы выражения негации

Структурной особенностью бытийной ТСС является противопоставление в ней двух способов выражения отрицания: частицы *әнтә*, употребляющейся и в других типах ТСС, и лексемы *әнтэм*, которая характеризуется разными исследователями как частица или специальная предикативная лексема [Sosa 2011б]. Использование специального показателя отрицания в бытийном предложении (бытийное отрицание), отмечается и в других восточных диалектах хантыйского языка [Filchenko 2012; Ковылин 2013].

Эта лексема употребляется в общеверификативных высказываниях, соответствующих утвердительным высказыванием с глаголом *вӑӆта* // *вӧӆта* ‘быть’ в значении временного местонахождения или существования. Несмотря на традиционное описание лексем *әнтэм* как предикативной, в нашем корпусе встречаются примеры ее употребления в сочетании с эксплицитно выраженным глаголом *вӑӆта* // *вӧӆта*. При эллипсисе этого глагола наблюдается согласование *әнтэм* по числу с субъектом: *әнтэм=әт* ‘их нет’. Кроме того, встречается употребление *әнтэм* в сочетании с аффиксом превратительного падежа *=ӯә* в сочетании с глаголом *йәта* ‘становиться’ в значении прекращения существования. Совокупность этих факторов показывает, что әнтэм проявляет свойства, характерные для прилагательных в составе именного сказуемого.

При анализе *әнтэм* типично указывается, что он употребляется при отрицании существования предмета. Анализ нашей выборки показывает, что он используется как при отрицании существования предмета, так и при отрицании его пространственной локализации, т. е. его употребление не позволяет дифференциро-

вать разные виды отрицаний. Выбор *әнтәм* в качестве маркера отрицания может рассматриваться как один из факторов дифференцирующих общеверификативные выказывания от частноинформативных, в которых употребляется исключительно *әнтә*.

* * *

Таким образом, выбор способов выражения отдельных компонентов ТСС является значимым фактором при анализе коммуникативной структуры высказывания и может рассматриваться как способ эксплицитного указания на коммуникативный статус отдельных компонентов ТСС. Тем не менее, за исключением нулевой анафоры, мы не рассматриваем эти средства как механизм варьирования ТСС, ведущий к образованию их системных коммуникативных вариантов.

3.6. Система коммуникативных вариантов бытийно-пространственных ТСС

В предшествующих разделах мы рассмотрели комплекс параметров, задействованных при коммуникативном варьировании бытийно-пространственных ТСС. Характер варьирования этих параметров разнороден. Два параметра (порядок составляющих и фразовая интонация) одинаково актуальны при характеристике коммуникативной вариативности всех рассматриваемых типов синтаксических структур, так как обусловлены базовыми свойствами линейно-временной организации высказывания и не зависят непосредственно от его формально-синтаксических свойств. Учитывая, что при реализации этих параметров наблюдаются отношения взаимного дополнения, то при описании коммуникативной парадигматики возможно говорить о единой комплексной *линейно-интонационной структуре* высказывания (ср. термин *линейно-акцентная структура*). Каждый вариант линейно-интонационной структуры ассоциирован с рематизацией одного из компонентов ТСС. Это позволяет выделить ряд направлений коммуникативных

вариантов, общих для коммуникативной системы всех ТСС, которые представлены в обобщённом виде в Таблице 52.

Таблица 52

Коммуникативные варианты бытийно-пространственных ТСС, обусловленные линейно-интонационной структурой

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	[S OB] LOC* PR	LOC
$КВ_2$	$КВ_2$	[OB LOC] S* PR	S
	$КВ_2'$	[OB] S* [LOC] PR	
$КВ_3$	$КВ_3$	[S LOC] OB* PR	OB
	$КВ_3'$	[S] OB* [LOC] PR	
$КВ_4$	$КВ_4$	[S OB LOC] PR*	PR

При составлении схем коммуникативных вариантов мы используем следующие принципы.

1) Отображение интонации. Символом «звёздочка» (*) при записи схемы коммуникативного варианта мы обозначаем его рематический центр, совпадающий с тональным пиком ИК-1. Интонационная характеристика компонентов, предшествующих рематическому пику ИК-1, не обозначается, так как её вариативность связана с выражением более тонких различий, не влияющих на общий коммуникативный тип высказывания, которые могут быть описаны в рамках внутреннего варьирования основного коммуникативного варианта.

2) Отображение возможности эллипсиса компонентов. Выбор способа выражения каждого компонента является ещё одним направлением варьирования коммуникативного варианта, однако допустимость эллипсиса компонента зависит от свойств самой коммуникативной структуры. С целью отражения этого явления компоненты, которые могут быть опущены, помещены в квадратные скобки.

3) Отображение порядка составляющих. Несмотря на то, что основные аспекты порядка составляющих отражены в схеме, для сокращения количества вариантов мы не учитываем вариативность порядка компонентов, заключённых в

квадратные скобки, так как их порядок, во-первых, определяется второстепенными коммуникативными факторами и, во-вторых, нейтрализуется при эллипсисе одного из этих компонентов. Для того, чтобы учесть возможность дистанцирования тематического локализатора от других тематических компонентов при помещении в позицию между центром ремы и предикатом, вводится ряд побочных коммуникативных вариантов, обозначенных символом «штрих» («′»).

При анализе плана выражения коммуникативных вариантов мы выделили ряд явлений, специфичных для отдельных ТСС, которые могут рассматриваться как дополнительные варианты внутри тех же групп вариантов. Рассмотрим отдельно систему коммуникативных вариантов каждой бытийно-пространственной ТСС.

3.6.1. Бытийная ТСС

Спецификой реализаций бытийной ТСС является возможность эллипсиса её предиката и согласования локализатора с субъектом по категории числа. Соответственно, в её коммуникативную парадигму (Таблица 53) включён ряд вариантов, в схеме которых отсутствует предикат и использован нижний индекс для обозначения возможности согласования локализатора с субъектом по числу (LOC_{REL}). Такие варианты отмечены символом нулевого множества («∅»).

Таблица 53

Коммуникативные варианты бытийной ТСС

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	$[S_{NOM}]$ LOC* PR	LOC
	$КВ_1^{\varnothing}$	$[S_{NOM}]$ LOC_{REL}*	
	$КВ_1^{\varnothing\prime}$	LOC_{REL}* $[S_{NOM}]$	
$КВ_2$	$КВ_2$	[LOC] S_{NOM}* PR	S
	$КВ_2'$	S_{NOM}* [LOC] PR	
	$КВ_2^{\varnothing}$	$[LOC_{REL}]$ S_{NOM}*	
	$КВ_2^{\varnothing\prime}$	S_{NOM}* $[LOC_{REL}]$	
$КВ_4$	$КВ_4$	$[S_{NOM}$ LOC] PR*	PR

Среди выделенных коммуникативных вариантов наблюдается три оппозиции, обусловленные варьированием порядка составляющих при сохранении общей тема-рематической организации, две из которых обусловлены эллипсисом предиката:

– $КВ_2$ // $КВ_2'$;

– $КВ_1^{\varnothing}$ // $КВ_1^{\varnothing\prime}$;

– $КВ_2^{\varnothing}$ // $КВ_2^{\varnothing\prime}$.

1) Оппозиция $КВ_2$ // $КВ_2'$ является частным случаем аналогичной оппозиции в других ТСС и носит ограниченный характер, так как $КВ_2'$ наблюдается в реализациях с определёнными способами выражения локализатора. В случае бытийной ТСС это противопоставление наблюдается преимущественно в реализациях с указательными местоимениями *məm* ‘здесь’ и *mə̆m* ‘там’. Нам не удалось установить однозначных критериев, которые позволили бы связать это противопоставление с конкретными характеристиками ситуации. Отсутствие такой связи доказывается существованием групп реализаций этих вариантов, репрезентирующих один и тот же тип ситуации:

(271) … [*сарнам ӆэйəӆ,*] *тьăӄа əй ӄот тӗт омəсӆ* [Чепреги 2015: 10].
чăӄа əй ӄот=∅ тӗт омəс=ӆ=∅
PRTCL один дом=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘Посмотрела она вперед: дом там стоял, дом такой’ [Там же: 64].
‘[Посмотрела вперед]: там стоит один дом’ (перевод ИМП).

(272) [*Ӄота йăӄə ӆăӈ*], *тэми тӗт əй пырəс ики омəсӆ* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 194].
тэми тӗт əй пырəс ики=∅ омəс=ӆ=∅
EVID там один старый мужчина=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘Внутрь дома вошёл, там один старый мужчина сидит.’
‘[Внутрь дома вошёл], там сидит один старый мужчина’ (перевод ИМП).

Так как в $КВ_2'$ рема помещается в начале реализации ТСС, то противопоставление между $КВ_2$ и $КВ_2'$ может трактоваться как противопоставление между нейтральным и экспрессивным вариантом высказывания, которое носит стилистический характер [Ковтунова 1976: 98–101]. Однако в этом случае необъясним тот факт, что употребление экспрессивного варианта ограничено реализациями с наречными местоимениями.

Несмотря на недостаточность существующей выборки для подробного статистического анализа, было отмечено неравномерное распределение вариантов порядка составляющих в конструкциях типа S *məm* / *тӗт* [PR] между рассматриваемыми источниками: в текстах Е. Д. Айпина преобладает порядок LOC S PR, который также частотен в сборнике «Сказки, рассказы с реки Лямы», в то время как в остальных источниках значительно более частотным является S LOC PR. Одним из возможных объяснений такого распределения может быть существование правила, ограничивающего употребление наречных местоимений *məm* и *тӗт* в позиции начала реализации бытийной ТСС, при условии, что действие этого правила распространяется только на часть источников. Относительно небольшое количество примеров в рассматриваемых источниках не позволяет сделать выводов о том, какими характеристиками (говором, жанром или стилистическими факторами) обусловлено это явление.

Фактором, противодействующим этому правилу, является то, что употребление $КВ_2$ соответствует общей парадигме бытийной ТСС, выстраиваемой на основе её реализаций с именными группами в позиции LOC. Это может обусловли-

вать тенденцию к выравниванию коммуникативной парадигмы под действием принципа аналогии. Косвенным фактором в этом выравнивании также может быть влияние русского языка, в котором в аналогичных ситуациях используется один и тот же КВ (ср. *В доме сидел один мужчина* и *Там сидел один мужчина*).

2) Коммуникативные варианты, образуемые реализациями бытийной ТСС с эллипсисом предиката, охарактеризованы в разделе 3.2.3. В обоих парах оппозиций преобладающим является вариант с финальным позиционированием рематического компонента:

$$КВ_1^{\emptyset}: [S_{NOM}]\ LOC_{REL}*$$
$$КВ_2^{\emptyset}: [LOC_{REL}]\ S_{NOM}*$$

Выбор иных вариантов наблюдается в единичных примерах с местоимениями *тәт* ‘здесь’ и *төт* ‘там’. Так как наблюдается системое употребление расширенных вариантов этих местоимений, описанное в разделе 3.5.2, при рематичности локализатора в таких контекстах, то употребление этих наречий может рассматриваться как вторичное средство выражения оппозиции между варинатами зоны $КВ_1$ и $КВ_2$, которое использования линейного выражения коммуникативного статуса этих компонентов факультативным:

$$КВ_1^{\emptyset\prime}: төтты* S_{NOM}$$
$$КВ_2^{\emptyset\prime}: S_{NOM}* төт$$

Таким образом, все вторичные оппозиции, обусловленные варьированием порядка составляющих, могут рассматриваться как исключения, обусловленные специфическим статусом местоимений-наречий как способа выражения локализатора.

3.6.2. ТСС движения

Набор коммуникативных вариантов ТСС движения по составу и коммуникативным функциям близок к набору коммуникативных вариантов бытийной ТСС. В состав коммуникативной парадигмы ТСС движения входит ряд вариантов, обусловленных залоговым варьированием. В Таблице 54 такие варианты отмечены верхним индексом PASS, а их схема дополнена соответствующей маркировкой морфологического оформления компонентов.

Таблица 54

Коммуникативные варианты ТСС движения

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	$[S_{NOM}]$ LOC* PR_{ACT}	LOC
$КВ_2$	$КВ_2$	[LOC] S_{NOM}* PR_{ACT}	S
	$КВ_2'$	S_{NOM}* [LOC] PR_{ACT}	
	$КВ_2^{PASS}$	$[LOC_{NOM}]$ S_{LOC}* PR_{PASS}	
$КВ_4$	$КВ_4$	$[S_{NOM}$ LOC] PR_{ACT}*	PR
	$КВ_4^{PASS}$	$[S_{LOC}$ $LOC_{NOM}]$ PR_{PASS}*	

В парадигме ТСС движения наблюдается два типа вторичных оппозиций: обусловленная порядком составляющих ($КВ_2$ // $КВ_2'$) и выбором залогового варианта ($КВ_2$ – $КВ_2'$ // $КВ_2^{PASS}$; $КВ_4$ // $КВ_4^{PASS}$).

1) Как и в случае бытийной ТСС, спецификой набора коммуникативных вариантов с рематизацией S является оппозиция двух вариантов, различающихся порядком составляющих ($КВ_2$ и $КВ_2'$). $КВ_2'$ употребляется преимущественно в реализациях с локализатором, выраженным наречной группой. Реализация $КВ_2'$ наблюдается при введении в текст субъекта с перспективы контекстуально определённого локализатора, независимо от того, является ли он не предопределённым контекстом (273) или сопровождается оттенком верификативности (274):

(273) [*Ты̆у омəстиннə əй ӈатнə*] *вурӈи тӗ̆хə йӗ̆вət* [Голоса Югана 2021: 114].
вурӈи=∅ тӗ̆хə йӗ̆вət=∅
ворона=NOM туда прийти=SUBJ.3SG
‘Раз как-то ворона к ним прилетела, пока они так сидели.’
‘[Пока они так сидели,] туда (к ним) прилетела ворона’ (перевод ИМП).

(274) [Контекст: непослушных детей предупредили о том, что кто-то может прийти, если они не перестанут баловаться.]
Мäӈк Ики ӌет йӑӷənам ӈӑӈалӈ [Детские сказки Варьёганских ханты 2006: 64].
Мäӈк Ики=∅ тət йӑӷə=нам ӈӑӈ=алӈ=∅
Менк-ики=NOM здесь в дом=APPRX заходить=NPST=SUBJ.3SG
‘В дом заходит Менк’ [Там же: 65].
‘Тут в дом заходит Менк-ики’ (перевод ИМП).

Употребление в таких ситуациях $КВ_2'$ показывает, что характер коммуникативного варьирования реализаций ТСС движения с именной и наречной группой в роли локализатора различается. При употреблении именной группы $КВ_2'$ встречается в единичных примерах типа (275), где порядок составляющих обусловлен, по всей видимости, связью между выражением *йəӈəп нӗ̆мəс* ‘новая мысль’ и предшествующей прямой речью.

(275) [– *Өс юхət-пөмət өӈтə вäр төйӈət?* –] *йəӈəп нөмəс ма ухəма йӯхət* [Айпин 2003б: 9].
йəӈəп нӗ̆мəс=∅ ма уӽ=əм=а йӗ̆хət=∅
новый мысль=NOM я голова.POSSM.SG=POSSR.1SG=LAT прийти=SUBJ.3SG
‘– И деревья-травы ночью спят? – спрашиваю маму’ [Айпин 1986: 190].
‘[– А деревья-травы тоже спят? –] новая мысль пришла мне в голову’ (перевод ИМП).

$КВ_2'$ также преобладает в реализациях ТСС движения с локализатором, выраженным личным местоимением (276)–(278). Такие высказывания описывают взаимодействие двух лиц, обозначенных субъектом и локализатором.

(276) [*Ӑвəс ӆаӆ кəӈəмтətə ӈатнə, ӑвəс ӆаӆ тəхə йӗ̆вəттə ӈатнə,*] *ӑвəс ӗ̆рт нӯӈаты сөӌəӈ* [Чепреги 2015: 20].
ӑвəс ӗ̆рт=∅ нӯӈ=ат=ы сөӌ=əӈ=∅
низ_реки богатырь=NOM ты=OBL=DAT шагать=NPST=SUBJ.3SG
‘Как появится северное войско, когда сюда прибудет, подойдет к тебе, – говорит – северный богатырь, он убить тебя подойдет’ [Там же: 74].
‘Когда появится северное войско, когда сюда придёт северное войско, к тебе подойдёт северный (букв.: с низовья реки) богатырь’ (перевод ИМП).

(277) *Ӧӈәӷил ӆўвати йӧвәтӆ…* [Голоса Югана 2021: 100].
ӧӈәӷи=ӆ=∅ ӆўв=ат=ы йӧвәт=ӆ=∅
сноха=POSSR.3SG=NOM он=OBL=DAT прийти=NPST=SUBJ.3SG
‘Сноха к нему ходит.’

(278) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукәт ӆўваты суцәт, [*пыриӆәӆ, ӷўты йәу*] [Айпин 2003а: 53].
пастук=әт=∅ ӆўв=ат=ы сөц=әт
пастух=PL=NOM он=OBL=DAT шагать=SUBJ.3PL
‘Подошли пастухи узнать, что случилось’ [Айпин 1986: 170].
‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось]’ (перевод ИМП).

Реализации с личными местоимениями отличаются от реализаций с наречными группами тем, что в них в аналогичных коммуникативных ситуациях употребляется и $КВ_2$ (279):

(279) [Контекст: один мужчина живёт в доме, к нему приезжает неназванный гость.]
Ӆўваты мӑӌ ӷө, мойәӆтә ӷө йӧвәт [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 179].
ӆўв=ат=ы мӑӌ ӷө=∅ мойәӆ=тә ӷө=∅ йӧвәт=∅
он=OBL=DAT проезжий мужчина=NOM гостить=NPP мужчина=NOM прийти=SUBJ.3SG
‘К нему проезжий человек, гостевой человек приехал.’

2) Оппозиции, обусловленные выбором залогового варианта конструкции, рассмотрены в разделе 3.4.3.1. Спецификой высказываний, в которых употребляется страдательный залог, является нетипичное расположение S и LOC в иерархии потенциальной тематичности, поэтому варианты $КВ_2^{PASS}$ и $КВ_4^{PASS}$ употребляются преимущественно в контекстах с известными одушевленными локализаторами. Тем не менее, анализ показывает, что активные залоговые варианты также могут употребляться в аналогичных контекстах. По этой причине выбор одного из этих вариантов может рассматриваться как относительно свободный.

3.6.3. ТСС перемещения

Противопоставление в составе ТСС перемещения трёх предметных компонентов (субъекта, объекта и локализатора) обусловливает проявление в их коммуникативной парадигме свойств, характерных для акциональных предложений (страдательный залог, объектное спряжение) и специфических свойств, не встре-

чающихся в парадигмах других ТСС (оппозиция по способу маркирования компонентов).

Мы обозначим верхним индексом INSTR коммуникативные варианты, спецификой который является маркирование объекта формой творительного падежа, и OBJ варианты, в которых употребляется объектное спряжение. Итоговая парадигма ТСС перемещения представлена в Таблице 55.

Таблица 55

Коммуникативные варианты ТСС перемещения

Группа вариантов	**Вариант**	**Схема**	**Центр ремы**
$КВ_1$	$КВ_1$	$[S_{NOM}\ OB_{ACC}]\ LOC^*\ PR_{ACT}$	LOC
	$КВ_1^{OBJ}$	$[S_{NOM}\ OB_{ACC}]\ LOC^*\ PR_{ACT.OBJ}$	
	$КВ_1^{PASS}$	$[S_{LOC}\ OB_{NOM}]\ LOC^*\ PR_{PASS}$	
$КВ_2$	$КВ_2'$	$[OB_{ACC}]\ S_{NOM}^*\ [LOC]\ PR_{ACT}$	S
	$КВ_2^{PASS,}$	$[OB_{NOM}]\ S_{LOC}^*\ [LOC]\ PR_{PASS}$	
$КВ_3$	$КВ_3$	$[S_{NOM}\ LOC]\ OB_{ACC}^*\ PR_{ACT}$	OB
	$КВ_3'$	$[S_{NOM}]\ OB_{ACC}^*\ [LOC]\ PR_{ACT}$	
	$КВ_3^{PASS,}$	$[S_{LOC}]\ OB_{NOM}^*\ [LOC]\ PR_{PASS}$	
	$КВ_3^{INSTR}$	$[S_{NOM}\ LOC_{ACC}]\ OB_{INSTR}^*\ PR_{ACT}$	
	$КВ_3^{INSTR+PASS}$	$[S_{LOC}\ LOC_{NOM}]\ OB_{INSTR}^*\ PR_{PASS}$	
$КВ_4$	$КВ_4$	$[S_{NOM}\ OB_{ACC}\ LOC]\ PR_{ACT}^*$	PR
	$КВ_4^{OBJ}$	$[S_{NOM}\ OB_{ACC}\ LOC]\ PR_{ACT.OBJ}^*$	
	$КВ_4^{INSTR}$	$[S_{NOM}\ LOC_{ACC}]\ OB_{INSTR}\ PR_{ACT}^*$	
	$КВ_4^{INSTR+PASS}$	$[S_{LOC}\ LOC_{NOM}]\ OB_{INSTR}\ PR_{PASS}^*$	

В парадигме ТСС перемещения отмечается только одна вторичная оппозиция, обусловленная порядком составляющих ($КВ_3$ // $КВ_3'$), и целый ряд вторичных оппозиций, обусловленных конструктивным варьированием.

1) Оппозиция $КВ_3$ // $КВ_3'$ имеет ограниченный характер, так как $КВ_3'$ репрезентировано единичными примерами с локализатором, выраженным местоимением-наречием (см. раздел 3.2.2.3). Эта оппозиция вписывается в ряд аналогичных оппозиций, выявленных в парадигме других ТСС.

2) Спецификой ТСС перемещения является широкая представленность в её парадигме коммуникативных вариантов, обусловленных ее конструктивным варьированием, образующих целый ряд вторичных оппозиций. Как было показано в 3.4, это варьирование имеет в разной степени ограниченный характер и в некоторых случаях может рассматриваться как дублирующее функции линейно-интонационной структуры.

Залоговое варьирование ассоциировано с определённостью объекта, выполняющего роль формального подлежащего ($ОВ_{NOM}$ или LOC_{NOM}), однако реализуется в семантически ограниченном наборе реализаций ТСС перемещения, имеет факультативный характер (ср., например, оппозицию $КВ_3'$ // $КВ_3^{PASS}'$), а место этого компонента в коммуникативной структуре высказывания может определяться порядком составляющих и интонацией (ср., например, оппозицию $КВ_2^{PASS}'$ // $КВ_3^{PASS}'$ с оппозицией $КВ_2'$ // $КВ_3'$).

Варьирование типа спряжения согласуется с контекстуальной активированностью и известностью объекта, однако имеет факультативный характер. Кроме того, тематичность объекта обеспечивается одновременно и линейно-интонационной структурой за счёт помещения объекта в дистанцированную от предиката позицию и его оформление соответствующей интонацией.

Маркирование объекта творительным падежом ($КВ_3^{INSTR}$, $КВ_4^{INSTR}$, $КВ_4^{INSTR+PASS}$) образует коммуникативно релевантную оппозицию в семантически ограниченном наборе реализаций ТСС перемещения, но во всех случаях соотносится с позиционированием объекта в предпредикатной позиции, что в сочетании

с помещением на него интонационного пика высказывания обеспечивает его рематический статус (ср. $КВ_3$ // $КВ_3^{INSTR}$).

* * *

Таким образом, в парадигме бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка действуют сходные принципы варьирования, позволяющие выделить серию базовых вариантов, отражающих маркирование первого компонента ремы интонационным пиком и, в случае предметных компонентов, помещением в предпредикатную позицию. Серия исключений, приводящая к появлению вторичных оппозиций, наблюдается при позиционировании нерематического локализатора, выраженного непрототипическими средствами, в позицию перед предикатом, при рематическом субъекте или объекте. Возможность такого позиционирования обусловлена, по всей видимости, специфическим статусом таких предикатов. Параллельно наблюдается серия вторичных оппозиций, обусловленных конструктивными вариантами. Эти оппозиции накладываются на оппозиции, заданные линейно-интонационным устройством коммуникативного варианта и ни в одном из случаев не являются обязательным условием для построения высказывания с определенным коммуникативным устройством.

3.7. Типологическая характеристика коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка в свете коммуникативной парадигматики бытийно-пространственных ТСС

Типология коммуникативных систем, ориентированная на набор средств выражения коммуникативных оппозиций, предложена Р. Ван Валином [Van Valin 1999]. Она учитывает два критерия. Первый характеризует подвижность порядка составляющих: выделяются языки, обладающие низкой или высокой подвижностью порядка составляющих (в терминах Р. Ван Валина *жестким* и *гибким синтаксисом*). Второй критерий характеризует языки с точки зрения подвижности

позиции темы и ремы в линейной структуре высказывания (в терминах Р. Ван Валина языки с *жесткой* и *гибкой фокусной структурой*). В языках с гибкой фокусной структурой потенциальной областью ремы (англ. *potential focus domain*) является любая часть высказывания, в то время как в языках с жесткой фокусной структурой эта область ограничена только определенной его частью. Пересечение этих двух признаков приводит к выделению четырёх типов языков, примеры которых представлены в Таблице 56.

Таблица 56

Примеры типов языков в классификации Р. Ван Валина

		Позиция ремы	
		Ограниченная	**Свободная**
Порядок составляющих	**Фиксированный**	I: французский, тоба-батак	III: английский, тура
	Вариативный	II: сесото, итальянский	IV: русский, польский

Каждый тип коммуникативной системы отличается совокупностью признаков, которые охарактеризованы Р. Ван Валином следующим образом.

В языках типа I ограниченное позиционирование ремы и слабая подвижность порядка составляющих требует широкого использования конструктивных вариантов синтаксических структур и других специализированных средств, которые позволяют передвинуть каждый компонент в линейную позицию, соответствующую его коммуникативной функции. Примером этого типа был бы язык, в котором основным способом выражения оппозиции между высказываниями с разными рематическими актантами является использование залоговой трансформации, например:

Высказывание	*Я* *купил*	***книгу***.
АЧ	T	R

Высказывание	*Книга* *куплена*	***мной***.
АЧ	T	R

В языках типа II ограниченность позиции ремы компенсируется за счёт вариативности порядка составляющих. Например, если в языке положение в начале высказывания не совместимо с ремой, то компонент, для которого в других условиях характерно помещение в начале высказывания, при рематизации может быть перемещён в конец высказывания:

Высказывание	*Я* *купил*	***книгу***.
АЧ	T	R

Высказывание	*Книгу* *купил*	***я***.
АЧ	T	R

В языках типа III ремой может быть любой компонент независимо от его позиции в высказывании, однако порядок компонентов неизменен. В таком случае широкое значение приобретает использование средств, позволяющих маркировать компонент как рематический при неизменности его места в высказывании. Соответственно, в таких языках встречаются развитые системы оппозиций, обусловленные интонационными, лексическими или грамматическими маркерами коммуникативных статусов. Ср. пример такой оппозиции, выраженной при помощи интонационного выделения рематизированного компонента:

Высказывание	*Я* *купил*	***книгу***.
АЧ	T	R

Высказывание	***Я***	*купил* *книгу*.
АЧ	R	T

В языках типа IV, которые часто называются *языками со свободным порядком слов*, линейная и коммуникативная структура не адаптируются друг к другу, как в остальных случаях, а находятся в сложных взаимоотношениях. В таких язы-

ках, как правило, допустимо большое количество вариантов порядка составляющих в синтаксической структуре, обусловленное комплексом разнородных факторов. Следствием открытости коммуникативной структуры таких языков является то, что они могут располагать множеством разнотипных средств выражения одной и той же коммуникативной оппозиции, и потому в них могут реализовываться все типы оппозиций, представленные в языках других типов.

Рассмотрим коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка с точки зрения критериев, предложенных Р. Ван Валином.

1) Порядок составляющих. При характеристике вариативности порядка составляющих необходимо различать две перспективы на это явление. Традиционным является анализ порядка составляющих как типологического признака, определяемого набором допустимых или частотных вариантов расположения компонентов в предложении. С этой точки зрения порядок составляющих в сургутском диалекте хантыйского языка может быть охарактеризован как вариативный, но ограниченный, так как разные расположения компонентов в рамках одной ТСС (например, S LOC PR и LOC S PR) являются допустимыми и частотными, однако существуют варианты расположения компонентов, не встречающиеся в рассматриваемой выборке или встречающиеся чрезвычайно редко (например, S PR LOC). В этом контексте сургутский диалект хантыйского языка не сопоставим с по характеру вариативности порядка составляющих языками, рассматриваемыми в качестве примеров типов II и IV в классификации Р. Ван Валина.

При анализе вариативности порядка составляющих с перспективы коммуникативной парадигматики значимым является не сам факт того, что порядок составляющих вариативен в определенных пределах, а то, что его варьирование может быть основанием для противопоставления высказываний разных типов. По этому критерию сургутский диалект хантыйского языка относится к типу языков с вариативным порядком составляющих, что становится явным при его сопоставлении с языками типов I и III, где оппозиции типа S LOC PR и LOC S PR, составляющие базис коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского язы-

ка, могут быть достижимы только путём использования конструктивных средств варьирования.

Таким образом, мы считаем закономерным отнести сургутский диалект хантыйского языка к группе языков с вариативным порядком составляющих.

2) Позиция ремы. Характерной чертой коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка является наличие в ней устойчивой тенденции к помещению рематических именных компонентов в предпредикатную позицию. С учетом того, что предикат занимает конечную позицию в высказываниях с рематизацией предиката, может быть предложен вариант описания этой системы, в котором потенциальная область ремы ограничена предикатом и непосредственно предшествующим ему компонентом:

…	$COMP_3$	$COMP_2$	$COMP_1$	PR
			потенциальная область ремы	

Ограничение, сформулированное таким образом, не охватывает всю систему коммуникативных вариантов, так как не согласуется с существованием коммуникативных вариантов типа S* LOC PR при непрототипическом выражении локализатора. Для того, чтобы учесть такие высказывания, предложенная формулировка может быть уточнена путем введения в потенциальную область ремы дополнительного компонента COMP0 с соответствующими ограничениями на его тип:

…	$COMP_3$	$COMP_2$	$COMP_1$	$COMP_0$	PR
			потенциальная область ремы		

Таким образом, наш анализ позволяет сконструировать ограничение на позицию ремы, хотя это ограничение не является настолько жестким, как в других языках, рассмотренных Р. Ван Валином (например, сесото и сетсвана, в которых невозможно появление рематических компонентов перед предикатом [Van Valin

1999: 517]). По этой причине позиция ремы в сургутском диалекте хантыйского языка может быть охарактеризована как относительно ограниченная.

Таким образом, сопоставление этих классификационных признаков позволяет охарактеризовать коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка как систему переходного типа, в которой преобладают черты типа II. Наше исследование показывает, что базовые коммуникативные оппозиции в сургутском диалекте хантыйского языка обеспечиваются за счет варьирования порядка составляющих, как характерно для языков этого типа. Специфичной чертой сургутского диалекта, выделяющей его на фоне языков этой группы, является расширенная потенциальная область ремы, благодаря которой между компонентами, лежащими внутри этой области, возможны периферийные оппозиции, обеспечивающиеся средствами интонации (S LOC* PR – S* LOC PR). Наличие таких оппозиций сближает сургутский диалект хантыйского языка с языками типа IV, характеризующимися свободной позицией ремы.

Представленные результаты контрастируют с оценками, приводимым в предшествующих публикациях, затрагивающих вопрос соотношения компонентов плана выражения в коммуникативной системе сургутского диалекта хантыйского языка, в частности, в статье Н. Б. Кошкаревой [2007a] и в сопоставительном обзоре средств выражения коммуникативных оппозиций в уральских языках [The Oxford Guide to the Uralic languages]. В этих публикациях морфосинтаксические средства (употребление пассивной конструкции, объектного спряжения и стратегии с инструментальным маркированием объекта) рассматриваются как центральные элементы системы средств выражения коммуникативных значений, а порядок составляющих характеризуется как маловариативный и малозначимый. Так, Н. Б. Кошкарева дает следующую оценку роли порядка составляющих в хантыйском языке: «В хантыйском языке, в отличие от русского, порядок слов не является основным средством выражения актуального членения, так как возможности его варьирования ограничены» [Кошкарева 2007a: 34]. Авторы раздела «The Oxford Guide to the Uralic languages», посвященного информационной структуре, не относят порядок составляющих к средствам, входящим в инвентарь информационной

структуры хантыйского языка [The Oxford Guide to the Uralic languages: 1033]. Этот факт рассматривается как одно из оснований для типологического обособления сибирских уральских языков: «Siberian languages form a separate area with their fixed word order, object agreement, and dative shift, and the Ob-Ugric languages – as their core – also with a strong, topicalizing passive» («Сибирские языки формируют отдельную зону [характеризующуюся] фиксированным порядком слов, объектным согласованием и dative shift, и [в случае] обско-угорских языков, составляющих их ядро – сильным топикализирующим пассивом») [Там же: 1034]. Такие оценки характеризуют хантыйский язык как проявляющий черты типа I в классификации Р. Ван Валина.

Наше исследование позволяет ставить под сомнение эти утверждения в контексте коммуникативной вариативности бытийно-пространственных ТСС. В основе этого расхождения лежат два аспекта традиционного анализа коммуникативной системы, нашедших отражение в указанных работах. Во-первых, преимущественное обращение к ТСС с позицией объекта и, соответственно, характерным для них конструктивным вариантам, которые не встречаются или встречаются реже в парадигмах других ТСС и потому не могут рассматриваться как определяющий элемент всей коммуникативной системы. Во-вторых, рассмотрение вариативности порядка составляющих бытийной ТСС как обособленного явления, лежащего вне общих закономерностей коммуникативной системы, которое обусловлено противопоставлением экзистенциальных и локативных конструкций на уровне структурно-семантических, а не коммуникативных вариантов этой ТСС. Совокупность этих факторов приводит к недостаточной репрезентации порядка составляющих как общего средства коммуникативного варьирования широкого круга ТСС, и, как следствие, потенциальной недооценке типологической близости как хантыйского, так и других языков со сходными коммуникативными системами к языкам с более вариативным порядком составляющих.

Представленные наблюдения показывают типологическую близость сургутского диалекта хантыйского языка не только к другим хантыйским диалектам (как восточным [Filchenko 2007], так и западным [Nikolaeva 1999a, 1999б; Кошкарева

2007]), но и к другим языкам западносибирского ареала, в коммуникативных системах которых, как показывают последние исследования [Ким-Малони, Ковылин 2018; Крюкова, Ковылин, Лемская, Токмашев, Фильченко 2020; Лемская 2020; Токмашев 2020; Virtanen 2021; Lemskaya 2022], проявляется множество сходных черт: вариативный порядок составляющих, обусловленность его варьирования коммуникативными факторами, часто с тенденцией к помещению рематических компонентов в предпредикатную позицию, и наличие в разной степени жестких ограничений на помещение компонентов в постпредикатную позицию. В этом контексте коммуникативная система сургутского диалекта хантыйского языка может рассматриваться как репрезентирующая один из устойчивых типов коммуникативных систем, распространённых в западносибирском ареале.

Выводы

Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка обеспечивается системой из двух базовых средств – порядка составляющих и фразовой интонации. Участие в парадигматике этих ТСС конструктивных средств ограничено: оно наблюдается только в определённых типах реализаций, а их употребление в большинстве случаев может рассматриваться как факультативное. Совокупность наблюдаемых в рассматриваемом корпусе текстов реализаций этих ТСС может быть описана как воплощение серии однотипных коммуникативных вариантов, обусловленных выбором рематического компонента высказывания, с некоторыми дополнительными факторами, которые обусловливают внутреннюю вариативность этих вариантов. Специфическими чертами коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка, обусловливающими ее типологическую характеристику, является наличие ограничений на вариативность порядка составляющих и относительная ограниченность части высказывания, в которой может реализовываться рема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединение ТСС бытия, движения и перемещения в единый бытийно-пространственный блок обусловлено общностью их семантических (пространственная семантика изосемических реализаций и общие пути метафоризации), формальных (набор компонентов и основных способов их выражения) и коммуникативных свойств. Их глубинная связанность обеспечивает их закономерное противопоставление на формальном и семантическом уровне, определяемое представлением о динамике и каузации как ядерных аспектах семантики ТСС движения и перемещения, находящих выражение в их синтаксической организации и выборе способов выражения их локализаторов и предикатов.

В то время как семантика предиката отражает комплекс состояний и действий субъекта локализации, её опоры и потенциального каузатора, в том числе подвижность или неподвижность как один из ключевых признаков участника пространственной ситуации, локализатор предоставляет языковые средства характеризации складывающегося между субъектом и опорой отношения, как с точки зрения его пространственной организации, так и с точки зрения его изменчивости. Характерной чертой системы средств выражения пространственных отношений в сургутском диалекте хантыйского языка является разнообразие структурных типов локализаторов и их гибкость с точки зрения выражения разных типов пространственных отношений, обеспечиваемая четырьмя пространственными падежами, послелогами и их падежным варьированием, превербами и наречиями, встраиваемыми в общую систему оппозиций на основе их словообразовательных связей. Эти типы локализаторов являются базовым средством противопоставления не только ТСС бытия и движения, но и ряда структурно-семантических вариантов ТСС движения, выражающих разное представление о месте пространственного отношения в процессе движения.

Специфика ТСС перемещения обусловлена совмещением в ней как в формальном, так и семантическом плане признаков синтаксических единиц бытийно-

пространственного и акционального блоков. Одним из следствий этой двойственности является наличие у ТСС перемещения расширенной по сравнению с другими бытийно-пространственными ТСС серии конструктивных вариантов, как общих с акциональными (по типу спряжения), так и проистекающих из её уникального набора компонентов (по способу маркирования объекта и локализатора). Общей чертой варьирования всех трех ТСС является конструктивное варьирование по категории залога, что является типологически уникальным свойством обско-угорских языков, однако каждая ТСС характеризуется собственным набором продуктивных и малопродуктивных вариантов пассивной конструкции.

Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных ТСС обеспечивается рядом средств, из которых наиболее системными являются порядок составляющих, фразовая интонация и конструктивная вариативность. Несмотря на наличие некоторых статистических различий, в основе варьирования порядка составляющих этих ТСС лежит общая модель, отражающая как сходством их структуры и семантики, так и функционированием в них единого принципа варьирования, охватывающего всю коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка и связанного с особенностями взаимодействия между его линейной и интонационной структурами. В основе этого принципа лежит обязательное маркирование финальной части высказывания ИК-1 с тональным пиком в начале рематического сегмента и нисходящим движением тона к концу высказывания. Соответственно, основным способом выражения включенности предметного компонента в состав ремы является его помещение в предпредикатную позицию, что обусловливает универсальность оппозиций типа S **LOC*** PR // LOC **S*** PR. По этой причине базовым аспектом, определяющим формальное устройство коммуникативного варианта, является выбор компонента структуры ТСС, выступающего в роли ядерного компонента ремы.

Оппозиции между линейно-интонационными вариантами ТСС формируют ядро коммуникативной парадигмы всех трех ТСС. В составе этих парадигм также наблюдаются серии вторичных оппозиций, обусловленных дополнительной вариативностью порядка составляющих в реализациях этих ТСС с непрототипиче-

скими способами выражения локализатора, а также рядом конструктивных вариантов. Конструктивные варианты по категориям залога и типа спряжения рассматриваются нами как маркеры вторичных коммуникативных оппозиций, обусловленных свойствами отдельных компонентов ТСС, и имеют факультативный характер. Варианты, различающиеся стратегией маркирования объекта и локализатора, чаще всего выражают те же оппозиции, что и линейно-интонационная структура, и потому согласуются с определенными типами линейно-интонационных структур.

Общие принципы варьирования линейно-интонационной структуры отражают два типологически значимых признака коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Во-первых, область компонентов, которые могут входит в рему, может рассматриваться как ограниченная предикатом и предшествующим ему компонентом, занимающим позицию, традиционно описываемую как рематическая. Характерной особенностью рассматриваемого диалекта является то, что между предикатом и рематическим компонентом допустимо вхождение локализатора, выраженного наречной группой или личным местоимением. Наличие таких компонентов мотивирует появление дополнительного ряда коммуникативных вариантов и составляет специфику сургутского диалекта хантыйского языка на фоне других языков с ограниченной потенциальной областью ремы. Во-вторых, в рассматриваемой коммуникативной системе задействована вариативность порядка составляющих, однако эта вариативность ограничена, так как порядки составляющих с постпредикатным размещением компонентов ТСС, хотя и зафиксированы в выборке, относятся к периферии коммуникативной системы. Следствием этого ограничения является заметное отличие механизмов коммуникативного варьирования в сургутском диалекте от языков с более свободным порядком составляющих. Эти признаки, дополняя друг друга, образуют устойчивый тип коммуникативной системы, разновидности которого представлены в ряде типологически и генетически разнородных языков Западной Сибири.

Результаты представленного исследования позволяют говорить о наличии перспектив проведения дальнейших исследований в этой области. С одной сторо-

ны, закономерным является расширение круга рассматриваемых материалов, что позволит проследить особенности функционирования описанных здесь средств коммуникативного варьирования на материале других ТСС. Раскрытие коммуникативных функций ряда отмеченных здесь аспектов системы сургутского диалекта, например пассивных конструктивных вариантов в парадигмах разных ТСС, некоторых параметров выражения компонентов ТСС (частиц, вариантов указательных местоимений, способов выражения отрицания) и периферийных порядков составляющих с нефинальным предикатом, требует проведения дополнительных исследований с привлечением большего объема данных. Представленные здесь подходы к описанию семантического устройства бытийно-пространственных ТСС и анализу коммуникативного варьирования этих ТСС через призму их структуры и семантики могут быть использованы как базис для исследования синтаксиса других языков Сибири и стать основой для разработки общей типологии вариативности бытийно-пространственных ТСС.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Сокращения терминов, используемые в тексте работы:

АЧ – актуальное членение

бТСС – типовая синтаксическая конструкция бытия

дТСС – типовая синтаксическая конструкция движения

ИГ – именная группа

ИК – интонационная конструкция

КВ – коммуникативный вариант

ОВ – общеверификативный

ОИ – общеинформативный

ПЛК – Пражский лингвистический кружок

ПМА – полевые материалы автора

ППК – полипредикативная конструкция

пТСС – типовая синтаксическая конструкция перемещения

СДХЯ – сургутский диалект хантыйского языка

ТСС – типовая синтаксическая структура

ЧИ – частноинформативный

ЧВ – частноверификативный

ЧОТ – частота основного тона

ЭПП – элементарное простое предложение

ACC / INSTR – аккузативно-инструментальная стратегия маркирования компонентов, при которой локализатор обозначен формой винительного падежа (направительного или дательного), а объект – творительного

LAT-DAT / ACC – лативно-аккузативная стратегия маркирования компонентов, при которой локализатор маркирован формой пространственного падежа (направительного или дательного), а объект – винительного

Сокращения, используемые при глоссировании примеров:

1 – 1-е лицо

2 – 2-е лицо

3 – 3-е лицо

ABESS – словообразовательный аффикс прилагательного со значением отсутствия признака или необладания предметом

ABL – исходный падеж (аблатив)

ACT – действительный залог

ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного

ADV – словообразовательный аффикс наречия

APPRX – общенаправительный падеж (аппроксиматив)

ASP – аспектуальный показатель

ATTEN – аттенуатив

CAUS – каузативность

COM – совместный падеж (комитатив)

CONJ – союз

CV – деепричастие

DAT – дательный падеж (датив) личных местоимений

DIM – диминутив

DU – двойственное число (дуалис)

EVID – показатель эвиденциальности

IMP – повелительное наклонение

INF – инфинитив

INSTR – творительный падеж (инструменталис)

INTERJ – междометие

INIT – показатель начальной фазы действия

LAT – направительный падеж (латив)

LOC – местный падеж (локатив)

MOM – показатель моментальности действия

MULT – показатель многократности действия (мультипликатив)

NOM – основной падеж (номинатив)

NEG – отрицательный показатель

NPP – причастие непрошедшего времени

NPST – непрошедшее время

OBJ – объектное спряжение

OBL – косвенная форма личных местоимений

PASS – страдательный залог (пассив)

PL – множественное число (плюралис)

PP – причастие прошедшего времени

PRTCL – частица

PRTCL.CONJ – побудительная частица

PRTCL.EMPH – усилительная частица

PRTCL.INDEF – частица-показатель неопределённого местоимения

PRTCL.NEG – отрицательная частица

PRTCL.QUOT – частица цитирования

PST – прошедшее время

PN – имя собственное

POSSM – обладаемое (посессум)

POSSR – обладатель (посессор)

REFL – рефлексивность

SG – единственное число (сингулярис)

SUBJ – субъектное спряжение

TRANSL – превратительный падеж (транслатив)

∅ – нулевой аффикс

Сокращения, используемые при записи моделей синтаксических единиц:

ADV – наречие

DICT – диктум

EXP – экспериенцер

FIN – финитная форма глагола

LOC – локализатор

MOD – модус

N – существительное

POSTP – послелог

PR – предикат

PREV – преверб

REL – возможность согласования по лицу и / или числу

S – субъект

V – глагол

Используемые при цитировании работ других авторов:

Ex – экзисциенс, экзистенциональный предикат

V_f – личная форма глагола

Языки:

англ. – английский

сург. хант. – сургутский диалект хантыйского языка

фр. – французский

чеш. – чешский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 101 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
3. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностр. лит., 1955. 416 с.
5. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 393 с.
6. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М.: Наука, 1975. 287 с.
7. Белошапкова В. А. Современный русский язык: синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
8. Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
10. Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка: Повествование. Вопрос. Побуждение. М.: РУДН, 2000. 116 с.
11. Бичелдей К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М.: РУДН, 2001. 282 с.
12. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
13. Брызгунова Е. А. О смыслоразличительных возможностях русской интонации // Вопр. языкознания. 1971. № 4. С. 42–52.
14. Брызгунова Е. А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке // Русский язык за рубежом. 1973, № 2. С. 44–52.

15. Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: На материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 40 с.
16. Бурыкин А. А., Соловар В. Н. Семантика преверба *нух* и его роль в изменении валентности глагола // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 17–27.
17. Буторин С. С. Дейктические локативные наречия в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: филология. № 4. 2008а. С. 57–60.
18. Буторин С. С. Композиционный характер пространственной семантики серийных послелогов в кетском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: филология. № 4. 2008б. С. 57–60.
19. Буторин С. С. Директивные глагольные сателлиты в кетском языке и типология моделей лексикализации Л. Талми // Вестник ТГПУ. 2012. № 1. С. 33–27.
20. Буторин С. С. Общая характеристика неглагольных локативных предикатов в кетском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 142–152.
21. Буторин С. С. Типологические особенности выражения компонентов ситуации местонахождения в кетском языке: структурно-семантический анализ неглагольных предикатов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 175–196.
22. Быконя В. В. Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке: дис. … канд. филол. наук. Томск, 1980. 216 с.
23. Варда В. Е. Классификация превербов восточных диалектов хантыйского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016а. № 2. С. 46–49.
24. Варда В. Е. Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016б. № 2. С. 43–49.

25. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: 1999. 196 с.
26. Воробьева В. В., Новицкая И. В. Корпусный подход к анализу синтаксической сочетаемости хантыйских глаголов движения (на материале ваховского диалекта). Язык и культура. 2023. № 61. С. 29–46.
27. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 261 с.
28. Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: Крон-Пресс, 1997. 176 с.
29. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
30. Горбунова В. А. Реализация типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в «Паренесисе» Ефрема Сирина в переводах XIV-XX вв.: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 238 с.
31. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 769 с.
32. Дурова М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири): дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 199 с.
33. Даниленко В. П. У истоков учения об актуальном членении предложения (период до Анри Вейля) // Филологические науки. 1990. № 5. С. 82–89.
34. Добринина А. А. Интонация в алтайском языке (на материале простых односоставных побудительных высказываний) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 261–271.
35. Добрынина А. А. Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 9–15.

36. Добрынина А. А. Структура алтайского диалога и средства выражения верификации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (вып. 49). С. 60–67.

37. Добрынина А. А., Шиндрова К. В., Григорьева А. С., Шестера Е. А. Интонация диалога на кумандинском языке (результаты полевых исследований) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 4 (46). С. 47–57.

38. Дядюн С. Д. Зачины и концовки в хантыйских сказках // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 24–30.

39. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка: пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.

40. Ельмслев Л. Язык и речь // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 56–66.

41. Жорник Д. О. Пассивный залог как один из компонентов выражения информационной структуры в мансийском языке: данные верхнелозьвинского диалекта // Урало-алтайские исследования. 2021. Т. 42, № 3. С. 33–43.

42. Жорник Д. О. Взаимодействие между грамматическими явлениями и информационной структурой в северномансийском языке // Вопросы языкознания. 24. № 5. С. 80–96.

43. Журавлев Н. В. Модели предложений количества в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (Вып. 50). С. 50–63. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-50-63

44. Закирова А. Н., Муравьев Н. А. Превербы *nŏχ* и *jŏχi* в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 53–70.

45. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

46. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

47. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 353 с.
48. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.
49. Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 176 с.
50. Канакин И. А. Языки соседей (о хантыйском и ненецком). Тюмень: Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, 1996. 124 с.
51. Карцевский С. И. О фонологии фразы // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия: в 2-х т. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 246–289.
52. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899–1968). М.: МГУ, 1970. С. 110–157.
53. Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Изменение базового порядка слов в центральных диалектах селькупского языка на основе данных конца XX – начала XXI вв. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 39–49.
54. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
55. Ковган Е. В. Способы выражения кореферентности в хантыйском тексте // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 3–28.
56. Ковтунова И. И. Актуальное членение и система языка на материале русского языка // Papers on functional sentence perspective. Mouton de Gruyter, 1974. С. 142–151. DOI: https://doi.org/10.1515/9783111676524.142
57. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

58. Ковылин С. В. Бытийное отрицание в восточно-хантыйском и центрально-селькупском диалектах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 3 (131). С. 99–105.

59. Кондильяк Э. Сочинения в трех томах. Т. 1, М.: Мысль, 1980. 334 с.

60. Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. Институт языкознания РАН, 2022. 80 с.

61. Кошкарева Н. Б. Послелоги хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 1. Новосибирск, 1996. С. 45–60.

62. Кошкарева Н. Б. Синтаксические функции дательного падежа в уральских языках Сибири (в сопоставлении с тунгусо-манчжурскими) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск, 2002. С. 32–49.

63. Кошкарева Н. Б. Принципы классификации полипредикативных конструкций // Языки коренных народов Сибири. 2004а. Вып. 14. С. 121–131.

64. Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004б. № 4. С. 70–80.

65. Кошкарева Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 64–76.

66. Кошкарева Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. 2007а. Т. 6. Вып. 2. С. 34–43.

67. Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007б.

68. Кошкарева Н. Б. Глагольное словообразование в сургутском диалекте хантыйского языка (по материалам «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н.И. Терешкина) // Вестник угроведения. 2014а. № 1 (16). С. 23–45.

69. Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

70. Кошкарева Н. Б. Синтаксис современного русского языка: материалы к лекциям. Ч. 1. Простое предложение. Новосибирск: НБ НГУ, 2016. 264 с.

71. Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65.

72. Кошкарева Н. Б. Элементарные простые предложения статальной семантики в языках Сибири (хантыйском и ненецком) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 659–670.

73. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопр. языкознания. 1956. № 5. С. 55–67.

74. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1992. 172 с.

75. Крюкова Е. А. Пространственно-временные отношения в енисейских языках. Томск: ТГПУ, 2012. 113 с.

76. Крюкова Е. А., Ковылин С. В., Лемская В. М., Токмашев Д. М., Фильченко А. Ю. Порядок слов и информационная структура предложения в языках обско-енисейского языкового ареала // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 7. Томск: Аграф-Пресс; Вайар, 2020. С. 19–29.

77. Кузнецова А. И. Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов // Типология и теория языка: от описания к объяснению. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 88–98.

78. Лельхова Ф. М. Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Финно–угорский мир. 2017. № 1. С. 6–16.
79. Лемская В. М. Порядок слов в нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С.41–59.
80. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: МГУ, 1972. 199 с.
81. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. 384 с.
82. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
83. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 480 с.
84. Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967а. С. 226–238.
85. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967б. С. 239–245.
86. Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967в. С. 196–209.
87. Мелиг Х. Р. Оппозиция «есть vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом haben в немецком языке // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 438–449.
88. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Москва, Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с.

89. Муравьев Н. А. Проблема выделения превербов как грамматического класса в тегинском говоре хантыйского языка // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН) Т. VII, ч. 3, 2011. С. 373-378.

90. Муравьев Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2022а. № 2. С. 201–219. DOI 10.17223/18137083/79/15

91. Муравьев Н. А. Севернохантыйский как язык с чертами аккузативного и иерархического кодирования // Урало-алтайские исследования. 2022б. № 46 (3). С. 43–62. DOI: 10.37892/2500-2902-2022-46-3-43-62

92. Муравьев Н. А., Жорник Д. О. Параметрическая модель залога в обско-угорских языках// Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 1. С. 112–124.

93. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. Москва: Языки славянской культуры, 2006. 509 с.

94. Невская И. А. Пространственные послелоги-наречия в шорском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. С. 76–83.

95. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: 2005. 305 с.

96. Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.

97. Ондар Ч. Г. Вариативное падежное маркирование посессивных именных групп в позиции прямого дополнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 254–270. DOI 10.17223/18137083/79/18

98. Онина С. В. Особенности выражения побуждения формой «третьего лица» в хантыйском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Вып. 12-4. С. 141–144.

99. Онина С. В. Способы выражения побуждения в хантыйском языке: дис. … доктора филол. наук. Ханты-Мансийск: 2022. 594 с.

100. Основные направления структурализма / Под ред. М. М. Гухман и В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1964. 360 с.
101. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 1985. 296 с.
102. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике и лексике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
103. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностранная литература, 1960. 500 с.
104. Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Избранные труды. М.: Уч-педгиз, 1959. С. 177–191.
105. Плунгян В. А. (ред.) Грамматикализация пространственных значений в языках мира // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. М.: Русские словари, 2002. 294 с.
106. Покровская С. В. Фокус и его просодическое маркирование (мансийский) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 46–55.
107. Попова З. Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике: Сборник статей памяти В. А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. С. 219–226.
108. Потанина О. С., Фильченко А. Ю. Послелоги в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 4 (67). С. 63–70.
109. Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа: 1961.
110. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой: В 2-х т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 765 с.
111. Рыжикова Т. Р. Интонационное оформление побудительных высказываний (на материале обско-угорских и тюркских языков Сибири) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 514–525.

112. Рыжикова Т. Р., Шиндрова К. В., Плотников И. М., Якимец Н. В. Интонационные и прагматические характеристики диалогической речи барабинцев и чатов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (52). С. 98–113.
113. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Ленинградский университет, 1982. 176 с.
114. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–142.
115. Сеше А. Два типа предложения // Альбер Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М.: УРСС, 2003а. С. 236–249.
116. Сеше А. Три соссюровские лингвистики. Критика «Курса общей лингвистики» // Альбер Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М.: УРСС, 2003б. С. 212–235.
117. Скаличка В. Ассиметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967а. С. 119–127.
118. Скаличка В. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967б. С. 128–195.
119. Современный русский язык: учебное пособие / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
120. Соловар В. Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 16 с.
121. Соловар В. Н. Модели элементарных простых предложений хантыйского языка с прямым объектом // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГГМ, 2002. Вып. 8. С. 58–67.
122. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Йошкар-Ола: Любава, 2009. 264 с.

123. Соловар В. Н. Одноактантные элементарные простые предложения с семантикой движения в хантыйском языке // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. 2010а. № 4 (82). С. 54–61.

124. Соловар В. Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010б. Том 9, № 2. С. 91–98.

125. Соловар В. Н. Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка: избранные труды. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010в. 128 с.

126. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке: на материале казымского диалекта: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2011а. 40 с.

127. Соловар В. Н. Структура и семантика моделей элементарных простых предложений хантыйского языка с событийными пропозициями (на материале казымского диалекта) // Известия УрГУ: Гуманитарные науки. 2011б. № 2 (90). С. 90–96.

128. Соловар В. Н. Семантика глагола *pŏntĭ* и формируемые им предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 76–83.

129. Соловар В. Н. Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 58–67.

130. Соловар В. Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *ара* // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 470–478.

131. Соловар В. Н. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *-ил* и *-ким/кэм* (на фоне мансийского языка) // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты- Мансийск, 2019а. С. 149–187.

132. Соловар В. Н. Семантические особенности глаголов хантыйского и мансийского языков с превербом *кӑтна* / *катәщ* / *китӯи* / *киттыг* // Предложение как единица языка и речи. Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2019б. С. 120–122.

133. Соловар В. Н. Семантические особенности обско-угорских глаголов с превербом *-лӑп* /*лап* // Вестник угроведения. 2019в. Т. 9. № 1. С. 71–83.

134. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *шөпа* / *шӧппи* / *суппи* / *соппи* / *чөпхə* ‘пополам’ // Вестник угроведения. 2020а. Т. 10. № 3. С. 534–544.

135. Соловар В. Н. Структурно-семантическая характеристика обско-угорских глаголов с превербами *кӑтна* / *катәщ* / *катнащ* / *китӯи* / *киттыг* ‘надвое’ // Вестник угроведения. 2020б. Т. 10. № 2. С. 313–322.

136. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *йира* / *йирна* / *пӧхан* / *пӧхын* // Вестник угроведения. 2021а. Т. 11. № 2. С. 328–337.

137. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *пєлки* / *пєлка* / *пелəк* / *пäläккə* / *пӓлыг* // Вестник угроведения. 2021б. Т. 11. № 1. С. 112–120.

138. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *хуӆт* / *холт* / *хощ* / *хот* // Вестник угроведения. 2021в. Т. 11, № 3. С. 493–501.

139. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *йӑха* / *њуӆа* / *акван* // Вестник угроведения. 2022а. Т. 12, № 1. С. 104–112.

140. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *йухи* / *йохы* / *йӑӈə* / *юв* // Вестник угроведения. 2022б. Т. 12. № 2. С. 309–318.

141. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности хантыйских глаголов с превербом *щив* (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2022в. Т. 12. № 4 (51). С. 723–730.

142. Соловар В. Н. Обско-угорские глаголы с превербами деструктивной семантики // Вестник угроведения. 2023а. Т. 13. № 1 (52). С. 143–149.

143. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности мансийских глаголов с превербом *ёл* // Вестник угроведения. 2023б. Т. 13. № 3 (54). С. 493–501.

144. Соловар В. Н. Преверб *тāра* / *мухты* / *мувты* ‘насквозь’ в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 96–104.

145. Сорокина Е. Н. Русские глагольные предложения с обязательной позицией имени в форме родительного падежа без предлога. автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 25 с.

146. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977. 695 с.

147. Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.

148. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 17–41.

149. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: моногр. / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

150. Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 319–342.

151. Тестелец Я. Г. Именные локативные формы в дагестанских языках. URL: http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testelets.pdf (дата обращения: 08.09.2025)

152. Токмашев Д. М. О порядке слов в простом предложении в телеутском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 73–82.

153. ТФГ – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Под ред. А. В. Бондарко А.В. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

154. Холодович А. А. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.

155. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона; Послесл. А. А. Реформатского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

156. Федотова И. В. Диалектное членение хантыйского языка по данным базисной лексики // Урало-алтайские исследования. 2022. № 4 (47). С. 117–166. DOI: 10.37892 / 2500-2902-2022-47-4-117-166

157. Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика восточно-хантыйских нарративов // Вестник Томского педагогического университета. 2011. № 9. С. 139–145.

158. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Иностранная литература, 1962. С. 412–527.

159. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 122 с.

160. Хонти Л. Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 301–318.

161. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.

162. Чепрасова А. А. Бытийно-локативные предложения в корякском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (Вып. 50). С. 64–74. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74

163. Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: 2017. 276 с.

164. Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.

165. Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
166. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008.205 с.
167. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1989. 240 с.
168. Чугунекова А. Н. Пространственные послелоги как средство выражения пространственных отношений в современном хакасском языке (в сравнении с алтайским и шорским языками) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 128–138.
169. Чугунекова А. Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте): дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2016. 345 с.
170. Чугунекова А. Н. Дейктические локативные наречия в хакасском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020а. Вып. 2 (28). С. 90–96.
171. Чугунекова А. Н. Модели элементарных простых предложений каузированного перемещения объекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Oriental Studies. 2020б. Т. 13. № 1. С. 208–224. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-208-224
172. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1: Учение о предложении и о словосочетаниях. Л.: Российская государственная академическая типография, 1925. 441 с.
173. Шестера Е. А. Интонация вопросительных высказываний телеутского языка (в сопоставительном аспекте) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 231–242.
174. Шестера Е. А. Телеутский язык: мелодика высказываний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). С. 171–175.

175. Шестера Е. А. Исторические контакты телеутов по данным речевой интонации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 2 (33). С. 77–85.

176. Шестера Е. А. Телеутская, хакасская и русская интонационные системы: сравнительно-сопоставительный анализ // Сибирский филологический журнал. 2018. Т. 63. С. 251–264.

177. Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Т. 30. № 4. С. 83–95.

178. Шилова В. В. Система пространственных моделей элементарных простых предложений в ненецком языке: сопоставление тундрового и лесного диалектов с языками других семей: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 22 с.

179. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком язык. Ч. 1. Новосибирск, 2003а. 106 с.

180. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком язык. Ч. 2. Новосибирск, 2003б. 184 с.

181. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. 54 с.

182. Янко Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии // Вопр. языкознания. 1999. № 4. С. 28–55.

183. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 383 с.

184. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 311 с.

185. Bloomfield L. Cours de linguistique générale. Review // Modern Language Journal. Vol. 8, 1923. P. 317–319.

186. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Компьютерная программа]. Версия 6.1.29. URL: http://www.praat.org/ (дата обращения: 25.05.2024)
187. Bolinger D. Intonation and its uses: melody in grammar and discourse. Stanford, California: Stanford University Press, 1989. 484 p.
188. Bradley J. Verb-framed motion events in Uralic (with special attention to Mari) // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2016. Iss. 63. P. 126–152.
189. Clark E. V. Locationals: Existential, Locative and Possessive Constructions // Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 85–126.
190. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. ChicagoPress, 1989. 264 p.
191. Creissels D. Existential predication in typological perspective. 2014. URL: http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf (дата обращения: 08.09.2025)
192. Croft W. Radical construction grammar: syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford university press, 2001. 416 p.
193. Daneš F. Sentence intonation from a functional point of view. WORD, 16:1, 1960. P. 34–54.
194. Daneš F. A three-level approach to syntax // Travaux Linguistiques de Prague. № 1. 1964. P. 225–240.
195. Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and Information Structure. Cambridge University Press, 2011.
196. Dik S. C. The theory of functional grammar. Part 1: The structure of the clause. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997a. 509 p.
197. Dik S. C. The theory of functional grammar. Part 2: Complex and derived constructions. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997б. 477 p.
198. Filchenko A. Y. A Grammar of Eastern Khanty. Houston: Rice University, 2007. 615 p.
199. Filchenko A. Y. Negation in Eastern Khanty // Вестник ТГПУ. 2012. № 1. P. 38–44.

200. Firbas J. On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // Sbornik prací filosofické fakulti brnenské universiti, 1971. P. 135–144.
201. Firbas J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 239 p.
202. Givón T. Topic continuity in discourse: a quantitative cross language study. Amsterdam: John Benjamins, 1983. 492 p.
203. Givón T. Direct object and dative shifting: The semantics and pragmatics of case // Objects. New York: Academic Press, 1984. P.151–181.
204. Givón T. Syntax: an introduction. V. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 500 p.
205. Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of Language. Cambridge: MIT Press, 1963. P. 58–90.
206. Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English: Part 2 // Journal of Linguistics. 1967. Vol. 3 (2). P. 199–244.
207. Halliday M. A. K., Matthiessen Ch. M. I. M. Halliday's Introduction to Functional Grammar. London, New York: Routledge. 2004. 786 p.
208. Hatcher A. G. Syntax and the sentence. WORD, 12:2, 1956. P. 234–250.
209. Herring S. C., Paolillo J. C. Focus position in SOV languages // Word order in discourse. John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 163–198.
210. Heycock C. Japanese *-wa, -ga,* and information structure // The Oxford Handbook of Japanese Linguistics. Oxford university press, 2008. P. 54–83.
211. Iemmolo G. Toward a typological study of Differential Object Marking and Differential Object indexation. University of Pavia, 2011.
212. Kalivoda Á. Preverb constructions in Hungarian. Budapest, 2021.
213. Kiefer F., Honti L. Verbal 'prefixation' in the Uralic languages // Acta Linguistica Hungarica. T. 50 (1–2). P. 137–153.
214. Kiefer F. On the information structure of the Hungarian sentence // Hungarian Studies. 2005. Vol. 19 (iss. 2). P. 255–265.

215. Kim A. H. Preverbal focusing and type XXIII languages // Studies in syntactic typology. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 147–169.
216. Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 332 p.
217. Ladányi M. Particle verbs in Hungarian // An International Handbook of the Languages of Europe. Volume 1. Word formation. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. Pp. 660–672.
218. Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p.
219. Lapolla R. J. Arguments for seeing theme-rheme and topic-comment as separate functional structures // Systemic functional language description: making meaning matter. London: Routledge, 2019. P. 162–186.
220. Lemskaya V. Word order variation in Chulym Turkic of Siberia // Word Order Variation: Semitic, Turkic and Indo-European Languages in Contact. P. 181–195.
221. Levinson S. C. Language and space // Annual review of anthropology. 1996. Vol. 25. Pp. 353–382
222. Mathesius V. A functional analysis of present day English on a general linguistic basis. Prague: Academia, 1975. 228 p.
223. Matsumoto Y. Typologies of lexicalization patterns and event integration: Clarifications and reformulations // Empirical and theoretical investigations into language: A Festschrift for Masaru Kajita. Tokyo: Kaitakusha, 2003. P. 403–418.
224. Milsark G. L. Existential sentences in English. Routledge, 2014. 261 p.
225. Newmeyer F. J. The Prague school and North American functionalist approaches to syntax // Journal of Linguistics. Vol. 37, 2001. P. 101–126.
226. Nikolaeva I. Object agreement, grammatical relations, and information structure // Studies in Language, Vol. 23:2, 1999a. P. 331–376.
227. Nikolaeva I. Ostyak. München: Lincom Europa, 1999б. 106 p.
228. Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics, 39 (1). 2001. P. 1–49.

229. Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. Berlin / Boston: de Gruyter, 2014. 511 p.
230. Pierrehumbert J. The phonology and phonetics of English intonation. MIT, 1980. 401 p.
231. Pierrehumbert J., Hirschberg J. The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse // Intentions in communication. MIT Press, 1990. P. 271–311.
232. Pike K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague, Paris: Mouton, 1967. 762 p.
233. Prince E. Toward a taxonomy of given–new information // Radical Pragmatics. New York: Academic Press, 1981. P. 223–255.
234. Ryzhikova T., Plotnikov I., Shamrin A. Intonation of the Khakas fairytales // Proceedings ExLing 2021: 12 th International Conference of Experimental Linguistics, 11-13 October, Athens, Greece. 4 p.
235. Seuren P. A. M. Prestructuralist and structuralist approaches to syntax // Syntax – theory and analysis: an international handbook. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. P. 134–157.
236. Sgall P., Nebeský L., Goralčíková A., Hajičová E. A functional approach to syntax in generative description of language. New York: Elsevier, 1969. 122 p.
237. Slobin D. I. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion event // S. Strömqvist & L. Verhoeven (eds.) Relating events in narrative: Vol. 2. Typological and contextual perspectives. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 219–257.
238. Siewierska A. Word Order Rules. London: Croom Helm, 1988. 304 p.
239. Sosa S. Intonation units in Eastern Khanty // SLE 2011: 44th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 2011a. URL: https://juuli.f/Record/0052164911 (дата обращения: 28.06.2022).
240. Sosa S. Negation in Surgut Khanty: at the point of information structuring in discourse. Piliscsaba, 2011б. P. 263–269.

241. Sosa S. Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse. Helsinki: Unigrafia, 2017. 263 p.
242. Sosa S. Pilot study of intonation units in Khanty discourse // Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg. Yomas symyn nékve vortur etpost samyn patum = Ёмас сымыӈ нэ̄кве вō̄ртур э̄тпост самын патум, Tampere: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2020. P. 369–386.
243. Svorou S. The grammar of space. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. 290 p.
244. The Oxford Guide to the Uralic Languages / M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2022. 1115 p.
245. Talmy L. Semantic structures in English and Atsugewi. Berkeley, 1972. 467 p.
246. Talmy L. Semantics and syntax of motion // Syntax and Semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975. P. 181–239.
247. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 57–149.
248. Talmy L. Toward a cognitive semantics, Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 495 p.
249. Van Valin R. D. Jr. Advances in role and reference grammar. Amsterdam: Benjamins, 1993. 569 p.
250. Van Valin R. D. Jr., Lapolla R. J. Syntax: structure, meaning and function. Cambridge University press, 1997. 713 p.
251. Van Valin R. D. Jr. A typology of the interaction of focus structure and syntax // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 511–524.
252. Van Valin R. D. Jr. An overview of information structure in three Amazonian languages // Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective. Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2016. P. 77–92.
253. Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent Order in the Languages of Europe. Ed. A. Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 173–233.

254. Virtanen S. A template approach to pragmatic constituent order variation in modern Northern Mansi // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2021. Vol. 66. P. 188–234. https://doi.org/10.33339/fuf.95133.
255. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // Nyelvtudományi Közlemények. 2014. Vol. 109. Pp. 109–122.
256. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. Comrie, B., Haspelmath, M., & Bickel, B. (2008). Department of Linguistics of the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & the Department of Linguistics of the University of Leipzig. URL: https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf (дата обращения: 08.09.2025)
257. Weil H. De l’ordre des mots dans les langues anciennes, comparées aux langues modernes. Paris: Joubert, 1844. 152 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айпин Е. Д. В тени старого кедра. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986. 255 с.
2. Айпин Е. Д. В тени старого кедра / Отв. ред. А. С. Песикова. СПб.: Просвещение, 2003а. 71 с.
3. Айпин Е. Д. Я слушаю землю / Отв. ред. А. С. Песикова. СПб.: Просвещение, 2003б. 111 с.
4. Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах / О. Э. Балалаева, Е. П. Сурломкина, О. Э. Уигет. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021. 140 с.
5. Детские сказки варьёганских ханты. Варәӈ Йӑвән неврем моньӵәт (на хантыйском и русском языках). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 108 с.
6. КРХС – Краткий русско-хантыйский словарь (сургутский диалект) / А. Н. Волкова, В. Н. Соловар; отв. ред. А. С. Сопочина. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.
7. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. URL: https://folk.ouipiir.ru (дата обращения: 08.09.2025)
8. РХР – Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект) / сост. Е. Р. Покачева, А. С. Песикова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 124 с.
9. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 545 с.
10. Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова). Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.
11. ХРТС – Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект) / Сост. А. Н. Волкова, В. Н. Соловар. отв. ред. З. С. Рябчикова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.

12. Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / Под ред. А.С. Песиковой. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.
13. Сказки, рассказы с реки Лямы – Лимәӈи йӧвтәм моньтьәт, ясӈәт (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты / Сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова; ред. Н. А. Белова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.
14. OUDB – Ob-Ugric database: analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. URL: www.oudb.gwi.uni-muenchen.de (дата обращения: 08.09.2025)
15. Paasonen H., Vértes E. H. Paasonens surgutostjakische Textsammlungen am Jugan. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. 111 p.
16. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, Akademie Verlag, 1966–1993. 2019 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Метаданные анализируемых текстов [26]

Подкорпус	Период записи	Год публикации	Говор
OUDB Paasonen Yugan Khanty corpus	1901	2001	юганский
Художественные произведения Е. Д. Айпина	1981–1986	1981–1986	аганский
Архивные материалы Н.Б. Кошкаревой	1991	–	разные
Сказки и рассказы сургутских ханты	1992–2000	2015	тромаганский, аганский, юганский
Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах	1994–2017	2021	юганский
Детские сказки варьёганских ханты (*Варәӈ Йӑвән неврем моньчәт*)	1996–2004	2006	аганский
Сказки, рассказы с реки Лямы (*Лимәӈи йӧвтәм моньтьәт, ясӈәт*)	2000–2004	2013	пимский
Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной	2019	2020	юганский

Из художественных произведений Е. Д. Айпина

Название текста		Год первого издания	Говор
на русском	в оригинале		
В тени старого кедра	Әнәӆ ӆыҳәӆ сайнә	1981	аганский
Я слушаю землю	Ма мәҳэв ӄөӆәнтәӆэм	1986	

Примечание: хантыйский текст приводится в обработке А. С. Песиковой из более позднего издания, который отличается от оригинального издания только орфографией.

Из сборника «Детские сказки варьёганских ханты. Варәӈ Йӑвән неврем моньчәт» (2006)

Название текста		Информация о записи		
на русском	в оригинале	Год	Информант	Говор

[26] Приводятся данные, указанные в публикациях. Названия текстов приводятся в оригинальной орфографии.

Птичка и Косточка	Пичәӈкәли панә Ӆӧҳ	2002–2004	ОКС	аган-ский
Кукушка	Кäви		ПВК	
Лиса и Жучок	Вӧӷиҳән – Ӷомәлӷиҳән	1996	АНС	
Глухарь	Лӳклиӈки	2002–2004	ЛМС	
Синичка	Пичәӈкәли			
Куропатки	Пойтэлиӈәт			
Сказка о женщине с характером	Ими вәраҳтәм моньӌ		ВИС	
Четыре лося	Ньәлә кӳрәӈ войәк кäлӈәт	1996	АНС	
Старинный рассказ	Йыс ясәӈ	2002–2004	ГПК	
Два сына Торума	Кат Тӧрәм Ӷон пäӷӷән	2002	РВК	
Сказка о луне	Тыӆәс Моньӌ	2002–2004	ГИК	
Серебряная чашка	Йәм вäҳ анәҳ		ЛМС	
Великан Менк	Мäнк ики		ГПК	
Старинный рассказ	Йыс ясәӈ		ЛМС	
Как меня сватали и замуж отдавали	Ӷӧӆнә ма ӷө йӧта мәнәм		ГИК	
Рассказ о моём дедушке	Ма ӌәтӌәӌәм		ЛМС	
Рассказ о жизни	Вӧӆтә ур ясәӈ		ВИС	
Рассказ о раскулачивании	Вәртә йоҳ роҳәпӆәм ясәӈ			

Из сборника «Ӆимәӈи йӧвтәм моньтьәт, ясӈәт (Сказки, рассказы с реки Лямы)» (2013)

Название текста		Информация о записи		
на русском	**в оригинале**	**Год**	**Информант**	**Говор**
Как дед Потап пришёл на Лямин	Пäтап ики Ӆимәӈа мәнәм ясәӈ	2000	ПВК	пимский
(Диалог без названия)	–	2004	СЕВ	
Миф о Лули	Лули илты	2000	ВДВ	
Сказка про игру богов в мяч	Ӆуӈӷәт läки ӌөӷәм моньть			
Сказка семи земель, шести земель Обходящего царя – мужчины	Ӆапәт мәҳ, ӷут мәҳ Лäлҳәм ӷон-ики моньть			
Сказка о слопцах	Сäсәҳ илты моньть			
Сказка про рябчика и щуку	Сәйӆäй панә сорт илты моньть			
Сказание о Назымском боге и Ляминском боге	Мосәм ики панә Ӆимәӈ ики ясәӈ			
Семи земель, шести земель Обходящий царь-мужчина	Ӆапәт мәҳ, ӷут мәҳ Лäлҳәм ӷон ики			
Старинное сказание	Йыс ясәӈ	2003	ВЯП	

Колдовской камень	Ӆипанəӈ кäв			
Олень и Мышка (ненецкая сказка)	Веӆи панə Ӆäӈкəр (йäрӽан йоӽ моньть)			
Внук и Великанша	Мөӄмөӄ панə Мäӈк ими			
Старинное шуточное сказание	Йыс ньäӽ ясəӈ			
Тень	Йəпəл			
Человек, выпрашивающий сказки	Моӈч воӽтə ӄäнтək ӄө			
Находчивая бабушка	Ӆыӆ нäмсəӈ тети			
Бедные жена с мужем	Кеняр имиӽəн-икиӽəн	2000	ГФК	
Старого мужчины три сына	Пырəс ики ӄөӆəм пäӽ			
Одной Белки Счастья маленький боженька Детская сказка	Əй Ӆаӈки Äйə ай ӆуӈӄəли Неврем моньть			
Семь братьев и семикосная младшая сестра	Ӆапət йəӽ пäӽ сат панə ӆапət сäвəп ньəӈи			
Легенда о Лесном озере	Вӗнт ӆор илты йыс ясəӈ		ВДВ	
Легенда о Слопцовой речке	Сäсəӽ йäвəн илты йыс ясəӈ			
Легенда о мужчине Павла	Поӽəл ики илты йыс ясəӈ			
Легенда	Йыс ясəӈ		СЕВ	
Женщина, ищущая гнилушки	Ӆäп юӽ кəнӌӆə нэ			
Рулончик бересты	Тӗнтəӽ тэӄəли			

Из сборника «Сказки и рассказы сургутских ханты» (2015)

Название текста		Информация о записи		
на русском	**в оригинале**	**Год**	**Информант**	**Говор**
Птичка и её сестра	Питьəӈкəлиӽəн-өписаӽəн	1992	ДСП	тромаганский
Мышка	Ӆäӈкəрəли		СВК	
Три брата	Əй йəӽсат			
Две женщины	Кат имиӽəн		ФИП	
Зажиточный купец Петр и Марк	Тасəӈ тырас ӄө, тасəӈ Пэтəр, тасəӈ Морка	1996	ДАК	
Северный богатырь	Äвəс өрт	1992	ИИС	
Слепые-глухие старый мужчина с женщиной	Сämӆəӽ-пəӆӆəӽ пырəс икиӽəн-имиӽəн	1996		
Женщина с железным носом, медным носом	Кэр ӈӗӆ, вäӽ ӈӗӆ ими	1992	ЛМС	
Бубен	Кӱйəп			
Мухомор	Поӈӄ		ИСС	

Об охоте	Войəҳ кəнччə вäр	1996	СДК	
О моем детстве	Ма пăӈкə вăӆмамнə		ДАК	
Богатырь Масай ики	Масай ики	2000	ЕДА	аганский
Лесная богиня	Вӗнт ӆуӈк ими			
Это случилось на Пиме	Пиӈ уринə вăӆəм вäр			
Две сказки	Кат моӈтьҳəн	1992	ЕПК	юганский
Орёл Карэс ики	Карəс ики		ЛДК	
Лягушка	Шӗпəрӈи		ЕПК	

Из сборника «Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной» (2020)

Название текста		Информация о записи		
на русском	**в оригинале**	**Год**	**Информант**	**Говор**
Три мудрых совета	Ӷөӆəм нӗмсəӈ йасəӈ	2019	ПИН	юганский
Идэ	Идэ			
Кошка и мышка	Кэшка панə соҳəлтə ӷө			
Белка и кошка	Ӆаӈки панə кэшка			
Легенда о чудище Киняминского озера	Йäки пөм ӆор			

Примечание: вариант последнего произведения, опубликованный в указанном сборнике, существенно отредактирован, поэтому в качестве основного источника рассматривается текст оригинальной аудиозаписи.

Из сборника «Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах» (2021)

Название текста		Информация о записи		
на русском	**в оригинале**	**Год**	**Информант**	**Говор**
Медведь пришёл	Йəпəҳнə йӗвты	1994	ПВК	юганский
Тонйа йасəӈ (Əнəӆ Йăвэн)	История Тонйи (Большой Юган)	2008		
Кот мэх	Ӷот мəҳ	2000	НПК	
Глаза мои, ко мне, ко мне	Сämҳəӆам рăӈк, рăӈк	1994	НГЦ	
Два брата	Кат йэйисаҳəн			
Поползень	Өӈӄ чучəӈӄи			
Тарелка и сопля	Анəккəн – полчəӄӄəн			
Девочка и мальчик	Ай ниӈкəн-ӷуҳəн	2017	ОЕА	
Орлан	Кӳрəк	1994	ЕЛК	
История Тонйи (Малый Юган)	Тонйа йасəӈ (Ай Йăвэн)	2009	ННК	

Приложение Б. Словоизменительные категории сургутского диалекта и принципы их отражения при глоссировании примеров и построении моделей

В этом приложении охарактеризованы основные именные и глагольные категории сургутского диалекта хантыйского языка и особенности их глоссирования и отражения при построении моделей предложений. При анализе этих категорий мы опираемся на описание грамматики СДХЯ, составленное М. Чепреги [2017].

Именные категории

Основными именными категориями в сургутском диалекте хантыйского языка являются число, падеж и притяжательность.

Категория **числа** представлена у существительных и выражается рядом форм, которые приведены в Таблице 57.

Таблица 57

Формы числа существительных на примере слова *ӈот* ‘дом’

Число	Единственное	Двойственное	Множественное
Форма	ӈот	ӈот=ӽән	ӈот=әт
Глоссирование	дом	дом=DU	дом=PL

Категория **падежа** выражается у существительных и некоторых видов местоимений, а также в ограниченном виде у прилагательных и причастий. В сургутском диалекте выделяют 9 падежных форм существительных и 11 – личных местоимений. Соотношение между ними представлено в Таблице 58. Падежное маркирование в ряде случаев распространяется и на категорию послелогов, обусловливая возможности варьирования их функций.

Таблица 58

Падежные системы существительных и личных местоимений

Обозначение	Склонение существительных		Склонение местоимений	
	Название падежа	Аффикс	Название падежа	Аффикс
NOM	Основной	=Ø	Именительный	=Ø
ACC			**Винительный**	**=(а)т**
LAT	Направительный	=а	Направительный	=а
DAT-LAT			**Дательный**	**=эм, =ы**
DAT-APPRX	Общенаправительный	=нам		
APPRX			Общенаправительный	=нам
INSTR	Творительный	=ат	Творительный	=ат
LOC	Местный	=нə	Местный	=нə
ABL	Исходный	=и	Исходный	=и
TRANSL	Превратительный	=ӽə	Превратительный	=ӽə
COM	Совместный	=нат	Совместный	=нат
ABESS	Лишительный	=ӈəӽ	Лишительный	=ӈəӽ

Между системами падежей существительных и личных местоимений наблюдается два различия, обусловленных наличием в парадигме личных местоимений, во-первых, дифференцированных форм именительного и винительного падежей, соответствующих основному падежу существительных, и, во-вторых, особой формы дательного падежа, которая может соответствовать как направительному, так и общенаправительному падежам существительных. Каждое из этих явлений обусловливает особенности маркирования актантов, выраженных личным местоимением.

Притяжательность свойственна только существительным и выражается при помощи лично-притяжательных аффиксов и чередования гласных корня (в формах единственного числа). К лично-притяжательным относятся также аффиксы, выражающие категорию числа, так как в притяжательных формах число обладаемого выражается средствами, отличными от средств, используемых в непритяжательных формах. По этой причине лично-притяжательные аффиксы при глоссировании маркируются в зависимости от того, указывают ли они на число обладаемого (POSSM) или число и лицо обладателя (POSSR). Аффиксы, род-

ственные лично-притяжательным, также встречаются у причастий как средство указания на лицо и число их субъекта, а также у некоторых послелогов как средство их согласования с зависимым знаменательным словом, однако в этих случаях они описываются при глоссировании как аффиксы лица и числа без указания на их отношение к категории притяжательности.

Система притяжательных форм существительных представлена в Таблице 59.

Таблица 59

Притяжательные формы существительных на примере слова *ҕот* ‘дом’

Число обладаемого (POSSM)	Обладатель (POSSR)		Словоформа	Глоссирование
	Число	Лицо		
Ед.ч. (SG)	Ед.ч. (SG)	1	ҕут=әм	дом.POSSM.SG=POSSR.1SG
		2	ҕут=ән	дом.POSSM.SG=POSSR.2SG
		3	ҕут=әлҕ	дом.POSSM.SG=POSSR.3SG
	Дв.ч. (DU)	1	ҕут=ымән	дом.POSSM.SG=POSSR.1DU
		2	ҕут=ын	дом.POSSM.SG=POSSR.2DU
		3	ҕут=ылҕ	дом.POSSM.SG=POSSR.3DU
	Мн.ч. (PL)	1	ҕут=ув	дом.POSSM.SG=POSSR.1PL
		2	ҕут=ын	дом.POSSM.SG=POSSR.2PL
		3	ҕут=ылҕ	дом.POSSM.SG=POSSR.2PL
Дв.ч. (DU)	Ед.ч. (SG)	1	ҕот=ҳәлҕ=ам	дом=POSSM.DU=POSSR.1SG
		2	ҕот=ҳәлҕ=а	дом=POSSM.DU=POSSR.2SG
		3	ҕот=ҳәлҕ=Ø	дом=POSSM.DU=POSSR.3SG
	Дв.ч. (DU)	1	ҕот=ҳәлҕ=амән	дом=POSSM.DU=POSSR.1DU
		2	ҕот=ҳәлҕ=ән	дом=POSSM.DU=POSSR.2DU
		3	ҕот=ҳәлҕ=ән	дом=POSSM.DU=POSSR.3DU
	Мн.ч. (PL)	1	ҕот=ҳәлҕ=ув	дом=POSSM.DU=POSSR.1PL
		2	ҕот=ҳәлҕ=ин	дом=POSSM.DU=POSSR.2PL
		3	ҕот=ҳәлҕ=аҕ	дом=POSSM.DU=POSSR.3PL
Мн.ч. (PL)	Ед.ч. (SG)	1	ҕот=ҕ=ам	дом=POSSM.PL=POSSR.1SG
		2	ҕот=ҕ=а	дом=POSSM.PL=POSSR.2SG
		3	ҕот=ҕ=аҕ	дом=POSSM.PL=POSSR.3SG
	Дв.ч. (DU)	1	ҕот=ҕ=амән	дом=POSSM.PL=POSSR.1DU
		2	ҕот=ҕ=ән	дом=POSSM.PL=POSSR.2DU

		3	ӷот=ӆ=ин	дом=POSSM.PL=POSSR.3DU
	Мн.ч. (PL)	1	ӷот=ӆ=ув	дом=POSSM.PL=POSSR.1PL
		2	ӷот=ӆ=ин	дом=POSSM.PL=POSSR.2PL
		3	ӷот=ӆ=аӆ	дом=POSSM.PL=POSSR.3PL

Глагольные категории

К основным категориям глагола в сургутском диалекте хантыйского языка относятся наклонение, залог, время, лицо и число субъекта (субъектное спряжение), а также число объекта (объектное спряжение). Оппозиции, формируемые типом спряжения и залога, мы рассматриваем как противопоставление рядов финитных глагольных форм, которое играет особую роль в коммуникативной структуре высказываний хантыйского языка.

В изъявительном наклонении есть три ряда глагольных форм: формы субъектного (SUBJ) и объектного (OBJ) спряжений в действительном залоге (ACT) и формы страдательного залога (PASS), которые принимают аффиксы субъектного спряжения. Во всех формах изъявительного наклонения различаются два значения времени: прошедшее (PST) и непрошедшее (NPST). В повелительном наклонении (IMP) в современных текстах встречаются формы субъектного и объектного спряжений. В Таблицах 60–63 приведены формы спряжения глаголов с образцами их глоссирования, составленные в соответствии с данными М. Чепреги [Чепреги 2017].

Таблица 60

Формы субъектного спряжения в изъявительном наклонении

Время	Число	Лицо	Словоформа	Глоссирование
Непрошедшее	Ед.ч.	1	пӑн=ӆ=әм	класть=NPST=SUBJ.1SG
		2	пӑн=ӆ=ән	класть=NPST=SUBJ.2SG
		3	пӑн=әӆ=Ø	класть=NPST=SUBJ.3SG
	Дв.ч.	1	пӑн=ӆ=әмән	класть=NPST=SUBJ.1DU
		2	пӑн=ӆ=әттән	класть=NPST=SUBJ.2DU
		3	пӑн=ӆ=әӽән	класть=NPST=SUBJ.3DU
	Мн.ч.	1	пӑн=ӆ=ув	класть=NPST=SUBJ.1PL
		2	пӑн=ӆ=әтәӽ	класть=NPST=SUBJ.2PL
		3	пӑн=ӆ=әт	класть=NPST=SUBJ.3PL
Прошедшее	Ед.ч.	1	пӑн=әм	класть=SUBJ.1SG

		2	пăн=ән	класть=SUBJ.2SG
		3	пăн=Ø	класть=SUBJ.3SG
	Дв.ч.	1	пăн=мән	класть=SUBJ.1DU
		2	пăн=тән	класть=SUBJ.2DU
		3	пăн=ҫән	класть=SUBJ.3DU
	Мн.ч.	1	пăн=ув	класть=SUBJ.1PL
		2	пăн=тәҫ	класть=SUBJ.2PL
		3	пăн=ət	класть=SUBJ.3PL

Таблица 61

Формы объектного спряжения в изъявительном наклонении

Непрошедшее время				
Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
Ед.ч.	1	пăн=ӷ=эм	пăн=ӷ=әҳәӷ=ам	пăн=ӷ=әӷ=әҳәӷ=ам
	2	пăн=ӷ=э	пăн=ӷ=әҳәӷ=а	пăн=ӷ=әӷ=а
	3	пăн=ӷ=әтәҫ	пăн=ӷ=әҳәӷ=Ø	пăн=ӷ=әӷ=Ø
Дв.ч.	1	пăн=ӷ=әтэмән	пăн=ӷ=әҳәӷ=амән	пăн=ӷ=әӷ=эмән
	2	пăн=ӷ=эттән	пăн=ӷ=әҳәӷ=ән	пăн=ӷ=әӷ=ән
	3	пăн=ӷ=эттән	пăн=ӷ=әҳәӷ=ән	пăн=ӷ=әӷ=ән
Мн.ч.	1	пăн=ӷ=әтув	пăн=ӷ=әҳәӷ=ув	пăн=ӷ=әӷ=ув
	2	пăн=ӷ=эттән	пăн=ӷ=әҳәӷ=ән	пăн=ӷ=әӷ=ән
	3	пăн=ӷ=илӷ	пăн=ӷ=әҳәӷ=аӷ	пăн=ӷ=әӷ=аӷ
Пример глоссирования		класть=NPST =OBJ.SG.SUBJ.[3PL]	класть=NPST =OBJ.DU=SUBJ.[3PL]	класть=NPST =OBJ.PL=SUBJ.[3PL]

Прошедшее время				
Субъект		Число объекта		
Число	Лицо	Ед.ч.	Дв.ч.	Мн.ч.
Ед.ч.	1	пăн=эм	пăн=ҫәӷ=ам	пăн=ӷ=ам
	2	пăн=э	пăн=әҳәӷ=а	пăн=ӷ=а
	3	пăн=тәҫ	пăн=ҫәӷ=Ø	пăн=әӷ=Ø
Дв.ч.	1	пăн=тэмән	пăн=ҫәӷ=әмән	пăн=ӷ=әмән
	2	пăн=эттән	пăн=ҫәӷ=ән	пăн=ыӷ=ән
	3	пăн=эттән	пăн=ҫәӷ=ән	пăн=ӷ=ән
Мн.ч.	1	пăн=тув	пăн=ҫәӷ=ув	пăн=ӷ=ув
	2	пăн=эттән	пăн=ҫәӷ=ән	пăн=ыӷ=ән
	3	пăн=ыӷ	пăн=ҫәӷ=аӷ	пăн=ӷ=аӷ
Пример глоссирования		класть =OBJ.SG.SUBJ.[3PL]	класть=OBJ.DU =SUBJ.[3PL]	класть=OBJ.PL =SUBJ.[3PL]

Таблица 62

Формы субъектного и объектного спряжения в повелительном наклонении

Субъектное спряжение			
Число субъ-екта	Лицо	Форма	Глоссирование
Ед.ч.	2	пăн=а	класть=IMP.SUBJ.2SG
Дв.ч.	2	пăн=ыттэн	класть=IMP.SUBJ.2DU
Мн.ч.	2	пăн=ытэӽ	класть=IMP.SUBJ.2PL

Объектное спряжение			
Число объекта	Число субъекта	Форма	Глоссирование
Ед. ч.	Ед.ч.	пăн=э	класть=IMP.OB.SG.SUBJ.2SG
	Дв.ч.	пăн=ыӆэн	класть=IMP.OB.SG.SUBJ.2DU
	Мн.ч.	пăн=ыӆэн	класть=IMP.OB.SG.SUBJ.2PL
Дв. ч.	Ед.ч.	пăн=ыӽэӆ=а	класть=IMP.OBJ.DU=SUBJ.2SG
	Дв.ч.	пăн=ыӽэӆ=ин	класть=IMP.OBJ.DU=SUBJ.2DU
	Мн.ч.	пăн=ыӽэӆ=эн	класть=IMP.OBJ.DU=SUBJ.2PL
Мн. ч.	Ед.ч.	пăн=ыӆ=а	класть=IMP.OBJ.PL=SUBJ.2SG
	Дв.ч.	пăн=ыӆ=ин	класть=IMP.OBJ.PL=SUBJ.2DU
	Мн.ч.	пăн=ыӆ=эн	класть=IMP.OBJ.PL=SUBJ.2PL

Таблица 63

Формы страдательного залога в изъявительном наклонении

Время	Число	Лицо	Словоформа	Глоссирование
Непрошедшее	Ед.ч.	1	вăр=ӆ=өй=эм	делать=NPST=PASS=1SG
		2	вăр=ӆ=ө=Ø	делать=NPST=PASS=2SG
		3	вăр=ӆ=и=Ø	делать=NPST=PASS=3SG
	Дв.ч.	1	вăр=ӆ=өй=мэн	делать=NPST=PASS=1DU
		2	вăр=ӆ=ө=ттэн	делать=NPST=PASS=2DU
		3	вăр=ӆ=и=ӽэн	делать=NPST=PASS=3DU
	Мн.ч.	1	вăр=ӆ=өй=ув	делать=NPST=PASS=1PL
		2	вăр=ӆ=өй=тэӽ	делать=NPST=PASS=2PL
		3	вăр=ӆ=ат	делать=NPST=PASS.3PL
Прошедшее	Ед.ч.	1	вăр=өй=эм	делать=PASS=1SG
		2	вăр=ө=Ø	делать=PASS=2SG
		3	вăр=и=Ø	делать=PASS=3SG
	Дв.ч.	1	вăр=өй=мэн	делать=PASS=1DU
		2	вăр=ө=ттэн	делать=PASS=2DU
		3	вăр=и=ӽэн	делать=PASS=3DU
	Мн.ч.	1	вăр=өй=ув	делать=PASS=1PL
		2	вăр=өй=тэӽ	делать=PASS=2PL
		3	вăр=ат	делать=PASS.3PL

Нефинитные глагольные формы глагола сургутского диалекта хантыйского языка представлены в Таблице 64. Причастия могут принимать притяжательные и падежные формы, которые указывают на лицо и число субъекта и отношения между зависимой предикативной единицей, сказуемое которой выражено нефинитной формой, и главной предикативной единицей [Чепреги 2017: 166].

Таблица 64

Нефинитные формы глагола

Нефинитная форма	Аффикс	Глоссирование
Инфинитив	=та(ӽə)	=INF
Причастие непрошедшего времени	=т(ə)	=NPP
Причастие прошедшего времени	=(ə)м	=PP
Деепричастие	=мин	=CV
Отрицательное причастие	=ӈəӽ	=NEGP